

НА ТЕМЫ РУССКИЕ И ОБЩИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

В ЧЕСТЬ

ПРОФ. Н. С. ТИМАШЕВА

Под почетной редакцией проф. П. А. Сорокина

Под редакцией проф. Н. П. Полторацкого

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Нью-Йорк, 1965

W. W. W. W.

НА ТЕМЫ РУССКИЕ И ОБЩИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

В ЧЕСТЬ

ПРОФ. Н. С. ТИМАСHEВА

Под почетной редакцией проф. П. А. Сорокина

Под редакцией проф. Н. П. Полторацкого

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Нью-Йорк, 1965

ON THEMES RUSSIAN AND GENERAL

Honorary Editor, Pitirim A. Sorokin

Editor, Nikolai P. Poltoratzky

**© 1965, by Authors and Society of Friends of Russian Culture
(R. R. 3, 568 Aldrich Road, Farmingdale, N. J. 07727)**

Printed in the United States of America

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя профессора Николая Сергеевича Тимашева хорошо известно в русских, американских и иных кругах. Начав свою университетскую карьеру в качестве юриста, он впоследствии приобрел наибольшую известность как социолог. Но его специальностью являются не только социология и право. Он очень много работал также над проблемами религии и церкви, народного образования, демографии, истории, политических и идеологических течений, советоведения, международных отношений и другими.

Один перечень высших учебных заведений, в которых проф. Тимашев преподавал: С.-Петербургский Университет, СПб. Политехнический Институт, Пражский Университет, Славянский Институт Сорбонны и Франко-Русский Институт, Харвардский Университет, Фордэмский Университет, Мэримаунт Колледж, Институт Советоведения Миддлберийского Колледжа, Радклиффский Колледж, Калифорнийский Университет в Бэркли, Нью Скул оф Сошиал Рисерч и ряд других высших учебных заведений — свидетельствует о том, как много Н. С. Тимашев сделал в своей жизни в качестве профессора-педагога для нескольких поколений русской, западноевропейской и американской учащейся молодежи. Сотни научных докладов, прочитанных им в университетах Америки и Европы, в научных обществах и на научных конференциях (Нотр Дам, Харвард, Вашингтон, Ейл, Колумбия, Арден Фармз, Америкэн Академи оф Артс энд Сайенсиз и т.д.), говорят о его дополнительном вкладе в науку и в дело академического общения. Он создал также огромное научное наследство в виде почти двух десятков книг и многих сотен статей на русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском и других языках.

Здесь не место для критического разбора научных трудов проф. Тимашева. Но в юбилейном издании естественно привести (в переводе на русский язык) хотя бы некоторые

из тех отзывов, которых удостоились со стороны специалистов его позднейшие труды на английском языке.

О его "Introduction to the Sociology of Law" («Введение в социологию права», 1939) проф. Н. Kantorowicz ("The Law Quarterly Review") писал, что это, пожалуй, лучшая книга на данную тему, являющаяся вкладом не только в социологию и теорию права, но и в антропологию, этику, психологию группы и политические науки. В профессиональном журнале американских юристов ("National Lawyers Guild Quarterly") отмечалось, что это — первая в своем роде и очень удачная попытка создания социологии права на английском языке. Max Rheinstein ("Ethics") тоже писал, что это — наиболее всеобъемлющая программа социологии права из всех до того созданных, к тому же четко построенная и объективная в своей критической части. Проф. Н. J. Morgenthau ("The Yale Law Journal") указывал, что эта книга — не только введение в социологию права, но и общая социологическая теория права, вносящая много нового в различные отрасли общественных наук, и что «д-р Тимашев проявил такую силу анализа и систематизации, которые не имеют прецедента в этой области».

Следующая книга проф. Тимашева, "Religion in Soviet Russia" («Религия в Советской России», 1942), была воспринята ("The New Republic") как в высшей степени поучительное, документированное и объективное исследование этого вопроса. Проф. М. Карпович ("Thought") назвал книгу «лучшей работой на эту тему, имеющейся до настоящего времени на любом языке».

Книга "One Hundred Years of Probation" («Сто лет условного осуждения», в 3 тт., 1941-1943-1949) была признана замечательным исследовательским трудом, в котором «факты и цифры и даты соединены в строй, захватывающий дух» ("American Catholic Sociological Review").

О книге "The Great Retreat" («Великое отступление», 1946) Bertram D. Wolfe ("The New York Times") писал, что она «дает более полную, более подробную, более упорядоченную и более тщательно документированную картину, чем это можно найти в любом другом труде» о Советской России.

Книгу проф. Тимашева "Three Worlds" («Три мира»,

1946) называли восхитительной (“admirable”), а ее автора — мыслителем, заставляющим читателя глубоко задуматься над разбираемыми в книге вопросами (“Canadian Register”).

Следующую его книгу, “Sociological Theory: Its Nature and Growth” («Социологическая теория, ее природа и развитие», 1955-1957) один из американских социологических журналов (“American Catholic Sociological Review”) признал достойной «восторженного приема» — в силу ее ясности, широкого охвата, «уравновешенности, единства и четкости».

Новейшая книга проф. Тимашева, “The Sociology of Luigi Sturzo” («Социология Луиджи Стурцо», 1962) была оценена как исследование, вышедшее из-под пера «выдающегося социолога» (слова главы Отдела социологии Бостонского Колледжа д-ра Джона Д. Donovan, а также рецензента “Catholic World”), первым давшего подобную интеллектуальную биографию большого итальянского политика и ученого, и так конгениально представившего его сложную социологическую и философскую мысль. Сходные отзывы об этой книге высказали также проф. Харвардского Университета Питирим Сорокин, проф. Колумбийского Университета проф. Роберт М. Макивер, рецензент журнала “Thought” Вернер Старк и другие. Книгу называли «замечательной», а ее автора — «видным», «выдающимся», «знаменитым» социологом.

А ведь упомянутые выше книги — только часть общего научного наследия проф. Н. С. Тимашева. Действительно, русская и американская наука могут по праву гордиться тем вкладом в мировую науку, который сделал проф. Тимашев.

Н. С. Тимашев прежде всего и больше всего ученый. Но он немало потрудился в своей жизни также как русский журналист, публицист, редактор и, отчасти, общественный и политический деятель. Те, кто, как пишущий эти строки, имели удовольствие и честь быть коллегами Н. С. Тимашева по преподаванию в Институте Советоведения в Миддлбери и по выступлениям в Обществе Друзей Русской Культуры в Нью-Йорке, не могут не преклоняться перед русским эмигрантом, который, не порывая с Россией и эмиграцией,

органически вошел в иноязычную академическую среду и занял в ней такое видное место; который, оставаясь верным сыном Русской Православной Церкви, так много сделал для ознакомления с ней в инославной среде, в особенности католической, в свою очередь признавшей его заслуги; который, принадлежа к дореволюционной русской интеллигенции, выработал в себе трезвый государственный взгляд на явления национальной и международной жизни; который, претерпев столько трудностей в своей изгнаннической жизни, не утратил душевной ровности и приобрел духовную мудрость; который, наконец, достигнув высот, доступных только немногим ученым, сохранил большую личную скромность и доброжелательное отношение ко всем, встречающимся с ним на его жизненном пути.

Ряд годовщин — сперва семидесятипятилетие со дня рождения Н. С. Тимашева, потом пятидесятилетие с момента появления его первой научной статьи и, наконец, пятидесятилетие со времени опубликования его первой книги («Условное осуждение», 1914) — дали возможность особенно наглядно почувствовать и оценить заслуги проф. Тимашева и породили замысел почтить юбиляра изданием специального сборника статей и материалов в его честь на русском языке. Составилась инициативная группа из трех человек — Т. Н. Бобринской, Г. И. Новицкого и Н. П. Полторацкого — начавшая действовать под эгидой Общества Друзей Русской Культуры в Нью-Йорке. Большой поддержкой всему начинанию послужило то, что давнишний коллега и друг проф. Тимашева, проф. П. А. Сорокин, с самого начала любезно согласился дать свое имя в качестве соавтора и почетного редактора сборника.

Первоначально предполагалось привлечь к участию в сборнике ученых как русского, так и американского происхождения. Но потом, по ряду причин, пришлось ограничиться привлечением из чисто американской среды только тех лиц, с которыми проф. Тимашев был наиболее тесно и продолжительно связан по своей академической деятельности в Фордэмском Университете.

Что касается русских ученых или ученых русского происхождения, преподающих вне России, то решено было пригласить возможно более широкий круг лиц, имевших то или иное отношение к проф. Тимашеву и его научным интересам. Но и тут добрые намерения инициаторов оказались ограниченными объективными обстоятельствами: финансовыми соображениями, т.е. размерами сборника, возрастом и состоянием здоровья ряда ученых, сроками издания и т.д. Поэтому были приглашены и приняли участие в этом начинании далеко не все, кто мог бы и хотел бы. Но можно надеяться, что и в теперешнем его виде сборник явится достойным по нынешним условиям подарком юбиляру, а заодно и некоторым вкладом в русскую и зарубежную науку. Тем более, что некоторые из авторов сборника сами являются крупнейшими учеными не только русского и американского, но и международного масштаба. Проф. Сорокин, проф. Тимошенко, проф. Лосский, проф. Степун и некоторые другие ученые отпраздновали свои собственные юбилеи академической деятельности. (К горечи всех знавших их лично и ценивших их научное творчество, во время печатания сборника ушли в иной мир двое его заслуженных авторов — проф. Лосский и проф. Степун. Вечная им память!).

В его окончательном виде сборник состоит из трех частей. В первую часть вошли статьи и материалы, посвященные личности, деятельности и научным трудам проф. Н. С. Тимашева, во вторую — статьи на русские темы, в третью — статьи на общие темы. Всего в сборнике 28 статей и материалов, принадлежащих перу 26 авторов.

В первой части 7 статей и материалов. Она открывается кратким приветствием юбиляру, написанным проф. П. А. Сорокиным, который высоко оценивает культурный, политический и моральный облик и заслуги проф. Н. С. Тимашева. Г. И. Новицкий устанавливает основные вехи жизненного и академического пути проф. Тимашева. Проф. Дж. Ф. Шойер выясняет место проф. Тимашева в развитии социологии и его главные особенности как социолога. Проф. о. П. Фэйси, бывший некогда аспирантом у проф. Тимашева, характеризует его как учителя. Проф. Ф. Бэрвальд пишет о проф. Тимашеве как коллеге, определяя при этом его заслуги пе-

ред Фордэмским Университетом. В своей второй статье в этом сборнике проф. Шойер останавливается на работах проф. Тимашева о положении России под коммунистической властью и на некоторых его взглядах относительно будущего России. Первая часть заканчивается библиографией научных трудов проф. Тимашева, составленной его дочерью Т. Н. Бобринской и дающей ясное представление об огромной продуктивности его как автора.

Вторая часть сборника — центральная по количеству статей и разнообразию тем. В ней 16 статей и материалов о России, которые могут быть условно отнесены к трем основным тематическим группам: религия и церковь; язык, образование, литература и философия; история, общественность и политика.

Эта часть открывается статьей проф. прот. А. Шмемана о религиозно-богословском творчестве великой русской эмиграции, которое воспринимается не только как эпилог церковной культуры, развившейся в дореволюционной России, но и как начало нового пути в будущее. Проф. Г. В. Вернадский исследует вопрос о взаимоотношении Церкви и Государства в системе Соборного Уложения 1649 года. Проф. А. А. Боголепов прослеживает основные этапы в движении Русской Православной Церкви от Святейшего Синода при Петре Великом к Священному Собору при Временном Правительстве и большевиках в 1917-1918 гг. Проф. В. И. Алексеев обрисовывает — на основании захваченных союзниками секретных документов Третьего Рейха — немецкую политику в отношении Русской Православной Церкви на оккупированной немцами территории СССР в 1941-1944 гг.

Проф. Б. Г. Унбегаун указывает на своеобразные черты в развитии языка русского права и на наличие разных пластов правовой терминологии. Д-р С. А. Сатина дает исторический очерк высшего женского образования в России. Проф. Н. В. Первушин разбирает отношение советской литературной критики к творчеству Ф. М. Достоевского. Проф. Н. П. Полторацкий выясняет отношение Л. Н. Толстого к сборнику статей о русской интеллигенции «Вехи» и к вызванной им полемике. Д-р С. А. Левицкий дает философский силуэт Льва Шестова.

Проф. С. А. Зеньковский пишет о русско-китайском конфликте из-за Кульджи, едва не приведшем к войне в 1880 году. Проф. Б. Н. Одинцов обрисовывает разнообразную деятельность русского Земства. Проф. Н. И. Ульянов анализирует драгомановский проект разрешения национального вопроса в России. Впервые публикуемые отрывки из письма и интервью покойного русского историка С. П. Мельгунова выражают его взгляд на характер русской революции 1917 года и на возникновение и трагедию власовского движения в последнюю мировую войну. Проф. Г. Г. Дерюгин оценивает деятельность Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), созданного СССР и его спутниками. Проф. С. П. Тимошенко делится своими впечатлениями от поездки в СССР в 1958 году.

Вторая часть заканчивается, подобно первой, библиографическим материалом. Био-библиография русских зарубежных богословов, церковных историков, социологов и литературоведов, составленная проф. Н. М. Зерновым, при всей ее краткости, все же действительно дает, как пишет автор, «представление о той большой работе, которая была проделана русскими учеными в годы изгнания».

Третья часть состоит из 5 статей на общие темы. Она открывается статьей проф. П. А. Сорокина о взаимоотношениях культур Запада и Востока в настоящем и в будущем. Проф. Б. С. Ижболдин пишет о социально-экономическом строе Спарты; проф. Г. К. Гинс — о праве как явлении культуры; проф. Ф. А. Степун — о структуре социологической объективности; проф. Н. О. Лосский — об идеале абсолютного добра как основе мировоззрения.

Нет необходимости подробно разъяснять, что в этом юбилейном начинании объединились люди различных академических, религиозных, общественных и политических взглядов, что авторам была — в пределах общего замысла — предоставлена полная свобода в выборе и трактовании темы, и что ответственность за приводимые факты и оценки принадлежит каждому автору в отдельности.

В конце сборника читатель найдет краткие сведения об его участниках. За несколькими исключениями, эти справки были составлены Н. Полторацким на основании данных, сообщенных самими авторами. (Во избежание повторений,

сведения о тех авторах, которые приняли участие в этом сборнике, были изъяты из био-библиографии, составленной проф. Н. М. Зерновым. Биографические справки о некоторых авторах в конце сборника являются поэтому существенным дополнением к био-библиографии проф. Зернова).

По техническим причинам примечания к статьям даны в конце статей. Библиографические примечания составлены в основном применительно к правилам, принятым в новейших изданиях Академии Наук СССР.

Как редактор этого сборника, хочу еще раз подчеркнуть, что он — результат совместной дружной работы трех его инициаторов. К качеству Председателя Общества Друзей Русской Культуры, издающего сборник, Г. И. Новицкий принял на себя хлопоты по приглашению сотрудников и по материальному обеспечению всего начинания. Т. Н. Бобринская перевела на русский язык статьи профессоров Бэрвальда, Ижболдина, о. Фэйси и Шойера и перепечатала ряд рукописей. Статью проф. Сорокина перевел П. А. Муравьев. Текст письма и интервью С. П. Мельгунова был любезно предоставлен редакции П. Е. Мельгуновой (за исключением необходимых сокращений, текст этот печатается как документ — без какой бы то ни было правки).

Как бы велики ни были преданность этому делу инициаторов сборника и авторов его статей, сборник такого объема не мог бы появиться в свет без пожертвований, полученных от Humanities Fund, Inc. и от близких проф. Тимашеву и дружески к нему расположенных лиц.

Всем авторам статей и материалов, всем жертвователям и всем тем, кто так или иначе способствовал появлению этого сборника, — искреннее спасибо!

А юбиляру — еще много, много лет плодотворного труда во славу русской, американской и мировой науки!

Ист-Лансинг, май 1965 г.

Н. Полторацкий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИКОЛАЮ СЕРГЕЕВИЧУ ТИМАСHEВУ

(Вместо предисловия)

Дорогой Николай Сергеевич! В поздний вечерний час и Вашей, и моей жизни я хочу выразить мое глубочайшее уважение к Вам как личности, мое восхищение Вашими научными достижениями и мою глубокую благодарность за Ваше плодотворное сотрудничество со мной в «Социальной и культурной динамике» и других научных работах.

Я рад тому, что хотя мы вышли из разных слоев или классов русского народа, наши жизненные пути пересеклись, в предреволюционный период, в момент блестящей защиты Вами Вашей магистерской диссертации об «Условном осуждении» в Петроградском Университете, где я в это время был оставлен при Университете для подготовки к профессорской деятельности в области уголовного права, и что с этого момента, с некоторыми перерывами, наши жизненные пути шли параллельно, в близком и дружеском контакте и взаимном сотрудничестве, в течение многих лет нашей эмигрантской жизни.

Вы не только преодолели громадные трудности эмигрантской жизни, но и, оставаясь все время культурным, политическим и моральным «рыцарем без страха и упрека», успешно продолжали свою творческую научную и культурную работу, которая сделала Вас одним из выдающихся мировых ученых в области социологии и социальных наук, одним из крупных мыслителей, профессоров и воспитателей ряда американских студенческих поколений и человечества нашего времени вообще.

Особенно важно то, что Вы достигли этого без всякого приспособления к вкусам и желаниям предрержащих политических, экономических и социальных властей Запада и

Востока — исключительно своими творческими способностями и моральной ответственностью перед Богом и человечеством. В наш век цинизма, нигилизма и смятения умов Ваше «рыцарство без страха и упрека» — редкое явление. Оно — достойный подражания превосходный пример для всех творчески-конструктивных строителей грядущего, более совершенного и благородного строя жизни человечества.

Примите от меня большой поклон, благодарность и наилучшие пожелания здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности.

Сердечно Ваш

Питирим Сорокин

Г. И. Новицкий

ЖИЗНЕННЫЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРОФ. Н. С. ТИМАСHEВА

В только что истекшем 1964 году исполнилось 50 лет со времени опубликования первой книги проф. Н. С. Тимашева, «Условное осуждение». Тогда молодой, начинающий ученый, представивший в 1914 г. это свое сочинение в С.-Петербургский университет как диссертацию на соискание степени магистра права и удостоенный ее, Н. С. ныне — заслуженный профессор Фордэмского университета, ученый, широко известный не только в С. Ш. А., но и далеко за их пределами, обладатель огромной эрудиции в вопросах права, социологии, истории и в других областях человеческого знания и автор около двадцати книг глубокого научного содержания и значения. Не чужд Н. С. был в продолжение этого полувека и публицистической деятельности, а равно и общественной.

Естественно поэтому, что в связи с истечением полувека этого служения русской и мировой науке университетские круги, в которых протекала в Нью-Йорке почти 30-летняя деятельность Н. С., устроили в среде его коллег-ученых и университетской молодежи ряд чествований его и официальных, и более интимных, отличавшихся редкой теплотой.

Естественно также, что и среди его нью-йоркских русских друзей и почитателей, в свою очередь, проявилось желание почтить их выдающегося соотечественника и притом так, чтобы оно пришлось особенно по душе самому юбиляру. По принятии во внимание всех обстоятельств и, в особенности, считаясь со всем известной личной скромностью Н. С. и с его преданностью науке, было решено не

устраивать пышного общественного чествования, а издать в его честь на русском языке настоящий сборник статей.

Н. С. Тимашев происходит из старинной дворянской семьи, давшей на протяжении поколений ряд государственных деятелей, до министров включительно, и людей, отличившихся своими трудами в области юриспруденции и на других поприщах жизни. Так, один из Тимашевых был министром в царствование императора Николая I, а дед Н. С., ген.-м. И. И. Тимашев, принимал участие в обороне Севастополя в качестве командира одного из пехотных полков.

Отец Н. С., Сергей Иванович, 45 лет от роду стал Управляющим Государственным Банком («Президент» — на американском континенте) и пробыл им в трудные годы (1903-1909), причем ему удалось удержать размен кредитных билетов на золото, несмотря на огромные расходы, связанные с японской войной. Будучи назначен Министром Торговли и Промышленности (1909-15) по предложению П. А. Столыпина, С. И. ценой трехлетних напряженных усилий добился проведения через все инстанции закона о государственном страховании рабочих от несчастных случаев и болезней; этот закон до некоторой степени соответствует американским законам о «социал секюрити», но был проведен в царской России на четверть века раньше, чем в С.Ш.А. За этим законом, вероятно, последовали бы другие, которые, быть может, имели бы еще большее государственное и социальное значение, если бы С. И. Тимашев продолжал быть министром. Но из-за подкопа под него пресловутых «темных сил» во главе с Распутиным, ему пришлось покинуть этот пост. Чтобы позолотить пилюлю, он был пожалован редким званием Статс-секретаря Его Величества и назначен Членом Государственного Совета.

С весны 1915 г. С. И. как член Гос. Совета вошел в состав «Особого Сопещения по Обороне Государства» в качестве Председателя Артиллерийской Комиссии и, в сущности, стал возглавителем правительственной работы по производству снарядов — в тесном сотрудничестве с Главным Арт.

Управлением. При этом характерно отметить, что к началу 1917 г. запас снарядов достиг 30 миллионов, а в начале войны он был всего 3 миллиона. Но февральская революция положила предел деятельности С. И. Тимашева.

Родился Н. С., старший из 4-х сыновей, в Петербурге 9 (22) ноября 1886 г. Образование получил сперва в I-ой СПб. классической гимназии, а затем в Императорском Александровском лицее. Помимо этого, в годы своего пребывания в Германии он слушал лекции в Страсбургском университете, Президентом (Ректором) которого в то время был его дядя со стороны матери, Андрей фон Тур, известный немецкий ученый, написавший много трудов по вопросам юриспруденции. Другим его дядей был знаменитый петербургский профессор международного права Николай Мартенс, заслуживший мировое признание. Это, между прочим, привело к приглашению его посредником в Англо-Вснецуэльском споре о границах Гвианы. А третий его дядя, Филипп Хек, был основателем школы юридической философии, влияние которой распространилось даже на С.Ш.А., где последователем ее был «декан амер. юристов», знаменитый Роско Паунд.

Возвратясь в Россию, Н. С. был удостоен в 1914 г. С.-Петербургским университетом степени магистра права, а в 1915 г. приглашен читать в нем лекции.

В эти первые годы своей научной работы (1914-1917) Н. С. совмещал ее с чисто практической деятельностью, состоя личным, доверительным секретарем своего отца, сперва — как указано выше — министра, а затем — члена Особого Сопещения по Обороне Государства. Это дало молодому ученому возможность непосредственно, так сказать изнутри, наблюдать работу в этих двух важных отраслях государственного управления и, по признанию Н. С., это явилось для него огромным преимуществом в способности познать истинную природу этой работы.

В дальнейшем, Н. С. был тем же университетом удостоен и степени доктора права за двухтомную диссертацию о подрывной деятельности с правовой точки зрения, под названием «Преступное возбуждение масс» (эта диссертация была затем уничтожена большевиками). В 1916 г. он был

приглашен доцентом в СПб. Политехнический Институт. В следующем году, по поручению Временного Правительства первого состава, возглавлявшегося кн. Львовым, Н. С. лично разработал и подготовил законопроект, известный под именем закона 6-го июля. По мнению многих, будь этот закон обнародован и применяйся правительством строго и последовательно на практике, возможно, что большевистские вожаки никогда не пришли бы к власти.

В 1918 г. Н. С. был избран экстраординарным, а потом ординарным профессором Экономического отделения Института и, вскоре, деканом его. Когда Н. С. стал читать курс о праве с социальной точки зрения, этой науки еще почти не существовало, и Н. С. является одним из немногих пионеров в этой области, в особенности в социологии права. Кроме него, только еще двое ученых занимались этим вопросом — Ойген Эрлих в Вене и упомянутый выше Роско Паунд в Соед. Штатах. При этом интересно отметить, что когда Н. С. стал читать лекции в Харвардском университете и познакомился с Р. Паундом, последний оценил труд Н. С. о социологии права и взял книгу только что приехавшего ученого в качестве официального университетского учебника по его курсу.

В России Н. С. продолжал чтение курсов по общей теории права и по социологии права до 1921 г., когда нависшая над ним угроза ареста, в связи с нашумевшим тогда делом о Таганцевском заговоре, заставила Н. С. с женой и младшим братом бежать в Финляндию.

За краткие годы научной работы на родной земле Н. С. успел написать и издать две серьезные научные книги: «Условное осуждение» — его магистерская диссертация у проф. Жижиленко (1914 г.) и «Преступления против религии» (1916 г.). В эти же годы была написана им и третья книга — о «Социологии права», являвшаяся новаторством в этой, тогда еще совсем не подвергшейся разработке, области; но ни издать ее, ни взять с собой за границу ее рукопись было невозможно. К счастью, манускрипт не погиб и, по имеющимся сведениям, хранится в отделе Ленинградской библиотеки, где сосредоточены работы политических эмигрантов, а Н. С. оказался в дальнейшем в состоянии

восстановить по памяти основное содержание этой книги, что дало ему возможность опубликовать ее здесь в 1939 г., под заглавием «Вступление в социологию права».

Попав за границу, Н. С. сперва жил в Германии, сотрудничая в газете «Руль» и других эмигрантских изданиях, но вскоре переехал в Чехословакию, куда был в 1923 г. приглашен профессором в Пражский университет, а затем и членом Института Русской Экономики, возглавлявшегося проф. Прокоповичем. В Праге Н. С. оставался до переезда в 1928 г. в Париж, все время продолжая интенсивно работать над различными научными проблемами. Результатом этих работ в пражский период его жизни явились две книги: «“Право” Советской России» и «“Конституционное право” Сов. России». В дальнейшем вышли еще две его книги по-русски: «Введение в изучение уголовно-судебного права» (2 тт.) и «Политическое и административное устройство СССР».

В Париже Н. С. прожил около 10 лет. Одновременно с работой в качестве помощника редактора газеты «Возрождение», Н. С. преподавал в Славянском Институте Сорбонны и Франко-Русском Институте, а также читал отдельные лекции в ряде знаменитых европейских университетов, откуда он периодически получал приглашения.

В 1932 г. проф. Тимашев начал сотрудничать с проф. Питиримом Сорокиным, возглавлявшим предпринятый тогда Харвардским университетом огромный коллективный труд о «Динамике социального и культурного развития». К разработке этой сложной темы было привлечено более 60 крупных американских и европейских ученых и неизвестно для них было заранее решено пригласить затем в университет того из этих ученых, кто представит лучшую работу. И вот, среди всех них выбор пал на Н. С., который и переехал в сентябре 1936 г. в Америку. Одногоднее, по началу, приглашение Харвардского университета было затем продлено на пять лет, но еще до истечения этого срока проф. Тимашев в 1940 г. перешел, по приглашению, в Фордэмский университет, где стал членом факультета и профессором социологии в Школе Аспирантуры.

Явившись фактически создателем в этом университете

отдела социологии, Н. С. был в нем в течение многих лет решительно всем, руководя им и читая лекции по самым разнообразным курсам, относящимся к этой области. Когда для проф. Тимашева наступил принятый для профессоров предельный возраст, Университет не захотел отпускать выдающегося ученого и лектора и несколько раз отодвигал для него срок выхода в отставку. Когда же, наконец, в 1958 году такой срок окончательно наступил, то в воздаяние заслуг Н. С. перед наукой и университетом, последний присудил ему редкое пожизненное звание «Профессор Эмеритус» университета в области социологии, равносильное почетному русскому званию заслуженного профессора.

Параллельно с 18-летней работой в Фордэмском университете, Н. С., начиная с 40-х годов, преподавал также социологию в женском Мэримаунт колледже в Манхэттэне, а несколько лет тому назад стал читать по летам специальные курсы и в Институте Советоведения Миддльберийского колледжа в Вермонте, которые он продолжал, пока позволяли физические силы.

Кроме чтения этих постоянных университетских курсов, Н. С. приглашался и на отдельные семестры — напр., в Калифорнийский университет в Бэркли, в Радклиффский колледж при Харвардском университете, в Нью Скул оф Сошиал Рисерч и др. Кроме того, им были прочтены сотни научных докладов в разных американских и канадских университетах, в научных обществах, клубах и на отдельных собраниях.

Наряду с этим, Н. С. участвовал во многих научных съездах и специальных конференциях, созывавшихся для изучения разных сторон таких современных массовых движений, как коммунизм, социализм, фашизм и т.д., равно как и для разработки проблем социологии.

Ряд таких конференций, как например в Нотр Дам, Харварде, Вашингтоне и других, состоялся по инициативе правительства. Результатом этих конференций неоднократно являлись изданные в виде книг симпозиумы, занесенные в Рекорд Конгресса (84-ый Конгресс — Комитет об анти-американской деятельности, 85-ый Конгресс — Комитет по разоружению и т.д.).

За протекшие годы проф. Тимашеву приходилось также много раз выступать по радио и в газетах, преимущественно в «Нью-Йорк Таймз», по разным вопросам современности, главным образом политическим, и давать интервью.

На 1955-56 академический год Н. С. был приглашен как «Фулбрайт эксчэндж профессор» в Голландию для чтения курсов по социологии и прилегающим дисциплинам в известном Гронингском университете. При подготовке к этой командировке, Н. С. в значительной степени освоился с голландским языком, а во время пребывания в Голландии изучил систему уголовных законов и наказаний этой передовой в данном отношении страны. Это дало ему возможность написать ряд серьезных статей, знакомящих с этой областью права и социологии американских криминалистов и социологов.

В то же время, выполняя свою основную миссию — чтение курсов в Гронингском университете, Н. С. не отказывался и от приглашений читать лекции в других местах Западной Европы и действительно прочел их в ряде известных университетов, начиная с Сорбонны.

За более чем четверть века научной работы проф. Тимашева в Америке вышел ряд его книг по-английски, а именно (в русском переводе их названий): «Социология права», «Религия в Сов. России», «Сто лет условного осуждения», «Великое отступление», «Три мира», «Условное осуждение в освещении уголовной статистики», «Теория социологии», «Социологический анализ» и «Общая социология». Недавно им закончены еще два труда: 1) о знаменитом итальянском социологе Луиджи Стурцо и 2) о социологии войны и революции. Труд о Стурцо вышел в 1962 г. и удостоился премии, а труд о войне и революции выходит в 1965 году.

Сейчас Н. С. заканчивает новый труд о социологии права (рецензии назвали его первый труд о социологии права, вышедший в 1939 г., самым лучшим в этой области и заявляли, что он этим создал данную науку, что это первое изложение по-английски социологии права и что этой книгой он сделал вклад не только в социологию права, но и в антропологию, этику, психологию группы и в государственное право).

Н. С. также работает сейчас над третьим изданием своей «Теории социологии», ставшей в некотором роде классической в этой области. И как показывает приобретение этой книги (в ее испанском переводе) множеством университетов в странах Южной Америки, а равно и университетами более отдаленных стран, она употребляется в них в качестве официального университетского учебника.

Длинный список заглавий, упомянутых в предыдущем изложении, включает лишь наиболее солидные ученые труды проф. Тимашева, переведенные, в общем, на 15 иностранных языков. Но перу его принадлежат, кроме того, еще более 200 статей в различных научных журналах и сборниках и огромное количество рецензий в серьезных изданиях о появляющихся трудах других ученых.

Вот какой огромный вклад в русскую и мировую науку, главным образом науку права и социологии, сделал Н. С. за свою полувековую ученую деятельность. Но отдавая ей главный интерес своей жизни, Н. С. не чуждался и публицистики, помещая статьи по общественным и политическим вопросам, ранее — в европейских русских изданиях, а здесь, в Америке, — в «Новом Русском Слове» и в «толстом» русском журнале, издающемся в Нью-Йорке — «Новом Журнале». В прежнее время Н. С. состоял в его довольно обширной редакционной коллегии, а теперь является одним из его двух со-редакторов. В общем, из под его пера вышло свыше 2000 газетных статей!

Не чуждается Н. С. и общественной деятельности в более широком смысле этого понятия. Так, он состоит Председателем «Объединенного Комитета по ознаменованию 100-летия эпохи Великих Реформ», основанного в 1960 г. в связи с приближавшимся в феврале 1961 г. столетним юбилеем освобождения крестьян и устроившего юбилейное собрание, посещенное многими сотнями русских нью-йоркцев и, вообще, прошедшее с огромным успехом; а также и Председателем другого Общественного Комитета, отметившего в мае 1962 г. Торжественным Собранием, с участием более тысячи человек, 1100-летие Российского Государства, прошедшим с еще большим успехом; в совете директоров Русского Православного Богословского Фонда в Нью-Йорке

и вице-председателем нью-йоркских же Обществ — Друзей Св. Сергиевской Духовной Академии в Париже и Друзей Русской Культуры. В последних двух Обществах Н. С. в течение более четверти века периодически выступал с докладами на темы, стоящие в центре общественного внимания. Доклады эти неизменно отличались весьма высокой квалификацией — глубокое содержание облечено в них в строгую и отточенную форму изложения, а аргументация отчетлива и убедительна, как того и следует ожидать от большого и маститого ученого и педагога. Недаром в приветствии своему любимому профессору в последнем выпуске студенческого журнала Мэримаунтского колледжа его слушательницы пишут (в переводе с английского): «...Преданность профессора Тимашева идеалам и традициям мира ученых, его эрудиция, проявляемый им в своих классах сердечный интерес к студенческой среде, все это выделяет его как учителя и наставника из миллиона людей его профессии».

Все вышеизложенное объясняет, почему Н. С. Тимашев числится во многих справочниках, таких как *Who's Who*, *Who's Who in the East*, *Who's Who in Social Sciences* в США и Европе, в *Contemporary Authors* и т.п. Ссылки на его труды встречаются сплошь и рядом в книгах, статьях и энциклопедиях (между прочим, в нескольких он сам непосредственно принимал участие). Он состоит **Emeritus Fellow** американской Социологической Ассоциации и Почетным Председателем нью-йоркского отдела Американского Католического Социологического Общества. Во всех рецензиях на его последнюю книгу его называют **“one of the most distinguished of modern sociologists,” “outstanding,” “famous”** и пишут, что **“his contributions are well known and respected.”** Американцы его считают своим, т.е. американским социологом, а Мэримаунтский колледж даже установил стипендию, носящую его имя. О нем и его трудах уже есть магистерская диссертация, а сейчас пишется и докторская.

Думается, что в унисон с приветствием Мэримаунтского колледжа, со многими университетами, порадовавшими Н. С. присылкой ему альбомов поздравительных писем его бывших студентов, пришедших со всех концов мира (даже

из Японии, Индии, Африки), и с коллегами-учеными, преподнесшими ему 16 января 1964 г. при участии Кардинала Спэллмана и греческого архиепископа Яковоса поздравительную грамоту, ознаменовавшую 50-тилетие его научной и академической деятельности, и наряду с бесчисленными иными награждениями его почетными титулами и званиями, как равно и выражениями признательности, почтения и признания его ученым мирового масштаба и славы, позволительно и нам, связанным с ним узами воспитания на принципах и заветах великой русской культуры и общностью происхождения из ныне порабощенной Родины нашей, пожелать не только от авторов статей в этом сборнике и его составителей, но и от всех встречавшихся с ним на жизненном пути, дорогому и глубокочтимому Николаю Сергеевичу бодрости и сил для дальнейшей работы на пользу и во славу русской и мировой науки!

С душевной преданностью
Председатель **Общества**
Друзей Русской Культуры
Георгий Новицкий

Дж. Шойер

СОЦИОЛОГИЯ Н. С. ТИМАСHEВА

Социология Н. С. Тимашева — единственная в своем роде. Чем дальше мы проникаем в ее внутреннюю логику, тем яснее становится система мысли автора социологических анализов и тем очевиднее логическая последовательность, заложенная в эмпирической социальной реальности.

Тимашев не следует никакой традиции, не принадлежит ни к какой школе и ни к какому «интеллектуальному течению». Тем не менее его огромный вклад в науку об обществе представляет собой последовательное единство, согласующееся с любой из существующих в развитии социологической теории лучших систем, — но никогда не просто подражающее им. Логическую последовательность его мысли невозможно измерять посредством серии терминов или понятий, определения которых взаимозависящи, установлены априори, а затем становятся фундаментом для постройки ряда универсальных суждений или «принципов», к которым можно свести толкование всех наблюдаемых явлений и из которых можно вывести существование других социальных явлений. Тимашев не создал также такой «модели» для анализа человеческого поведения, какая проступает, например, в ПАСМ-е Лумиса,¹ или в многообразных математических моделях, вроде, скажем, предлагаемых логико-позитивистами,² или же в тех, которые употребляются теоретиками, изучающими «маленькие группы».³

Три основных логически согласованных положения являются соединяющим звеном в многочисленных социологических анализах Тимашева. Их можно выразить, несколько абстрактно, следующим образом:

1. Общество и социальные системы суть системы само-

определяющиеся с точки зрения их культурного и индивидуального элементов.

2. Каждый из них, в своих пределах, способен изменяться. Эти изменения определяются не внешними факторами, а внутренними переменами, присущими культурному и индивидуальному элементам.

3. Социальные структуры и их движущие силы должны быть наблюдаемы как человеческие процессы, а не только как биологические или механические процессы. Эти процессы подлежат научному исследованию именно потому, что они являются человеческими.

Теоретики-классики, как Конт, Спенсер, Парето, Вебер и др., объясняют социальные и культурные явления при помощи какой-либо одной схемы, включающей обычно единый образ или метафору, к которой сводятся в конечном счете все научные определения и толкования социальных явлений.⁴ Спенсер следовал дарвиновской системе образов, основанной на биологии. Его последователи распространили этот подход на явления наблюдаемые в социальных системах и свели их к биологическим процессам. Общество и социальные системы рассматривались как организмы, борющиеся за существование. Такой подход стал типом или «установкой» научной концептуализации, поддающейся неограниченному расширению.⁵ Паретовское сведение социальных явлений к соотношениям, существующим в классической механике основанной на ньютоновской физике, — хорошо известно. Предшествуя тому и другому, Конт предвосхищает обе теории — в особенности, когда он пользуется и механическими и биологическими аналогиями в своей собственной теории трех ступеней и в «законе согласования». «Идеальные типы» Вебера и его социология «понимания» (*verstehen*), которую он развивает на базе этой идеальной типологии, являются в значительной степени, если не исключительно, сведением социальных явлений к логическим абстракциям, самим по себе не имеющим никакого отношения к реальности.⁶

Тимашев походит больше на таких ученых, как ЛеПлей, Дюркгейм и Зиммель, — людей, труды которых своей глубиной и оригинальностью вдохновляют других ученых,

но которые редко ведут к созданию школ или модных течений мысли. Непокколебимое смирение Тимашева перед фактом, его подчинение своей мысли логике факта, а не абстрактной логике метафоры или закрытой системы мысли (вроде многих разновидностей средневековой схоластики), выделяет его из рядов обыкновенных ученых в области социальных наук.⁷

Тимашев давно стал последовательно пользоваться понятием **культуры** в своих аналитических работах о коммунизме как вне, так и внутри России-СССР.⁸ Еще в 1922 г. Тимашев освобождает это понятие от его первоначальных рамок, наложенных антропологией, и употребляет его индуктивно для анализа быстро развивающегося общества — задолго до того, как такой подход был принят широким научным мышлением. Многие из опубликованных Тимашевым исследований русских и советских дел передают факты почти со дня на день, с недели на неделю, с журналистической точностью — чуть ли не с 1917 года. Он действительно вел подробную хронику событий и лиц, имевших отношение к развитию России до наших дней. Надо надеяться, что эта хроника будет когда-нибудь напечатана.

Однако понятие «культура» в собственном восприятии Тимашева не ограничено «нерушимым» (изоморфическим) отношением к заранее установленной схеме, которая в свою очередь не связана с фактом. Наоборот, сама концептуализация «культуры» изменяется одновременно с фактом, отчасти определяя его, отчасти будучи определяема им. В результате такого подхода, можно ощутить изменения, происходящие не только в «России» или «коммунизме», но также и в нашей манере их воспринимать — на основании самих этих изменений. Если бы Тимашев исходил вначале из единой, пусть даже и очень сложной, схемы или формулы и старался придерживаться такого первоначального понимания культуры, то уже это постоянство само по себе (изоморфизм) не дало бы ему возможности видеть происходящие фактические изменения.

Тимашев великолепно понимает, что положение ученого, работающего в сфере социальных наук, в его отношении к социальным явлениям похоже на положение атомного фи-

зика, старающегося наблюдать и измерять явления, изменяющиеся с огромной скоростью, мерами, которые тоже находятся в движении в то время как и он сам находится в изменяющемся положении. Положение социолога можно сравнить также с положением инженера специалиста по ракетам, вычисляющего скорость и направление снаряда — летящего к цели со своими собственными скоростью и направлением — находясь на определенной точке земли, которая тоже имеет собственную скорость и направление.

Проблемы этого рода не могут быть разрешены при помощи единой схемы или единой логической «непогрешимой» системы мысли. Эффективность непрестанных тимашевских анализов социальных систем заключается именно в этой независимости от любой моноцентрированной или логически изоморфической системы мысли.

То обстоятельство, что в более поздние годы своей академической карьеры Тимашев стал заниматься проблемой идеологий и их толкования в различных социальных системах и что он **одновременно с этим** убедился в необходимости социологии «инога рода», вполне соответствует тому факту, что в настоящее время столь многие представители общественных наук все более убеждаются в том, что их поиски простых целостных схем сами по себе являются частью социального и культурного плюрализма и тех толкований, которые от него неотделимы.⁹

В анализе социальных систем **право** у Тимашева играет такую же роль, как разделение труда у Дюркгейма. Это не означает, что общество и социальные системы можно просто свести к правовым нормам; однако правовые нормы являются мерой, указателем или главным «отражателем» социальной системы и ее изменений. Общества так же различны, как различны их правовые системы. Изменения в обществе становятся явными через изменения в его правовой системе. Вопрос, следовательно, заключается не в том, что является **определяющим**: культура ли и общество определяют право, или право определяет культуру и социальные системы. Точно также нельзя эти переменные величины отделять, — иначе как в порядке логического абстрагирования, — от биологических, психологических или интеллек-

туальных факторов, определяющих человеческую индивидуальность.

«Идеальные нормы принадлежат социальной реальности, если среди членов социальной группы соответствующие им тенденции взаимодействовать или готовность совершать определенные поступки установлены и не были уничтожены последующими процессами, идущими в обратном направлении. Каждая из этих тенденций должна соответствовать идеальной норме... Из этого вытекает, что биопсихические явления, в которых выражается реальность идеальных норм, принадлежат главным образом к сфере «заученного поведения»...»¹⁰

Таким образом, изменения в обществе, культуре или личности проявляются в виде взаимопроникающих — а не сталкивающихся одна с другой — систем; каждая из них является лишь аспектом другой.

В квантовой физике уже некоторое время тому назад осознали, что «как» и «почему» вселенной построено и движется не по **одному** или **другому** пути, а по **путям**, которые воспринимаются как бесконечное разнообразие.¹¹ Иными словами, основы материи и движения не абсолютно независимы от нашего человеческого метода мыслить о них или рассматривать их при помощи научных средств, включая словесные средства. Сами меры, употребляемые нами, инструменты, «контрольные средства», навязываемые экспериментацией, сама система понятий, в рамках которой формулируются проблемы, предлагаются гипотезы, делаются выводы, даже личность самих ученых, — все это уже изменяет (придавая им определенную структуру) изучаемые явления.

Понимание этого обстоятельства в особенности мешает в области социальных наук, где исследованию подлежит наиболее переменная из переменных величин — сам человек. Физики могут принять физическое явление — свет — в качестве постоянной величины. **Свет** движется со скоростью, не превзойденной никаким другим движущимся элементом. Это явление в природе — самое близкое к **наблюдаемой абсолютной величине**. В широком понимании это производит впечатление одновременности: будто это явление про-

исходит **тут** и **там** в одно и то же **время**. Но самая важная особенность света — это то, что при всех предвиденных обстоятельствах (изменениях) скорость света **неизменна** (эта скорость равняется 160 000 милям в секунду). Даже в самом относительном смысле, свет остается «наилучшей» или наиболее постоянной мерой движений и структуры движения во вселенной.

Для человеческих движений (т.е. поступков) не существует мерила, имеющего вышеуказанные качества. Обществовед, значит, находится в положении исследователя, старающегося найти ураний без надежного испытательного аппарата, — или же ему все время приходится пользоваться «заместителями», т.е. инструментами, **предназначенными** для других целей и лишь приблизительно подходящими для его целей.

Сложность этой задачи не исчерпывается вышеупомянутым. Наряду с тем, что обществовед «создает» свой собственный инструмент, свою вероятную модель того, чего он хочет достигнуть, ученый вскоре сознает что, будучи человеком, он создал также — даже в форме модели — систему ценностей или норм, которые сами искусно изменяют те самые явления, которые он хотел бы рассмотреть без этих ценностей или норм.

В этом и заключается основная проблема. Для измерения человеческих поступков обществоведы, до настоящего времени, смогли найти лишь меры, определяемые культурой и обществом. Ни одной меры, независимой от величин времени-пространства, применяемых самими учеными формулирующими эти меры, найдено не было. Иными словами, обществовед не имеет такого критерия, каким для физика является свет.

Это не означает, что обществовед имеет перед собой неразрешимую задачу или задачу, которая содержит внутреннее противоречие. Это означает, однако, что во многих отношениях его задача еще сложнее и предъявляет к нему еще большие требования, чем задача физика.

Для изучения человеческого поведения ученый может создать не одну, а предельно возможное количество перспектив, основанных на логических или математических сим-

волах. Известно, что каждая из этих перспектив, взятая в отдельности, может быть более или менее ограничена социальным временем и пространством. Но можно ожидать, что в ходе постоянного развития результаты этих моделей урегулируют и исправят ошибку, объясняемую социальными или культурными предрассудками в какой-либо одной из этих моделей или даже в целой серии их.¹²

В одном можно быть уверенным: до сих пор ни одна единичная перспектива, ни одна однородная логическая система мысли не оказалась вполне удовлетворительной в социальной науке. Но Тимашев достиг необычайного успеха в своем продолжающемся анализе социальных систем, в особенности (но не исключительно) коммунистической, благодаря тому, что он пользовался целым рядом различных критериев и перспектив.¹³ Подобно этому, его умение логически излагать и исторически связывать эволюцию социальных схем от Конта до Хоманса¹⁴ является огромным вкладом Н. С. Тимашева в развитие настоящей научной социологии. По мнению автора настоящей статьи, этот вклад был возможен потому, что Тимашев, будучи сам образцом логической последовательности, смог освободить эту последовательность от соблазна изоморфизма (т.е. принятия единой нерушимой перспективы).

Изучая подробно аналитические работы Тимашева, — независимо от того, касаются ли они правовых систем, политических систем, или целых обществ, как, например, в России, Германии или Италии, — убеждаешься, что автор их проанализировал **действительное** течение изучаемого явления, а не просто какой-то научно-стереотипный образ этого явления. То же самое можно сказать о толковании Тимашевым высокой теории или его анализах концептуализации, методологии и множества других предметов, которыми занимаются члены его профессии.

Для его логического ума ни одна теория, ни один метод не были и не являются никчемными. Каждая схема изучения человеческих поступков может прибавить что-нибудь к общей сумме знаний и сделать будущее более ясным. От одной крайности — социального дарвинизма — до другой — несвязанных между собой математических формул неопозити-

вистов, каждая теоретическая точка зрения заслуживает внимания, разбора, возможно даже подлежит испытанию опытом и неоднократной пробе. Но ни одной не предписывается просто подражать. Это и есть отношение творческого ума, каковым определенно является Тимашев.

Труды Тимашева — это подведение итогов логически последовательной, но безобразной социологии. Хотя во многих отношениях его социология не исследована и не изучена более широкой публикой (включая его собственных учеников), она заключает в себе большое богатство элементов, подходящих к «чистой» социологии. В качестве носителя социологической теории — не в областях ее прикладной специализации, а в развитии ее наиболее технической и существенной «чистоты» — мысль Тимашева будет с течением времени занимать все более значительное место в истории развития социологии.

Примечания

¹ ПАСМ, или «Процессово-Артикулированная Системная Модель» — теория развитая Чарльзом Лумисом; см.: Charles P. Loomis. *Social Systems*. Princeton, N.J., D. Van Nostrand Co., Inc., 1960.

² См.: Herbert Solomen (e d.). *Mathematical Thinking in the Measurement of Behavior*. Glencoe, Ill., The Free Press, 1960.

³ См. "Critical Analyses of the Social Theories of Talcott Parsons: A Book Review Symposium." "American Catholic Sociological Review," vol. 23, No. 3, Fall 1962, p. 236 ff.

⁴ См.: Paul Meadows. *Models, Systems and Science*; in Llewellyn Gross. *Contemporary Sociology*. Glencoe, Ill., The Free Press, 1960.

⁵ См.: N. S. Timasheff. *Sociological Theory: Its Nature and Growth*. New York, Doubleday & Co., Inc., 1955. В главе 5, «О социальном дарвинизме», есть превосходное изложение теорий, принадлежащих к этой группе.

⁶ См.: George E. Pepper. *The Ideal Type Concept*. "American Catholic Sociological Review," vol. 24, No. 3, p. 185 ff.

⁷ Тимашев недавно определенно отверг школу мысли, возглавляемую проф. Т. Парсонсом. Эта школа старается свести все теории (т.е. паретовский механизм, экономическую теорию Маршала, веберьянские идеальные типы и фрейдовскую психологию) к одному знаменателю, бихевиоризму, основанному на психологических факторах.

⁸ Для более подробного ознакомления с этой стороной мысли Тимашева см. статью И. Шойера «Н. С. Тимашев о будущем России» в настоящем сборнике.

⁹ См.: Helmut R. Wagner. Types of Sociological Theory. "American Sociological Review," vol. 28, No. 5, October 1963, p. 735 ff.

¹⁰ См.: N. S. Timasheff. The Social Reality of Ideal Patterns. "Journal of Legal and Political Sociology," vol. 37, 1944, p. 73 ff.

¹¹ См.: Ernest Nagel. The Structure of Science. New York, Columbia University Press, 1960.

¹² Для более подробного анализа микрокосмических и макрокосмических величин при изучении человеческого поведения см.: Robert F. Bales. Interaction Process Analysis. Cambridge, Addison-Wesley Publishing Co., 1960.

¹³ Государственный Департамент США считает Н. С. Тимашева одним из главных авторитетов по вопросам, относящимся к СССР.

¹⁴ N. S. Timasheff. Sociological Theory: Its Nature and Growth. Doubleday, 1955; 3rd edition in preparation.

о. П. Фэйси

Н. С. ТИМАШЕВ КАК УЧИТЕЛЬ

Хотя эти строки в честь проф. Н. С. Тимашева носят очень личный характер, это не должно вводить читателя в заблуждение. Мои суждения показательны в том отношении, что они отображают общую единодушную оценку, которую неоднократно можно было услышать из уст бывших учеников проф. Тимашева на многих социологических съездах.

Большинство этих бывших студентов, равно как и настоящий автор, попали под руководство проф. Тимашева в Фордэмском университете, где Тимашев занял кафедру социологии в 1940 г., после четырех лет преподавания в Харвардском университете. Многие из этих студентов были, как и я, начинающими в этой области, и для них роль Тимашева в процессе восприятия и усвоения всего значения научной социологии была решающей. Я позволю себе предложить читателям (в надежде, что меня не обвинят в педантизме), чтобы они отнеслись к тому, что следует дальше, как к оценке студента-аспиранта приблизительно веберовского «идеального типа».

В сентябре 1940 г., будучи молодым священником, я принялся за изучение незнакомой мне науки. Летом того года я занимался у преподавателя, который, по-моему, оказался менее чем компетентным. В сентябре я не только еще ничего не знал о сущности той науки, которую я собирался изучать, но у меня даже появились сомнения в ее респектабельности. Некоторые сомнения, я должен признаться, были результатом моих занятий в семинарии, где особое значение придавалось философии; я был весьма озабочен позитивистической подкладкой и тенденциями, имевшими в то время место в американской социологии.

Итак, записываясь на социологические курсы Тимашева, я не имел почти никакого представления об этой науке, но зато имел много мысленных оговорок и, т.к. *ignoti nulla cupido* — довольно мало рвения.

Дневников я не веду, так что я не могу точно передать этапы своего интеллектуального развития. Я не пережил такого великого «осенения», как это было с Архимедом, на которое можно было бы сослаться как на исходную точку. Но за те два года, в течение которых Тимашев являлся почти что единственным моим руководителем в социологии, он передал мне не только частицу своего невероятно широкого и глубокого знания социологии, но и — что гораздо более важно — глубокое уважение к методам эмпирической науки, сознание потенциальных возможностей социологического подхода и прочный энтузиазм в деле социологической предприимчивости.

Каким образом ему удалось добиться этого у столь малообещающего новичка?

Основная роль, конечно, принадлежит его лекциям. Каждая из них была всегда тщательно подготовлена. Позже, когда я должен был впервые выступить в семинаре, Тимашев объяснил мне, что он всегда точно распределял время своих лекций, — так, чтобы достигнуть определенного пункта через полчаса, следующего, скажем, 15 минут спустя и т.д. В результате — каждая лекция являлась законченным и настоящим целым.

Свои лекции Тимашев читал чеканно и быстрым темпом; каждая из них была насыщена социологическим материалом. Мы, студенты, старательно все записывали — так быстро, как только могли. Чтобы быть уверенными, что мы ничего не пропустили, трое из нас составили «команду»: один из нас должен был разбирать каракули всех троих и воспроизводить как можно точнее всю лекцию. Вскоре мы пришли к убеждению, что ценность наших трудов была не столько в собранном материале — магнитофон сделал бы это лучше, сколько в том умственном и эстетическом удовольствии, которое нам доставлял процесс раскрытия замысла каждой лекции, логики ее частей, непреодолимой силы аргументации.

Хочу отметить в скобках, что этот опыт мне очень помог, когда я был младшим сотрудником проф. Тимашева в его научных трудах. Поскольку в прошлом я привык к силлогическому типу рассуждения, у меня ушло немало времени и усилий на то, чтобы осознать, что система мышления Тимашева была ближе к гегелевской диалектике: тезис, антитезис, синтез.

Содержание курсов Тимашева способствовало тому, что я постепенно освободился от одного ошибочного взгляда, который усвоил себе в течение до-тимашевского лета. В то лето я пришел к заключению (к которому относился со смутным опасением), что лишь количественные данные имеют бесспорное значение. Ввиду того, что мое знание статистики равнялось приблизительно нулю, я полагал что единственное законное назначение социологии — это просто перечисление, т.е. подсчитывание голов. Тимашев уважал роль статистики, в которой он видел нечто гораздо более сложное, чем простое счетоводство; однако одним из его самых больших вкладов в наши умы было то, что он сумел доказать своим личным примером, что с количественными данными можно обходиться эмпирически и что делать это можно с предельной объективностью.

В классе он тщательно избегал всего, что могло бы бить на эффект. Мы не пропускали ни одной лекции потому, что мы не хотели пропустить того, что он имел нам сказать, а не потому, что эти лекции могли бы служить развлечением. Всякие шутки или остроты были Тимашеву чужды. Он считал бы для себя унижительным насмешливо или презрительно отзываться о других социологах, с которыми он не был согласен. Одним из его ведущих принципов, о котором он редко говорил, но который всегда применял, был следующий: не следует тратить время и умственные силы на то, чтобы доказывать ошибки другого; но зато следует приложить все усилия к тому, чтобы собрать зерно и отбросить солому в умственном урожае каждого человека.

Наши каждодневные отношения носили сугубо профессиональный характер. Однажды, когда он был болен несколько дней, группа студентов зашла его навестить и при-

несла с собой бутылку коньяка, — что нам представлялось подходящим в этом случае. Он был очень любезен и, казалось, оценил наши добрые намерения; однако, после визита, мы все согласились, что он наверно был сильно удивлен таким посещением со стороны студентов — мудрецов, приносящих спиртные подношения.

Английский язык Тимашева безупречен. Его выбор слов был всегда точный и правильный, но не всегда по современному идиоматический.

В поисках темы для своей докторской диссертации, я с ним много беседовал. Эти разговоры, интересные и приятные, были в то же время исключительно деловыми сессиями. Как-то после обеда, я выдвинул гипотезу, которая мне казалась блестящей. Я ему сказал, что у меня было «умственное потрясение» (brainstorm), — выражение, которое у нас пользовалось тогда большим успехом и которое означало непреодолимое вдохновение. Он сейчас же выразил беспокойство и надежду, что я скоро вылечусь от этой болезни.

Я уже говорил о том, что Тимашев избегал театральности. Но этим я не хочу сказать, что его лекции были скучны. Как раз наоборот. В его изложении предмета было столько убежденности, что это действовало на нас, студентов, как электрический ток. Много позже, в совершенно другой атмосфере, я был свидетелем того, как студенты устроили ему бурную овацию по окончании доклада, который отличался от его классных лекций только своей темой. У него была почти монашеская преданность объективности, которая запрещала ему как бы то ни было выражать субъективные чувства. В его курсе о советском обществе (насколько я знаю, это был первый такой курс когда бы то ни было прочитанный в США) нам не было ничего сказано о его дореволюционном общественном положении, ничего об ударе, нанесенном ему лично и его семье революцией, о его опасном и смелом побеге со своей любимой родины. В этом курсе он нам представил обильные доказательства для отрицательной оценки революционных достижений, но не преминул упомянуть и положительные стороны. Вся тема была разобрана академически, спокойно, без враждебных

чувств. Насколько помню, Тимашев только однажды на минуту проявил признак душевного волнения; это произошло тогда, когда он стал говорить о положении религии при советском строе.

Изучение социологии на аспирантском уровне началось в Фордэмском университете с Тимашева, также как это было с Сорокиным в Харварде лет за десять до этого. Некоторое время, во время и после моего пребывания в Фордэме в качестве аспиранта, Тимашев представлял в одном лице весь отдел социологии. Положительным результатом этого было то, что мы узнали, насколько велика его эрудиция. Он нам читал курсы по социологии права, этики и государства; по криминологии; о развитии социологических теорий; о структуре фашистского и коммунистического обществ; о методологии в социологии; о социальной динамике; о расовых и этнических проблемах.

Можно было бы подумать, и справедливо подумать, что такой широкий диапазон интересов свидетельствует о поверхностности. Но это не так. Не буду здесь обсуждать социологию Тимашева. Но необходимо отметить, что в каждой из вышеназванных областей Тимашев проявил критическое знание соответствующей литературы, европейской и американской, старой и современной. Впоследствии, в течение многих лет, я не переставал поражаться, постоянно обнаруживая, что самые новейшие тенденции развития были уже представлены в его системе мышления, даже иногда предвосхищены им.

Тимашев не читал лекции; он делал больше — он учил. Этим я хочу сказать, что он обращался к нам не так, как это делает ученый, читающий первую версию своей будущей книги, но как человек, который знает, что обращается к студентам — а не к людям его уровня.

Эксперту нужно иметь терпение, чтобы приспособиться к человеку неопытному. Надо иметь также смирение. Смирение Тимашева — признак действительно великого ученого — было нам всем очевидно. Мы это чувствовали по тону его лекций. Мы это знали более всего из того простого факта, что он был членом факультета небольшого, плохо обеспеченного университета, который только начинал борь-

бу за свое академическое признание, борьбу, к которой Тимашев примкнул, отдавая все что он мог, без ропота, без горечи в отношении того оборота исторических событий, который лишил его нормального развития его профессиональной карьеры и который заставил его, во второй половине его академической жизни, начать Все сначала, — далеко-далеко от его родины.

Ф. Бэрвальд

Н. С. ТИМАШЕВ КАК КОЛЛЕГА

В 1937 г. я возвращался в США на французском пароходе «Шамплэн», не пережившем второй мировой войны. Обыкновенно на этих пароходах в столовой стараются посадить вместе подходящих друг другу пассажиров. Таким образом я имел удовольствие познакомиться с проф. Тимашевым. Сперва наш разговор шел по-французски, но потом мы перешли на немецкий. Тимашев рассказал мне о своем сотрудничестве с проф. Сорокиным в книге последнего «Социальная и культурная динамика». Это дало нам возможность обсудить различные перспективы, стоящие перед социологией.

В те времена наш отдел в Фордэмском университете включал в себя несколько разных дисциплин: социальную философию, политические науки, экономику и социологию, которые преподавались в такой форме, чтобы установить некоторые важные внутренние соотношения между этими науками. Тимашева это очень заинтересовало, равно как и тот факт, что, кроме преподавания экономики, я тогда работал над проблемами феноменологии общества.

По приезде в Нью-Йорк, мы решили не терять друг друга из вида. Наши дружеские отношения вылились в конце концов в долготное и ценное сотрудничество, давшее значительные результаты. Прежде всего, Тимашев прислал мне в скором времени большую статью о «Религии в России». Редактор фордэмского журнала «Мысль» (Thought) напечатал ее с энтузиазмом. Через некоторое время в нашем отделе оказалась вакансия, и я посоветовал нашему декану пригласить проф. Тимашева на кафедру социологии в Аспирантуре.

Наш декан, ныне покойный о. Мурхауз И. Х. Миллар (S. J.), который создал Отдел политической философии и социальных наук в 1929 г., сам был известным ученым в своей сфере. Его специальностью была история политической философии, на изучение которой он отдал много лет и о которой он много написал. Его давнишней мечтой было создание в Фордэмском университете такого отдела, члены которого были бы экспертами каждый в своей области, но в котором в то же время не было бы тех барьеров между смежными дисциплинами, из-за которых страдают многие университеты. О. Миллар очень осторожно и тщательно подбирал профессоров для своего отдела. К тому времени профессорами, кроме меня, были уже Чарльз Уолш (экономист) и покойный Вилльям Фраска (специалист по административному праву). Вскоре был приглашен также проф. Марио Эйнаути (сын бывшего президента Италии), ныне декан Отдела государственного права в Корнельском университете.

К моей великой радости, на мое предложение пригласить Тимашева о. Миллар отозвался с большим энтузиазмом и привел даже цитаты из тимашевских трудов по-французски.

С самого начала своего пребывания в Фордэмском университете, проф. Тимашев установил совершенно исключительный уровень сотрудничества между коллегами. В современных университетах есть большая тенденция к специализации, и каждый отдел (и даже каждый ученый), конкурируя с другими, старается создать отдельную «маленькую империю», совершенно обособленную от других таких «империй». Наш отдел очень нуждался в курсе о методах в социальных науках, и мы чувствовали, что наш новый коллега — как раз тот ученый, который сможет этот курс преподавать. По характерной для него великой скромности, Тимашев сомневался, достаточны-ли его познания в этой области. Но мы его уговорили, и он энергично принялся за дело. Как правы мы были, что упросили Тимашева взяться за этот курс! Список напечатанных им трудов в области методики, понятий и теории — прямое доказательство его знаний и высокого научного уровня мышления.

То, что всегда поражало коллег Тимашева, — это его невероятная скромность. Как было уже упомянуто, в то время я работал над «Феноменологией общества». Но существовал лишь конспект этого труда. Я показал его Тимашеву, и он был очень польщен этим. Но трудно себе представить мои чувства, когда я увидел Тимашева в аудитории. Он слушал мой курс по этому вопросу целый семестр. Кроме того, он меня ободрял и толкал на дальнейшую работу в этой области. Все те, кто знаком с академическим миром, полностью поймут эту исключительно редкую степень дружбы и интереса одного профессора к другому члену факультета и его проблемам. Можно сказать, что Тимашев дошел до возможной границы дружеского отношения, когда он посвятил целый параграф моим теориям в своей известной книге «Социологические теории». Ведь это было сделано до появления моих серьезных трудов в этой области (в 1956 г. и 1963 г.).

Военные годы были трудными для нашего университета. Настоящих студентов было мало, но наш отдел занялся специальной программой обучения персонала для Армии С.Ш.А. Здесь выявились большие познания Тимашева в вопросах касающихся Франции (и многих других западноевропейских стран), которыми он делился с сотнями военнослужащих.

В 1946 г., под руководством директора Аспирантуры о. Дюма, наш отдел стал сильно разрастаться. В помощники проф. Тимашеву был приглашен молодой ученый из Харвардского университета, Джон Донован. Количество курсов и возможных областей исследования увеличилось. Тимашев читал лекции о коммунистическом строе и идеологии, о социологии права, о войне и революции, о социологических теориях и методах. В печати появилось большое количество его трудов на эти темы. Тимашева приглашали на социологические съезды и на конференции по проблемам коммунизма и тоталитарных государств, он давал консультации правительству и интервью газетам, читал огромное количество докладов в различных университетах. Имя Фордэмского университета и его социолога непрерывно произносилось и появлялось в печати. Из дальних

стран (из Западной Европы, Вест-Индии, Японии, Индии и т.д.) приезжали студенты, чтобы слушать курсы Тимашева.

Под знаком Фордэмского университета появилось несколько коллективных трудов и отдельных монографий, в которых Тимашев принял участие. Председатель общества имени Берка (английского юриста) и историк проф. Росс Хофман издал коллективный труд — симпозиум о «Демократии в Америке согласно А. де Токвиллю»; одним из главных сотрудников был проф. Тимашев (другие участники: его ученик, бывший редактор журнала «Америка» Роберт Хартнетт, Марио Эйнауи, А. П. Левак и о. Мурхауз Миллар). Для серии книг по социальным наукам, издаваемой нашим университетом, Тимашев написал двухтомную значительную монографию об условном осуждении («Сто лет условного осуждения» и «Условное осуждение в освещении криминальной статистики»).

Даже если я скажу, что Тимашев не только большой ученый и педагог, но и замечательный коллега, это все еще будет недостаточным. В нашем академическом мире он является редким примером универсальности знания, соединенной с терпением и скромностью. Он сделал огромный положительный вклад в развитие университетской общины. Его личность притягивала ученых и студентов, находившихся далеко за пределами нашего университетского городка. Через Тимашева наш университет распространил свое влияние на другие университеты: Калифорнийский, Нотр-Дэм, Харвардский, Колумбийский, Нью-Йоркский, Вермонтский, Нью Скул оф Сошэл Рисерч, на такие колледжи, как Радклиф, Брин-Мор и Мэримаунт (среди многих других).

Все мы поняли, что в личности Тимашева соединились такие качества, как универсальность знаний, стремление распространить эти знания и интерес к своим сотрудникам, — качества, развитые в нем в совершенно исключительной степени.

Проф. Дж. Шойер

Н. С. ТИМАШЕВ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Н. С. Тимашев принадлежит к категории лиц, жизнь которых протекала в эпоху глубоких социальных изменений и которые поняли смысл и значение этих изменений. Такие люди оставляют после себя наследство мысли и дела, которым в дальнейшем могут пользоваться целые поколения людей.

Таким человеком был Огюст Конт. Многим он известен как «отец социологии». Однако мало кто помнит ту социальную атмосферу, из которой возник его интерес к вопросам общественного развития. В середине прошлого века во Франции не было прочного общества. Нерушимые нормы прошлого, на которых покоились монархия, милитаризм, религиозная вера и организация, были почти отброшены в пользу новых, но неиспытанных еще путей либерального государства, городского общества и неограниченной веры в прогресс человечества. Но еще не были установлены конкретные взаимоотношения человека с человеком, основанные на уважении личности, а равно и взаимоотношения человека с учреждениями — в рамках прочного социального строя, при котором прогресс человечества был бы возможен. Конт хотел, чтобы созданная им наука была наукой об этих взаимоотношениях.

В таких же условиях быстрых социальных изменений жил в Англии Спенсер. Принесенная главным образом из Германии, новая система биологии Дарвина стала символом «эволюции» нового общества, возможного при конституционном образе правления, символом империи и исчезновения всех преград, ограничивающих нео-римский универсализм, к которому вел, по-видимому, *Pax Britannica*. Что-

бы все это понять, необходимо было оформить новую науку, новые знания, такое представление об обществе, которое не имело бы никаких связей с традицией, ибо принадлежало бы исключительно будущему.

Даже человек, столь независимый от национальных черт, как Эмиль Дюркгейм — «второй отец» социологии (во Франции), участвовал в этом новом порыве (*élan*). Еврей по происхождению, объездивший Германию и потом всю Европу, Эмиль Дюркгейм в своей концепции «коллективного сознания» и в диалектике его возникновения предвосхитил, без метафизики Гегеля, логику возникновения всемирного сознания и всемирного общества.

Понятия о мире, космология общества более или менее подразумеваются — если не выражены прямо — в трудах Макса Вебера в Германии, Вильфредо Парето в Италии, Лестера Уорда в Соединенных Штатах. По нашему убеждению, в социологии Тимашева вполне определенно выражена мирообъемлющая, космологическая точка зрения. Это видно из того, как складываются его жизнь и мышление, — на благо, в частности, свободной и развивающейся России. В настоящей статье дается лишь голая схема и общая характеристика мыслей Тимашева на эти темы.

Более 16 лет тому назад, в марте 1948 г., проф. Тимашев напечатал в журнале "Thought" («Мысль») статью, озаглавленную «Россия и Европа». В ней Тимашев развивает взгляд, что Россия — часть европейской семьи народов, общей базой которых является христианская культура. В основных учреждениях и юридических формах у этих народов больше общего, чем разного и обособленного. Несмотря на разногласия, расколы и задержки, вызванные большевистской революцией 1917 г. и продолжающейся властью коммунистической партии над Россией, в системе основных ценностей русского народа перемен не произошло. Однако произошло уменьшение культурных различий между этой и другими частями цивилизации.¹

Этот тезис есть нечто вроде главного лейт-мотива во

многих тимашевских писаниях о жизни в России под властью коммунистической партии.

Его первые труды на эти темы были напечатаны уже в изгнании, в Германии и Чехословакии, в 1922-25 гг.² Статья «Судьбы культуры в Советской России (1917-1921)» звучит непреклонным обвинением и не допускает даже малейшей возможности культурного прогресса в России в условиях обмана и формального политического давления монопольной власти. Культура — явление творческое, она будет развиваться, но этот прогресс произойдет вопреки давлению, а не благодаря ему. Свидетельством этому является возвращение многих членов интеллигенции к вере и церкви — тогда как ожидалось лишь проявление формального атеизма.³

Большинство его соотечественников считало, что власть коммунизма будет мимолетной. Тимашев не соглашался с этим, однако он не считал, что власть большевиков будет долговечной. По этой причине он много пишет о восстановлении свободной России, которая будет способна развиваться без внутренних или внешних давлений, согласно своим внутренним, ей одной свойственным возможностям. Две исключительно подробные статьи обсуждают будущность России без коммунистической власти, или по крайней мере без господства характерного для нее исключительного догматизма на политической арене.

Статья «Центр и места в послереволюционной России» поднимает вопрос о том, как освобожденная Россия будет постепенно развиваться в объединенное государство, с рядом относительно автономных (может быть на федеративных началах) областей.⁴ Этнографические особенности будут иметь большое значение в определении культурного, социального и политического облика этих областей.⁵ Законодательные функции будут распределены пропорционально между этими областями и между областями и центральной государственной властью. Единственное, чего необходимо избежать — и что более всего ценится коммунистической партией, — это монополии власти.

В этой статье Тимашев касается также того, как в будущей России могли бы функционировать правительствен-

ные органы, ведающие внешней политикой, армией, финансами, почтой и телеграфом, железными дорогами и транспортом вообще, судебными учреждениями по гражданским и уголовным делам. Но только в 1925 г., в статье озаглавленной «Советская конституция и ее значение для послереволюционной России», впервые появляется мысль о новом свободном будущем для России в юридически четко оформленном виде.⁶

Советская конституция 6 июня 1923 г. принадлежит к категории конституций провозглашенных, но не действующих, — ввиду того, что основой советского строя является воля партии, а не воля народа. Однако в этой конституции есть не только подавляющие свободу начала, которые необходимо отбросить, но и несколько принципов, которые легко можно было бы применить в свободном обществе. Шесть принципов являются основными:

1. **Классовый принцип**, по которому граждане делятся на несколько правовых категорий в соответствии со степенью их политической активности (или пассивности). Этот принцип несовместим со свободой, и его необходимо отбросить.

2. **Группировка избирателей по «производственным единицам»** напоминает замысел старого гильдейского социализма. Этот принцип не переживет превращения права голосования во всеобщее избирательное право, неминуемого раскрепощения и либерализации профсоюзов, и возрастающей роли крестьянства и сельских элементов в обновленной стране.

3. **Группировка избирателей по этнографическому или национальному признаку** согласуется с политикой федерализма и может остаться в силе, если области будут создаваться на этнографической основе. Однако этнографический или национальный принцип не может быть единственным принципом политического дробления. Некоторые территории настолько велики, что их необходимо будет делить на ином основании, чем национальное.

4. **Принцип построения государства снизу вверх** соответствует аксиоме «вся власть сосредоточена на местах». Местное самоуправление крайне необходимо для России бу-

душего. При федеративном устройстве государства общегосударственный парламент мог бы базироваться на парламентах государств-членов, а последние — на органах земского и городского самоуправления.

5. **Полное отсутствие разделения власти**, столь характерное для режима коммунистической партии, должно быть всецело отброшено в будущей России.

6. **Директориальный характер правительственной власти** должен быть принят. В поисках того, что явится наиболее подходящим для России, необходимо будет учесть не только неудачный опыт парламентаризма, но и опыт дуалистических республик типа США и коллегиальных республик типа Швейцарии.

Конституция 1923 г. может принести пользу России главным образом в двух отношениях: в осуществлении зачатков федерализма и в отказе от новейших «догм» прямых выборов и парламентаризма.

После 1925 г. нет больше работ о России, вне ее связи с коммунистической партией. Однако твердо высказывается предположение о России, развивающей свои внутренние силы вопреки давлению монопольного правительства. Появляются кооперативы, хотя конституция 1923 г. их не предусматривает.⁷ Сельские реформы проводятся в соответствии с принципами, установленными еще в 1861 г., когда заколебалось старое феодальное общество. То же случилось и с крестьянскими восстаниями. И хотя коммунистическая партия произвела некоторый передел земли и частично облегчила трения между землевладельцами и крестьянами, неравенство все же появилось, — вследствие неравного распределения населения и недостаточной производительности крестьянства, результатом чего был голод. С введением политики НЭП-а урожаи продолжали быть недостаточными и этому сопутствовало социальное расслоение крестьян. Попытки партии коллективизировать крестьян удалась во многих отношениях, кроме одного: они не повлияли на свободный приток продуктов и не предотвратили пассивного сопротивления крестьян.⁸

Возможно, что не существует более основного социального явления, чем изменения в народонаселении, будь

то прирост или убавление. Способность России динамически связывать свое население с переменами в ее внутреннем развитии, без помощи или помехи, оказываемых путем формального политического давления партии, наглядно обсуждается в четырех основательных трудах, опубликованных в течение 30 лет.⁹ Давление, оказываемое населением в России, является во многом частью социального возрождения России, как это было или есть в большинстве европейских стран. Политическая идеология представляется связанной с изменениями в населении скорее пост-фактум, а не анте-фактум. Как и вся Европа, Россия проходит через напряженное состояние, которое сопутствует росту населения. В таких случаях логично, что появляется и политическое напряжение.

Тимашев признает, что Россия запаздывала (отставала) в своем развитии. Но Россия никогда не стояла на месте.¹⁰ И коммунистическая партия не породила великого движения вперед. В действительности, прогресс мог бы быть гораздо более быстрым при иных (чем политически тоталитарный зажим) условиях. Развитие права в России шло по этому иному пути,¹¹ равно как и рост грамотности и развитие учебных заведений,¹² изменения в строении общества сверху вниз,¹³ определение и лечение преступности малолетних.¹⁴

Во время и после Второй мировой войны стали появляться новые имена, темы и вопросы, но основная тема остается все же прежней: партия господствует, но сама Россия продолжает медленно продвигаться вперед, занимая свое место — значительность которого все время увеличивается — среди государств мира.

Новые имена появляются после смерти Сталина; происходит жестокая борьба за то, чтобы установить, кто будет его преемником в этой одинаково важной и опасной должности. События этого времени в слабой степени повторяют события первых лет после ноября 1917 г.¹⁵ Тимашев разрабатывает ряд новых вопросов, — таких, как «Московский Собор и Русская Православная Церковь в Америке»¹⁶

или «коллективная безопасность», с признанием наличия «хорошего» и «плохого» типов капитализма, из которых первый прямо ведет к коммунизму. Но эти новые вопросы являются самыми значительными для дальнейшего развития темы Тимашева.

В результате давлений, связанных с военными усилиями, коммунизм не вернулся более к своему довоенному образу в России.¹⁷ Вторая мировая война была «Второй Отечественной войной», — в то время как «Первая Отечественная война» велась в 1812 г. Первая победила Наполеона, вторая — Гитлера. В обоих случаях Россия боролась против завоевания мира. В России вновь возникает почитание исторических героев и мест. Марксистская диалектика становится диалектикой исторической борьбы России против ее врагов и всех врагов свободы.¹⁸ Революция 1917 г. теперь завершилась¹⁹ возвращением на национальные и традиционные пути.²⁰ Энтузиазм к внутренним реформам, столь характерный для революции 1917 г., в значительной степени уменьшается.²¹ Вновь появляются — при значительно более сильной деспотической агрессивности — цели, которые были целями России в 1830 г.

Приведет ли эта новая деспотическая агрессивность к войне? На горизонте много черных туч. Но война не кажется вероятной. Однако война может вспыхнуть при трех условиях: 1) дальнейшие успехи коммунистов в Европе и (или) Азии и рост советских достижений в промышленности могут привести к агрессии со стороны США; 2) понижение американского военного потенциала может придать Кремлю больше смелости; 3) случайность: одна из сторон может неправильно рассчитать силу и намерения другой. Из этих трех возможностей, пожалуй, более всего надо опасаться второй.²²

Отношение Тимашева к вопросу о том, что будет — война или мир, выражено весьма отчетливо в некоторых из его новейших трудов. В 1958 г. он пишет о двух *идеологиях*, одновременно существующих в России.²³ Есть официальная идеология, содержание которой не изменилось с того времени, когда она была формулирована Лениным на основе трудов Маркса: национализация орудий производства и

окончательная победа коммунизма во всем мире — вот основы этой идеологии. Ведущая роль партии как наиболее «сознательного и просвещенного» элемента населения — дополнительный основной принцип, введенный Сталиным.

Но в отдельных частях этой официальной идеологии произошло много перемен, даже в течение долгого сталинского режима. «Механический материализм» был заменен «диалектическим материализмом». Безликий процесс эволюции был заменен теорией громадного влияния великих людей. Сталин пользовался этой идеей, чтобы ввести целую серию новых идей и, в особенности, чтобы перекроить интернациональный коммунизм в национальный. После смерти Сталина эта официальная идеология опять была приспособлена — на этот раз к новой концепции некоего «коллективного» руководства. Несколько лет спустя, быстрое возвышение Хрущева породило новую доктрину: возможность всемирной победы коммунизма без мировой войны (возврат к Марксу, в обход Ленина).

В СССР существует и другая идеология, но не официально. Хотя она никогда не была формулирована, ее можно вывести из косвенных сведений о главных пунктах недовольства, равно как и из очернения Сталина. Первый пункт этой идеологии есть неприятие коллективизации. Второй ее пункт есть желание вернуться к системе частной инициативы и промышленности — хотя бы на уровне легкой промышленности. Третий пункт — это требование личной свободы для каждого человека. Последние два пункта особенно важны тем людям, которые имеют близкое отношение к искусству, науке и религии в России.

Эта весьма примитивная идеология не может быть использована в пропаганде коммунистической партии, хотя она очень прочно и глубоко заложена в русском народе. Случись так, что партия вдруг неожиданно исчезнет, эта вторая идеология быстро оформится и выступит на поверхность народного сознания.

Этот идеологический конфликт действительно происходит в России. Первая идеология тесно связана с общественным положением и рангом в партии; вторая же — с возникновением передового, городского, индустриализирован-

ного и свободного русского общества в XX веке.²⁴ Утверждение «старой» официальной идеологии укрепляет власть советских правителей (особенно в глазах внешнего мира). Более новая (нео-капиталистическая) идеология имеет большое значение в качестве политической силы, пользующейся большой внутренней поддержкой. Даже в научных кругах эта дилемма не обсуждается из боязни, чтобы эту потенциальную идеологию не назвали «буржуазной». Но раз коммунистический Китай не следует политике отказа от насилия и может стать большей угрозой авторитету партии, чем любая иная внешняя сила, возможно, что даже страх «клейма» будет преодолен.²⁵

Тимашев посвятил действительно очень много времени анализу изменений в социальных системах западного мира, в особенности с точки зрения их собственной внутренней динамики и значения.²⁶ В отличие от классиков-теоретиков, для ознакомления с трудами которых он так много сделал в среде американских ученых, Тимашев разработал логику событий, политических систем, права, народонаселения и национальных ценностей — в определенной социологической перспективе и при помощи методов, которые еще лишь предстоит по-настоящему оценить.²⁷

Хотя его профессиональная жизнь уже дольше жизни целого поколения, еще не существует серьезных трудов «о Тимашеве». Будем очень надеяться, что в его юбилейный год эти строки помогут ознаменовать начало национального и международного признания достижений и заслуг Тимашева.

Примечания

1 "Russia and Europe." "Thought," vol. 23, No. 88, March 1948, pp. 7-12.

2 Эти труды существуют пока только по-русски. Автор статьи приносит глубокую благодарность г-же Т. Н. Бобринской и через неё проф. Мичиганского Штатного ун-та Н. П. Полторацкому за основательную работу по абстрагированию этих текстов.

3 «Судьбы культуры в Советской России (1917-1921 гг.)». «Русская

мысль», Прага, 1922, кн. 3-4, стр. 191 — 209. Ср. также: «Советы и коммунистическая партия». «Русская мысль», 1922, кн. 5, стр. 135-154.

⁴ «Центр и места в послереволюционной России. (К проблеме федеративного устройства России)». «Крестьянская Россия», Прага, 1923, кн. 5-6, стр. 44-58. Ср. также: "Inter-Ethnic Relations in the USSR." "American Catholic Sociological Review," vol. 5, No. 2, June 1944, pp. 83-89.

⁵ Там же.

⁶ «Советская конституция и ее значение для послереволюционной России». «Своими путями», 1925, кн. 6-7, стр. 42-46.

⁷ «Основы правового строения советской кооперации». «Русский экономический сборник», 1927, кн. 10, стр. 172-182.

⁸ "Structural Changes in Rural Russia." "Rural Sociology," vol. 2, No. 1, 1937, pp. 10-28.

⁹ «Крестьянство и советы. (По данным выборов 1922 г.)». «Крестьянская Россия», Прага, 1924, кн. 8-9, стр. 182-193. Ср. также: "The Population of Russia." "Rural Sociology," vol. 5, No. 3, 1940, pp. 303-313; "The Postwar Population of the Soviet Union." "American Journal of Sociology," vol. 54, No. 2, 1948, pp. 148-155; «Сталинский террор и перепись 1959 г.». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1961, № 65.

¹⁰ "On the Russian Revolution: Was Stagnation Its Cause?" "Review of Politics," vol. 4, No. 3, 1942, pp. 287-302.

¹¹ "The Crisis in the Marxian Theory of Law." "New York University Law Quarterly Review," series 2, No. 1, 1939, pp. 1-13; "Is Soviet Law a Challenge to American Law?" "Fordham Law Review," vol. 19, No. 2, 1950, pp. 182-189; "Soviet Jurisprudence Since World War II." "Russian Review," vol. 12, 1952, pp. 233-240.

¹² "Overcoming Illiteracy: Public Education in Russia, 1880-1940." "Russian Review," vol. 2, 1942, pp. 80-88; "Soviet Education's New Look." "Current History," January 1956, pp. 20-25.

¹³ "Vertical Social Mobility in Communist Society." "American Journal of Sociology," vol. 50, No. 1, 1944, pp. 9-21.

¹⁴ "Juvenile Delinquency, the Family, the Courts in the Soviet Union." "American Journal of Sociology," vol. 43, No. 1, 1937, pp. 126-128.

¹⁵ "Russia: Triumvirate and Power Struggle." "America," vol. 89, August 1953, pp. 475-477; Ср. также: «Очернение Сталина». «Новый Журнал», Нью-Йорк, 1956, № 45, стр. 222-229.

¹⁶ "The Moscow Council and the Russian Orthodox Church in America." "Russian Orthodox Journal," vol. 19, No. 3, 1945.

¹⁷ "Four Phases of Russian Internationalism." "Thought," vol. 20, No. 76, 1945, pp. 37-54.

¹⁸ "What Does This War Mean to Russia?" "Current History," May 1945, pp. 426-431.

¹⁹ Тимашев считает, что будущие историки годами русской революции назовут годы 1917-1940.

²⁰ «Пути послевоенной России». «Новый Журнал», Нью-Йорк, 1949, № 22, стр. 190-203.

²¹ "Red Revolution After Thirty-five Years." "America," vol. 88, No. 6, November 1952, pp. 149-151.

²² "War or Peace?" "Thought," vol. 25, No. 98, September 1950, pp. 394-411.

²³ «Две идеологии. (Мысли о современном положении в России)». «Новый Журнал», Нью-Йорк, 1958, № 53, стр. 209-221. Автор глубоко признателен брату Н. С. Тимашева проф. Лавальского ун-та (Канада) А. С. Тимашеву за подробное резюме этой статьи.

²⁴ "Urbanization, Operation Antireligion and the Decline of Religion in the USSR." "American Slavonic and East European Review," April 1955, pp. 224-238.

²⁵ "Soviet Ideology for the 1960's." "Current History," vol. 43, October 1962, pp. 224-254.

²⁶ "Sociological Theory, Its Nature and Growth." New York, Doubleday & Co., 1955. Этот труд признан одним из классических в этой области.

²⁷ См. труды Н. С. Тимашева: 1) "The Great Retreat" («Великое отступление»). New York, E. P. Dutton and Co., 1946. Этот труд, вышедший в переводах на португальский, шведский и китайский языки, дает обобщающий анализ событий, происходивших в России под игом коммунизма, вплоть до Второй мировой войны. 2) "Three Worlds" («Три мира»). Milwaukee, Bruce Publishing Co., 1946. Эта книга представляет собой всеохватывающий разбор либерального, коммунистического и фашистского обществ с точки зрения их политических идеалов и систем. 3) "An Introduction to the Sociology of Law" («Введение в социологию права»). Cambridge, Harvard University Press, 1939. Эта книга — переведенная на французский и японский языки — как бы резюмирует огромное количество трудов, написанных Тимашевым по этому вопросу. В скором будущем будет напечатан его новый обстоятельный труд о социологии права.

Т. Н. Бобринская

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ ПРОФ. Н. С. ТИМАШЕВА

I. ТРУДЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

КНИГИ

- «Условное осуждение». Петербург, 1914, стр. VII, 558.
- «Преступления против религии». Петербург, 1916.
- «Преступное возбуждение масс», в 2 тт. Петербург, 1916 (книга уничтожена большевиками).
- «Право Советской России», в 2 тт. (в сотрудничестве с восьмью учеными). Прага, 1924. (Немецкий перевод: "Das Recht Sowjetrusslands." Tübingen, 1925).
- «Введение в изучение уголовно-судебного права». Прага, 1925.
- «Политическое и административное устройство СССР». Издание офицерской школы при I-ом отделе Общевоинского союза в Париже. Париж, 1931.

СТАТЬИ

- «Новейший фазис в истории условного осуждения». «Журнал министерства юстиции», Петербург, 1913, № 7, стр. 168–196.
- «Тенденция развития как объективный критерий правильного права». «Журнал министерства юстиции», Петербург, № 10, стр. 142–153.
- «Уголовная процедура в отсутствие обвиняемого». «Журнал уголовного права и процесса», Петербург, 1913, №1, стр. 30–73.
- «Преступная пропаганда». «Журнал министерства юстиции», Петербург, 1914, № 10, стр. 69–130.
- «Реабилитация преступников». «Право», Петербург, 1915, стр. 1097–1100 и 1152–1165.
- «Преступная ответственность соучастников». Петербург, 1916, 40 стр.
- «Проблема невмешательства в уголовном праве». «Журнал министерства юстиции», Петербург, 1916, № 10, стр. 83–144. Переиздано министерством в виде отдельной брошюры.

«Преступное причинение общественной тревоги». «Журнал министерства юстиции», Петербург, 1916, октябрь, стр. 202–212.

«Закон 6-го июля 1917 г. о преступном возбуждении масс» (Lex Timashev), «Право», Петроград, 1917, стр. 1207–1216; «Вестник Временного правительства», 1917.

«Право как коллективно-психологическая реальность». «Труды русских ученых за границей». (Под редакцией проф. А. И. Каминка). «Книгоиздательство Слово». Берлин, 1922, т. 2, стр. 212–230.

«Судьбы культуры в советской России». «Русская мысль», Прага, 1922, кн. 3–5, стр. 191–209.

«Советы и коммунистическая партия». «Русская мысль», Прага, 1922, кн. 5, стр. 135–154.

«Фритиоф Нансен о советской России». «Экономический вестник», Прага, 1923, кн. 2, стр. 170–185.

«К вопросу о восстановлении частной собственности в советской России». «Экономический вестник», Прага, 1923, кн. 3, стр. 166–172.

«Центр и места в послереволюционной России. (К проблеме федеративного устройства России)». «Крестьянская Россия», Прага, 1923, № 5–6, стр. 44–58.

«Крестьянство и советы. (По данным выборов 1922 г.)». «Крестьянская Россия», Прага, 1924, № 8–9, стр. 182–193.

«Мысли о демократическом будущем России». «Свободная Россия», Париж-Прага, 1924, № 4.

«Право на наказание и право на исполнение приговора». В кн.: «Симпозиум в честь П. Б. Струве». Прага, 1925, стр. 223–240.

«Советская конституция и ее значение для послереволюционной России». «Своими путями», Прага, 1925, № 6–7, стр. 42–46.

«Советская юстиция в 1924 г.». «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 2, стр. 52–66.

«Законодательство о внешней торговле в 1924 г.»; «Текущие вопросы правовой организации государственной промышленности»; «Советское избирательное право в его прошлом и настоящем»; «Обзор развития судебного права советской России за 1924 г.» (юридическая хроника). «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 3, стр. 122–148.

«Новая конституция РСФСР»; «Революционная законность» (юридическая хроника). «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 4, стр. 164–182.

«Новый устав коммунистической партии»; «Вопросы трудового права в 1925 г.»; «Законодательство о введении метрической системы за 1925 г.»;

- «Состав местного обложения»; «Дискуссия о революционной законности» (юридическая хроника). «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 5, стр. 141–164.
- «Строение профессиональных союзов в советской России». «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 6, стр. 105–125.
- «Очередные вопросы земельного права»; «Из практики арбитражных комиссий» (юридическая хроника). «Русский экономический сборник», Прага, 1925, № 6, стр. 219–240.
- «Проблема независимости суда». «Современные записки», Париж, 1926, № 27, стр. 430–446.
- «Право собственности на городские строения по действующему советскому праву». «Русский экономический сборник», Прага, 1926, № 7, стр. 113–134.
- «Обзор развития судебного права за 1925 г.». «Русский экономический сборник», Прага, 1926, № 7, стр. 190–203.
- «Поворот в избирательной политике». «Русский экономический сборник», Прага, 1926, № 7, стр. 203–213.
- «Право собственности на промышленные предприятия по действующему советскому праву». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 8, стр. 52–72.
- «Сельские советы и сельские сходы». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 8.
- «Низовой аппарат после районирования». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 8, стр. 173–183.
- «Законодательство по регулированию внутренней торговли за 1926 г.»; «Законодательство о внешней торговле за 1925 и 1926 гг.». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 9, стр. 160–177.
- «Основы правового строения советской кооперации». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 10, стр. 172–184.
- «Коммунистическая партия в цифровом освещении». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 10, стр. 184–193.
- «Проблема национального права в Советской России». «Современные записки», Париж, 1927, № 29, стр. 379–399.
- «Советский строй и демократия». «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 11, стр. 30–59.
- «Обзор развития судебного права за 1926 г.» «Русский экономический сборник», Прага, 1927, № 11, стр. 180–200.
- «Крестьяне и советы. К десятилетию октябрьской революции». «Современные записки», Париж, 1928, № 34, стр. 482–497.

- «Церковь и советское государство». «Путь», Париж, апрель 1928 г., кн. 10, стр. 53–85.
- «Национализация банков и ее юридические последствия за границей». «Русский экономический сборник», Прага, 1928, № 12, стр. 24–38.
- «Текущие вопросы земельного права». «Русский экономический сборник», Прага, 1928, № 12, стр. 232–241.
- «Дифференциация трудового права». «Русский экономический сборник», Прага, 1928, № 12, стр. 242–252.
- «Кодификация советского церковного права». «Путь», Париж, 1930, № 17, стр. 53–61.
- «Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда» (три лекции). Издание офицерской школы при Общевоинском союзе в Париже. Париж, 1931, 40 стр.
- «Советские инженеры о самих себе». «Инженер», Париж, 1933, № 1.
- «Сущность права». «Закон и суд», Рига, 1935.
- «Проект нового карательного кодекса для СССР». «Закон и суд», Рига, 1938.
- «Хозяйственное законодательство Италии и Германии». В сб.: «Новая экономика и новое право» (симпозиум по экономике), под редакцией проф. Г. К. Гинса. Харбин, Маньчжурия, 1940, стр. 1–34.
- «Сила и слабость России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1942, № 2, стр. 192–205.
- «Война и религия в советской России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1943, № 5, стр. 192–197.
- «О целях войны». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1943, № 6, стр. 203–214.
- «После Москвы и Тегерана». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1944, № 7, стр. 186–201.
- «Перестройка Советского Союза». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1944, № 8, стр. 236–251.
- «Мысли о послевоенной России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1945, № 10, стр. 174–188.
- «Противоречия во внешней политике СССР». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1945, № 11, стр. 164–179.
- «Плановое хозяйство и демократия». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1946, № 13, стр. 155–167.
- «Положение православной церкви под советской властью». В кн.: "Year Book of the Russian Church in America." 1946, стр. 1–11.

- «Три победителя или один?». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1947, № 15.
- «Обречена ли Россия?». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1947, № 17, стр. 159–166.
- «Население послевоенной России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1948, № 19, стр. 200–210; см. также обмен письмами между Д. Далиным и Н. С. Тимашевым: «Новый журнал», № 21, стр. 292–296.
- «Пути послевоенной России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1949, № 22, стр. 190–203.
- «Советское право в американском освещении». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1951, № 26, стр. 294–303.
- «Окаменение коммунистического строя». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № 30, стр. 213–224.
- «На карательно-террористическом фронте». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, № 33, стр. 263–272.
- «В защиту промышленной культуры» (по поводу книги Б. П. Вышеславцева). «Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, № 35, стр. 280–287.
- «Очернение Сталина». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1956, № 45, стр. 222–229.
- «Две идеологии. (Мысли о современном положении в России)». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1958, № 53, стр. 209–221.
- «Реформы в советском уголовном праве». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1959, № 56, стр. 278–288.
- «Вместо комментария. (Мысли о кронштадском лозунге)». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1960, № 60, стр. 236–243.
- «Ломка советской школы». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1960, № 62, стр. 216–228.
- «Вместо комментария. (О русском либерализме и эпохе Великих Реформ)». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1961, № 63, стр. 241–249.
- «Вместо комментария. (О статье Ф. Мозли «Мифы о советских делах и действительность» и о книге А. Д. Билимовича «Экономический строй освобожденной России)». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1961, № 64, стр. 267–275.
- «Сталинский террор и перепись 1959 года». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1961, № 65, стр. 266–270.
- «Судьбы России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1961, № 66, стр. 225–236.
- «С. П. Мельгунов. «Мартовские дни 1917 г.» Париж, 1961». «Новый журнал», 1962, № 67, стр. 276–280.

«Три мнения о России». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1962, № 68, стр. 262–270.

«Два юбилея». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1962, № 69, стр. 226–232.

«На правильном ли пути Америка?» «Новый журнал», Нью-Йорк, 1962, № 71, стр. 244–251.

«Новое в антирелигиозной политике». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1963, № 73, стр. 287–292.

«Три книги о П. А. Сорокине». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1963, № 74, стр. 269–275.

«О сущности советского государства». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1964, № 76, стр. 227–233.

«Московские суды в наши дни». «Новый журнал», Нью-Йорк, 1965, № 78, стр. 224–231.*

* Этот список не совсем полный, т.к. в настоящих условиях невозможно получить сведения о ранних трудах проф. Н. С. Тимашева. Кроме указанных здесь статей, проф. Тимашев написал свыше ста рецензий по-русски и минимум две тысячи газетных статей («Руль», «Возрождение», «Новое Русское Слово» и пр.)

II. ТРУДЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

BOOKS

Grundzüge des Sowjetrussischen Staatsrechts. Mannheim-Berlin, 1925. 186 p.

An Introduction to the Sociology of Law. Harvard University, Committee on Research in the Social Sciences, Cambridge, Mass. 1939, 418 p. French & Japanese translations. Reproduced by University Microfilms, Ann Arbor, Mich., 1961. (Original version, Leningrad, 1920, kept in the special division of the State Library devoted to works of political emigres).

Religion in Soviet Russia, 1917-42. New York, Sheed & Ward, 1942, 171 p. British edition, 1943; Portuguese, Swedish, Danish, Chinese and Spanish translations; Mexican edition, 1956.

One Hundred Years of Probation, 1841-1941, 2 vols. New York, Fordham University Press, vol. 1. xv, 88 p.; vol. 2. 70 p.

The Great Retreat. New York, E. P. Dutton & Co., 1946, 470 p. Portuguese, Swedish, Chinese translations.

Three Worlds. Milwaukee, The Bruce Publishing Co., 1946, 263 p.

Probation in the Light of Criminal Statistics. New York, Fordham University Press, 1949, 47 p.

Sociology; An Introduction to Sociological Analysis (in collaboration with Paul W. Facey, S. J.). Milwaukee, The Bruce Publishing Co., 1949, 399 p.

Sociological Theory, Its Nature and Growth. New York, Doubleday, 1955, 328 p.; Portuguese and Spanish translations. Revised edition, Random House, 1957, 338 p. 3rd edition in preparation. 2nd Spanish edition, 1963.

General Sociology (in collaboration with Paul W. Facey, S. J. and John Schlereth). Milwaukee, The Bruce Publishing Co., 1959, 454 p.

The Sociology of Luigi Sturzo. Baltimore, Helicon Press, 1962, 247 p.

War and Revolution: A Sociological Analysis. New York, Sheed & Ward, 1965.

ARTICLES

Rechtsbildung und Rechtsverwirklichung in Sowjetrussland. Schweizerische Juristen-Zeitung, 1922, vol. 12.

Die Organisation der Diktatur . . . 1922-3.

Les soviets et le parti communiste. "La Vie des Peuples," October 1922.

Der Rechtszustand in Sowjetrussland. "Zeitschrift für Osteuropäisches Recht," 1925, vol. 2, pp. 147-156.

Die offizielle Wahrheit. "Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie," 1925, vol. 18, pp. 623-631.

Die Sowjetverfassung. Ibid., 1925.

Das Nationalitätenrecht der Union sozialistischer Sowjetrepubliken. "Archiv des öffentlichen Rechts," Tübingen, 1927, N. F. vol. 13, No. 1, p. 1-21.

Où en est la propriété en Russie après dix ans de régime communiste? "Le Monde Slave," Paris, Nov.-Dec. 1927, Nos. 11 & 12, pp. 307-336.

Staatseigentum und Privateigentum in Sowjetrussland. "Archiv für die civilistische Praxis," Tübingen, 1927, N. F. vol. 8, No. 1, pp. 3-39.

Die Organisation der Gewerkschaften in Sowjetrussland. "Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft," Tübingen, 1927, vol. 83, No. 1, pp. 553-567.

L'Etat soviétique et la démocratie. "Le Monde Slave," Paris, March 1928, vol. 1, No. 3, pp. 352-368.

Die Nationalisierung der Banken in Sowjetrussland und ihre rechtlichen Wirkungen im Auslande. "Archiv für die civilistische Praxis," Tübingen, 1928, N. F. vol. 9, No. 1, pp. 1-48.

Les élections soviétiques de 1929. "Le Monde Slave," Nov. 1929, vol. 4, No. 11, pp. 238-258.

Das Wahlrecht der Sowjetunion. "Archiv des öffentlichen Rechts," Tübingen, 1929, N. F. vol. 16, No. 1, pp. 81-109.

Organisation de l'industrie soviétique. "Revue Internationale de Travail," Geneva, 1929, vol. 19.

De la nullité absolue des jugements criminels. In: "Travaux scientifiques de l'université populaire russe de Prague." Prague, 1929, vol. 2, pp. 21-39.

Die politische Lehre der Eurasier. "Zeitschrift für Politik," Berlin, 1929, vol. 18, pp. 598-612.

L'organisation de la dictature russe. "Le Monde Slave," Paris, Dec. 1930, Vol. 4, No. 3, pp. 414-436.

Gesetz und gerichtliche Praxis im heutigen Russland. "Archiv für die civilistische Praxis," Tübingen, 1930, N. F. vol. 13, No. 2, pp. 182-200.

Die Hochschule. In: "Die Welt vor dem Abgrund" (Prof. I. Ilijin, editor), Berlin, 1931, pp. 519-533.

L'evoluzione del diritto penale sovietico. "Rivista Italiana di Diritto Penale," Milan, 1932, vol. 4, No. 2, pp. 3-18.

La famine en U.R.S.S. "Le Monde Slave," Paris, Sept. 1933, vol. 3, No. 9, pp. 341-355.

La faillite de l'étatisme en Russie... Jan. 1934, pp. 159-166.

Le droit, l'éthique, le pouvoir (Essai d'une théorie sociologique du droit). "Archives de philosophie de droit et de sociologie juridique," 1936, Nos. 1-2, pp. 131-165.

Le Stakhanovisme. "Russie et Chrétienté," 1936, vol. 4.

Structural Changes in Rural Russia. "Rural Sociology," March 1937, vol. 2, No. 1, pp. 10-28.

Juvenile Delinquency, the Family and the Courts in the Soviet Union. "American Journal of Sociology," July 1937, vol. 43, No. 1.

What is "Sociology of Law"? "The American Journal of Sociology," Sept. 1937, Vol. 43, No. 2, pp. 225-235. Bobbs-Merrill reprint series in the Social Sciences, No. S 292. Reprinted in: Prof. Jerome Hall, editor. Readings in Jurisprudence. Indianapolis, 1938. Bobbs-Merrill, p. 839-845.

The Retributive Structure of Punishment. "Journal of Criminal Law," Chicago, 1937, vol. 28, pp. 394-405.

Juvenile Delinquency in Soviet Russia. In: W. Lunden, editor. Systematic Source Book of Juvenile Delinquency. Pittsburgh, 1938, pp. 51-56.

L'étude sociologique du droit. "Archives de philosophie de droit et de sociologie juridique," 1938, vol. 3-4.

The Power Phenomenon. "American Sociological Review," August 1938, vol. 3, No. 4. pp. 499-509.

The Sociological Place of Law. "The American Journal of Sociology," Sept. 1938, vol. 44, No. 2, pp. 206-221. Reprinted in: Prof. Jerome Hall, editor. Readings in Jurisprudence. Indianapolis, 1938. Bobbs-Merrill, pp. 1030-1038.

Law as a Social Phenomenon. In: Prof. Jerome Hall, editor. Readings in Jurisprudence. Indianapolis, 1938. Bobbs-Merrill, pp. 868-874.

Translation of: M. Halbwachs. Individual Psychology and Collective

Psychology. "American Sociological Review." Oct. 1938, vol. 3, No. 5, pp. 615-623. (in collaboration with Prof. Read Bain).

The Crisis in the Marxian Theory of Law. "New York University Law Quarterly Review," 1939, series 2, No. 1, pp. 1-13.

The Treatment of Persistent Offenders Outside the U.S. "Journal of Criminal Law and Criminology," Nov.-Dec. 1939, vol. 30, No. 4, pp. 455-469.

Rejoinder to Kirchheimer. "American Sociological Review," Feb. 1940, vol. 5, No. 1, pp. 112-116.

Religion in the Soviet Union. "Russian Orthodox Journal," 1940.

Religion in Soviet Russia. "Thought," March 1940, vol. 15, No. 56, pp. 97-118.

Business and the Professions in Liberal, Fascist, and Communist Society. "The American Journal of Sociology," May 1940, Vol. 45, No. 6, pp. 863-869.

The Population of Soviet Russia. "Rural Sociology," 1940, vol. 5, pp. 303-313.

Law in Pareto's Sociology. "The American Journal of Sociology," Sept. 1940, vol. 46, No. 2, pp. 139-149.

The Revival of Criminal Anthropology. "The University of Kansas City Law Review," Febr. 1941, vol. 9, No. 2, pp. 91-100.

Probation in Contemporary Law: A Centennial Survey. "New York University Law Quarterly Review," May 1941, series 8, No. 1, pp. 498-532.

Probation and Imposed Peace. "Thought," June 1941, vol. 16, No. 61, pp. 275-296.

State and Church in Soviet Russia. "The Russian Review," Nov. 1941, vol. 1, No. 1, pp. 20-31.

The Soviet Constitution. "Thought," Dec. 1941, vol. 16, No. 63, pp. 627-644.

The Crisis of Our Age (Editorial). "Thought," Dec. 1941, vol. 16, No. 63, p. 610-613.

Fundamental Problems of the Sociology of Law. "The American Catholic Sociological Review," Dec. 1941, vol. 2, No. 4, pp. 233-248.

The Legal Regimentation of Culture in National Socialist Germany. "Fordham Law Review," Jan. 1942, vol. 11, No. 1, pp. 1-29.

Cultural Order in Liberal, Fascist, and Communist Society. "The American Catholic Sociological Review," June 1942, vol. 3, pp. 63-71.

On the Russian Revolution: Was Stagnation its Cause? "The Review of Politics," July 1942, vol. 4, No. 3, pp. 287-302.

Overcoming Illiteracy: Public Education in Russia, 1880-1940. "The Russian Review," 1942, vol. 2, pp. 80-88.

Gurvitch's Philosophy of Social Law. "Thought," Dec. 1942, vol. 17, No. 67, pp. 709-722.

War and Religion in Russia. "The Russian Orthodox Journal," 1943, pp. 1-4.

Religion in Russia Today. "The Sign," Jan. 1943, No. 23; reprinted in "Catholic Digest," March 1943, No. 7.

On Propaganda. "The American Catholic Sociological Reviews," March 1943, vol. 4, pp. 10-15.

Revolution and Competition for Power. "Thought," Sept. 1943, vol. 18, No. 70, pp. 435-450.

On the Russian Revolution: Twenty Years After. "The Review of Politics," Oct. 1943, vol. 5, No. 4, pp. 415-441. Reprinted in: H. A u s u b e l, editor. *The Making of Modern Europe*, vol. 2. Dryden Press, 1951.

The Schneiderman Case—Its Political Aspects. "Fordham Law Review," Nov. 1943, vol. 12, No. 3, pp. 209-230.

The Problem of Russia in Postwar Reconstruction. "Thought," March 1944, vol. 19, No. 72, pp. 28-40.

The Russo-Polish Dispute (A Study in the Theory of Territorial Settlement). "The Review of Politics," April 1944, vol. 6, No. 2, pp. 175-192.

Inter-Ethnic Relations in the USSR. "The American Catholic Sociological Review," 1944, vol. 5, No. 2, pp. 83-89.

Russia and the USA (Editorial). "Thought," June 1944, vol. 19.

Vertical Social Mobility in Communist Society. "The American Journal of Sociology," July 1944, vol. 50, No. 1, pp. 9-21.

The Comparative Study of Inter-Ethnic Relations. "The American Catholic Sociological Review," Dec. 1944, vol. 5, pp. 224-237.

The Survival of Religion in Orthodox Russia. "Annual Report of the American Historical Association for 1942," 1944, vol. 3, pp. 73-80.

The Social Reality of Ideal Patterns. "Journal of Legal and Political Sociology," 1944, vol. 3, Nos. 1-2, pp. 66-83.

Religion in Russia. "Current History," Feb. 1945, pp. 105-111.

Four Phases of Russian Internationalism. "Thought," March 1945, vol. 20, No. 76, pp. 37-55.

The Soviet School Experiment. "The Russian Review," Spring 1945, vol. 4, No. 2, pp. 72-87.

Russian Nationalism under the Soviets. "Thought," Sept. 1945, vol. 20, No. 78, pp. 443-459.

On Methods in the Social Sciences. "The American Catholic Sociological Review," Oct. 1945, vol. 6, pp. 169-176.

Legal Aspect of the Granting of Three Seats to Russia in the U.N. Charter. "Fordham Law Review," Nov. 1945, vol. 14, pp. 180-190.

Tocqueville in the Light of Contemporary Sociology. In: William J. Schlaerth, editor. Alexis de Tocqueville's Democracy in America. Fordham University Press, 1945, pp. 38-41.

What Does this War Mean to Russia. "Current History," May 1945, pp. 426-431.

Behind the Iron Curtain (Editorial). "Thought," June 1946, vol. 21, pp. 217-220.

The Moscow Council and the Russian Orthodox Church in America. "The Russian Orthodox Journal," 1945, vol. 19, No. 3.

The Sociologist's Contribution to the Law. "Virginia Law Review," June 1946, vol. 32, pp. 818-834.

The Sociological Theories of the French Institutionalists. "Thought," Sept. 1946, vol. 21, No. 82, pp. 493-512.

The Soviet Union and World Peace. "Review of Politics," Oct. 1946, vol. 8, pp. 456-474.

Petrazhitzky's Philosophy of Law. In: Paul Sayre, editor. Interpretations of Modern Legal Philosophies (Essays in Honor of Roscoe Pound). New York, Oxford University Press, 1947, pp. 736-750.

The Position of the Russian Orthodox Church under the Soviet Regime. In: "Yearbook of the Russian Church in America." 1946.

Nationalization in Europe and the Catholic Social Doctrine. "American Catholic Sociological Review," June 1947, vol. 3, pp. 111-130.

Russia. In: H. S. Leiper, editor. Christianity Today. 1947.

Definitions in the Social Sciences. "The American Journal of Sociology," Nov. 1947, vol. 53, No. 3, pp. 201-209.

The Sociological Theories of M. Kovalevsky. In: Harry Elmer Barnes, editor. An Introduction to the History of Sociology. Chicago, The University of Chicago Press, 1948, pp. 441-457.

Russia and Europe. "Thought," March 1948, vol. 23, No. 88, pp. 21-35.

Political Mythology. "Thought," 1948.

Karl Marx: the Communist Manifesto. "America," April 1948.

The Postwar Population of the Soviet Union. "The American Journal of Sociology," Sept. 1948, vol. 54, No. 2, pp. 148-155.

The Strength and the Weaknesses of the Soviet Union. "Review of Politics," Oct. 1948, vol. 10, No. 4, pp. 399-412.

Observation in the Social Sciences. "American Catholic Sociological Review," Dec. 1948, vol. 9, No. 4, pp. 1-13.

Conflito—estudio de sociologia. "Verbum," Rio de Janeiro, March 1949, vol. 6, No. 1, pp. 3-31.

Postwar Trends in the USSR. "The Russian Review," July 1949, vol. 8, No. 3, pp. 186-200.

Classes in Classless Society. "Reporter," Aug. 16, 1949. German translation: "Ein Klassenloser Staat?" "Die Neue Auslese," March 1950 (by the US Information Service).

Articles on Constitution, Education, Law, Local Government, Population and Sociology in pre-revolutionary Russia. "Encyclopedia Slavonica." 1949.

The Basic Conflict of Our Age—A Sociological Diagnosis. "Thought," Dec. 1949, vol. 24, No. 95, pp. 617-636.

Is Soviet Law a Challenge to American Law? "Fordham Law Review," June 1950, vol. 19, No. 2, pp. 182-189.

War or Peace? "Thought," Sept. 1950, vol. 25, No. 98, pp. 393-411.

The Soviet Concept of Democracy. "Review of Politics," Oct. 1950, vol. 12, No. 4, pp. 506-518.

Marxism and Violence. "America," Dec. 23, 1950.

Sociological Theory Today. "American Catholic Sociological Review," March 1951, vol. 11, No. 1, pp. 25-33.

Religion. In: Waldemar Gurian, editor. The Soviet Union. University of Notre Dame Press, 1951, pp. 153-195.

Is Soviet Law Parental? (About "Justice in Russia," by Harold Ber- man). "University of Pittsburgh Law Review," 1951, vol. 13, pp. 175-182.

Sociology (Article for Encyclopedia). The Gilmory Society. 1952.

Political Power in the Soviet Union. "Review of Politics," Jan. 1952, vol. 14, No. 1, pp. 15-24.

The Basic Concepts of Sociology. "The American Journal of Sociology," Sept. 1952, vol. 58, No. 2, pp. 176-186.

Soviet Jurisprudence since World War II. "Russian Review," Fall 1952, vol. 12, pp. 233-240.

Soviet Law. "Virginia Law Review," Nov. 1952, vol. 38, No. 7, pp. 871-885.

Red Revolution after Thirty-five Years. "America," Nov. 8, 1952.

Comte in Retrospect. "American Catholic Sociological Review," Dec. 1952, vol. 13, No. 4, pp. 3-11.

Communist Doctrine: Theory and Practice. "America," Jan. 24, 1953.

Russian Imperialism or Communist Aggression? In: Waldemar Gurian, editor. Soviet Imperialism. University of Notre Dame Press, 1953, pp. 17-42.

The World Communist Movement. In: C. G. Haines, editor. The Threat of Soviet Imperialism. Johns Hopkins University Press, 1954, pp. 184-188.

The Soviet Peoples. "Current History," August 1953, pp. 81-85.

Russia: Triumvirate and Power Triangle. "America," Aug. 1953.

The Impact of Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law. "American Slavic and East European Review," Dec. 1953, pp. 441-462.

Totalitarianism, Despotism, Dictatorship. In: Carl Friedrich, editor. Totalitarianism. Harvard University Press, 1954, pp. 39-47.

Report on Soviet Jurisprudence. In: "Academic Freedom under the Soviet Regime." Munich, Institute for the Study of Soviet Culture, 1954.

Introduction to: Leo Petrazhitzky. Law and Morality. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1955, pp. xvii-xxxviii.

Urbanization, Operation Antireligion and the Decline of Religion in the USSR. "American Slavic and East European Review," Apr. 1955, pp. 224-238.

The Anti-Religious Campaign in the Soviet Union. "Review of Politics," July 1955, vol. 17, No. 3, pp. 329-344.

Higher Education for What? "Journal of Educational Sociology," Oct. 1955, vol. 29, No. 2, pp. 75-82.

Art and Science, Communist Style. In: "Story of Our Time." Grolier Society, 1955.

Das Strafprozessrecht der Sowjetunion in seinem Verhältnis zum kaiser-

lich-russischen Recht. "Osteuropa-Recht," May 1956, B. 2, No. 1, S. 194-199.

The 20th Party Congress. In: "The Great Pretense." A Symposium on Anti-Stalinism and the 20th Congress; May 29, 1956. Committee on Un-American Activities, U.S. House of Representatives, 84th Congress, 2nd section.

Wie steht es Heute mit der Rechtssoziologie? "Kölner-Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie," 1956, 8, No. 3, S. 415-425.

Das Wesen des Sowjetrechts. "Schweizerische Juristen-Zeitung," 1956, B. 12.

Soviet Education's New Look. "Current History," Jan. 1956, pp. 20-25.

Growth and Scope of Sociology of Law. In: Howard Becker and Alvin Boskoff, editors. Modern Sociological Theory. New York, The Dryden Press, 1957, pp. 424-449.

The Sociologist Looks at the Law. In: "Yearbook of the Dutch Sociological Society." 1957, pp. 53-67.

Théorie et recherche empirique dans la sociologie américaine. "Revue internationale de sociologie," 1957, pp. 5-18.

Religion in Russia Today. "Thought," Autumn 1957, vol. 32, No. 126, pp. 325-337.

De procurature van de USSR. "Themis," 1957, No. 1, pp. 71-79.

The Procurator's Office in the USSR. In: Z. Szirmai, editor. Law in Eastern Europe, vol. I. Leyden, A. W. Sijthoff, 1958, pp. 8-16.

Control and Reduction of Armaments [Brief article in reply to questionnaire]. 85th Congress. 1st section, staff study No. 8; Subcommittee on Disarmament of the Committee on Foreign Relations. 1957.

Soviet Ideologies, 1958. "Current History," Jan. 1958, pp. 28-33.

The Russian Orthodox Church Today. 1958.

The Dutch Prison System. "The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science," March-April 1958, vol. 48, No. 6, pp. 608-614.

Het juridisch aspect van de leiding door de partij in de Sowjets. "Themis," 1959, vol. 2, pp. 83-95.

Order, Causality, Conjuncture. In: Llewellyn Gross, editor. Symposium on Sociological Theory. New York, Row, Peterson & Co., 1959, pp. 145-164.

Hervormingen in het Sowjet Strafrecht en Strafprocesrecht. "Themis," 1959, No. 6, pp. 606-614.

The Inner Life of the Russian Orthodox Church. In: Cyril E. Black, editor. *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1960, pp. 425-438.

Don Luigi Sturzo's Contribution to Sociological Theory. "American Catholic Sociological Review," Spring, 1961, vol. 22, No. 1, pp. 11-32.

The State and the Family of Nations as Social Groups. In: "Estudios Sociologicos Internacionales," vol. 2, Madrid, Instituto "Balmes" de Sociologia, 1961, pp. 625-642.

The Socio-Political Setting of Soviet Law. In: Alex Inkeles and Kent Geiger, editors. *Soviet Society*. Boston, Houghton Mifflin Co., 1961, pp. 189-193.

Soviet Ideology for the 1960's. "Current History," Oct. 1962, pp. 224-229.

Social Theories of Talcott Parsons. In: M. Black, editor. *Symposium Review*. "American Catholic Sociological Review," Fall, 1962, vol. 23, No. 3, pp. 236-241.

Sorokin on Law, Revolution, War, and Social Calamities. In: Philip J. Allen, editor. *Pitirim Sorokin in Review*. The American Sociological Forum. Durham, N. C. Duke University Press, 1963, pp. 247-275.

Don Luigi Sturzo's Sociological Theory. In: Edward A. Tiryakian, editor. *Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change. Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin*. The Free Press of Glencoe, 1963, pp. 265-283.

Law as a Social-Psychological Phenomenon. "Philosophy Today," 1964, pp. 197-212.

L. Gumplowicz. In: "Encyclopedia Americana" (to appear).

Eugen Ehrlich. In: "International Encyclopedia of Social Sciences" (to appear).

Sociology of Law. In: "New Catholic Encyclopedia" (to appear).

* * *

The above list does not include newspaper articles, most minor articles in non-scientific journals, and approximately 300 book reviews in American and European (non-Russian) scholarly publications.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Проф. прот. Александр Шмеман

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Кончается великая русская эмиграция. И хотя преждевременно подводить итоги ее сложной, богатой, славной и трагической истории, уже и сейчас можно с уверенностью сказать, что, наряду с общекультурными, литературными, научными и др. ее заслугами, исключительным по своему значению останется вклад ее в религиозную сокровищницу русского народа. В этой короткой «юбилейной» заметке, которая пишется к тому же вдали от книгохранилищ, пособий и источников, я не могу и не хочу говорить об отдельных представителях тех творческих усилий, которыми отмечено было наше теперь уже более чем сорокалетнее странствование по эмигрантской пустыне. Я хотел бы попытаться дать этим усилиям только самую общую оценку, а также указать значение их для будущего.

Мне представляется, что религиозно-богословское творчество в русской эмиграции нужно постараться понять и оценить с двух точек зрения. Во-первых, как завершение процесса, начавшегося задолго до революции, как своего рода эпилог той церковной культуры, что росла и развивалась в сложной духовной обстановке России двух последних столетий. Во-вторых же, как начало нового пути, как вехи, указывающие в еще неведомое и таинственное будущее, как вопрос, обращенный к следующим поколениям.

Сейчас никто уже не будет спорить с тем, что «петровский период» истории Русской Церкви, несмотря на все недостатки и даже трагедии, был все же периодом несомненного расцвета, причем это был, прежде всего, расцвет церковной культуры и просвещения, богословия в самом широком смысле этого слова. Пути и достижения этого

русского богословия подвергали суровой и, во многом, справедливой критике (см. ставший почти классическим труд прот. Г. Флоровского «Пути русского богословия», 1937), но критика эта не должна заслонять от нас и исключительной ценности этой эпохи.

Вряд ли нужно доказывать, что история христианского Востока, после падения Византийской Империи, а может быть и до этого рокового и «судьбоносного» события была подлинно трагической. Турецкое иго означало историческое «умаление» и «истощание» Православия как раз тогда, когда Запад, после «темных веков» распада и варваризации, вступал в эпоху построения великой средневековой *christianitas*. С тех пор история «делалась» на Западе, — пускай сложная, трагическая, противоречивая но несомненно великая по своему внутреннему замыслу, универсальная по своему значению. Православие «умалилось» — и все его усилия были на протяжении веков направлены на то, чтобы выжить, сохранить себя, не утонуть в чужеродном, враждебном море Ислама. Физически, православие выжило — но ценой каких жертв! И, конечно, самым страшным был обрыв культурного делания, творческой традиции мысли, делавшей православный Восток сердцем и мозгом всего христианского мира в первый — «золотой» — век византизма. Началось время православного «провинциализма», сужение кругозора, бесконечного ограничения интересов и возможностей. И — как неизбежное следствие всего этого — потеря *свободы* в отношениях с Западом, сведение их либо к рефлексии страха, подозрительности, огульного отрицания, либо к столь же огульному преклонению и подражанию. Как на пример этой двойной рефлексии можно указать на судьбы православного богословия в эпоху после обрыва отеческой, живой традиции. Богословие это было, с одной стороны, целиком защитительным, антизападным, полемическим, т.е. питалось аффектом страха, — а с другой стороны, именно тогда же произошло столь радикальное порабощение нашего богословия западным, столь решительное его «озападнивание», что эпоху эту можно без преувеличения назвать временем западного пленения православной мысли...

Обрыв творческого вдохновения, сужение умственного кругозора, мертвый «оборонительный» консерватизм и, наконец, исподволь отравление как раз теми западными ядами, от которых хотели обороняться, — таково было состояние православной культуры в темную эпоху распада и порабощения византизма. И потому эта культура оказалась беспомощной и беззащитной тогда, когда наступило освобождение, беззащитной перед торжествующим наступлением все того же Запада, оказавшегося даже для православных народов единственным мерилом, содержанием и вдохновением культуры.

Только в свете всего сказанного можно понять и оценить то совершенно исключительное место, что занимает в этой трагической «историософии» православного мира, православной культуры Россия. Плоть от плоти и кровь от крови Византии, православная Россия глубоко и органически усвоила — через богослужение и аскетику, через храмо-строительство и икону — «канон» византийского православия, оказалась не только эпигоном византизма, но и его творческой наследницей и продолжательницей. В этом смысле — вне всяких мессианских, националистических и апокалиптических заострений и преувеличений — она действительно была «третьим Римом» в эпоху трагического умаления и распада второго. Но единственность ее, конечно, не только в том, что Россия оказалась свободной и сильной в то время, когда весь православный Восток был поработан и обессилен. Единственность этой «русской главы» в общей истории и судьбе православия в том, что именно тут, в России, история эта — впервые за много веков — сделала дальнейшее свое движение, и снова заколебалась и заби-лась в творческом напряжении и вдохновении долго бывшая неподвижной стрелка духовного сейсмографа.

Таким движением оказалась новая и свободная встреча с Западом, освобождение православной «психеи» как от испуганно-оборонительного и отрицательного, так и от некритически восторженного «порабощения» ему. Эта встреча произошла не сразу или, вернее, не сразу стала она свободной и творческой. Духовно, психологически, культурно Россия прошла через все стадии — как отрицания, так и

приятия — Запада, общие всему Востоку. Если древняя, Московская Русь довела почти до пароксизма апокалиптическое отрицание и страх Запада, то петровская реформа, на первых порах, оказалась как бы безоговорочной сдачей и капитуляцией перед Западом. На фреске, изображающей ад в Костромском монастыре, человек сгорает в огне «за то, что немец», а опьяненный Западом помещик восемнадцатого века воздвигает в своем имении памятник Вольтеру — две карикатуры, две крайности... Но мы знаем теперь *post factum*, что две эти крайности были преодолены в поразительном творческом синтезе, имя которому — русская культура девятнадцатого века. И вряд ли нужно доказывать сегодня, что это был именно *синтез*, что глубина и значение этой культуры, в лучших ее достижениях, в ее духовной *глубине* в том как раз, что выросла она как бы из двух источников, ни один из которых сам по себе не мог бы ее родить и вдохновить... Как Пушкина невозможно целиком вывести из одной петровской реформы, так и духовное напряжение и — скажем прямо — религиозный подъем, нараставший внутри русского православия в девятнадцатом веке, нельзя вывести из одного до-петровского благочестия.

Я думаю не будет преувеличением сказать, что в России в девятнадцатом веке *началось возрождение православия* после веков упадка и истощания. Я не хотел бы быть неправильно понятым. Я говорю не о той вневременной, ибо сверхвременной и потому внеисторической, *реальности* духовной жизни, духовных побед, озарений и восхождений, которые никогда не прерываются в Церкви. Я говорю о Православии — как исторической, т.е. в истории действующей и на нее, историю, направленной духовной силе, способной изнутри менять и преображать самую ткань истории. На языке церковном это есть *миссия*. Христианство же есть миссия по самой своей природе, и как только оно теряет свое миссионерское вдохновение, отождествляет себя с каким-то одним — статическим — обществом, с одной культурой, оно немедленно перестает быть огнем, о котором тосковал Христос — когда он возгорится, и становится — в лучшем случае — *одной из* «великих» религий. Но миссия направлена не только к отдельному человеку. Миссия есть —

также и непременно — миссия «ко всему миру» и «ко всей твари», и это предполагает антиномическое сопряжение полной, абсолютной свободы и отрешенности от мира со столь же полной обращенностью к миру. Миссия — это всегда Апостол Павел, врывающийся в самую сердцевину «мира», во его святилище и там находящий образ неведомого Бога, и этого неведомого Бога называющий по *Имени*. И вот, трагедией Православного Востока — на последней глубине — было то, что он такой миссией перестал быть, что он — пускай насильно, но — принял свое отождествление с одним «обществом» и одной культурой. Православный Восток стал жить пафосом самосохранения, тогда как основным вдохновением миссии является всегда евангельское: «аще не умрет, не оживет» и павловское: «всем бых вас да яко некия спасу...»

И вот, русское духовное возрождение девятнадцатого века, которое по разному и в разных плоскостях, но включает в себя и Оптину пустынь, и русское академическое богословие и, наконец, сложный мир т.н. «религиозной мысли», было в первую очередь возрождением изначального «миссионерского» вдохновения христианства. Это означает, что в нем преодолены были самодостаточность, самозамкнутость и, следовательно, историческая ограниченность церковного самосознания, преодолены были страхи и комплексы предшествующей эпохи с ее пугливой обращенностью к прошлому, как панацее от всех проблем настоящего, с ее страшным смешением полной бытовой успокоенности с апокалиптическим испугом. Православие как бы снова увидело мир — не фиктивный, безвозвратно ушедший в прошлое и застилизованый в некий сакрально-статический идеал мир византийской христианской «политевмы» или московского Домостроя, а настоящий, живой мир с его трагедиями, падениями, чаяниями и исканиями. И увидело этот живой мир, как *свой* мир, как одновременно поле и объект все той же вечной, никогда не обрывающейся Миссии.

Повторяю, пути и достижения этого русского возрождения можно и должно критиковать. В нем не могло не быть срывов, извращений, ошибок. Но сама эта критика может быть плодотворной только если за деревьями она увидит

лес, если за ошибками она распознает глубину и значение самого этого пробуждения, этого творческого подъема. Могло быть дано много неправильных и недостаточных *ответов*, но важно то, что были поставлены правильные *вопросы*, те вопросы, которыми христианство не может не жить, не изменяя себе.

В этой короткой заметке нет места для хотя бы простого перечисления этих вопросов и данных на них ответов. Но все вышесказанное приводит нас к тому, с чего мы начали. Революция оборвала это возрождение. Великое здание духовной культуры, воздвигнутое с таким трудом, такими усилиями и любовью, было разрушено. И в свете этой страшной духовной разрухи несомненным чудом представляется то, что «остаток спасся» — и что этой духовной традиции отведено было еще несколько десятилетий свободы и воздуха. Да, религиозное творчество эмиграции есть *эпilog*, конец, завершение. Но все очевиднее становится, что оно призвано стать и новым *началом*. Все очевиднее становится, что будущее России зависит от того, будет ли там восстановлена связь с этой традицией как подлинной традицией России. И есть много признаков, что именно она, эта духовная традиция русской культуры все сильнее привлекает к себе интересы уставшей в безводной пустыне диамата русской молодежи. А если произойдет эта чудесная встреча, тогда то, что нам здесь представляется концом и смертью, окажется *там* — началом и жизнью.

«Аще не умрет, не оживет». Каждый год, каждый месяц мы прощаемся с теми, кто еще нес в себе отсвет и силу этого великого прошлого. Но мы должны знать и верить, что конец уже начал свое таинственное претворение в *начало*...

Г. В. Вернадский

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА

I

Соборное Уложение 1649 года не только замечательный памятник русской юридической мысли и русского законодательства, но и один из важнейших исторических источников, дающих ключ для понимания эволюции общественного и государственного строя Московской Руси.¹

На долгом историческом пути от княжеско-боярской Руси XV века к Петровской эпохе было два резких перелома — время Ивана Грозного и Смуты начала XVII века. Соборное Уложение составлено было на гребне третьего — менее ярко выраженного, но не менее от того значительного — перелома или вернее перевала.

Уложение подводит итоги государственному и общественному строю, основанному на крепкой связи между церковью, царской властью, земским собором и корпоративными «чинами». Вместе с тем Уложение не закрывает путей для дальнейших изменений этого строя — возвышения власти Великого Государя и развития дворянских привилегий, приведших к разъединению между «чинами».

Уложение 1649 года создано было в ответ на требования жизни, под напором стихийных народных движений — восстания в Москве в июне 1648 года и связанных с ним мятежей в ряде других городов.

Одной из основных причин народного недовольства была неурядица в судопроизводстве, вызванная отчасти неурядицей в законодательстве. За почти столетие со времени составления Царского Судебника (1550) накопилось боль-

шое количество законов и постановлений часто несогласованных друг с другом или прямо противоречивых. Это способствовало произволу судей. На земском соборе 1642 года, созванном для обсуждения вопроса — воевать ли с Турцией и Крымскими татарами из-за Азова (взятого в 1637 году Донскими казаками), дворяне и «дети боярские» разных городов заявили: «разорены мы пуще турецких и крымских бусурманов Московскою волокитою и от неправд и неправедных судов». Правительство решило не воевать.

Главная задача Уложения 1649 года, как она была выражена в предисловии к нему — установить, «чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всех делах равна».

У дворян и посадских людей были — у каждого «чина» особые — причины недовольства, которое не раз высказывалось в челобитных, подававшихся в течение всего царствования Михаила Федоровича и только частично удовлетворившихся правительством.

Основным требованием дворян, как и бояр, было обеспечение их вотчин и поместий рабочими руками, т.е. прикрепление крестьян к земле. Свобода крестьянского перехода из одного имения в другое была в Московской Руси в первый раз ограничена правительством Ивана Грозного, когда введены были (в 1581 году) так называемые «заповедные» годы, в течение которых крестьянский переход запрещался. Это была временная мера, но фактически, за редкими исключениями, она стала применяться постоянно.

Крестьяне, вышедшие со своих мест самовольно во время действия «заповедных» лет, подлежали принудительному возвращению. В 1597 году установлен был пятилетний срок для розыска беглых крестьян. В 1646 году срок этот был удвоен. Боярство и дворянство требовали полной отмены какой бы то ни было давности на дела о беглых, т.е. окончательного установления крепостного права.

Крестьянство, наоборот, считало «заповедные годы» только временными правилами (как оно юридически и было до Уложения) и ожидало восстановления «выходных лет». Но выборных от крестьян не было на соборе 1649 года. Голос крестьянства не был услышан и чаянья крестьян, сидев-

ших на вотчинных и поместных землях, не были приняты во внимание.

Причинами недовольства горожан — «черных» (тяглых) посадских общин — была тяжесть налогов и неравномерное их распределение. Посадские люди протестовали против поселения в городских слободах «беломестцев», т.е. лиц, не подлежащих общинному налогу. «Белые слободы» устраивались и церковными и монастырскими властями и боярами.

Среди самих посадских людей была тяга к «обелению» путем продажи своих дворов «беломестцам» или путем принятия зависимости от «беломестцев» (так называемого «закладничества»). Такой уход членов посадской общины из-под тягла делал податное обложение для оставшихся членов еще более тяжелым, и они требовали сыска ушедших и возвращения их в тягло. В этом вопросе интересы посадских сталкивались с интересами и церкви и части боярства.

Земский собор для подготовки Уложения созван был 16 июля 1648. Заседания его продолжались до 29 января 1649, когда Уложение было официально утверждено царем Алексеем Михайловичем.

Для составления Уложения назначена была особая комиссия, во главе которой был поставлен один из выдающихся русских государственных деятелей XVII века, князь Никита Иванович Одоевский. Фактическими редакторами Уложения можно считать двух дьяков — членов комиссии Одоевского — Гаврилу Леонтьева и Федора Грибоедова. Грибоедов, сын выходца из Польши, был предок автора «Горя от ума».

Кроме того, для обсуждения выборными людьми статей Уложения установлена была особая «Ответная Палата» под руководством другого видного деятеля XVII века, стольника (возведенного 21 ноября в боярский сан, минуя околичество) князя Юрия Алексеевича Долгорукова.

В эту Палату и передавались на обсуждение челобитные, подаваемые на царское имя выборными людьми от дворян и посадских. Основные требования их были удовлетворены и вошли в состав Уложения.

В напряженной атмосфере постатейного обсуждения Уложения затрагивались и вопросы, касающиеся церкви,

пределов церковного суда, церковных и монастырских имуществ.

К отношениям между церковью и государством, поскольку они отразились в Уложении, мы теперь и переходим.

II

До середины XV века русская церковь канонически была митрополией в составе Константинопольского патриархата. В середине XV века, в связи с международными событиями (в особенности — с падением Константинополя и греческого православного царства), произошло разделение русской церкви на две митрополии — восточную (Московскую) и западную (Киевскую). Западная митрополия осталась канонически частью Константинопольского патриархата. Восточная сделалась автокефальной. В 1589 году Константинопольский патриарх согласился поставить Московского митрополита Иова патриархом «Московским и всея Руси». (Западно-русская митрополия продолжала оставаться в ведении Константинопольских патриархов до 1687 года, когда она была присоединена к Московской патриархии).

До того как русская церковь сделалась автокефальной, она пользовалась сравнительной независимостью от великокняжеской власти. К тому же, в монгольскую эпоху права церкви и неприкосновенность церковных и монастырских земель были обеспечены ярлыками (грамотами) монгольских ханов. Московское государство фактически освободилось от подчинения татарам в то же самое время как турками была разрушена византийская империя.

На Московского великого князя (позже — царя) перешли теперь права и обязанности византийских императоров по отношению к церкви. По инициативе царской власти (фактически, по инициативе правителя государства в это время, Бориса Годунова, именем царя Федора) состоялось и возведение Московского митрополита в сан патриарха.

В византийской религиозно-политической мысли следует различать два главных течения.² Представители одного считали, что император является главой не только го-

сударства, но и церкви. Это было продолжение традиций римской империи с ее культом императора — Верховного Жреца (*Pontifex Maximus*).

Представители другого, более характерного для Византийского православия, течения мысли говорили о «симфонии» государства и церкви, о «двоице» царя и патриарха. Идея эта была выражена в VI новелле Юстиниана (VI век), и наиболее ярко и отчетливо в сборнике законов IX века, известном под названием «Епанагога». Сборник этот составлен во второе патриаршество Фотия (около 883 года).

В предисловии к VI новелле говорится: «Величайшие даны людям от высшего человеколюбия Божия дары — священство и царство; одно управляет божественными делами, другое начальствует и заботится о человеческих делах, и оба происходят от одного и того же начала... Доброе согласие обоих начал доставляет всяческую пользу людям».³

В I титуле Епанагоги дается общее определение закона и правосудия. II титул говорит о царе, III — о патриархе. «Царь есть правовая власть, общее благо для всех подданных». «Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, словом и делом свидетельствующий истину».⁴

Предисловие к VI новелле Юстиниана вошло в состав византийского сборника выдержек из государственных законов и церковных канонов, известного в разных редакциях под названием Номоканона — в славянских переводах «Кормчая книга».⁵

Основные статьи Епанагоги вошли в юридический сборник Матвея Властаря (составлен был в середине XIV века). Этот сборник был переведен в Сербии на славянский язык. Списки славянского перевода вскоре появились и на Руси.⁶

Высокое положение, подобающее патриарху в православном царстве, было отмечено иерусалимским патриархом Феофаном при торжественном поставлении им, в сослужении московских архиереев, патриарха Филарета (1619). Это был особый случай, т.к. Филарет (в миру, боярин Федор Никитич Романов) был отец царя Михаила. Обращаясь к царю, Феофан «молил» его оказывать патриарху «святительства ради в духовных вещах повиновение, как [духов-

ному] отцу и учителю. В телесных же вещах [оказывать] послушание и покорение» как отцу по плоти.⁷

Кроткого и болезненного царя Михаила не надо было и просить о «покорении» отцу. Михаил и так во всем слушался отца, теперь же, когда тот был освящен «даром» патриаршества, Михаил благоговел перед ним.

Как отец царствующего государя, Филарет принял тот же титул, что и Михаил — «Великий Государь». Именем своего сына — царя, сильный сознанием достоинства патриаршего сана и опираясь на Земский Собор, Филарет твердо взял в свои руки бразды государственного правления и деятельно занялся приведением в порядок московской администрации и финансов, расшатанных Смутой. Боярская Дума была отодвинута на второй план.

Филарет озаботился и о твердом материальном обеспечении патриаршего престола. В 1625 году, царь Михаил по совету и прошению отца — патриарха — выдал последнему особую грамоту на патриаршую область (епархию), заключавшую в себе более сорока городов с пригородами и уездами. В этой обширной церковной области патриарху были подчинены все монастыри и церкви, все духовенство и служащие, и все крестьяне монастырских и церковных земель. Патриарх получил право ведать и судить всех этих своих подчиненных не только в делах духовных, но и гражданских, какие они имели между собой и в каких били на них челом люди сторонних ведомств, кроме лишь дел «разбойных и татиных [воровских] и кровавых».⁸

Патриаршая область сделалась как бы особым владением. Управление им Филарет облек в правильные формы, соответствующие светским государственным учреждениям. Устроены были патриаршие «приказы» — судный, церковных дел, казенный (финансовый) и «дворцовый» (ведавший хозяйством патриарших вотчин). Дела решались с доклада патриарху.

Филарет скончался 1 октября 1633 года в возрасте около 80 лет. Подавленное патриаршей диктатурой боярство подняло голову. Руководящие бояре решили не только предотвратить в дальнейшем вмешательство патриарха в государственную жизнь, но и принять меры к тому, чтобы

постепенно установить известный контроль государственной власти над церковной администрацией и судом, а также и над церковными землями. Эта боярская политика, до некоторой степени поддержанная дворянством и посадскими людьми, нашла себе выражение в Уложении 1649 года.

III

Первая глава Уложения — «О богохульниках и церковных мятежниках» — посвящена внешней охране православной веры и порядка в церковных службах. Нарушители подвергаются суровым наказаниям — сжиганию на костре (богохульники), битью батогами, заключению в тюрьму.

Глава II говорит «О государственной чести». В ней идет речь о наказаниях за политические преступления — покушения на личность государя, измену и заговоры; за важнейшие преступления полагается смертная казнь.

Глава III содержит в себе санкции за нарушения порядка на государевом дворе. За убийство кого-либо на государевом дворе — смертная казнь. За прочие случаи нарушения благочиния двора — тюрьма или битье батогами.

Три первые главы Уложения можно назвать основными законами Московского государства. Следует отметить, что при розыске и суде за политические преступления устанавливаются известные гарантии для обвиняемых в предупреждение судебных ошибок.⁹

В системе основных законов Уложения охрана православия как духовной основы Московского царства поставлена на первый план — перед охраной государственной чести. С другой стороны, церковь как организация отодвинута на второй план, сравнительно с государством и государственной властью. Это было естественным результатом боярской политики после смерти патриарха Филарета.

Если представить себе, что Уложение было бы издано при жизни патриарха Филарета, то можно думать, что в нем «честь» и царя и патриарха оберегались бы одинаково. По Уложению это не так.

Охране государства в лице его главы и государственным преступлениям посвящено в Уложении две главы. Об

охране церковного управления и его главы — патриарха в Уложении особой главы нет.

О защите патриаршей чести говорится лишь в общем списке наказаний за «бесчестье», т.е. оскорбление чести — при этом имелись в виду преимущественно случаи словесного оскорбления (Уложение — глава X, статьи 27 — 99). В этом списке патриарх поставлен на первое место (о царе там, само собой разумеется, уже не упомянуто).

В связи с этим списком следует отметить обратный случай — взысканий, которым подвергалось духовенство (начиная с митрополитов и ниже, патриарха это не касалось) за словесное «бесчестье», нанесенное боярам, «гостям» (верхушке купечества), дьякам или дворянам (глава X, статьи 83 и 84). Статьи эти истолкованы были так, что под них подводилось не только словесное оскорбление, нанесенное духовным лицом светскому в частном разговоре, но и выпады против членов правительства и администрации в церковной проповеди. Пользуясь этими статьями, правительство могло, таким образом, установить контроль над проповедью.

Впоследствии, патриарх Никон (бывший во время составления Уложения архимандритом) винил лично князя Никиту Ивановича Одоевского за включение этих двух статей в Уложение. В своей позднейшей критике Уложения, Никон говорил: «ты, князь Никита, новый закон написал советом антихриста, учителя твоего... Не суть ли дьявольский сей закон? ей, самого антихриста, дабы никто не смел, тяжести ради Уложенныя, никому о правде слова Божия проповедати».¹⁰

Следует заметить, что Никон писал свое «Возражение», когда он был уже в положении обвиняемого и находился под надзором в Воскресенском монастыре. Отсюда особенная резкость его тона.

Стремление правительства ограничить права духовенства и церковного суда и администрации проявляются и в некоторых других частях Уложения, — в главе XII (о Патриарших приказах), XIII (о Монастырском приказе) и XIX (о посадских людях).

Судебные и административные права патриарха в его

епархии не были отменены после смерти Филарета. Уложение их подтверждает, но вносит одно существенное ограничение: дело решенное патриаршим судом может быть обжаловано в верховный государственный суд (суд царя и бояр).

Для других епархий, еще до Уложения, установился порядок, согласно которому иски на монастыри, получившие от царя «несудимые» (иммунитетные) грамоты, подлежали суду Приказа Большого Дворца (основной функцией которого было содержание государева дворца, дворцовых сел и оброчных дворцовых имуществ).

Уложение создало для суда по всем гражданским делам духовенства, монастырей и зависимых от них людей, и по всем сторонним на них искам особое государственное учреждение — Монастырский Приказ.

За церковными и монастырскими властями остался суд только по духовным делам.

Учреждение Монастырского Приказа вызвало сильное недовольство среди высшего духовенства. Впоследствии, выразителем этого недовольства явился тот же патриарх Никон.

Во вступлении к Уложению сказано, что в числе источников его были правила святых апостолов и святых отцов церкви и гражданские законы греческих царей.

В своем вышеупомянутом «Возражении» Никон, обращаясь к тому же князю Одоевскому, писал: «И в том во всем ты, окаянный, солгал.. Покажи нам, где есть в апостольских и святых отцов (правилах) положение о том, чтобы бояре и окольные могли судить патриарха и митрополитов, и игуменов, и весь духовный чин?»¹¹

Свое возмущение Уложением — и в частности Монастырским приказом — Никон выразил и в письме к Константинопольскому патриарху Дионисию от 8 февраля 1666 года. В этом письме Никон называет Уложение «проклятой книгой». О Монастырском приказе он пишет так: «Сидят в том приказе мирские люди и судят, а от духовного чину и никого нет, и сице (так) судят, по повелению царского величества, всякие церковные и монастырские, движимые

и недвижимые вещи, а в законных книгах сего несть писано». ¹²

Во время обсуждения и подготовки Уложения поднят был и вопрос о церковных и монастырских имуществах. Имущества эти были двоякого рода: вотчины, населенные и обрабатывавшиеся крестьянами; и слободы в Москве и других городах.

Когда при Иване III в последней четверти XV века введена была система раздачи земель в поместье (владение под условием военной службы) для обеспечения дворянской армии и выяснилось, что в распоряжении государства нет достаточного фонда земель, подходящих для раздачи в поместье, в правительственных кругах возник план секуляризации церковных земель.

Церковный собор 1503 года, а затем Стоглавый собор 1551 года, воспротивились притязаниям светской власти и пригрозили церковным проклятием всякому, кто покусился бы на церковные имущества. Единственно на что церковь согласилась в последнее десятилетие царствования Ивана Грозного, это на ограничения дальнейшего роста церковного землевладения. Несмотря на это, рост продолжался и сами же цари иногда нарушали принятые решения новыми пожалованиями вотчин патриархам и монастырям.

В бурный 1648 год вопрос о церковных землях вновь сделался злобой дня. Поднят вопрос был дворянством, но требования дворянства поддержали и «торговые люди», и посадские, и все выборные люди «ото всея земли». 9 ноября все они совместно подали царю челобитную, в которой предлагали отобрать у патриарха, церковных властей и монастырей все вотчины, приобретенные после 1580 года. Челобитчики просили «ради оскудения воинскому чину» передать эти земли «служилым людям — беспоместным и пустопоместным и малопоместным дворянам и детям боярским». ¹³

Несмотря на возражения патриарха, правительство должно было принять требования челобитчиков. Для подготовки реформы необходимо было прежде всего собрать сведения о той части церковных и монастырских земель, которая подлежала секуляризации. Государь указал Поместному

приказу составить список земель, которые были приобретены церковью с 1580 по 1648 год. Поместный приказ в первую очередь потребовал соответствующих сведений от монастырей. Дело затянулось. Возможно, что монастырские власти сознательно его затягивали. Между тем, обсуждение Уложения подходило к концу, а откладывать утверждение и издание его было невозможно. Секуляризация намеченной части монастырских вотчин не состоялась. Но принципиально она не была и отвергнута.

Иначе обстояло дело с патриаршими и монастырскими слободами в городах. В этом случае шла речь о полной ликвидации «белых» слобод и дворов — не только церковных. Уложение «очернило» все эти слободы.

Уложение постановило «взять за государя в тягло» слободы «патриаршие, митрополичьи и монастырские и бояр и окольных и думных и ближних и всяких чинов людей... А впредь, oprичь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городах не быть» (глава XIX).

Постановление это соответствовало требованиям посадских. Возможная боярская оппозиция этой статье была ослаблена тем, что у некоторых влиятельных бояр не было городских слобод. Почти не было их и у дворян. Патриарх и монастырские власти протестовать не решились. Лишь позже, Никон резко раскритиковал секуляризацию патриарших и монастырских слобод.¹⁴

IV

Подводя итоги, можно сказать, что в Уложении русское законодательство вступило на путь систематического ограничения церковного суда и администрации государственной властью и частичной секуляризации патриарших и монастырских земель.

Эта правительственная политика вызвала значительное недовольство в высших кругах церковной иерархии. Патриарх Иосиф был уже стар и болен и ему не хватило бы решимости, чтобы попытаться остановить напор государства на права церкви. К тому же, в последние годы своего патриаршества Иосиф почти отстранился от дел. Царь Алексей покровительствовал кружку «ревнителей», во главе ко-

торого стоял духовник царя протопоп Стефан Вонифатьев. К этому кружку примыкали и архимандрит Никон и протопоп Аввакум — тогда еще друзья.

Кружок ревнителей стремился к внутреннему обновлению церкви — усилению религиозного чувства и повышению нравственности духовенства и мирян, упорядочению церковной службы, поощрению проповедничества, осторожному и вдумчивому исправлению ошибок в церковных книгах. Из членов кружка общими вопросами отношений государства и церкви интересовался, по-видимому, один Никон.

Взгляды Никона сложились на основе учения отцов церкви (главным образом — Иоанна Златоуста) и византийских учений о «симфонии» церкви и государства — «двоице» царя и патриарха. Следуя Златоусту, Никон был убежден, что «священство выше царства» (в деле духовного спасения человечества). Следуя Епанагоге, Никон считал, что «патриарх есть живой и одушевленный образ Христов».

Никону удалось увлечь своими идеями молодого и впечатлительного царя Алексея, тем более что перед ними был и московский прецедент «богомудрой» двоицы в лице деда и отца Алексея — Филарета и Михаила.

После смерти патриарха Иосифа (1652), Никон был возведен в патриархи — двоица возродилась. По настоянию царя Алексея, Никон принял и титул «Великого Государя», который носил Филарет. Тот был отец царя по плоти. Никона царь Алексей считал своим отцом по духу.

Когда в 1654 году произошел разрыв с Польшей из-за соединения Украины с Московским государством и царь Алексей принял личное участие в походах в Белоруссию, то на время своих отъездов из Москвы он стал поручать патриарху Никону верховный надзор за правительственной деятельностью. Бояре должны были докладывать текущие дела патриарху (как одному из двух «Великих Государей»). Указы местным властям посылались Никоном от имени царя и патриарха. Никон так действовал на основании специальных полномочий, данных ему царем Алексеем, и только во время отсутствия царя из Москвы.

Бывший член кружка «ревнителей» Никон взялся энер-

гично и за исправление церковных книг и обрядов, чтобы привести их в соответствие с практикой греческой и киевской церкви. Тут был и оттенок политической спешности — в 1652 году назревал уже Украинский вопрос и представлялось необходимым подготовить почву для сближения Москвы с Киевом не только политического, но и церковного.

Дело исправления церковных книг и обрядов Никон повел своей единоличной властью, не посоветовавшись с «ревнителями» и не привлекая их к осуществлению своего плана. Когда он понял свою ошибку, было уже поздно. Разрыв между Никоном и «старообрядцами» уже произошел, а к тому же у Никона уже не было власти для принятия мер к примирению.

Уже со времени чрезвычайных государственных полномочий Никона в 1654-1656 годах среди боярства начала расти оппозиция против него. Постепенно царь Алексей под влиянием бояр стал охладевать к своему «собинному» другу. Властная опека Никона начала его тяготить. Между царем и патриархом начали происходить размолвки.

Бояре обвиняли Никона в том, что он продолжает вмешиваться в государственные дела и называться Великим Государем. Никон со своей стороны корил царя за то, что он стесняет права церковного управления и суда и не соглашается упразднить Монастырский приказ.

В 1658 году произошел полный разрыв между Никоном и Алексеем. Поводом к разрыву, как известно, послужил сам по себе малозначительный инцидент. Во время приезда в Москву Грузинского царевича Теймураза, окольный Богдан Михайлович Хитрово, очищая путь знатному гостю, ударил палкой высунувшегося из толпы патриаршего дворянина, посланного по делу. Никон потребовал от царя немедленного расследования. Тот обещал сам прийти к патриарху для объяснений — и не пришел.

Никон почувствовал, что «симфония» царя и патриарха приходит к концу. С точки зрения Никона, все действия царя за последние два года свидетельствовали о том, что царь нарушил клятву, которую он дал Никону перед вступлением его на патриарший престол.

Никон подождал три дня. Царь не согласился с ним лично переговорить. Разговор был бы неприятный — дело ведь шло не об одном Хитрово. Тогда, чтобы усостыжить царя, Никон принял решение временно оставить патриарший престол. Он удалился в свой Воскресенский монастырь, но от патриаршества не отказался. На время своего отсутствия из Москвы он поручил Крутицкому митрополиту Питириму управлять текущими делами церкви на правах викария, а в важных делах докладывать ему. Царь Алексей своей властью освободил Питирима от обязанности докладывать какие-либо дела Никону. Фактически главою церковного управления стал теперь сам царь (при живом патриархе).¹⁵

Началось тяжелое затянувшееся «дело Никона», закончившееся в 1666 году на большом Церковном Соборе с участием двух восточных патриархов (Александрийского и Антиохийского). Среди бояр, присутствовавших на суде, были и главные деятели по подготовке Уложения 1649 года — князь Н. И. Одоевский и Ю. А. Долгоруков. Оба они стояли за обвинение Никона. В числе главных обвинений против Никона были выставлены такие: самовольный уход с патриаршего престола; «бесчестье» царю в письмах Никона к Константинопольскому патриарху; и укоризны Уложению и царскому распоряжению делами церкви. Главным обвинителем Никона на большом соборе выступил сам царь Алексей. Подготовил обвинение и помогал царю на соборе греческий иерарх — митрополит Паисий Лигарид (как установлено, тайный католик, получавший жалование от Ватикана). Лигарид участвовал в соборе на основании грамоты Константинопольского патриарха, предоставляющей ему экзаршие полномочия. Грамота эта была подложная.

Собор постановил лишить Никона не только патриаршего сана, но и священства. «Именоваться ему простым монахом Никоном». В качестве такового он был выслан в отдаленный Ферапонтов монастырь.

Никон был свергнут, но Никонианство осталось в силе. После осуждения Никона собор осудил и старообрядцев, предав их проклятию как еретиков (1667).

Вместе с тем, по настоянию русских архиереев, восточ-

ные патриархи согласились на утверждение собором принципа «симфонии» церкви и государства: «Да будет признано, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в делах церковных».¹⁶

На основании этого принципа, поставленный после свержения Никона на его место патриарх — Иоасаф II — добился того, чего не мог добиться Никон. Царь Алексей отменил действие Монастырского приказа и вернул епископам их судебные привилегии.

Юридически, отношения между церковью и государством вернулись к тому состоянию, в котором они были до Уложения.

По существу, церковь была ослаблена распрями во время суда над Никоном, а главное — отколом старообрядчества. Клятвы, наложенные на старообрядцев собором 1667 года, сделали примирение невозможным.

Действия царя Алексея после разрыва его с Никоном — взятие на себя управления церковными делами — создавали опасный прецедент для будущего.

Всем этим подготовлена была почва для церковной политики Петра и его ближайших преемников.

Первым шагом в ряду церковных реформ Петра было восстановление Монастырского приказа, т.е. возврат к программе Уложения.

Примечания

¹ Новейшее издание Уложения: М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное Уложение 1649 г. Москва, 1961.

² Г. В. Вернадский. Византийские учения о власти царя и патриарха. Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, стр. 143-154; Г. А. Острогорский. Отношение Церкви и Государства в Византии. "Seminarium Kondakovianum," 1931, IV, стр. 123-132.

³ Вернадский. Византийские учения, стр. 149-150.

⁴ Там же, стр. 150.

⁵ Кормчая, издание 1810 года, часть II, лист 5.

⁶ G. Verнадsky. Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert. "Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher," 1928, 6, стр. 125-126.

⁷ Кормчая, часть I, лист 23. См. также: G. Verнадsky. Die kirchlich-politische Lehre, стр. 128-129.

⁸ Митрополит Макарий. История русской церкви, том XI. С.-Петербург, 1882, стр. 68-71; А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, том II. Париж, 1959, стр. 109.

⁹ Г. Г. Тельберг. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. Москва, 1912, глава III. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность Владимиру Георгиевичу Тельбергу, приславшему мне на прочтение книгу его отца, иначе для меня недоступную. См. также: Ф. В. Тарановский. Обеспечение прав служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства. Львов, 1925 (отдельный отиск из сборника в честь Освальда Бальцера).

¹⁰ «Мнения патриарха Никона об Уложении и проч. (из возражений Стрешневу и Паисию [Лигариду])». «Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества», 1861, II, стр. 448; М. В. Зызыкин. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи, том II. Варшава, 1934, стр. 72.

¹¹ «Мнения патриарха Никона», стр. 444-445.

¹² «Записки отделения русской и славянской археологии», том II, стр. 517.

¹³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, том II. Москва-Ленинград, 1948, стр. 230-231.

¹⁴ «Мнения патриарха Никона», стр. 452-454.

¹⁵ Зызыкин. Патриарх Никон, т. II, стр. 373-374.

¹⁶ Там же, т. III, стр. 375; Карташев. Очерки по истории русской церкви, т. II, стр. 216.

А. А. Боголепов

ОТ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА К СВЯЩЕННОМУ СОБОРУ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

1.

Не так легко было Петру Великому добиться принятия всем высшим духовенством учреждения Духовной Коллегии взамен патриаршества. Пришлось прибегнуть к приказам и угрозам, чтобы под Духовным Регламентом, подписанным сенаторами, шестью епископами, тремя архимандритами и самим Императором, получить подписи остальных более 70 духовных сановников: епископов, архимандритов, игуменов и иеромонахов. Большинство русского духовенства болезненно переживалось умаление церковной власти и подчинение ее усиленному контролю светского правительства через вновь созданную должность Обер-Прокурора. В то же время для Императора не составило никакого труда получить признание этой деградации русского церковного строя от Восточных Патриархов. В 1723 году Патриархи Константинопольский и Антиохийский объявили Синод своим «во Христе братом», который «имеет право совершать и устанавливать то же, что и четыре апостольских святейших патриарших престолов». Признание Синода Восточными Патриархами закрепило положение его в православных междуцерковных отношениях как коллективного главы Русской Церкви, но не ослабило горестного ощущения в самой России. Все решения Синода представлялись теперь на рассмотрение Государя Обер-Прокурором с его заключением, и от Обер-Прокурора стало фактически зависеть их утверждение.

Сам автор Духовного Регламента Митрополит Феофан Прокопович вскоре представил Императрице Анне Иванов-

не (1730-1740) проект реорганизации Синода. Он хотел, чтобы в Синоде, который состоял тогда из епископов, архимандритов и протоиереев, было увеличено число епископов и чтобы часть членов были «непременными», т.е. не зависящими в своем назначении и увольнении от воли Обер-Прокурора. Проект этот не получил осуществления. Как только вступила на трон Императрица Елизавета Петровна (1741-1761), два члена Синода, Архиепископ Амвросий Юшкевич и Митрополит Арсений Мациевич, снова представили Государыне докладную записку об упразднении синодальной формы церковного управления с должностью светского чиновника в Синоде, т.е. Обер-Прокурора, и указывали на патриаршество как на идеальную форму церковного управления. Доклад этот был также оставлен без исполнения, но не имел никаких неприятных последствий для авторов его.¹

Система государственного управления церковными делами продолжала укрепляться, хотя русские императоры не вмешивались в догматические вопросы, как это делали византийские базилевсы. Все более возрастая, власть Обер-Прокурора превращалась во власть министра. Сказалось это в особенности в создании Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения при Императоре Александре I. Это вызвало беспокойство среди иерархов. Митрополит Новгородский Михаил писал Императору, что Церковь в опасности и в гонении. Пока письмо пришло к Императору в Лайбах, престарелый иерарх уже скончался. Противником «сугубого министерства» был и Архимандрит Фотий. Оно просуществовало недолго — с 1817 до 1824 г. Падение его Архимандрит Фотий приветствовал словами: «Министр наш един Господь Иисус Христос».²

В конце царствования Императора Александра I намечается переход от общей критики синодального строя к конкретным проектам постепенного восстановления власти иерархии. Это дело связано с именем Московского Митрополита Филарета. Император Александр предполагал разделить все русские губернии на 9 генерал-губернаторств, поставив над губернаторами генерал-губернатора. Одновременно он поручил Митрополиту Филарету составить проект

согласования церковного управления с гражданским. Согласно проекту Митрополита Филарета, все епархии должны быть разделены также на 9 церковных округов, в которых над властью епархиальных епископов должна возвышаться власть митрополита. По примеру митрополичьих округов древней церкви, епископы должны были собираться на окружные соборы под председательством митрополита для решения местных дел. Таким путем создавались самоуправляющиеся митрополичьи округа без государственного контроля, с некоторым ограничением предметов ведения центральной власти Синода. Насколько можно судить по свидетельству лиц, близко знавших Митрополита Филарета, образование митрополичьих округов могло бы, по мысли Митрополита Филарета, привести в дальнейшем к созданию власти и над самим Синодом. Таким учреждением могло бы быть собрание 24 старейших по сану епископов из местностей наиболее отдаленных от Петербурга, которое могло бы рассматривать жалобы на судебные (а не административные) решения Синода, когда он действует в качестве суда первой инстанции (например по жалобам на архиереев).³ Это положило бы начало и Поместному Собору Епископов Русской Церкви.

Получив проект Митрополита Филарета об образовании митрополичьих округов, Император Александр, перед своим отъездом в Таганрог, передал его вместе с другими бумагами Аракчееву. После кончины Императора Александра проект Митрополита Филарета был доведен до сведения членов Синода, но, конечно, при Императоре Николае I не мог быть и поднят вопрос о децентрализации церковного управления.

Проект Митрополита Филарета о митрополичьих округах всплыл снова в пору проведения либеральных реформ Императора Александра II. Вопрос о Синоде очень живо обсуждался в порядке частной переписки между рядом высокопоставленных лиц. Начало этой переписки положил А. Н. Муравьев, служивший некоторое время в Синоде в качестве одного из ближайших помощников Обер-Прокурора. Он составил Записку с критикой синодального строя, в которой подчеркивал, что Обер-Прокурор из «охраните-

ля законов» превратился в лицо, пользующееся в церковных делах такой властью, какой не было и у Патриарха. Но Муравьев ставил произвол Обер-Прокурора в связь с «безгласием иерархов» и с пришибленностью, недостаточною образованностью и бедностью низшего духовенства, превратившегося в «мертвую касту». Выход из положения намечался им в сведении власти Обер-Прокурора к охранению законов и в установлении взаимного общения между архиереями на соборах нескольких епархий и на Поместном Соборе Церкви.

Митрополит Филарет считал «обличения» духовенства Муравьевым «преувеличениями», но вместе с тем признавал необходимым поднять тягостное материальное положение духовенства. По горькому опыту Митрополит Филарет, сам одно время удаленный Обер-Прокурором из Синода, не ожидал благих результатов от сохранения обер-прокурорской власти для установления контакта между церковью и государством. Он приветствовал идею «взаимного согласия» церковной и государственной власти как добровольное сотрудничество равных партнеров, и ему, как реальному политику, прежде всего было желательно добиться действительного объединения епископата и притом без участия правительственной власти, положить таким образом основание самостоятельности церковного управления с тем, чтобы в дальнейшем из этого мог бы создаться и собор епископов. Поэтому, поддерживая идею собора в своей переписке с Муравьевым, Митрополит Филарет опять возвращается к своему прежнему «предположению» об образовании прежде всего митрополичьих округов, с созданием постоянных отношений епископов епархий к областному митрополиту. С ним они могли бы, по мысли Митрополита Филарета, совещаться по делам епархиального управления, чтобы не «подвергнуться излишнему влиянию опытных членов консистории и секретаря». Проект же созыва Поместного Собора он отодвигал на более позднее время. Это предложение может, по его мнению, принести пользу, «если будет проведено искусно и верно».⁴ Так проект самоуправляющихся митрополичьих округов был поставлен Митрополитом Филаретом в центре предполагаемых реформ как па-

раллель к введению Земского самоуправления, и только по осуществлении его можно было бы думать о завершении преобразования созданием общего Собора всех епископов.

2.

Критика синодального строя и мысль о Соборе начинает выявляться среди высшей церковной иерархии в шестидесятых годах с гораздо большей силой и настоятельностью, чем раньше. Из писем Киевского Митрополита Арсения к Костромскому Архиепископу Платону и из переписки Епископа Иннокентия (позже Митрополита Московского) с А. Н. Муравьевым ясно видно, как глубоко скорбели сами епископы об их «подневольном положении и излишней покорности светской власти» и как тяготились они сознанием, что «самые лучшие и необходимейшие для блага церкви предложения не приемлются [государственной властью]».⁵ Наиболее жестокую критику сложившегося синодального строя дал в первые годы царствования Императора Александра II Архиепископ Вятский (впоследствии Волынский) Агафангел. Идея верховенства епископата и его независимости в церковном управлении от светской власти проходит основной нитью через его записку о «Пленении Церкви», поданную им самому Императору.⁶ Архиепископ Агафангел писал: «Епископы, будучи законными блюстителями божественных сокровищ, подавляемые игом чуждой власти в отправлении своей деятельности, пока хотя безмолвствуют, но не могут не сознавать незаконности этой власти». Он утверждает, что и при Петре I, учредившем Синод из архиереев и архимандритов, «власть над церковью попрежнему восходила через епископов к Самому Сыну Божию, единственному Главе Церкви». Деятельность же Обер-Прокурора «поглощает собою иерархию», «убивает дух церкви» и «обращает ее в издыхающий труп, мало-помалу теряющий дыхание и жизненную деятельность». К Освободителю крестьян от крепостной зависимости Архиепископ Агафангел обращается с горячей просьбой: «Государь! Пратасов (Обер-Прокурор) сделался помещиком над архиереями, все архиереи стали с того времени крепостными рабами Обер-Прокурора и его свиты... Окажите справедливость Св. Церк-

ви, справедливость, в которой Вы не отказываете последнему подданному... Пощадите своих подданных! Устраните своей отеческой властью печальные последствия существующего зла». Выход из создавшегося положения Архиепископ Агафангел указывает в другой своей Записке — «Высшая Администрация Русской Церкви». По его предложению, Св. Синод должен быть преобразован в Святейший Правительствующий постоянный Всероссийский Собор.⁷

В середине XIX века вопросы церковной жизни начинают интересовать и отдельные круги светского общества. В связи с развитием духовного образования в церковных и светских журналах начинают появляться статьи о переустройстве церковного управления и суда в Духовном Ведомстве «по началам Вселенского Соборного законодательства», то есть с возвращением к канонам древней Церкви. В отношении центральных органов Церкви должна быть особо отмечена статья «О соборном управлении в Христианской Церкви», напечатанная в 4-ой книге журнала «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских» за 1870 г. Согласно предлагаемому в ней проекту, по низшей степени «соборности» — в епархии должны быть образованы «съезды избранных от духовенства и мирян», которые решают часть дел с утверждения епископа, а другую часть передают на решение Окружного Собора Епископов (или Собора Митрополии). Из этой средней «ступени» дела переходят к Большому Собору, которым должен быть Синод, где вместе с назначенными членами должны присутствовать епископы, избранные Окружными Соборами. Статья эта отражает все ту же продолжавшую оставаться в центре внимания идею Митрополита Филарета о восстановлении древних митрополичьих округов (1 Всел. Соб. пр. 4, 6) и вместе с тем дает особую структуру высшего иерархического органа. Но в этих конструкциях практические соображения, видимо, превалировали над безусловным следованием канонам. Постановление о митрополичьих округах, тесно связанное с административным строем Римской Империи, вообще не может рассматриваться в качестве безусловно обязательного для всех Поместных Церквей. В древнее время их не было в Александрийской и Римской

Церквах, а в позднейшую эпоху они, как посредствующая инстанция между епархиями и центральным управлением, вообще вышли из строя Православных Поместных Церквей. Относительно смешанного состава Собора из епископов по назначению и епископов по выбору нельзя найти никаких указаний в древних канонах. Эта конструкция, видимо, заключала в себе некоторый элемент свободного строительства применительно к тогдашним условиям жизни Русской Церкви. Но она являлась оформлением той основной идеи, что во главе церковного управления должны быть поставлены епископы и что Собор Епископов должен быть независим от светской власти в принятии своих решений.

Все предположения о преобразовании церковного строя, в том числе проекты создания митрополичьих округов, не шли дальше теоретического обсуждения их.

Синодальный строй, как его ни критиковали, продолжал существовать без изменения, но в начале XX века резко усилилось общественное движение, требовавшее отмены его. Большую роль в этом сыграли идеи славянофилов: их взгляд на церковь как особый духовный организм, основанный на свободном единении всех членов его между собою и с Божественным Главою Церкви, единении чуждом какого-либо принуждения, их понятие соборности бытия церкви и свободы человеческого духа, размежевание ими земли или общины и государства. Преломляясь через эти идеи, окреп протест против превращения церкви в государственное учреждение с Обер-Прокурором как «главою Ведомства Православного Вероисповедания» и сложилось представление о непосредственном участии в устроении церковной жизни не одних только епископов, но также клириков и всего церковного народа. Такое понимание роли народа связывалось с Окружным Посланием Восточных Патриархов Папе Римскому в 1848 г., согласно которому «у нас ни иерархи, ни соборы никогда не могли внести что-либо новое, потому что хранителем благочестия у нас есть само тело Церкви, т.е. сам народ» (§ 17).

В начавшемся в первых годах XX века церковном движении встретились обе точки зрения: и исключительно епис-

копского управления церковью и участия всего церковного народа в церковном строительстве.

3.

Начало XX века ознаменовалось попытками реального осуществления реорганизации синодального строя. Инициатива исходила теперь уже от самого Святейшего Синода.

12 декабря 1904 года появился Указ Императора о ряде реформ в государственном управлении, между которыми значилось и устранение вероисповедных ограничений. Это должно было значительно улучшить правовое положение не-православных церковных объединений. Господствующая Церковь почувствовала себя обойденной. При последовательном проведении свободы совести православие могло оказаться в более стесненном положении, чем другие вероисповедания. Выразителем давнишних стремлений Православной Церкви явился Первоприсутствующий Св. Синода Петербургский Митрополит Антоний (Вадковский), пользовавшийся большим авторитетом у Императора Николая II. Он сумел взять под свое руководство возникшее в ту пору движение в пользу церковных реформ и направить его в надлежащее русло.

Трудная задача действовать через голову всевластного Обер-Прокурора К. П. Победоносцева была облегчена поддержкой председателя Комитета Министров С. Ю. Витте. Митрополит Антоний был приглашен им присутствовать вместе с Товарищем Обер-Прокурора В. К. Саблером на заседаниях Особого Совещания Комитета Министров по обсуждению проведения в жизнь указа 12 дек. 1904 г. о веротерпимости. Поддерживая облегчения для сектантов и других вероисповеданий, Митрополит Антоний указывал, что Православная Церковь не пользуется некоторыми из этих облегчений и не имеет той автономии, которая предоставляется теперь другим вероисповеданиям, почему она оказывается поставленной в более трудное и худшее положение, чем другие вероисповедания и секты. В этом вопросе стал на его сторону вместе с другими членами совещания и председатель его С. Ю. Витте. Через несколько дней он известил Митрополита Антония, что получил от Государя

полномочие возбудить в Особом Совещании вопрос о преобразовании управления Православной Церкви и просил его сделать представление о желательных реформах.

Митрополит Антоний дал в представленной им Записке рельефную картину умаления Церкви и — далее — в осторожных, но совершенно отчетливых оборотах бюрократического языка того времени настаивал на освобождении ее от государственной зависимости. Предполагаемые же изменения в церковном строе были намечены им лишь в общих чертах и только некоторые из них конкретизировались в большей мере. Митрополит Антоний указывал, что «слишком бдительный контроль светской власти» над церковной жизнью «лишает церковь ее самостоятельности и инициативы», что он — как это особенно подчеркивается — «ограничивает область ведения церкви почти одним богослужением и отправлением треб» и — в результате — «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни». Поэтому основное желание иерархии сводится к тому, чтобы Церкви было предоставлено больше «свободы в управлении ее внутренними делами». Эта свобода понимается в Записке в том смысле, что Церковь должна быть «освобождена от прямой государственной или политической миссии» с тем, чтобы в ее внутренних делах «она могла руководствоваться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов». Это отстранение рук государства от внутренней жизни Церкви должно, с точки зрения Записки, оказаться полезным и для самого государства, так как «своим возрожденным нравственным авторитетом» Церковь могла бы быть «неизменной опорой православного государства». По ходу мысли Записки, изменение церковного строя при самостоятельности Церкви должно считаться ее внутренним вопросом, который только она сама может разрешить. Другое дело — переустройство государственных учреждений с тем, чтобы в них были введены представители Церкви. Эти реформы зависят, конечно, в первую очередь от самого государства, и Митрополит Антоний об них то именно более подробно говорил в своей Записке. Сюда относятся: дарование приходу прав юридического лица, введение

духовенства в состав местных земских учреждений (в случае признания прихода мелкой земской единицей) и предоставление иерархии права участвовать в высших государственных учреждениях — таких, как Государственный Совет или Комитет Министров (с чем связывалась и возможность выйти из-под опеки Обер-Прокурора). Суммарно записка трактует о возрождении и оживлении прихода, о децентрализации церковного управления, о расширении полномочий епархиальных съездов с привлечением к участию в них и мирян, как представителей приходов, и о реформе церковного суда; в Записке не говорится прямо ни о созыве Собора, ни об его составе. Основное ударение делается на том, «не благовременно ли представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совещание из представителей церковной иерархии, с участием сведущих лиц из духовенства и мирян» для выработки проекта необходимых преобразований в церковном управлении. О каком-либо участии представителей Правительства в Записке совершенно не упоминается.⁸

Митрополит Антоний продолжал тактику Митрополита Филарета — взять церковное дело в церковные руки и поставить светскую власть возможно дальше от внутренних церковных дел. Он расширял только круг лиц, привлекаемых к подготовке церковной реформы и допускал участие в качестве «сведущих лиц» представителей среднего духовенства и мирян.

Записка Митрополита Антония, видимо, показалась С. Ю. Витте несколько бледной и не дающей полной картины необходимых реформ. То, что у Митрополита Антония вытекало из стремления оградить достоинство и независимость Церкви, было сочтено за проявление излишней осторожности. Получив Записку Митрополита Антония, С. Ю. Витте поручил вместе с тем несколькими либеральным профессорам Духовной Академии и церковным деятелям составить проект преобразования церковного управления. На основании данных этого доклада С. Ю. Витте была составлена Записка «о современном положении Православной Церкви», которую он как Председатель Комитета Министров и представил от своего имени в Особое Совещание по церковным

делам при Комитете Министров.⁹ Она знаменательна как первая открытая попытка Главы Правительства Русского Императора помочь Православной Церкви в достижении ею самостоятельности. По своему содержанию она является официальным опровержением идей Петровского Духовного Регламента. Это — своего рода Анти-Регламент.

В представленной С. Ю. Витте Записке осуждается основная цель Петровской реформы — низвести Церковь на степень простого государственного учреждения, служащего целям Правительства. «Не может быть, — утверждает Записка, — больше государственного вреда, как стеснять развитие и свободное проявление» Православной веры, этой «великой народной силы, пытаясь вложить ее в рамки сухих бюрократических начал, как это делается теперь». В создании «Ведомства Православного Исповедания» с Обер-Прокурором во главе усматривается прямое нарушение установленного канонами соборного начала, повлекшего за собой изменение и самого духа церковной жизни. Св. Синод объявляется неканоничным. Сверх того, светский бюрократический характер синодального управления признается преградой между Церковью и народом. Вследствие этого Русская Православная Церковь, со времени Петра Великого, оказывается «в параличе». Причины отчуждения общества коренятся, согласно Записке, не в одном религиозном индифферентизме и языческом характере светской культуры, но также «в самом складе церковной жизни, замерзшей и оторванной от волнующих общество интересов».

Будучи по своему содержанию полной противоположностью Духовному Регламенту, Записка С. Ю. Витте всё-же сохранила его подход к решению церковных вопросов. По-прежнему светская власть брала на себя руководство чисто церковными реформами, частично прикрываясь на этот раз ссылками на церковные каноны. Записка дает подробный план реформ, затрагивающий все стороны церковной жизни. Прежде всего выдвигается задача восстановления соборности и единения всех живых сил Церкви. Предполагаемая «реформа должна быть не делом чиновников и не делом заседающих в Синоде и даже несколько большего числа архиереев, а свободным делом всей Русской Церкви». Записка отвер-

гает не только Обер-Прокурора, но и исключительное господство епископов в Соборе. «Для того, чтобы Собор представлял собою действительно голос всей Русской Церкви, он не может быть замкнутою архиерейскою коллегией, которая есть явление неканоническое; как вселенские, так и поместные соборы были не коллегиями иерархов-епископов, а собранием всех лучших сил Церкви — как клира, так и мирян; на них присутствовали и принимали участие и пресвитеры, и диаконы, и простые миряне;... и в состав Русского Синода — вспоминает Записка — первоначально входили, кроме епископов, представители белого духовенства, и только с течением времени он обратился в замкнутую архиерейскую коллегию». Далее Записка подробно трактует о мерах оживления приходской жизни, о предоставлении церковным организациям прав юридического лица, о выборности духовенства, об организации «епархиальных собраний» в качестве местных соборов, о реформе духовной школы. Все это излагается со ссылками на духовные журналы и на авторитет отдельных исследователей — в частности, на проф. Н. А. Заозерского. Порядок установления всех этих мер не указывается, но дело направлялось, явно, в светское государственное учреждение — в Особое Совещание при Комитете Министров.

Записка была добросовестной сводкой предположений о церковной реформе, появившихся к тому времени в духовной и светской печати. В этом отношении она отражала настроение широких церковных кругов. Однако не все из выдвинутых ею канонических положений отличались безусловной точностью и бесспорностью.

Хотя С. Ю. Витте был Председателем высшего правительственного органа того времени — Комитета Министров, но начинанию его не суждено было осуществиться. Обер-Прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев решил восстановить свое пошатнувшееся влияние. Ссылаясь на самостоятельность церковного управления, он настоял перед Государем, чтобы вопрос о церковной реформе был передан из Особого Совещания при Комитете Министров в Св. Синод, где он имел возможность взять его под свой контроль. Начинало походить на то, что Церковь просила светскую

власть вернуть ей автономию, а Ober-Прокурор Синода, во имя автономности Церкви, просил отказать ей в этой просьбе, как утверждала газета «Киевское слово» (1905, № 6189).¹⁰

Но тут члены Синода решили действовать независимо от намерений Ober-Прокурора. Митрополит Антоний знал, что сам Император относится с большим вниманием к вопросу о соборном управлении Церковью.¹¹ Синод находил для себя поддержку также не только в отдельных членах Правительства, но и в широких кругах белого духовенства и мирян.

Перед началом заседаний Синода для обсуждения вопроса об изменениях в церковном строе, 15 марта 1905 г., группа 32 Петербургских Священников представила Митрополиту Антонию Записку «о неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России» с препроводительным письмом-обращением к Первоприсутствующему Члену Синода.¹² Эта Записка частично отражала предшествовавшие совещания самого Митрополита Антония с лицами, вошедшими в состав данной группы.

Довольно многословная и, видимо, наспех составленная в тогдашнюю пору бурно развертывавшихся политических и церковных событий, Записка 32-х отмечает ряд животрепещущих проблем церковной жизни и в особенности подчеркивает идею социального служения Церкви. В ней выражается скорбь об оторванности Церкви от общественной жизни вследствие связанности ее с существующим режимом. «Все чаще и чаще слышатся упреки и обвинения Православной Церкви [в том], что общественная жизнь отошла от ее влияния..., что созидающие силы общественной жизни сторонятся от Церкви, не находя в ней мужественного свидетельства о правде общественной жизни, безбоязненного исповедания истины и перед высшими, как перед низшими». «Настоятельно необходимо, чтобы Церковь возвратила себе всю силу плодотворного влияния на все стороны человеческой жизни». Так как переход от служения государственным интересам к служению интересам общественным возможен только при наличии «свободы церковной», то для восстановления ее Записка намечает сле-

дующие меры: повременный созыв Соборов Церкви под председательством Архиепископа Царствующего Града, избрание Собором Священного или Святейшего Синода, образование окружных Митрополичьих Соборов, уменьшение размеров епархий, избрание епископа клиром и народом, построение епархиального управления на началах соборности и широкое развитие самостоятельности приходов.

Центральным пунктом приложенного к Записке обращения к Митрополиту Антонию была «горячая просьба» «употребить все свое влияние», «чтобы был созван церковный Собор, на котором епископы вместе с пастырями, свободно избранными от каждой епархии, и представителями от мирян могли бы всесторонне обсудить современное положение нашей Церкви и решить неотложные церковные вопросы». Так же, как и «Записка» С. Ю. Витте, «Обращение» 32-х священников к Митрополиту Антонию расширило состав Собора за рамки чисто епископской коллегии, включая в состав его также клириков и мирян. В самой Записке говорилось лишь о Поместном Соборе Русской Церкви, без определения его состава. Благоклонно приняв Записку 32-х, Митрополит Антоний позволил опубликовать ее в печати.¹³ Обращение же к Митрополиту с определением состава Собора в первое время не было допущено к опубликованию.

Заседания Св. Синода для обсуждения вопросов о реорганизации церковного строя состоялись 15, 18 и 22 марта 1905 г. К. П. Победоносцев послал на эти заседания вместо себя Товарища Обер-Прокурора В. К. Саблера. Св. Синод принял постановление — обратиться к Государю с ходатайством о восстановлении соборности в Русской Церкви и о созыве, согласно канонам, Поместного Собора Епископов под председательством Митрополита или Патриарха. Речь шла таким образом не только о Соборе, но и о восстановлении Патриаршества. Собор при этом предполагался чисто епископским, без какого-либо участия клириков и мирян. В. К. Саблер выслушивал речи членов Синода с благожелательным видом и на ближайшем заседании Синода заявил, что он искренно счастлив, ибо сбываются его мечты об автономии Русской Церкви.¹⁴

Ответа Государя не пришлось долго ждать. Он последовал через 8 дней — 31 марта. По всеподданнейшему докладу Обер-Прокурора о постановлении Синода Государь признал невозможным созвать Собор в переживаемое тревожное время, но выражал готовность «дать сему великому делу движение», «когда наступит благоприятное для сего время» («Церковн. вестн.», 1905, № 14, стр. 434).

К. П. Победоносцев оказался бессилён задержать дело в Синоде, но он сумел отложить осуществление его на неопределенное время.

Все же излишне преуменьшать значение Высочайшей резолюции 31 марта 1905 г. Впервые самим Государем был признан подлежащим отмене введенный Петром Великим Синодальный строй и впервые Императорскою Властью была признана необходимость замены его Соборным строем. Длительная церковная и общественная борьба против власти Обер-Прокурора над Церковью окончилась моральной победой. Синодальный строй, осужденный самой Императорскою Властью, мог продолжать свое существование как обреченный на отмену.

Сам Обер-Прокурор В. К. Победоносцев счел себя вынужденным предложить Синоду запросить епископов о желательных реформах в Русской Церкви. При указе Св. Синода от 27 июля 1905 г. были разосланы всем епархиальным епископам «вопросные пункты» в редакции, составленной В. К. Победоносцевым. Ответы должны были поступить к декабрю того же года.

4.

В атмосфере того напряженного состояния, которое тогда царило в России в связи с неудачами войны на Дальнем Востоке и с растущим общественным недовольством от тщетного ожидания предполагаемых реформ, признание с высоты Царского Престола необходимости Поместного Собора и одновременный отказ созвать его привели не к успокоению, а к обострению борьбы за соборность в Церкви. Тема о Соборе и его составе стала горячо обсуждаться не только в богословских журналах, но и в общей прессе и всё глубже проникала в общественное сознание.

Оживленная журнальная полемика была вызвана в первую очередь «Запиской 32 Петербургских Священников». Одними она приветствовалась как «благовест», другими расценивалась не иначе как «иерейский набат» и «нарушение дисциплины». Однако приходится признать, что полемика против нее в печати была частично плодом недоразумения. Авторам Записки ставилось на вид, что у них слишком бледно указание на участие мирян в церковной жизни, в частности — на Поместном Соборе, что они склонны отождествлять Церковь с духовенством и что они имеют в виду самоуправление не Церкви, а иерархии, в результате чего должно укрепиться господство монахов с их аскетическим идеалом. Одному из 32-х священников — Г. С. Петрову — нетрудно было ответить, что основная просьба инициаторов этого дела сводилась к созыву Собора из представителей всех членов Церкви: епископов, белого духовенства и мирян, что заявление это имелось в «Обращении» к Митрополиту Антонию, которое не было разрешено к опубликованию, а опубликована была лишь приложенная к обращению «Записка», где говорилось о Соборе общим образом, без уточнения его состава («Русское слово», 1905, № 87).¹⁵

Однако критиками Записки были затронуты такие вопросы, которые не могли быть оставлены без обстоятельного ответа. Авторы первой Записки представили в мае 1905 г. Митрополиту Антонию вторую Записку о составе церковного Собора. Однако Митрополит Антоний не нашел возможным принять ее, как была принята им первая Записка 32-х, но разрешил опубликовать ее в качестве отдельной статьи.¹⁶ Начиналось расхождение в мнениях Синода с отдельными кругами белого духовенства.

В противоположность проектированному Синодом архиерейскому Собору, вторая Записка 32-х отстаивала «Собор всецерковный», на котором вместе с епископами должны присутствовать выборные представители духовенства и мирян. Такой состав Собора, выражая внутреннее единство Церкви, является, с точки зрения авторов второй Записки, характерной особенностью православия и отличает его как от римского католицизма, так и от протестантизма. Католицизм сводит Церковь к жизнедеятельности епископата.

Протестантизм оказался вынужденным отвергнуть иерархическое начало. В православии же Церковь составляют совместно епископы и народ.

Выразителем противоположного взгляда и защитником исключительно епископского состава Собора выступил Волынский Архиепископ Антоний (Храповицкий). Его «Ответная докладная Записка», содержащая возражения на вторую Записку Петербургских Священников «о составе церковного Собора», была адресована непосредственно «Святейшему Правительствующему Синоду» и затем, в конце 1905 года, опубликована в декабрьском номере «Богословского вестника». Резко критикуя Записку и называя авторов ее «духовными республиканцами» и «духовными декадентами», Архиеп. Антоний сделал ряд столь веских канонических замечаний,¹⁷ что авторы Записки вынуждены были лучше уяснить свою позицию. К тому времени группа 32-х Петербургских священников успела расшириться в своем составе. В нее вошли новые не только духовные, но и светские лица. Она имела в виду не только выяснение принципиальных вопросов церковного строя, но также уяснение «путей и средств созидания христианской общественности». Одному из своих членов, Николаю Петр. Аксакову, Группа поручила составить ответ на докладную записку Арх. Антония. Ответ этот под заглавием «Всецерковный Собор и выборное начало в Церкви» появился тоже в «Богословском вестнике» и затем вышел отдельным изданием.¹⁸ Н. П. Аксаков приводит в своей статье гораздо больше материала из Священного Писания, канонов и истории, чем предшествующие Записки 32-х, в стремлении дать лучшее обоснование их точки зрения.

Полемика по вопросам церковного устройства в 1905 и 1906 гг. привела к появлению целого ряда интересных статей, посвященных каноническим проблемам. Высказанные в них точки зрения на Собор и права его членов нашли себе впоследствии обстоятельное отражение в суждениях членов Предсоборного Присутствия, о котором нам придется говорить в следующей главе.

В пору разгоревшихся богословских споров в политической жизни России произошел революционный взрыв.

Вместе с этим неожиданно вступил в новую фазу и церковный вопрос. По Манифесту 17 октября 1905 г. русская абсолютная монархия превратилась в конституционную. Комитет Министров был заменен Советом Министров с измененным составом. Отставка К. П. Победоносцева последовала через несколько дней по издании Манифеста. В новых условиях, казалось, приближались и сроки созыва Собора. Быстро начавшие поступать отзывы епархиальных архиереев на запрос Синода показывали, как остро сознавалась большинством правящих епископов необходимость церковной реформы в духе соборности, хотя в установлении подробностей ее явно сказывались уже значительные расхождения.

Наконец, в параллель с Манифестом 17 октября о созыве Государственной Думы, 27 декабря 1905 г. последовал собственноручный рескрипт Императора Николая II на имя Петербургского Митрополита Антония, согласно которому созыв Собора, отложенный на неопределенное время, ставился снова на очередь. Государь выражал свою волю, чтобы «произведены были некоторые преобразования в строе Церкви на твердых началах вселенских канонов», и предлагал трем митрополитам определить время созыва ожидаемого всеми верными сынами Церкви Собора. Как рождественский подарок, Православной Церкви обещалось новое соборное устройство ее. Предварительную разработку проектов реформы Св. Синод решил взять в свои руки и не уступать ее светским властям, тем более что последние в то время были слишком заняты неотложными политическими вопросами. Синод постановил образовать особое предсоборное Присутствие для приготовления проектов новых церковных законов. 14 января 1906 г. Государем было утверждено положение о Предсоборном Присутствии, а 8 марта того же года оно уже начало свои занятия.

Благодаря мудрой тактике тогдашнего Первоприсутствующего Члена Синода — Митрополита Антония, Предсоборное Присутствие оказалось своего рода «всецерковным собранием». Рядом с епископами были призваны Синодом к участию в этом Присутствии представители всех кругов церковного общества. Епископы оказались в нем даже в

меньшинстве. На 12 епископов приходилось 8 протоиереев, 9 мирян, известных своей деятельностью на церковном поприще, и около 25 профессоров Духовных Академий и Университетов (из них 4 в иерейском сане). Профессорский элемент по сравнению с другими был преобладающим. Были приглашены представители всех главных течений церковной мысли того времени. Вместе с Архиеп. Антонием (Храповицким) заседал и его литературный противник Н. П. Аксаков, сторонник Группы Петербургских Священников. В первый раз в истории Русской Церкви реформа ее обсуждалась столь компетентным в канонических и церковно-исторических вопросах Комитетом. Только редкой подготовленностью членов Присутствия можно объяснить, что в течение 10 месяцев оно успело разработать целый ряд важнейших предложений о переустройстве Церкви.

5.

В рескрипте Императора Николая II на имя Петербургского Митрополита Антония было выражено пожелание, чтобы «преобразования» в строе Русской Церкви «были произведены на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения Православия». Работа Предсоборного Присутствия протекала действительно под знаком верности канонам, признанным Вселенскими Соборами, т.е. канонам 7 Вселенских Соборов, 8 Поместных, 12 Святых Отцов и другим, включенным в древний канонический сборник Православной Церкви. Но базироваться на строго формальном применении канонов IV-IX веков было затруднительно уже по одному тому, что с той поры не могли не измениться условия церковной жизни, и в самой Русской Церкви появились также некоторые институты, прямо не предусмотренные канонами. «Я никогда не скажу», заявлял проф. Петербургской Духовной Академии Н. Н. Глубоковский, «чтобы институт викариев [т.е. викарных епископов] был строго каноническим, поелику он нигде прямо не утверждается и не освящается канонами. Однако решительно не могу согласиться с теми, кто» «склоняются к мнению, будто бы это есть учреждение антиканоническое по самому существу». Институт этот возник, по мнению Н. Н. Глубо-

ковского, «просто по неотложным нуждам церковным». ¹⁹ К этому можно добавить, что об антиканоничности викарных епископов излишне говорить и потому, что в действительности они явились видоизменением древних «хорепископов» (сельских епископов) с сохранением основных элементов этого института, но с приспособлением его к потребностям нового времени.

Против безразборчивого следования букве всех канонов горячо возражал Архиепископ Херсонский Димитрий. «Разве можно согласиться, — говорил он на одном из заседаний, — с выраженной здесь, убивающей жизнь сентенцией: «перед требованием канонов должны уступить условия жизни, которые могут меняться!...» По его мнению, «мы должны заботиться не о том, чтобы каноны, свыше тысячи лет тому назад подробно определявшие несущественные стороны жизни Церкви в тогдашних внешних условиях, были выполнены буквально и теперь, а только о том, чтобы строй нашей Церкви согласовался с существом канонов и не противоречил им». «В канонах должно быть соблюдаемо существенное, основное, а подробности могут быть приемлемы Церковью, применительно к обстоятельствам жизни... Нужно только помнить, что не каждый может изменять для себя каноны по своему усмотрению. Это есть право надлежащей власти церковной, действующей с особым рассуждением».

Такая точка зрения выдвигает весьма важную и нелегкую задачу: выделить не подлежащие изменению «основные каноны, которые, опираясь на завет Христа и указания Апостолов, отражают сущность... правобытия Церкви». ²⁰ Но выполнение этой задачи не может вести к беспрепятственному отвержению или изменению тех канонов, которые с точки зрения изучающего их, «подробно определяют [лишь] несущественные стороны церковной жизни». Напротив, это обязывает к тщательному исследованию того, какие именно каноны были изданы при таких условиях, которых теперь уже нет, или которые столь резко изменились, что эти каноны оказываются в той или иной мере не применимыми в современной действительности. Работа по определению комплекса сохранивших силу канонов связана

также с уяснением того, какие каноны утратили полностью или частично свою силу вследствие отмены их другими канонами, признанными Вселенскими Соборами или позднейшей церковной практикой. Такой подход к делу допускает вместе с тем восстановление отпавших древних установлений, когда вновь создаются условия, подобные существовавшим при возникновении их, а равно ведет к тому, что древние установления могут быть переформированы и приспособлены к новым условиям жизни, с сохранением заложённых в них принципов церковного строя. В таком порядке открывается возможность дальнейшего развития православного канонического права.

Одной из основных тем, обсуждавшихся Предсоборным Присутствием, был вопрос о составе предполагаемого Собора и о соотношении прав его членов. При этом, по естественной связи, речь шла одновременно о том, могут ли клирики и миряне вообще принимать участие на Соборе вместе с епископами, а также и о том, могут ли они иметь равные с ними права на заседаниях Собора.

Преобладающая часть членов Присутствия высказывалась за то, что клирики и миряне могут присутствовать на Соборе, но только без решающего голоса. Сторонники этого мнения искали основание для него прежде всего в канонах. По утверждению Архиепископа Антония (Храповицкого), в древности «на Соборе были одни епископы с Патриархом во главе».²¹ Согласно проф. Н. С. Суворову, в канонах, приведенных в нашей «Книге Правил», мы не найдем ничего, что говорило бы в пользу участия на соборах других лиц, кроме епископов, так как членами Вселенских Соборов были только епископы; архимандриты же и священники присутствовали на них как представители отсутствовавших епископов, по их прямому поручению; отдельные клирики и миряне участвовали на Соборах лишь в качестве сведущих лиц и давали объяснения по обсуждаемым вопросам.²²

Вслед за канонами была принята во внимание церковная практика. Подтверждая утверждение проф. Суворова об отсутствии на Вселенских Соборах полноправных членов из числа клириков и мирян, проф. Казанской Духовной

Академии И. С. Бердников указывал, однако, что как на Апостольском Соборе в Иерусалиме, так и в после-апостольское время на некоторых местных Соборах II и III веков присутствовали представители клира и мирян; что, по материалам Карфагенского Собора 256 г., на нем принимали участие вместе с 87 епископами, большим числом пресвитеров и диаконов также множество народа; что есть упоминания о присутствии клира и мирян на соборах IV, V и VI веков, хотя общее число таких областных и епархиальных соборов крайне незначительно. «Но важно не то, — говорил проф. Бердников, — что были случаи допущения клира и мирян на Собор, а значение присутствующих на Соборе пресвитеров и мирян». Об этом свидетельствует, по его мнению, сама картина заседаний (описанная подробно в книге проф. А. П. Лебедева «Об участии мирян на соборах». Москва, 1906, стр. 17). Как это явствует из описания некоторых соборов, епископы сидели полукругом среди церкви, сзади них занимали места пресвитеры, диаконы стояли около своих епископов, стояли и миряне. В обсуждении могли участвовать все присутствующие. По окончании обсуждения председатель предлагал вопрос на голосование епископов. Их решение объявлялось всему присутствующему на собрании народу, который своими возгласами выражал свое согласие. В связи с этим проф. Бердников присоединялся к ранее высказанному в богословской литературе мнению, что «решающий голос на соборах в древности принадлежал только епископам, а все прочие — пресвитеры, диаконы, исповедники и верный народ обладали только совещательным голосом».²³

Данное мнение находило, в глазах сторонников его, свое подтверждение в особенностях положения клириков и мирян в Православной Церкви. «Православная Церковь, — по словам проф. Киевской Академии С. Т. Голубева, — не смотрит на мирян, подобно католицизму, как на инертную массу, движимую к дверям рая исключительно средствами и силами иерархии. Участие мирян в делах церковных она считает делом законным, вытекающим из духа православного вероучения и потому всегда желательным. Поэтому участию мирян Православная Церковь (в чем она существен-

но расходится с протестантизмом) отводила известное место и известные пределы в нем, указываемые церковными канонами».²⁴ Эти «пределы» живого и активного участия мирян в церковной жизни создаются «Иерархическим устройством» Церкви, заставляющим с неизбежностью признавать отношения подчиненности и преимущества прав одних перед другими.²⁵

Преимущества прав иерархии и клира не устраняют, конечно, определенной степени активности и самостоятельности у членов Церкви, наделенных меньшими преимуществами и правами. И именно к определению должной степени этой активности сводится проблема положения мирян в Церкви. В понимании этой проблемы не было полного согласия и у сторонников совещательного голоса мирян на соборе. Проф. Харьковского Университета М. А. Остроумов полагал, что «миряне имеют только право на религиозное христианское просвещение, на христианское освящение в таинствах и на пастырское руководство». Активность мирян сводилась им, таким образом, лишь к следованию руководству пастырей и восприятию от них благодатных даров, т.е. миряне оказываются на положении, как говорит сам проф. Остроумов, «подвластных». Низведя на католический манер — согласно мнению проф. Голубева — активность мирян в Церкви до пассивного повиновения, проф. Остроумов вообще не находил оснований к допущению их на Собор. «По какому же праву, — спрашивает он, — могут миряне, канонически не призванные к иерархическому служению, участвовать в соборе, т.е. подвластные во власти? Никакого права у них нет и быть не может, ибо оно противоречило бы самому понятию о находящихся под властью... Из того, что миряне члены Церкви, вывести это право нельзя, ибо отсюда вытекает только понятие об их подвластности». Все же, вопреки своим каноническим воззрениям, проф. Остроумов соглашался на допущение мирян на Собор на основании принципа «экономии» (домостроительства), по «снисхождению и человеколюбию».²⁶ Но ссылка на «экономия» никак не могла ослабить противоречивость занятой им позиции. Изъятие из-под действия общих канонических норм по принципу церковной «экономии» мо-

жет быть закономерно даровано высшей церковной властью только по отношению к отдельным лицам или группам лиц при наличии таких непредвиденных законом обстоятельств, которые делают последовательное проведение общих норм несоответствующим интересам самой Церкви или делу спасения отдельных лиц. При допущении диспенсации или изъятия из общего правила, само это правило остается в силе для остальных членов Церкви. Допущение же мирян «по экономии» на Собор создает общее правило, которым отменяется и изменяется признаваемое самим проф. Остроумовым основное каноническое правило о недопустимости для мирян быть членами Собора, так что миряне получают права, которых «у них нет и быть не может». Так далеко «экономия», конечно, не может идти. В порядке «экономии» не могут создаваться новые законы.

Другие сторонники допущения клириков и мирян на собор придавали гораздо большее значение их роли в церковной жизни. В своем «Отзыве» на запрос Св. Синода Епископ Могилевский Стефан писал: «Проведение принципа соборности, состоящего в широком взаимодействии и живом общении всех членов церковного организма, указывает на необходимость правильного организованного представительства мирян».²⁷ На заседаниях Предсоборного Присутствия Епископ Стефан отстаивал ту же точку зрения. Митрополит Петербургский Антоний, видевший в Церкви объединение всех верующих, также полагал (в отличие от проф. Остроумова), что самый факт принадлежности клириков и мирян к числу членов Церкви говорит за то, что они могут быть членами Собора. «Всеми подразумевается, — полагал он, — что Церковь состоит из епископов, клириков и мирян, представляющих собою нечто цельное, неразрывное. Исходя из этой точки зрения, признали желательным участие на Соборе и епископов, и клириков, и мирян».²⁸ Подчеркивая необходимость различения в Церкви пастырей и пасомых, епископов и пресвитеров, Митрополит Антоний признавал лишь, что предоставление епископам, пресвитерам и мирянам одинаковых прав на Соборе было бы «нарушением коренных оснований церковной жизни», так как «полнота церковных полномочий заключается в епископе».²⁹ Поэтому

для него была вполне приемлема идея об участии клириков и мирян с совещательным голосом.

Когда Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) напомнил Митрополиту Петербургскому Антонию, что Св. Синод ходатайствовал пред Государем о созыве Собора только из одних епископов, то Митрополит Антоний «разъяснил, что доклад был вызван не по инициативе Синода, а ходом исторических событий». Но после этого «из отзывов [епархиальных преосвященных] выяснилась желательность привлечения к участию на Соборе и клириков и мирян».⁸⁰ Единственным непреклонным противником участия клириков и мирян на Соборе остался лишь Архиепископ Волынский Антоний, допуская появление мирян на Соборе только для доклада о своих пожеланиях и нуждах.⁸¹

6.

В то время как наибольшая часть членов Присутствия стояла за предоставление решающего голоса на Соборе только епископам, меньшинство горячо отстаивало равенство голосов всех членов Собора и право клириков и мирян участвовать в решении всех дел наравне с епископами. В эту небольшую, но энергичную группу входили прот. проф. Киевского Университета П. Я. Светлов, свящ. проф. Петербургской Духовной Академии А. П. Рождественский, проф. Киевской Духовной Академии В. З. Завитневич, проф. Казанской Духовной Академии В. И. Несмелов, заслуж. проф. той же Академии М. Н. Машанов и Н. П. Аксаков. К ним примыкали по ряду вопросов прис. пов. Н. Д. Кузнецов и некоторые другие. В их воззрениях сочеталось учение о церкви как союзе духовно-нравственном с юридическими выводами из этого понятия и с соображениями практического характера о преимуществах отстаиваемой ими точки зрения.

По мнению некоторых членов данной группы, «каноны, действительно, не содержат никакого указания на необходимость участия пресвитеров и мирян», но это не смущало их. «Ведь нужно доказать, — говорил Аксаков, — что каноны возбраняют такое участие».⁸² В дополнение к этому Н. Д. Кузнецов указывал на возможный выход из этого

положения. «Понятия решающего и совещательного голоса на Соборе, — полагал он, — чужды истории Церкви и канонам, которыми, однако, многие хотят разрешать все вопросы, выдвигаемые жизнью. Здесь мы, очевидно, сталкиваемся с необходимостью руководствоваться не ими, а общими принципами, связанными с понятием о Церкви».³³

В «Отдельном мнении группы меньшинства по вопросу о составе Собора» нашло себе отражение и особое понимание ею «канонической основы», за которую так крепко держалось все Предсоборное Присутствие, и взгляд ее на Церковь. Каноничным признавалось все то, что соответствует «высшему плану церковной жизни, тому недостижимому идеалу, который... никогда и нигде целиком, во всей полноте своего содержания не осуществлялся, а лишь приискивал более или менее соответствующие конкретные формы для его воплощения. Идеал вечен, формы же изменчивы... сообразно с изменчивостью постоянно прогрессирующей жизни». Соответственно этому сторонники такого понимания каноничности полагали, «что предстоящие реформы нашей Церкви должны совершаться лишь в духе канонических начал Древней Вселенской Церкви», и не допускали «мысли, чтобы преобразования наших дней непременно были механическим воспроизведением старых исторических шаблонов, которые... могут оказаться непригодными для наших дней». Поэтому ожидаемые преобразования должны быть не «простым механическим воспроизведением старых исторических шаблонов», а «возрождением Церкви из ее внутренних первооснов». При изучении исторических форм «нужно разыскивать проявившиеся в них вечные начала жизни». Эти первоосновы и вечные начала запечатлены, согласно «Особому мнению» группы меньшинства, прежде всего в Слове Божиим, в особенности — в учении о Церкви как Теле Христовом и в повествовании об Апостольском Соборе.

«Называя Церковь Телом Христовым, Апостол Павел, — как полагало меньшинство, — подробно уясняет, с одной стороны, ту тесную внутреннюю связь, какая должна существовать в Церкви между ее членами, и с другой стороны, то важное значение, какое каждый отдельный член имеет в

Церкви как Теле Христовом (Римл. 12: 1-5; 1 Коринф. 12: 12-27; Ефес. 4: 1-32). В то же время Апостол предупреждает, чтобы одни члены не превозносились над другими (Рим. 12: 3).³¹ «Этим исключается, — по мнению группы, — всякое стремление к исключительному положению в Церкви до степени вытеснения других». «Члены тела, которые кажутся слабейшими, по Апостолу гораздо нужнее».³⁵ «Возвышением епископов на степень единственных живых и действительных членов Церкви и уничижением других до степени мертвых и пассивных членов ее наносится удар органическому единству Церкви Христовой».³⁶ Та «цель, ради которой все члены Церкви соединяются в одно Тело Христово», «заключается в усовершенствовании каждой отдельной личности в деле любви (Ефес. 4: 14)». «Любовь... и есть та органическая сила, которая объединяет всех членов Церкви Христовой в единое Тело Христово, а вместе с тем она является тем фундаментом, на котором зиждется соборное начало в Церкви».

«Взаимная любовь — говорится в отдельном мнении, — господствовала и на Апостольском Соборе в Иерусалиме». Здесь не было «ни начальников, ни подчиненных в юридическом смысле слова, ни авторитетов, ни рабски подчиняющихся им... Здесь все могли говорить и убеждать по мере сил и разумения». В обсуждении на собрании принимали участие апостолы, пресвитеры и братия. Послание в Антиохию явилось соборным актом, который постановили апостолы, пресвитеры и вся церковная братия (Деяния Апост. 15: 7, 12, 22, 23, 25). Собор этот важен как авторитетное указание на соотношение членов Собора. «Здесь все одинаково сознают себя членами единого Тела Христова, органически объединенными силою любви. Вот почему и решающий голос здесь принадлежит не апостолам, не пресвитерам, не братии, отдельно взятым, а единодушию всех, ибо только в таком единодушии проявляется любовь, основной закон и зиждительная сила Церкви Христовой».³⁷ В послеапостольское время и в эпоху Вселенских Соборов «мы встречаемся, — как полагали авторы Отдельного мнения, — с действием того же соборного начала, хотя внешняя форма проявления его разнообразилась сообразно с

особенностями того или другого времени...». Действовавшее в первые века христианства правило об участии клириков и мирян на соборах оказалось с течением времени физически невозможным, ввиду увеличения числа верующих. На соборы стали являться епископы, как избранники народа, облеченные доверием избравшей их общины. «В этом последнем обстоятельстве, а не в епископском сане, заключается сила того авторитета, каким пользовались в глазах верующих соборные постановления» (епископов). Со ссылкой на Послание Восточных Патриархов, признающих «хранителем благочестия» «само тело Церкви, т.е. самый народ», в Отдельном Мнении особо подчеркивается, что придание обязательной силы решениям епископских соборов зависело от «всего церковного народа, единодушное признание которого есть единственный показатель истинности соборного решения».³⁸

Все эти соображения завершались особым доводом, почерпнутым из того же учения о Церкви как о Телес Христовом. Церковь является Телом Христовым как духовный, этический союз верующих. Канонисты рассматривают Церковь как союз юридический. Но «юридическая постановка в разрешении вопроса о правах и взаимоотношениях членов Собора исключается понятием о Церкви как о Телес Христовом. Различение между правом совещательного и решающего голоса не отвечает существу Церкви, как института в существе своем не юридического, а нравственного, определяемого принципом христианской любви, а не права».³⁹ Переплетаясь с принципиальными мотивами, приводились также доводы практические в пользу широкого активного участия мирян в органах церковного управления. Н. Д. Кузнецов подчеркивал, что «Православная Церковь считает мирян словесными, а не бессловесными овцами, которые, по свидетельству ее истории, оказывались способными не только высказывать мудрые советы ко благу Церкви, но и активно действовать на ее общую пользу». Он напоминал также о «ясно выразившемся сознании Апостолов, что заботы о материальных средствах даже не должны отвлекать от дел высшего пастырского служения».⁴⁰ Прот. Светлов отмечал попутно, что за последнее время и в России совер-

шенно определенно выявилось горячее стремление не только высшей иерархии, но также низшего духовенства и мирян к устранению установившегося волею судеб взаимного отчуждения между епископами и паствой и к восстановлению цельности Тела Христова «действительным и живым участием в ее жизни и делах». Превращение Всероссийского Поместного Собора в собор только епископов может, по его мнению, оттолкнуть от Церкви ее живые, лучшие элементы; тем самым будет упущен «неповторимо благоприятный момент для обновления Церкви на начале соборности... Вытеснением из Собора клира и мирян на правах действительных и полноправных членов его готовится, — полагал он, — печальная участь для самого Собора: этим Собор будет дискредитирован в глазах Церкви, потеряет свой нравственный авторитет, затруднено будет приятие его».⁴¹

Доводы меньшинства Предсоборного Присутствия в пользу решающего голоса клириков и мирян на Соборе наравне с епископами не остались без возражений. «Отдельное мнение» явно свидетельствовало о живом ощущении ее авторами духовного характера Церкви и преклонении пред ее святостью, но проф. Бердникову не трудно было отметить крайнюю неопределенность той «канонической основы», на которой меньшинство предполагало строить церковную реформу, а равно неясность и туманность указания на «внутренние первоосновы», из которых «возрождается вечно юная Церковь». Внешнее устройство Церкви, конечно, должно находиться в согласии с ее «первоосновами», т.е. с основными чертами ее, устанавливаемыми в Священном Писании. Но православное церковное право, как указывал проф. Бердников, полагает именно Священное Писание в основу церковного законодательства и в то же время базируется на священном предании (догматическом) и на принятых церковных обычаях (предании каноническом). Постановления Вселенских и признанных ими Поместных Соборов сами основываются на Священном Писании и являются лучшим истолкованием и дальнейшим раскрытием его постановлений, касающихся устройства Церкви. Считать все соборные каноны только временной и изменчивой формой выражения вечной истины о Церкви — это значит отвер-

гать то понимание основ церковного строя, которое уставлено самой Церковью.

Действительно, именно каноны Вселенских Соборов определили тот строй, который сохраняется Православною Церковью до настоящего времени и которым отличается она от других христианских церквей и объединений. Наряду с определением постоянных основных начал церковного строя в канонах имеются и некоторые постановления временного характера. Но в отношении каждого отдельного постановления такого рода должно быть доказано, что оно по той или другой причине действительно утратило свою силу (вследствие ли отмены позднейшими канонами или церковной практикой, или же вследствие отпадения тех условий, при которых оно было издано). Не считаться же с канонами лишь потому, что они не согласуются с теми выводами из Священного Писания, которые делаются кем-либо из членов Церкви — это значит заменять церковные каноны, по словам И. С. Бердникова, «субъективным» пониманием дела. Выводы, которые могут делаться канонистами из Священного Писания, не могут нарушать силу тех выводов, которые уже сделаны церковными соборами.

Мнение о равенстве голосов епископов с голосами клира и мирян опровергалось рядом членов Присутствия указанием на первенствующее положение епископата в Православной Церкви, создавшееся в согласии с Священным Писанием, церковным законодательством и преданием. Это положение возвышает епископат над клиром и мирянами, и обеспечивает ему верховенство в Церкви без наличия чьей-либо власти над самим епископатом. Благодаря этому голос епископата, по мнению большинства, имел решающее значение не только на чисто епископских Вселенских и Поместных Соборах, но и на тех Соборах, на которых присутствовали клирики и миряне. Так, по протоколам Карфагенского Собора 254 г. при Св. Киприане, несмотря на присутствие «большого числа пресвитеров и диаконов» и «множества народа», решение было принято в том порядке, что каждый из бывших на Соборе епископов высказывал свое мнение один за другим. Указывалось также, что и на Апостольском Соборе «по долгом рассуждении» решение было

формулировано и оглашено Апостолами, что показывает, что оно никак не могло идти против их воли.

Особенно острой критике подверглось утверждение меньшинства, что понимание Церкви как Тела Христова исключает всякое различие во влиянии отдельных членов Церкви на церковное управление и приводит к признанию равноправия их в этой области. Перенесение понятия Тела Христова «на конструкцию церковного организма» может означать, по словам проф. Алмазова, лишь то, «что клирики и миряне, будучи членами церковного организма, необходимы для последнего. Однако одно дело — необходимость членов, и другое дело — значение их в отправлении и жизнедеятельности организма». В связи с этим подчеркивалось не раз, в особенности Архиеп. Антонием (Храповицким), что тело предполагает наличие многих органов с различными функциями, и специальные функции какого-либо отдельного органа никак не могут исполняться другим органом. Сравнение Церкви с живым организмом, при правильном понимании его, приводит, по мысли противников «Отдельного мнения» меньшинства, к выводам обратным: к признанию различного значения отдельных органов в жизни тела и различной степени влияния их, и устраняет полное равноправие членов Церкви, противное Православному каноническому праву.⁴²

Основной недостаток использования учения о Теле Христовом для определения прав членов Церкви на Соборе был особенно отчетливо отмечен проф. Суворовым. Он доказывал, что «из сравнения Церкви с Телом Христовым [вообще] нельзя делать никаких определенных выводов»,⁴³ и считал, что вывод меньшинства внутренне-противоречив. «Те, которые говорят о «Теле Христовом», о «мистическом церковном организме», упрекая в то же время противников... в «перенесении понятий, заимствованных из сферы юридической, в область чисто нравственных отношений», — они то именно..., проникаясь идеей нравственных отношений в мистическом Теле Христовом, требуют весьма определенного юридического равенства голосов для всех членов Церкви на Соборе».⁴⁴ В основе возражений Н. С. Суворова лежала мысль, что недопустимо делать выводы из явлений

мира мистического, духовного, горнего относительно свойств предметов, существующих в иных условия, в мире дóльнем.

Учение о Церкви как о Телѣ Христовом говорит о столь тесном единении верующих со Христом и между собою во Христе, что все они, имея «один дух», составляют «одно тело», возглавляемое Христом (Еф. 4:3, 4). По мере проникновения духом Христа и следования Его заповѣди о любви происходит, по словам Апостола, «возрастание» всех во Христе, все бóльшее и бóльшее единение с Ним, и таким путем происходит «созидание Тѣла Христова», «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия... в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:11-13). Созидание Тѣла Христова не есть, таким образом, только сравнение или образ, а есть подлинно существующее явление мира духовного, не воспринимаемое физическими органами чувств, но живо ощущаемое самими верующими как непрестанное проявление Царства Добра, Царства Духа Божия. Существующая на землѣ Церковь, в душах членов которой совершается это единение с Богом, стоит на грани двух миров. Она принадлежит не только к миру духовному, но также и к миру материальному. Она состоит из людей, существ духовно-телесных. Она нуждается для своей деятельности в известном имуществе. Правда, духовный элемент в Земной Церкви проявляется в несравненно большей степени, чем в других земных объединениях людей: она преследует цели, выходящие за границы земного бытия, и имеет в виду приготовление людей к жизни будущего века; главное стремление ее направлено на установление и укрепление единения с Богом и с высшими духами Церкви Небесной; в ее естественное бытие вошли силы сверхъестественные, так как она основана Богочеловеком Христом, просвещена Его учением и наделена живительными дарами Божественной благодати, подаваемой в таинствах. Все это, конечно, должно быть принято во внимание при определении устройства Земной Церкви, но одновременно не должны быть забыты и условия ее земного существования. Если церковное объединение состоит из людей с греховными склонностями и если это объединение нуждается в материальных средствах су-

ществования, то должны быть созданы правила, которые защищали бы все церковное общество в целом и отдельных членов его от разрушительного действия их слабостей. Для этого требуется надлежащее разграничение прав и обязанностей членов церкви и использование других мер, выработанных многовековой практикой для обеспечения порядка в человеческих обществах, с приведением их в согласование с духом христианства.

Сложная задача устройства Земной Церкви состоит в том, что требуется создать такой порядок объединения людей, при котором было бы обеспечено преподание им даров Божественной благодати и наиболее совершенно могло бы быть осуществлено созидание духовного Тела Христова в единении веры и любви. Поэтому и в Священном Писании имеется не только учение о Церкви как о Теле Христовом, но и отдельные указания Самого Христа и Его Апостолов о земном устройении Церкви: о власти иерархии учить и совершать таинства (Мф. 10: 1-15; Мф. 28: 19, 20; Лук. 22: 17-20), об отпущении грехов (Мф. 18:18; Иоан. 20:23), о браке и разводе (Мф. 5:32; 19:3-11; Рим. 7:2, 3; 1 Кор. 7:2 и сл.), о качествах и обязанностях священнослужителей (1 Тим. 3:1-13; Тит. 1:5-9; 1 Петр. 5:1-9; 1 Кор. 12:28), о жалобах на клир (1 Тим. 5:19), об отношении к согрешающим и исключенным из Церкви, не слушающим ее голоса (Мф. 18:15-17; 1 Кор. 5:9-15; 1 Тим. 5:20) и даже об отношении к государственной власти (Мф. 22:17-21; Лук. 20:21-25; 1 Петр. 2:13-17; Рим. 13:1-7). Иерусалимским Собором был указан образ разрешения важнейших вопросов церковной жизни. Отцы Вселенских и древних Поместных Соборов были людьми, выросшими в условиях римского правопорядка и глубоко впитавшими в себя римские правовые концепции. Не удивительно, что они перенесли их и в область церковной жизни и воспользовались некоторыми из них для урегулирования отношений в церковном объединении, приспособив их для целей церковной деятельности.

Из всего этого явствует, что ввиду принадлежности Земной Церкви одновременно к миру духовному и к миру материальному, порядок устройства ее не может быть выводом только из понятия Тела Христова как единения чисто

духовного. Своими замечаниями проф. Суворов нанес наиболее решительный удар способу обоснования меньшинством прав клириков и мирян на Соборе.

7.

При решении вопроса о составе и правах членов Собора предложение меньшинства было отвергнуто. Общим Соборанием Предсоборного Присутствия было признано, что Собор должен состоять из епископов, клириков и мирян, но клирикам и мирянам был предоставлен только совещательный голос. Они «участвуют, — как гласит резолюция Присутствия, — в обсуждении всех соборных дел и вопросов, но соборные определения и постановления составляются и подписываются одними епископами». Клирики и миряне могли быть привлечены также к участию в подготовительных комиссиях, когда Собор признает это нужным. Согласно очень осторожно сформулированной резолюции Присутствия, «для предварительного рассмотрения вопросов, как они будут сформулированы Собором, образуются, если Собор усмотрит в том надобность, из членов Собора, как епископов, так и клириков и мирян, комиссии, которые и вносят свои заключения на обсуждение Общего Собрания Собора».

Из числа епископов членами Собора являются только правящие епархиальные епископы. Викарные же и пребывающие на покое могут присутствовать только по приглашениям Св. Синода. В отношении участия клириков и мирян не раз высказывалось предположение, что местный епископ мог бы приглашать тех из них, кого он сочтет нужным, и что они являлись бы вместе с ним на Собор. Но Митрополит Петербургский Антоний заявил, что он признает «неизбежным выборы в том смысле, что епископ пожелает сам узнать голос клириков и мирян... Если он взял бы лицо, которого никто не избирал, то это произвело бы обиду и рознь...». Поэтому он предложил, чтобы избиралось несколько кандидатов и чтобы епископ только из этого числа избранных приглашал с собою на Собор.⁴⁵ Сообразно этому Предсоборное Присутствие признало, что кандидаты в члены Собора от епархий по одному из клира

и одному из мирян избираются на благочиннических собраниях, и из числа их епархиальный архиерей выбирает и утверждает одного от клира и одного от мирян.⁴⁶

Определение о составе Собора было и с точки зрения самих авторов его не только возобновлением древней практики, но также и расширением ее со внесением в нее некоторых новшеств, неизвестных в древности. Древность знала только непосредственные народные собрания, например при избрании епископов, и не знала представительных учреждений и избрания членов Собора. Предсоборное же Присутствие ввело в состав Собора выборных представителей клира и мирян от каждой епархии, хотя и с утверждением их властью епископа. По имеющимся историческим данным известно участие клириков и мирян лишь на немногих древних Поместных Соборах. Теперь участие это было признано в качестве общего правила, и древний порядок оказался восстановленным в новой форме, соответствующей изменившимся условиям общественной жизни.

Кроме постановлений о Повременных Соборах Русской Церкви, Предсоборным Присутствием были приняты также положения о составе Святейшего Синода, о Патриархе, о порядке избрания епархиальных епископов, о преобразовании епархиального управления и церковного суда, а также о митрополичьих округах. Раньше образование их рассматривалось как введение окружного церковного самоуправления и как ступень к соборному самоуправлению всей Церкви. Теперь, с принятием положения о Поместном Соборе Русской Церкви, это значение Митрополичьих Округов отпадало, и учреждение их признавалось лишь желательным (а не обязательным) и притом только «для целей пастырских», «но не в значении судебно-административных установлений».⁴⁷

Заседания Предсоборного Присутствия закончились в середине декабря 1906 г. 25 апреля следующего 1907 г. было утверждено Государем Императором выработанное Присутствием Положение и созыва чрезвычайного Собора Русской Церкви.

Оставалось только ждать его созыва.

8.

Вскоре после 1905 г. русское правительство успело несколько оправиться от революционного натиска конца 1905 г. и вступило на путь проведения обещанных реформ, и притом в возможно ограниченных рамках. Первая Государственная Дума вскоре же после ее созыва была распущена 7 (20) июля 1906 г. Такая же судьба постигла 2-ую Государственную Думу 3 (16) июня 1907 года. Заседания Предсоборного Присутствия должны были закончиться тоже раньше того, чем были полностью завершены все намеченные работы.

Время шло, а об обещанном созыве Собора не было слышно. Скончался Петербургский Митрополит Антоний. Сильно изменился состав Св. Синода. Прошло пять лет. Чтобы рассеять впечатление безнадежности ожидания, в 1912 г. было учреждено при Синоде новое «Предсоборное Совещание», которое должно было привести материалы Предсоборного Присутствия в форму наиболее пригодную для обсуждения на Соборе. Предсоборное Совещание не носило уже того характера широкого объединения представителей богословской мысли, какой был присущ Предсоборному Присутствию 1906 года. Работы Предсоборного Совещания составили 5 объемистых томов. А Собор все не созывался. Начавшаяся в 1914 г. Мировая война еще дальше отодвигала время его созыва.

Священный Собор Российской Церкви собрался лишь после революции 1917 года, при Временном Правительстве. До конца существования Царского Правительства Св. Синод продолжал оставаться под контролем Обер-Прокурора, несмотря на то, что эта система была уже официально осуждена. Но и при вышедшем из революции Временном Правительстве сохранилась старая тенденция — держать управление церковью в руках государства и проводить церковные реформы мерами государственной власти.

Временное Правительство считало себя властью светской, вне-вероисповедной, но признавало необходимым уделить особое внимание Православной Церкви как исторически первенствующей в России, и тоже назначило своего Обер-Прокурора для Св. Синода. Им оказался В. Н. Львов,

долголетний член Комиссии Государственной Думы по церковным делам. На первом же заседании Св. Синода, 4 марта 1917 г., новый Обер-Прокурор заявил от лица Временного Правительства, что ближайшей задачей Временного Правительства является раскрепощение Церкви от подчинения государству и что это может быть осуществлено через Собор, который должен организовать церковное самоуправление; до той же поры Синод должен принимать «директивы» Временного Правительства через него как Обер-Прокурора нового Правительства. В словах его звучало и недоверие к готовности членов Св. Синода установить строй свободного церковного самоуправления и своеобразное стремление принудительно заставить Церковь стать свободной в том виде, как это казалось желательным Правительству.

Для большей успешности реформаторской деятельности были произведены некоторые перемены в составе епископата. Два члена Св. Синода: Митрополит Петербургский Питирим и Митрополит Московский Макарий были удалены из состава Синода, так как их назначение ставилось в связь с влиянием Распутина. Председателем Синода стал Митрополит Киевский Владимир. Несколько измененный в своем составе Синод опубликовал Послание о предстоящем созыве Всероссийского Поместного Собора, произвел реформу епархиального управления, но в своей деятельности продолжал охранять свое достоинство высшего иерархического органа Церкви от «директив» светского правительства. Скоро отношения между В. Н. Львовым и членами Синода крайне обострились. Члены Синода болезненно воспринимали поддерживаемую В. Н. Львовым политику Временного Правительства, клонящуюся к умалению прежнего положения Православной Церкви в государстве, в частности в отношении передачи многочисленных церковно-приходских школ в ведение Министерства Народного Просвещения. Члены Синода противились также проведению некоторых преобразований в той форме, которую они считали не соответствующей воззрениям Церкви, например в вопросе о разводе. Они весьма неохотно приняли законы о реформе высшей и средней духовной школы, клонящиеся к умалению

прав центральной церковной власти руководить этими школами. Эти расхождения в понимании требований времени еще более обострялись нетактичным поведением самого В. Н. Львова. Человек раздражительный, он воскресил тип прежнего «властного» Обер-Прокурора, считая себя «начальством» над Св. Синодом. При принятии Синодом неприятного ему постановления он заявлял повышенным голосом: «не пропущу». В напряженной атмосфере взаимоотношений В. Н. Львов закрыл, во время перерыва сессий Синода на праздничное время, официальный орган Синода «Церковный вестник» и без обсуждения вопроса в заседании Синода передал издание «Церковного вестника» другой редакционной коллегии при С.-Петербургской Духовной Академии. Затем он просил трех членов Синода, оставшихся в Петербурге, подписать журнал о принятии этого постановления самим Синодом. Подпись была дана только одним Архиепископом Владимирским Сергием (ставшим в 1943 г. Патриархом Московским). Входивший тогда в состав Синода Архиепископ Литовский Тихон (впоследствии Патриарх Московский, 1917-1924) отказал дать свою подпись. При все ухудшавшихся отношениях с Синодом В. Н. Львов прибег к роспуску Синода и увольнению его членов.

Вскоре был назначен новый состав Синода, в который были включены В. Н. Львовым, кроме епископов, также протоиереи; среди последних было несколько профессоров высших учебных заведений, в том числе А. П. Рождественский, бывший член группы меньшинства Предвыборного Присутствия 1906 г. Из прежнего состава Синода остались только Архиепископ Сергей и бывший экзарх Грузии Платон (возглавивший впоследствии Русскую Церковь в Америке). Но и с новым составом Синода отношения плохо ладились. В самом начале новые члены Синода указали на неканоничность порядка их назначения и просили, настаивали, чтобы члены Синода были указаны или утверждены Церковною властью. В. Н. Львову стоило больших усилий уговорить их, чтобы они не уходили. Они остались только ввиду трудности положения и необходимости спешного проведения реформ. Столкновения продолжались и при новом составе Синода. Члены его также полагали, что Обер-

Прокурор не имеет права принимать какие-либо меры самостоятельно, без ведома и согласия Св. Синода. Иногда Первоприсутствующий заявлял от лица всех членов Синода, что намерение Обер-Прокурора совершить то или другое неправильное действие вынудит всех их сложить свое звание, и тогда тот останавливался.⁴⁸

Наиболее важным актом Синода в новом составе было образование новой подготовительной комиссии по созыву Собора — Предсоборного Совета. В него вошло около 60 человек: епископы, клирики и миряне, в том числе немало профессоров. Как Товарищ Обер-Прокурора входил в него также проф. А. В. Карташев. Синоду и Предсоборному Совету приходилось работать в атмосфере начавшегося брожения в церковных кругах и образования отдельных групп клириков и мирян, стремящихся к обновлению церковной жизни. Работы Предсоборного Совета продвигались быстро, с использованием материалов как Предсоборного Присутствия 1906 г., так и Предсоборного Совещания 1912 г. На основании выработанных им положений, Синод вскоре опубликовал ряд «временных» постановлений: о приходе, епархиальном управлении и выборе епископов. 5 июля 1917 г. Синод утвердил принятое Предсоборным Советом Положение о выборах членов Собора и назначил созыв его на 15 августа 1917 г.⁴⁹

Между тем в июле 1917 г. состав Временного Правительства сильно изменился. Председателем нового Временного Правительства стал А. Ф. Керенский, вместо князя Г. Е. Львова. Должен был уйти с поста Обер-Прокурора и В. Н. Львов, и его место занял проф. А. В. Карташев, выдающийся церковный и общественный деятель, бывший помощник Обер-Прокурора при В. Н. Львове. Новый Обер-Прокурор не был чужд воззрений своего предшественника на роль государственной власти в проведении церковных реформ. По мнению А. В. Карташева, во имя интересов самой Церкви, при переходе ее от подневольного государственного положения к свободному выборному строю нужно было Временному Правительству остаться на время, как-бы «нелегально», внутри церковного правящего аппарата... и «акушерски» помочь рождению соборной реформы Церк-

ви... «Ибо только такой «хирургией» можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя». ⁵⁰ Он полагал, что предстоящий Собор, как учредительное собрание Русской Церкви, должен представить выработанные им законопроекты о новом образе церковного управления на одобрение Временного Правительства, и только после этого Церковь может перейти на положение свободно самоуправляющейся организации. Вслед затем Правительство должно ограничить свои функции лишь надзором за законностью действий органов Церкви. Пока же идет только выработка новых законов об управлении Церковью, Временное Правительство должно не оставлять своего попечения о делах и интересах Церкви.

Все же при А. В. Карташеве взаимоотношения Св. Синода и Обер-Прокурора явно изменились к лучшему. Считая титул Обер-Прокурора синонимом тягостной зависимости Церкви от государства, А. В. Карташев, спустя десять дней после своего назначения на эту должность (25 июля — 5 августа), перешел на положение Министра Исповеданий.

12 августа 1917 г. Св. Синод принял «Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви», внося лишь небольшие изменения в проект, представленный Предсоборным Советом. Св. Синод, конечно, признавал, что «право составления» такого Наказа или Устава «принадлежит самому Собору», но вместе с тем имел в виду, «что Собор до составления им Устава будет нуждаться в некоторых руководственных правилах», и потому рассматривал данный Устав лишь «в качестве руководственных правил для Собора впредь до окончательного решения на Соборе вопроса об Уставе Поместного Собора».

Этот по своему характеру предварительный и временный Устав был с самого начала принят к руководству самим Собором и стал практически главной частью новых основных законов Русской Церкви.

Священный Собор Российской Православной Церкви открылся в Москве 15 августа 1917 г.

9.

По Уставу Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви 11 августа 1917 г. и по Положению о созыве его 5 июля 1917 г. организация Собора построилась на основаниях совершенно отличных от тех, которые были приняты как большинством, так и меньшинством членов Предсоборного Присутствия 1906 г. Согласно этим постановлениям Собор Всероссийской Церкви не является собранием, на котором дела решаются только епископами, клирики же и миряне имеют лишь совещательный голос. Но это не был и собор, где дела могут решаться большинством голосов клириков и мирян с подавлением голосов епископов, которые вследствие этого должны были бы перейти на роль добрых советников, бессильных осуществлять свою епископскую власть. Измененная организация Собора явилась результатом своеобразного синтеза мнений большинства и меньшинства Предсоборного Присутствия 1906 г.

Ввиду отделения Церкви от государства при вне-вероисповедном Временном Правительстве, а равно ввиду начавшегося лишения Православной Церкви ее прежних преимуществ и потери ею щедрой поддержки царского правительства, Русская Церковь решила опереться в начавшейся борьбе на всех своих членов, привлечь их к живому и активному участию в церковной работе и сплотить их силы в отстаивании ее бытия. Сделать это было тем легче, что не только среди клира, но и среди мирян проявлялось горячее желание помочь Церкви преодолеть все более и более возрастающие трудности и сохранить высшие духовные ценности Православия. Священный Собор Российской Церкви и представлялся тогда как центр объединения епископов, клириков и мирян в деле служения Церкви, причем каждая из этих трех групп выступала как носительница своих особых полномочий и обязанностей в созидании Церкви. Это влекло за собою изменения а) в порядке привлечения клириков и мирян к участию на Соборе и б) в установлении соотношения их полномочий как членов Собора с полномочиями епископов.

По постановлениям Предсоборного Присутствия 1906 г. клирики и миряне включались в Собор в качестве верных и

стойких членов Церкви, избираемых епархиальным епископом из двух-трех десятков кандидатов, представленных ему благочинническими собраниями епархии. При выборах на Собор 1917 г. было совершенно устранено епископское утверждение избираемых делегатов; они рассматривались как представители клира и мирян епархии. Вместе с тем в качестве общего правила было признано, что от каждой епархии должно быть равное число представителей духовенства и мирян — по три члена от тех и других.

Так как все епархиальные епископы являлись членами Собора по их должности, то от каждой епархии должны были избираться два клирика и три мирянина. Выборы были трехстепенные. Приходское собрание при каждой церкви избирало представителей от мирян для участия в благочинническом избирательном собрании, в котором совместно с ними участвовали все члены причта каждого прихода. Благочинническое собрание посылало от себя выборщиков на епархиальное избирательное собрание. В нем участвовали также представители духовных учебных заведений епархии. Епархиальное избирательное собрание выбирало уже членов Собора, причем от клириков должен был быть избран один делегат в сане пресвитера, а второй делегат мог быть в сане как епископа (викарного или на покое), так и пресвитера или диакона. Псаломщики также могли избираться в качестве представителей от духовенства епархии (Положение о Созыве Пом. Собора, ст. 61, 62). В состав Собора входили делегаты от монашествующих, от военного и морского духовенства, от единоверцев, от духовных академий. Кроме того, предоставлялось государственным научным учреждениям — Академии Наук и университетам — посылать от себя по одному делегату на Собор. Православным членам Государственной Думы и Государственного Совета уделялось 15 мест. Члены Св. Синода и Предсоборного Совета признавались членами Собора по должности. Сверх того, лицам, особо приглашенным Синодом, а также представителям восточных патриархов и православных автокефальных церквей предоставлялось право присутствовать на Соборе в качестве его членов. Такой состав Собора мог не только выражать голос всей Русской Церкви, он

должен был также содействовать связи ее с другими Поместными Православными Церквями.

В отличие от постановлений Предсоборного Присутствия 1906 г., Устав Собора предоставлял клирикам и мирянам решающий голос вместо совещательного. На основании актов соборов первых девяти веков трудно установить в точности права клириков и мирян. Мы не имеем достаточных данных, чтобы судить о том, было ли в то время строгое разграничение между решающим и совещательным голосом. Конечно, в смешанных собраниях никакое решение не могло быть принято против воли епископов и без их согласия. Но с другой стороны, епископы тоже как-то должны были координировать свое мнение с клиром и мирянами. Иначе было бы бесцельно приглашать тех и других на «совместное совещание» (по словам Св. Киприана).⁵¹ Возможно, что эта неопределенность в соотношении различных групп соборов вместе с возрастающим авторитетом епископата и были одной из причин прекращения участия клириков и мирян. Усилившееся влияние государства на Церковь привело в позднейшее время к замене мирян представителями государственной власти и правящих классов. Если обратиться к Апостольскому Собору в Иерусалиме, то можно видеть, что, несмотря на отсутствие равенства между его членами, несмотря на руководящую роль апостолов и пресвитеров в вынесении и формулировке решения, власть апостолов и пресвитеров все же не была выше «общего согласия всей Церкви». Решение было вынесено с общего согласия всего собрания, в которое входила также и «братия», и это согласие народа имело существенное значение.⁵²

Решение Предсоборного Присутствия ни в каком случае не давать ни клирикам, ни мирянам решающего голоса таило в себе опасные последствия. Наделение тех и других только совещательным голосом не могло обойтись без расхождения их мнений с воззрениями епископов по отдельным вопросам, и притом — расхождений теоретически обоснованных, поскольку среди клириков и мирян могли найтись люди с широким богословским образованием. Простое подавление их мнений голосами епископов посеяло бы рознь и раздражение вместо объединения и в конечном

итоге могло бы повести к охлаждению интереса клира и мирян к Поместному Собору. А это могло бы повлечь за собою ослабление авторитета и роли Собора в церковной жизни. Как живое объединение всех верующих не только в вере и молитве, но и в делах, Церковь не может построиться только на одном начале подчинения и повиновения. Нужно непосредственное ощущение общности и единения в работе ее членов. Активное участие не может развиваться без допущения личной инициативы, без возможности ставить определенные цели и работать для достижения их, без участия в направлении деятельности, — что не исключает, конечно, необходимости мер для предотвращения попыток использовать предоставленные права в ущерб церковному порядку.

Предоставление клирикам и мирянам решающего голоса на Соборе было, конечно, существенным расширением их полномочий по сравнению с правом совещательного голоса, признанного за ними Предсоборным Присутствием. Но ведь и для последнего не подлежало сомнению, что само положение клириков и мирян как членов Церкви говорит за то, что они могут быть членами Собора. В этом отношении Предсоборное Присутствие следовало духу Православного учения, согласно которому священное достоинство принадлежит не только клирикам, призванным священнодействовать, учить, пещись о душах паствы и руководить ею, но и мирянам как «священству святому» и «живым камням» дома духовного (1 Петр. 2:5). В связи с этим миряне оказываются соучастниками в совершении священником богослужения, могут содействовать духовенству в распространении и развитии церковного учения, а равно участвовать в церковном управлении. Для Предсоборного Присутствия было неприемлемым лишь такое расширение полномочий клириков и мирян, которое приводило бы к уравниванию, одинаковости их положения с положением епископов, так как это, действительно, было бы «нарушением коренных основ церковной жизни». Пред авторами нового Устава Собора стояла, таким образом, задача — согласовать предоставление решающего голоса клирикам и миря-

нам с сохранением верховенства епископата, и они нашли особый способ решения этой трудной проблемы.

Предоставив клирикам и мирянам такое же право голоса, как и епископам, новый Устав Собора наделил в то же время епископов правом отвергать негодные им решения Общего Собрания Собора. Согласно Уставу Собора все присутствующие на Соборе епископы образуют особое «Совещание Епископов», которое «обсуждает каждое принятое Общим Собранием Членов Собора правилодательное или основоположное постановление с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви» (ст. 64 Устава). «Если, — гласит следующая ст. 65 в редакции, принятой Св. Синодом, — правилодательное постановление Собора в течение трехдневного срока со времени поступления его на обсуждение Совещания будет в полном объеме или в частях отвергнуто большинством трех четвертей голосов присутствующих в заседании Совещания епископов, с приведением к тому оснований, то такое постановление снова вносится в Общее Собрание Собора, на котором вновь рассматривается. Новое соборное постановление передается в Совещание Епископов» (ст. 66). «Если и после сего постановление это будет отвергнуто в Совещании Епископов, то оно не получает силы соборного определения, о чем провозглашается в ближайшем заседании Собора» (ст. 67).

Такой порядок обеспечивал верховенство епископата. Он не только устранял всякое подавление голосов епископов голосами клира и мирян, но и делал невозможным принятие Собором какого-либо постановления, негодного епископам и неодобренного ими. Однако и епископы могли принять или отвергнуть только постановление, принятое Общим Собранием Собора, в которое входили вместе с епископами клирики и миряне. Практически всякое решение Собора должно было быть выражением единомыслия и общего согласия всей Церкви: епископата, клира и мирян. Если это единомыслие не достигалось при первом голосовании, то постановление должно было быть поставлено на вторичное обсуждение Общего Собрания Собора и тогда, в порядке обмена мыслей между епископами, с одной сто-

роны, клириками и мирянами — с другой, могло быть найдено новое решение, одинаково приемлемое для обеих сторон. Если не было общего согласия, то не могло быть вынесено и решения.

Некоторым стеснением права епископов отвергать решения общего собрания Собора являлось правило, согласно которому постановления Соевещания Епископов принимаются большинством трех четвертей голосов, а не абсолютным большинством, как это было в проекте Устава Предсоборного Совета, измененного в этом и в некоторых других пунктах Св. Синодом в заседаниях 10-11 августа 1917 г. Далее, на основании ст. 64 Устава епископами могут быть отвергнуты лишь «правилодательные или иные основоположные» постановления, то есть такие, которыми устанавливаются определенные правила деятельности или общие нормы законодательного характера. Под эту категорию не подходят постановления, касающиеся отдельных, единичных актов, например избрание тех или других лиц на определенные должности, решения об устройстве крестного хода, принятие воззвания к народу и т.п. Основанием к отвержению постановлений могло быть лишь несоответствие их «Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви. Эти формально канонические ограничения, излишне осложнявшие порядок голосования и чрезвычайно растяжимые по своей формулировке, не имели, однако, на практике большого значения. Полностью оставалось в силе основное положение, что только одобрение епископата придает силу соборным постановлениям.

Это был новый подход к решению вопроса о взаимоотношении епископата, клириков и мирян на церковных соборах, неизвестный до того времени в церковной практике.

К началу XX века совместные собрания епископата с преобладающим числом клириков и в особенности мирян были известны главным образом как собрания для избрания Главы Церкви — Патриарха в Константинополе (по зак. 1860 г.), или Митрополита в Сербии (зак. 1890 г.), Болгарии (зак. 1895 г.) или Румынии (зак. 1872 г.). Эти собрания выбирали кандидатов. В сложном процессе выборов иногда

участвовал и Синод Епископов как правящая коллегия, но замещение должности Главы Церкви зависело в конечном итоге от государственной власти: от Султана или Короля.

Церковно-народные соборы состоявшие из епископов, клириков и мирян имелись и в небольших православных церквях в пределах тогдашней Австро-Венгрии, в митрополиях Карловацкой и Сибинской. Соборы эти не только избирали митрополита, но и заведовали широким кругом церковно-правительственных дел по организации православного церковного управления в католической Австро-Венгрии. Две трети церковно-народного собора состояли из мирян и лишь одна треть из клириков. Немногочисленные епископы входили дополнительно в состав Собора, образуя в нем незначительное меньшинство. Не только голоса епископов, но и голоса епископов и клириков, взятых вместе, всегда могли быть подавлены мирянами, и этим извращался православный принцип единения всех членов Церкви и верховенства епископата. Устав Собора 1917 г. нашел путь к сохранению обоих этих принципов, предоставив всем членам Собора решающий голос и признав особые контрольные полномочия за Совещанием Епископов.

Общее Собрание Собора и Совещание Епископов рассматриваются иногда как две палаты.⁵³ Но говорить о двухпалатной системе, будто-бы установленной Уставом Собора 11 августа 1917 г., значит упускать из виду одну из наиболее характерных особенностей этого Устава и ее оригинальность.

При двухпалатной системе каждая из палат имеет свой особый состав членов, и члены одной палаты не должны быть членами другой палаты. Каждая из палат заседает отдельно и отдельно от другой, самостоятельно выносит свои решения. При разногласии постановлений образуются согласительные комиссии из членов обеих палат. Но предложения согласительной комиссии передаются на рассмотрение каждой из палат в отдельности и принимаются или отвергаются голосами только ее членов.

Совещание Епископов не является, однако, второй палатой на подобие Палаты Епископов Епископальной Церкви в Америке, существующей наряду с Палатой Депутатов

из представителей клира и мирян. Об Общем Собрании Собора можно было бы говорить как об особой палате, если бы оно состояло из одних лишь клириков и мирян и заседало отдельно от собрания Епископов. Совещание Епископов могло бы быть на положении Второй Палаты, если бы все епископы Церкви заседали всегда отдельно от клириков и мирян. Но согласно статье 1-ой Положения 5 июля 1917 г. «Собор состоит из епископов, клириков и мирян». Епископы являются так же членами Собора, как клирики и миряне. Совместно с ними епископы заседают в Общем Собрании и в комиссиях Собора и участвуют в прениях. При обсуждении отдельных вопросов епископы имеют возможность оказывать свое влияние на ход мыслей других членов Собора. Это влияние может быть тем более авторитетным, что и клирики и миряне не могут не видеть необходимости согласовать свое мнение с мнением епископов. Епископы голосуют также совместно с клириками и мирянами, и их голоса входят в подсчет общего числа голосов членов Собора.

Только после заседаний Общего Собрания Собора устраиваются отдельные заседания Совещания Епископов. В него входят епископы не потому, что они правят той или другой епархией (как это принято в отношении Собора Епископов), а в силу только того, что они являются членами Собора, хотя бы они были епископами викарными или находящимися «на покое». Статья 61-ая Устава гласит, что «все участвующие на Соборе на правах членов онаго епископы составляют Совещание Епископов». Оно является, таким образом, лишь отдельным заседанием особой группы членов одного и того же Собора, которая осуществляет свои функции в общих рамках деятельности Собора. Совещание Епископов может выносить свои решения только пока продолжается сессия Собора, и притом в короткий трехдневный срок. С прекращением сессии Собора прекращается и функционирование Совещания Епископов. Никаких согласительных комиссий Устав Собора не предусматривает.

Постановления Священного Собора являются единым актом, включающим в себя решение Общего Собрания Со-

бора, состоящего из епископов, клириков и мирян, и решение Соединения Епископов. Священный Собор Российской Церкви есть одна церковная палата, в которой членам ее в сане епископа предоставлены права высшего контроля и направления законодательной деятельности Собора.

10.

Реорганизация строя Русской Церкви не была еще закончена включением Священного Собора в общую систему органов церковного управления. Завершение ее было предоставлено самому Собору, который рассматривался как Собор учредительный. Он «обладал всею полнотою церковной власти для устройства Русской церковной жизни на основе Слова Божия, догматов, канонов и предания Церкви» (ст. 1 Устава).

Так как всякий Поместный Собор является органом временным, созываемым через определенный срок, то надлежало в первую очередь создать органы постоянного управления. Ими оказались Священный Синод и Высший Церковный Совет. Способ их организации и установленный порядок их деятельности свидетельствует о дальнейшем выявлении столь характерного для православия верховенства епископата, несмотря на привлечение клириков и мирян в высшие церковные органы.

Священный Синод был создан как орган исключительно иерархический по своему составу.⁵⁴ В него входят: Патриарх, Митрополит Киевский, 6 епископов по избранию Собора и 5 епархиальных епископов, вызываемых на заседания по определенно установленной очереди. Компетенции Двенадцати епископов под председательством Патриарха подлежат вопросы вероучения, богослужебного чина и духовного просвещения в церковных учебных заведениях; утверждение епархиальных епископов и назначение начальствующих в подведомственных Синоду учреждениях, надзор за епархиальным управлением и монастырями, миссионерское дело и некоторые другие вопросы церковного управления и церковной дисциплины. Священный Синод явился прямым преемником тех Соборов Епископов, которые с древнейших времен являлись органом архипастыр-

ского попечения и руководства жизнью Поместной Церкви. Довольно многолюдный состав Священного Синода, избрание части его всем Священным Собором и поочередная смена других членов укрепляли связь Священного Синода с епископатом и со всей Церковью. Но это не был Всероссийский Собор правящих Епископов всех епархий. Последний предусматривался лишь для таких исключительных случаев, как суд над Патриархом (Определение о правах и обязанностях Патриарха, ст. 10).

По текущим делам церковного управления и церковной дисциплины Священный Синод выносил решения по самому существу своему не относящиеся к компетенции Собора как органа законодательного, периодически созываемого и действующего лишь в течение ограниченного срока времени. Но помимо этих административных функций, Священный Синод наделялся полномочиями законодательными в вопросах вероучения, правоучения, церковного богослужения, охранения текста и состава книг Священного Писания. В этой области Св. Синод мог действовать самостоятельно, независимо от Собора, и таким образом наряду со Священным Собором создавался в лице Свящ. Синода другой законодательный орган Церкви по вопросам «духовного» руководства Церковью.

Не все дела церковного управления вошли в круг дел, рассматриваемых непосредственно самим Священным Синодом. Некоторые из них были отнесены к компетенции Высшего Церковного Совета. В создании последнего Московский Собор следовал наметившейся практике того времени, допускающей дуализм постоянных правящих органов Церкви, именно — образование смешанного совета из клира и мирян для заведования хозяйственными делами рядом с исключительно иерархическим органом, Собором Епископов, призванным ведать дела духовные. Такой порядок нашел себе особо ясное выражение в Канонизмах Константинопольской Церкви 1860 г., по которым рядом с Епископским Синодом устанавливался Смешанный Совет из 12 человек. Подобно этому имелся Соборный Совет в Карловацкой Митрополии (зак. 1875 г.), а равно Экзархийский Совет в Болгарском Экзархате (зак. 1871 и 1898 г.). Во всех

этих смешанных советах миряне были в большинстве: 4 епископа и 8 мирян в Смешанном Совете Константинополя; 2 епископа, 2 клирика и 5 мирян в Соборном Совете Карловацкой Митрополии; Епископ и шесть мирян в Болгарском Экзархийском Совете.⁵⁵

В русском Высшем Церковном Совете были объединены и епископы, и клирики, и миряне. В нем участвовали: 3 епископа по избранию Священного Синода, 6 клириков и 6 мирян — по избранию Собора. Председателем был Патриарх. Миряне были представлены в равном числе с клириками. Духовный элемент усиливался присутствием трех епископов и Патриарха. Высший Церковный Совет должен был ведать церковным хозяйством, обложением на церковные нужды, школьным и издательским делом, вопросами правовой защиты Церкви, рассмотрением отчетности епархиальных учреждений и пр. Абсолютное отграничение дел «хозяйственных» от дел «духовных», конечно, недостижимо. Разграничение возможно лишь на основании преобладания того или другого элемента. «Хозяйственные» дела служат интересам Церкви, и «духовный» элемент в них несомненен. Соответственно этому, состав Высшего Церковного Совета был образован таким образом, что епископам вместе с клириками была предоставлена возможность оказывать действительное влияние на решение дел в Высшем Церковном Совете.

Но этим Собор 1917-1918 г. не ограничился. Для обсуждения наиболее важных хозяйственных и административных вопросов общецерковного характера были установлены совместные заседания Св. Синода и Высшего Церковного Совета. Утверждение сметы доходов и расходов по церковным учреждениям, рассмотрение отчетов Священного Синода и Высшего Церковного Совета, назначение начальствующих лиц в центральных церковных учреждениях и ряд других вопросов были отнесены к кругу дел Соединенного Присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Оно, таким образом, состояло из Патриарха, двенадцати епископов, шести клириков и шести мирян, что достаточно обеспечивало епископату возможность воздействовать на ход дел.

Создание нескольких органов Высшего Церковного Управления вызывало естественную необходимость в особом органе, который мог бы объединять их деятельность и направлять все усилия в одно общее русло. «Нужен постоянный центр соборного единения, собиратель рассеянного стада» (по словам кн. Е. Н. Трубецкого). После устранения подчиненности церковного управления государству и восстановления ее самоуправления нужен был авторитетный предстоятель и защитник ее — в особенности в ее сношениях с государственной властью. Нужно также принять во внимание особенности той поры, когда принимались определения об органах Высшего Церковного Управления. Тогда уже начала широко разворачиваться большевистская революция, и на Церковь стали надвигаться тяжелые тучи. Острее чем когда-либо почувствовалась нужда в вожде, около которого мог бы собраться церковный народ. «Нам нужен Патриарх, как церковно-молитвенный предстоятель Русской Церкви, представитель подвига и дерзновения, и как стоятель за Русскую Церковь»; «Когда идет война, нужен единый вождь, без которого воинство идет вразброд», — раздавались голоса на Соборе (Деяния Свящ. Собора, книга 2, стр. 235; кн. 3, стр. 6).

В процессе своих работ Московский Собор пришел к особо высокому поднятию духовной власти в Церкви созданием мощной фигуры Патриарха не только как Первоиерарха и Духовного Главы Церкви, но и как Правителя, наделенного широкими полномочиями по отношению к центральным и местным органам Церкви, а также правом надзора за личной жизнью и деятельностью епископов («Определение о правах и обязанностях Святейшего Патриарха» от 8 дек. 1917 г., ст. 1-4).

Патриарх объединял деятельность всех органов Высшего Церковного Управления как председатель и Поместного Собора, и Священного Синода, и Высшего Церковного Совета, и Объединенного Присутствия Синода и Совета. Только Патриарх мог созывать Поместный Собор, но на постановления его он мог влиять лишь как один из членов Совещания Епископов. По отношению же к решениям Священного Синода и Высшего Церковного Совета или их Сое-

диненного Присутствия он получил особое право протеста, которое он мог использовать всякий раз, когда находил, что решения этих учреждений «не соответствуют пользе и благу Церкви», т.е., по соображениям целесообразности, а не закономерности только.

Этот протест мог привести к тому, что данное постановление в конечном итоге должно было утратить свою силу. Опротестованное постановление поступало на новое рассмотрение того же учреждения. «Если Патриарх, однако, не найдет возможным согласиться и с новым решением дела, то таковое или а) приостанавливается производством, или б) передается им на окончательное разрешение ближайшего Всероссийского Поместного Собора, или в) по этому делу Патриарх принимает самостоятельное решение и приводит его в исполнение». Принятое в таком порядке решение Патриарха подлежало внесению на рассмотрение ближайшего Собора, от которого и зависило окончательное разрешение вопроса (ст. 20 Определения о Священ. Синоде и Высшем Церк. Совете, 7 дек. 1917). Это значит, что в случае приостановки производства дела без передачи его на окончательное разрешение ближайшего Собора решение вообще не получало силы, в случае же передачи его на рассмотрение ближайшего Собора оно лишалось силы до момента созыва этого Собора. В обоих случаях Высшие Церковные Органы были не в состоянии вынести какое-либо постановление без одобрения его Патриархом. Когда же Патриарх «принимает самостоятельное решение», то оно до ближайшего Священного Собора получало силу не только без согласия, но и против воли как Священного Синода, так и Высшего Церковного Совета.

Такое чрезвычайное расширение полномочий Патриарха может быть оправдано необычными условиями предпринятого атеистической властью штурма неба. При разрушении и разгоне органов церковного управления Патриарху могло прийти действовать помимо них и вместо них. При обычном же и более мирном течении дел одно право протеста давало Патриарху широкую возможность влиять на высшие органы церковного управления.

В тех условиях, которые были установлены Собором,

оно равнялось практически утверждению Патриархом постановлений Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Надлежит, однако, отметить, что это право протеста относится к постановлениям Священного Синода как постоянно действующего Комитета Епископов, для дел церковного управления, но не к Общему Собору всех правящих епископов Церкви. Собор этот упоминается лишь как орган суда над Патриархом.

Постановления о нем оказались недоразвитыми, и как периодически созываемый орган всего епископата он не был включен в общую схему органов Высшего Церковного Управления. Немногочисленный по своему составу Синод Епископов, как постоянный административный орган, может совпадать с Общим Собором Епископов и заменять его только в небольших церквах с малым числом правящих епархиальных епископов, как, например, в Церкви Кипрской (с 4 епископами). Для Русской Церкви, имевшей в то время 65 епархий и 3 заграничных миссии возглавляемых епископами, Священный Синод из 12 епископов не мог заменить Общего Собора всех правящих епископов. По отношению к такому Собору, являющемуся носителем высшей иерархической власти Поместной Церкви и пользующемуся законодательными функциями, канонами и практикой Православной Церкви не предусматривается утверждение его решений Патриархом как Главой Поместной Церкви. Это было бы нарушением принципа верховенства всего епископата. Если бы Общий Собор всех правящих епископов был включен в общую систему церковного управления, то Патриарх мог бы переносить, в случае нужды, и опротестованные им постановления постоянного правящего Синода Епископов, который мог бы в таком случае состоять не из 12, а из меньшего числа епископов.

Весьма характерна смена определений о пределах власти Патриарха. Предсоборное Присутствие 1906 г. рассматривало Патриарха как Первоиерарха, Председателя Собора и Синода, который имеет высшее наблюдение за порядком в Церкви и может предлагать Синоду принять нужные меры для восстановления порядка, но не давало никакой власти по отношению к решениям Синода, а тем более Собора.

4 ноября 1917 г. Московский Собор признал Патриарха «первым между равными ему епископами», подотчетным Поместному Собору вместе с другими органами Высшего Церковного Управления (ст. 3 и 4), а немногим более чем через месяц, 7 декабря того же года, дал ему право протеста, которое возвышало его и над Свящ. Собором из 12 епископов и над Высшим Церковным Советом. И это не потому только, что созыв ближайшего Собора, который должен был бы принять отчет, казался в тогдашних тревожных условиях откладывавшимся на неопределенное время, а и в силу общих особенностей вновь установленного церковного строя, при которых единоличный орган объединения высшего церковного управления представлялся настоятельной необходимостью.

Первоиерарх Православных Поместных Церквей избирается, по общему правилу, пожизненно, но за нарушение своих обязанностей или проповедь еретических учений он, как и всякий епископ, подлежит суду Собора Епископов Церкви. Вознеся власть Патриарха над Священным Синодом предоставлением ему права протеста и самым способом избрания его всем Священным Собором, Московский Собор 1917-1918 г., в целях бóльшего ограждения власти Патриарха, не предоставил права привлекать Патриарха к ответственности непосредственно священному Синоду. В случае нарушения им прав или обязанностей его служения «три старейших члена Священного Синода или члены Высшего Церковного Совета в архиерейском сане» могут делать Патриарху «братское представление». При безуспешности второго «братского представления» трех старейших епископов, жалоба на Патриарха подается в Священный Синод через старейшего из присутствующих в нем иерархов. Но «вопрос о признании в действиях Патриарха наличия поводов, могущих повлечь за собою его ответственность», т.е. возбуждение судебного преследования, разрешается не одним Священным Синодом, а Соединенным Присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета, т.е. двенадцатью епископами с участием 12 выборных членов Высшего Церковного Совета из клириков и мирян. Самое же предание суду и совершение суда предоставлено

было традиционно всему Всероссийскому Собору Епископов, в который, согласно имевшимся прецедентам в истории Русской Церкви, могли приглашаться другие Патриархи и представители автокефальных Церквей, «причем как для предания суду, так и для обвинительного приговора было установлено требование не менее двух третей наличных голосов» (Определение о правах и обязанностях Патриарха, ст. 8-10).

Значение постановлений о Патриархе, Священном Синоде и Высшем Церковном Совете не ограничивается только тем, что ими были созданы постоянные органы церковного управления наряду с повременным периодически созываемым Священным Собором. Этими постановлениями внесено было известное уточнение и некоторые ограничения в функции самого Священного Собора.

Еще на Предсоборном Совещании 1906 г. была выдвинута идея, что Собор, как высший орган Церкви, должен обладать властью не только законодательной, но также правительственной (или руководительной), судебной и контролирующей.⁵⁶ Тогда такое объединение всех властей казалось совершенно естественным, поскольку решения Собора должны были приниматься только епископами, а епископы имеют также право и судить епископов. В 1917 г. идея эта была применена по отношению к Собору совершенно иного состава. Определение о Высшем Управлении Православной Российской Церкви от 4 ноября 1917 года гласило: «В Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому в составе епископов, клириков и мирян».

Если сопоставить это постановление с двумя принятыми через месяц определениями а) о круге дел, подлежащих ведению Священного Синода (от 8 декабря 1917 г.), и б) о суде над Патриархом (тоже от 8 дек. 1917 г.), то легко можно видеть, что власть законодательная должна принадлежать Собору только по тем делам, которые не отнесены непосредственно к компетенции Священного Синода. В предоставленной ему области вероучения и церковного управления Священный Синод управомочен действовать совер-

шенно самостоятельно, хотя ничто не препятствует ему перенести, по тем или другим соображениям, отдельные вопросы на рассмотрение всего Священного Собора. Власть административная остается за Священным Собором не в смысле ведения текущих дел управления, переданных Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету, а в смысле сохранения права Собора разрешать в законодательном порядке общие вопросы организационного характера, изменения или дополнения действующих постановлений о центральных и местных органах Церкви, о вхождении Церкви в какие-либо объединения с другими Церквями и церковными организациями, о сохранении ее целостности и самостоятельности, об отношениях ее с государственными учреждениями. Судебные функции Священного Собора были совершенно естественно ограничены постановлениями о суде Всероссийского Собора Епископов над Патриархом и еще более были бы ограничены учреждением Высшего Церковного Суда. Московский Собор не успел выработать общее положение о церковных судах и в определении об Епархиальном управлении передал функции Епархиального Суда выборному правительственному органу при Епископе — Епархиальному Совету (ст. 58). Контролирующая же власть Собора могла проявляться лишь в рассмотрении отчетов Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета об их деятельности, поскольку Патриарх вместе с органами церковного управления считался подотчетным Собору (Опред. о Свящ. Синоде и Высшем Церковн. Совете от 7 дек. 1917 г., ст. 1). В этом порядке Собор мог высказывать свои замечания и пожелания.

В результате Священный Собор оказывался законодательным органом главным образом в области организации церковного управления. Вопросы вероучения и духовного руководства были переданы Священному Синоду Епископов. Судебных полномочий Собор не мог осуществлять по общему характеру своего устройства. Можно думать, что функции высшего суда, при окончательной разработке положения о церковных судах, также были бы переданы другим учреждениям, как был передан Всероссийскому Собору Епископов суд над Патриархом.

11.

Потребовался долгий подготовительный период для того, чтобы была окончательно установлена организация Священного Собора Российской Церкви. В течение XIX века жизнь Русской Церкви достигла своего наибольшего развития не только по количеству членов, превышавшему сумму членов всех других Поместных Православных Церквей, но и по высокому образовательному уровню епископата и среднего духовенства, по высокому развитию богословской мысли и по пробудившемуся интересу к Церкви не только среди широких народных кругов, но и среди русской интеллигенции. Русская Церковь в ту пору могла сказать свое собственное слово относительно канонического устройства Православной Церкви в условиях нового времени. Им и явился «Устав Поместного Собора» вместе с правилами выбора его членов и принятыми самим Собором «определениями» о Патриархе и Высшем Церковном Управлении.

При изложении истории подготовки Собора 1917-1918 г. нередко подчеркивают столкновения либерального течения с консервативным или реакционным, связывая то и другое в какой-то мере с политическими настроениями того времени. Не подлежит сомнению, что церковные деятели могли сочувствовать той или другой политической группировке или примыкать к ней. Но их политические симпатии и антипатии не могли определять их основные воззрения на церковные реформы. Политическими программами никоим образом не исчерпываются церковные проблемы. Церковь живет своей особой жизнью, отличной от жизни государства и измеряет события своей особой меркой. Несмотря на все попытки государственной власти наложить свою руку на реорганизацию церковного строя, Святейший Синод удержал дело реформы в своих руках. В Предсоборном Совете 1917 г. и в самом Соборе 1917-1918 г. нашелся общий дух у епископов, клириков и мирян в понимании и отстаивании церковных интересов. При глубоком внимании к новым условиям общественной жизни, церковные деятели того времени не отступали от традиционной основы православного строя — верховенства епископата — и создали наиболее совершенную новую систему объединения епис-

копата, клира и мирян в центральных органах церковного управления. Московский Собор шел своим путем и в избрании Патриарха. Он наметил кандидатами на эту должность лиц наименее приемлемых для власти Временного Правительства, в том числе — Архиепископов Антония (Храповицкого) и Митрополита Московского Тихона (Белавина). Последний был удален из Святейшего Синода Обер-Прокурором В. Н. Львовым, но занял впоследствии трон Патриарха Московского и всея Руси.

Подводя итог происшедших перемен, мы можем отметить следующие основные особенности вновь созданного строя, пришедшего на смену синодальной системе:

1. объединение в Священном Соборе епископов, клириков и мирян с предоставлением всем им решающего голоса в Общем Собрании Собора и наделение Совещания Епископов правом отвергать постановления Общего Собрания Собора;
2. принятие принципа равенства представителей от духовенства (епископата и клира) и мирян с допущением дополнительного представительства от отдельных церковно-общественных организаций;
3. сохранение за Священным Синодом Епископов широких полномочий в области вероучения и богослужения, а также в делах церковного управления и церковной дисциплины, так что Священный Синод явился особым законодательным органом по духовным делам наряду со Священным Собором, в ведении которого оставались общеорганизационные вопросы церковного управления;
4. создание Высшего Церковного Совета смешанного состава для «хозяйственных» дел, функционирующего наряду со Священным Синодом для заведования предоставленной ему частью дел церковного управления;
5. образование Соединенного Присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета для рассмотрения наиболее важных дел церковного управления;
6. установление особого порядка избрания Патриарха всем Собором из епископов, клириков и мирян, предоставление Патриарху, как объединителю деятельности всех высших церковных органов, права председательства в них и на-

деление его правом опротестования и остановки постановлений постоянных высших церковных учреждений.

Так, включив клириков и мирян в отдельные органы высшего церковного управления, сохранив при этом верховенство епископата и его исключительные полномочия в области вероучения и духовного руководства, Московский Собор в то же самое время чрезвычайно возвысил власть Патриарха.

Реорганизация строя Русской Церкви Уставом 1917 г. и постановлениями Московского Собора 1917-1918 г. шла в общем русле ранее наметившегося движения к включению клириков и мирян в органы высшего управления Православных Поместных Церквей. После отмены Канонизмов 1860 г. Константинопольский Патриархат возвратился к прежней системе управления через Синод (Собор) Епископов. Тот же строй управления исключительно епископскими высшими органами сохранился в Церквах Греции и Кипра. Между тем, вслед за Болгарским Экзархатом того времени, Патриархаты Румынский (зак. 1925 г.), Сербский (зак. 1931 и 1947 г.) и Сиро-Антиохийский (зак. 1929, 1955 гг.) стали включать клириков и мирян как в собрания для выбора Главы Церкви, так и в некоторые из высших церковных органов, устанавливая различные формы и условия их участия. Явный отпечаток постановлений Московского Собора носят также уставы Церквей за «железным занавесом»: Русской (1945), Румынской (1949), Болгарской (1951), а равно Церквей Польской и Чехословацкой, но давление коммунистического режима извратило во многих отношениях положение и епископата, и клира, и мирян. Все же в этих Церквах замечается некоторое усиление роли епископата, так как коммунистические правительства считают наиболее удобным для своих интересов иметь дело с централизованной церковной властью, сосредоточенной в руках епископата.

Вследствие жестоких гонений Советского Правительства, вновь созданный в 1917-1918 г. церковный строй не мог укрепиться в самой России. Основы его были, однако, восприняты двумя заграничными частями Русской Церкви: Западно-европейским Митрополичьим Округом, вошедшим

с 1931 г. в Константинопольский Патриархат, и в особенности — Американской Митрополией, которая в условиях политического строя Соединенных Штатов Америки получила возможность свободно следовать заветам своей Матери-Церкви, постановлениям Московского Собора 1917-1918 г., применяя их соответственно особенностям местной жизни.

Примечания

¹ А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви, т. 2. Париж, 1959, стр. 349-350, 389-391, 424-425.

² Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, стр. 152, 200 и сл.

³ Н. В. Сушков. Записки о жизни и времени Московского Митрополита Филарета. Москва, 1868, стр. 194-196; см. также предисловие О. Боянского к статье «О соборном управлении» в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских», 1870, кн. 4, стр. III, IV.

⁴ А. Папков. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя Освободителя. С.-Петербург, 1902, стр. 20, 21.

⁵ Там же, стр. 19-31; «Собрание мнений и отзывов Митрополита Филарета», кн. 4, стр. 213, 225, 227; Письма Митр. Арсения — см.: «Русский архив», 1892, кн. 2, стр. 200 и сл.; «Письма Преосвященного Иннокентия» к Муравьеву — см.: «Русский архив», 1889, № 5 и 6.

⁶ «Пленение Русской Церкви». Записка Преосвященного Агафангела Вольнского. Записка эта долго оставалась в рукописи и была опубликована С. Шаратовым только в 1906 г., в Москве.

⁷ Работа эта сохранилась в копии между рукописями, пожертвованными Митроп. Исидором в библиотеку СПб. Дух. Академии. См.: А. Папков. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя. Стр. 30.

⁸ Записка Митр. Антония напечатана в газ. «Слово» 28 марта 1905 г. — См.: И. В. Преображенский. Церковная Реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе. С.-Петербург, 1906, стр. 85-89, 133-136.

⁹ Записка С. Ю. Витте появилась в печати в газете «Слово» 28 марта 1905 г. — См.: И. В. Преображенский. Церковная Реформа. Стр. 122-133.

¹⁰ «Церковная Реформа», стр. 91-93.

¹¹ Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, т. 1. С.-Петербург, 1906, стр. VI, VII.

¹² «К Церковному Собору». Сборник Группы Петербургских Священников. С.-Петербург, 1906, стр. III-V, 1-8.

¹³ Напечатана 17 марта 1905 г. в «Церковном вестнике», № 11; см. «Церковная Реформа», стр. 1-6.

¹⁴ «Церковная Реформа», стр. 85-89, 228, 229.

¹⁵ Там же, стр. 199-204, 281-282.

- 16 «Церковный вестник», 1905, № 21; «К Церковному Собору», стр. 9-23.
- 17 Еп. Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого, т. III. Нью-Йорк, 1957, стр. 45-55.
- 18 «К Церковному Собору», стр. 62-148.
- 19 Журналы и протоколы Предсоборного Присутствия, т. 3. С.-Петербург, 1907, стр. 412.
- 20 Указ, соч., т. 1. СПб., 1906, стр. 98, 99, 137.
- 21 Указ. соч., т. 2, стр. 581.
- 22 Указ. соч., т. 1, стр. 9, 10.
- 23 Там же, стр. 14, 122, 123.
- 24 Там же, стр. 146.
- 25 Проф. А. И. Алмазов, Журн. Предсоб. Прис., т. 2, стр. 427.
- 26 Журн. Предсоб. Прис., т. 2, стр. 466, 467.
- 27 Отзывы епархиальных архиереев о церковной реформе. СПб., часть 1, № 56, стр. 195. — Приводится в Журн. Предсоб. Прис., т. 3, стр. 86.
- 28 Журн. Предсоб. Прис., т. 2, стр. 461.
- 29 Там же, стр. 432, 433.
- 30 Там же, стр. 417.
- 31 Там же, стр. 433.
- 32 Указ. соч., т. 1, стр. 10.
- 33 Указ. соч., т. 2, стр. 423.
- 34 Указ. соч., т. 1, стр. 581, 582.
- 35 Там же, стр. 17.
- 36 Там же, стр. 588.
- 37 Там же, т. 1, стр. 582, 583.
- 38 Там же, стр. 582-585.
- 39 Там же, стр. 17, 31, 588.
- 40 Указ. соч., т. 3, стр. 123, 124.
- 41 Указ. соч., т. 2, стр. 462, 463.
- 42 Указ. соч., т. 1, стр. 15-32, 116-124; т. 2, стр. 420-441.
- 43 Там же, т. 1, стр. 18.
- 44 Там же, стр. 190.
- 45 Указ. соч., т. 2, стр. 461.
- 46 Там же, стр. 670.
- 47 Указ. соч., т. 3, стр. 384.
- 48 «Деяния Священного Собора Российской Церкви», т. 2, Деяние 23-ье, стр. 190, 191.
- 49 А. В. Карташев. Революция и Собор 1917-1918 г. «Богословская мысль», Париж, 1942, стр. 75-92; John S. Curtis. The Russian Church and the Soviet State. Boston, 1953, pp. 9-25; George M. Venigen Rev. The Year 1917 in the History of the Russian Church. "St. Vladimir's Seminary Quarterly," 1963, No. 3, pp. 115-125.
- 50 А. В. Карташев. Временное Правительство и Церковь. «Современные записки», т. 52, стр. 373-377.

⁵¹ "Ante-Nicene Fathers." New York, 1926, vol. V, p. 294.

⁵² Prof. Veselin Kesich. The Apostolic Counsel at Jerusalem. "St. Vladimir's Seminary Quarterly," 1962, No. 3, p. 113.

⁵³ А. В. Карташев. Революция и Собор 1917-1918 г. «Правосл. мысль», 1930, т. 2, стр. 88.

⁵⁴ Определения Собора 1917-1918 г. о Высшем Церковном Управлении напечатаны за границей в издании Польской Церкви, в Варшаве, а также в издании Троицкого Монастыря в Джорданвиле в 1948 г.: «Церковные Законы, касающиеся Русской Православной Церкви Заграницей».

⁵⁵ Еп. Никодим. Православное церковное право. С.-Петербург, 1897, стр. 341-355; R. Janin. Les églises orientales. Paris, 1955, pp. 210-215.

⁵⁶ Журналы Предсоб. Сопещания, т. 1, стр. 128-130, 292; т. 2, стр. 609, 616, 672.

В. И. Алексеев

НЕМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941-1944 гг.¹

Отношение Гитлера к христианству известно:

«Сильнейшим ударом, когда-либо постигшим человечество, было появление христианства. Большевизм является незаконным ребенком христианства. Оба изобретены евреями».²

Но еще до похода в Россию Гитлер понял, что христианство:

«Не может быть сломлено так просто. Оно должно разложиться и отмереть, подобно гангренозному отростку».³

Что касается России и Русской Православной Церкви, то Гитлер, конечно, не был заинтересован в спасении русского народа от «гангрены христианства», но зато он прекрасно учитывал колоссальную объединяющую роль Православной церкви в истории России. Отсюда фактически вытекало его пожелание, высказанное 11 апреля 1942 г.:

«Мы должны избегать чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, которая бы почитала Бога по-своему. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких русских просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола».⁴

Эту общую точку зрения и стал подробно развивать и конкретизировать партийный философ Розенберг, назначенный Фюрером Министром оккупированных территорий С.С.С.Р. Назначение Розенберга состоялось через 4 недели после начала войны. Розенберг должен был получать в свою администрацию занятые территории только после передвижения немецкой армии на новые территории. Первую территорию Розенберг получил 20 августа 1941 г., а два рейхс-комиссариата — Остланд и Украина — были созданы 1 сентября 1941 г.⁵

16 апреля 1946 г., уже на суде в Нюрнберге, д-р Тома задал вопрос Розенбергу как подсудимому:

«Каково было ваше отношение к церквям, входящим в круг ведения Министерства для восточных территорий?»

На этот вопрос Розенберг ответил:

«После вступления немецких войск на восточные территории, армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений; и когда я был сделан Министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ о «Свободе церкви» в конце декабря 1941 г.»⁶

Александр Далин, в цитированной уже книге “*German Rule in Russia*”, разбирая этот вопрос, приходит к выводу, что такого эдикта в 1941 г. издано не было.⁷

Крупный работник Восточного Министерства в секретной записке от 25 октября 1943 г. пишет:

“Nach monatelangen Verhandlungen wurde jedoch beschlossen die Religionsfreiheit nicht feierlich zu verkünden, sondern sie möglichst still über die Bühne gehen zu lassen.”⁸

Очевидно, приводимые ниже в данной работе переговоры между Розенбергом, Гитлером и Борманом 8 мая 1942 г. и были главной вехой в определении официальной политики оккупационных властей в отношении Русской Православной Церкви. К этому времени мощный религиозный подъем, обнаруживавшийся на оккупированной тер-

ритории часто в первые же дни, а иногда и часы после прихода немецкой армии, и заставил Министра оккупированных территорий серьезно заняться религиозным вопросом в России и попробовать ввести стихийное движение в приемлемые для национал-социализма рамки.

Приведенная нами выше точка зрения Гитлера о поощрении в России всякой формы разъединения и раскола, высказанная им 11 апреля 1942 г., получила законченную форму во время посещения Розенбергом главной квартиры Гитлера 8 мая 1942 г. Сохранилось свидетельство самого Розенберга об этом разговоре с Гитлером и Борманом:

“Die Frage kam dann auf das Problem der Religionsfreiheit in den besetzten Ostgebieten . . . Ich führte aus, dass die Dinge im Osten so liegen, dass sich verschiedene grosse Kirchengruppen bilden, dass man diese Entwicklung aber nicht unbeaufsichtigt dahingehen lassen dürfe, sondern sie zu steuern hätte, und dass die beabsichtigten Erlasse bzw. Verordnungen den Zweck hätten, uns hier nicht vor unvorhergesehene Überraschungen gestellt zu sehen. Bormann stimmte dieser Haltung durchweg zu, erklärte nur, es sei die Frage, ob der Reichsminister Ost, der ja auch in Deutschland einen Namen habe, nicht durch ein Gesetz eine zu weitgehende Bindung schaffe, die auf das Reich zurück wirke. Was unter “religiöser Freiheit” zu verstehen sei, das wollten ja die Kirchen deuten, und er sehe voraus, dass ein solches Gesetz zu hundert von neuen Briefen und Beschwerden seitens der Kirchen im Reich führen werde. Der Führer überlegte noch manche Wendungen und Formen, die eine solche Gefahr ausschalten würden, und nach einer Rücksprache über die Zweckmässigkeit las der Führer dann den Erlass durch und erklärte hier seine Zustimmung. Es wurde schliesslich ausgemacht, dass die ganze Frage nicht in Form eines Gesetzes von mir geklärt würde, sondern dass die Reichskommissare, die bestehende religiöse Freiheit gleichsam voraussetzen und die notwendigen Durchführungsbestimmungen erlassen.”⁹

На первый взгляд кажется, судя по вышеприведенному документу, что Гитлер отказался от мыслей, высказанных им 11 апреля 1942 г., но это далеко не так; просто, религиозный подъем на оккупированной территории и, главное, затянувшаяся война заставили национал-социалистическое

руководство Германии попытаться использовать всеобщее стремление к восстановлению попорченной коммунизмом религии с тем, чтобы в дальнейшем:

“In übrigen betonte der Führer, dass er nach dem Kriege mit entsprechenden Massnahmen gegen die Kirche vorgehen werde, er glaube er könne das mit seiner Autorität noch tun was einem anderen später schwerfallen würde.”¹⁰

Однако даже и в то время Розенберг предлагал рейхс-комиссариатам принять необходимые меры для ограничения влияния вновь создаваемых религиозных организаций. Через пять дней после вышеприведенного разговора, 13 мая 1942 г., Розенберг обратился к рейхскомиссарам Остланда и Украины с письмом такого содержания:

“Es ist von dem Gesichtspunkt ausgegangen worden, dass es in den besetzten Ostgebieten keine Religionsverbände geben darf, die unter Umständen auf dem Umweg über die Seelsorge politische Machtgebilde gegen die deutsche Verwaltung schaffen könnten. Es entspricht ferner den seelischen Interessen der verschiedenen Völker des Ostens, dass sie in ihrer Religionsbetätigung von ihrem Volkstum angehörigen Personen betreut werden und nicht von universalistisch eingestellten anderen Kirchen und Religionsgesellschaften.

Es ist deshalb im Prinzip anzustreben, dass die Religionsgesellschaften sich auf einen Generalbezirk begrenzen,...

Die russisch-orthodoxe Kirche darf nicht zur Beherrscherin der weissruthenisch-orthodoxen Gläubigen werden, sondern es ist hier anzustreben, wenn auch die augenblicklichen Schwierigkeiten—namentlich in der Sprache—nicht zu übersehen sind, dass sich die russisch-orthodoxe Kirche nur auf den unbestrittenen russischen Siedlungsraum beschränkt und nicht auf andere Gebiete übergreift. Es würde also in Weissruthenien u.a. einen weissruthenisch-orthodoxen, einen russisch-orthodoxen und einen römisch-katholischen Vorstand geben, wobei den Weissruthenen der Vorrang einzuräumen ist.

Für die Ukraine ist es ebenfalls im Prinzip erstrebenswert, dass jeder Generalbezirk seinen Vorstand auch bei jenen Kirchen hat, deren Gläubigenzahl über

fluss der orthodoxen Kirche Moskauer Richtung, die eine Anzahl von Generalbezirken hinausreicht. In gemischten Gebieten ist wie in Weissruthenien zu verfahren, so dass hier die russisch-orthodoxe von der ukrainisch-orthodoxen oder ukrainisch-unierten Kirche getrennt behandelt wird und ihre getrennte Leitung besitzt. Den ukrainischen Religionsgesellschaften gebührt grundsätzlich der Vorrang, mit Ausnahme der rein russischen Siedlungsgebiete.

...Hinsichtlich der ukrainischen autokephalen Kirche ist zu berücksichtigen, dass diese Kirche das mächtigste Instrument ist, den ausserordentlichen Ein- sogar einen Grossen Teil des Balkans beherrscht, zurückzudrängen. Ohne ein allgemeines Oberhaupt *amtlich* anzuerkennen, ist durch die Zusammenfassung innerhalb der Generalbezirke eine sie zur Ohnmacht verurteilende Zersplitterung vermieden, andererseits der Gefahr einer politischen Machtbildung ein Gegengewicht gegeben....

...Die Verordnung sichert auf der einen Seite die erstrebte religiöse Gewissensfreiheit, hat aber auch den Zweck, politisch ausgerichtete Religionsgesellschaften zu verhindern und vor allen Dingen den Einfluss der russisch-orthodoxen Kirche als der Trägerin des grossrussisch-imperialistischen Gedankens in den besetzten Gebieten unmöglich zu machen. Nach Lage der Dinge im Osten ist es durchaus möglich, dass religiöse Zwistigkeiten unter den Religionsgesellschaften und Sekten entstehen."¹¹

В документе 4 страницы, подписан он собственноручно Розенбергом.

Если попытаться сформулировать суть вышеприведенного документа, то она сводится к следующему:

1. Религиозным группам категорически запрещалось заниматься политикой.

2. Религиозные группы должны были быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный принцип должен был особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы Генералбецирка, т.е., приблизительно, в применении к Православной Церкви, за границы одной епархии.

3. Религиозные общества не должны были мешать деятельности оккупационных властей.

В дальнейшем, при описании положения Русской Православной Церкви в отдельных районах оккупации, мы вернемся к вопросу о применении на практике изложенных выше принципов политики в конкретной действительности, но и сейчас укажем, что провести их полностью в отношении как Православной, так и Католической Церквей было невозможно. Сам Розенберг, излагая свои пожелания, понимал это и предусматривал возможность даже избрания украинского патриарха, что обозначало бы объединение многих епархий (бецирков). Однако враждебное отношение к Русской Православной Церкви, так же как и к Католической, проходит красной нитью через оба документа. Розенбергу фактически удалось не пустить католических миссионеров на оккупированную территорию, чем косвенно даже содействовать укреплению своего главного врага — Русской Православной Церкви. Что же касается последней, то все пожелания национал-социалистического теоретика остались главным образом пожеланиями в Прибалтике и в Белоруссии и только частично были осуществлены на Украине. Не только религиозность русского народа, но и Русская Православная Церковь как организация оказались гораздо более сильными и живучими, чем это могли предполагать оккупационные власти.

Во исполнение секретного письма Розенберга, оба Рейхскомиссариата издали два почти одинаковых приказа, которые, не упоминая о веротерпимости, говорили о порядке регистрации религиозных обществ. Религиозные общества должны были регистрироваться в «бецирках» и им запрещалось заниматься политикой.

Заканчивая настоящий раздел, хочется подчеркнуть основной вывод, который можно из него сделать. В начале второй мировой войны на Восточном фронте обе борющиеся стороны намеревались, в случае победы, постараться уничтожить Русскую Православную Церковь, но во время войны все более и более должны были считаться с настроениями русского народа. Более того, и Гитлер, и Сталин

вынуждены были попытаться сделать Церковь своей союзницей в пропагандной борьбе друг против друга. Последнее обстоятельство и дало Православной Церкви возможность снова укрепиться и упрочить свое положение.

Русская Православная Церковь в оккупированных немцами областях России

Не сумев ограничить церковные организации пределами генералгубернаторств, немцы сумели, однако, разделить Православную Церковь на оккупированной территории на четыре части по территориальному только признаку:

1. На севере оккупированные районы, примерно от станции Порохово, с естественным центром в г. Пскове, были подчинены уклонившемуся от эвакуации Экзарху Сергию (Воскресенскому), объединившему под своим руководством также русские приходы Литвы, Латвии и Эстонии.

2. Далее на юг, на территории Белоруссии, была организована Белорусская Православная Церковь с распространением ее юрисдикции на Смоленскую и Брянскую области, но зато с исключением Полесья, отошедшего к Украине.

3. Еще южнее, на Украине, организовались две церкви, боровшиеся за свое влияние на одной и той же территории: Автономная, стремившаяся к сохранению связи с Русской Православной Церковью, и Автокефальная (самостийная), отделившаяся от Русской Православной Церкви.

4. Наконец, в так называемой Транснистрии, т.е. в Бессарабии и других районах юга России, включавших Одессу и переданных Румынии, русские православные приходы были просто переданы Румынской Православной Церкви.

Кроме вышеизложенного, довольно ясно обозначенного деления, было еще важное для понимания положения фактическое деление на тыловые районы, в которых процесс религиозного подъема и организации Церкви нашел четкую, законченную форму, и прифронтовые районы, в которых те же явления обозначались менее ясно.

1. Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви в Прибалтике и Псковщине

Во время занятия Прибалтики оккупационные власти нашли там Экзарха Московской Патриархии Митрополита Сергия (Воскресенского). Сергей был прислан из Москвы в сан архиепископа после занятия советскими войсками Литвы, Латвии и Эстонии. 27 февраля 1941 г. он стал Экзархом и был возведен в сан митрополита.

Особое положение Русской Православной Церкви в Прибалтике заключалось в том, что, помимо православных русского происхождения, там были православные эстонцы, латыши и литовцы. По данным самого Экзарха Сергия, национальный состав верующих в трех названных республиках был таков: в Литве их было, приблизительно, 40.000, почти исключительно русского происхождения; в Латвии, приблизительно, 150.000 русских и 50.000 латышей; в Эстонии — 100.000 русских и 100.000 эстонцев.

После образования самостоятельных государств Православные Церкви Латвии и Эстонии вышли из подчинения Московской Патриархии и перешли в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, непосредственно подчиняясь Экзарху последнего, находившемуся в Лондоне. Православные же в Литве остались в юрисдикции Московской Патриархии. После оккупации советскими войсками Прибалтики глава Эстонской Православной Церкви Митрополит Александр и глава Латвийской Православной Церкви Митрополит Августин вынуждены были снова перейти в юрисдикцию Москвы и подчиниться Экзарху последней Митрополиту Сергию (Воскресенскому).

Надо отметить, что, по вполне понятным причинам, допущенный в Прибалтику русский епископ рассматривался многими не только как представитель Московской Патриархии, но и как ставленник коммунистической власти. При таких предпосылках, особенно учитывая известную читателю общую установку немецкой политики в отношении Русской Православной Церкви, казалось можно было бы ожидать от немецкого командования немедленного ареста «советского» Экзарха (конечно, в том случае, если бы он

не эвакуировался во-время) и восстановления независимости от Московской Патриархии Латвийской и Эстонской Церквей. На самом деле все произошло если не совсем, то в значительной степени иначе. Во-первых, Экзарх Сергей не только не эвакуировался, но избежал принудительной эвакуации, с опасностью для жизни спрятавшись в подвале рижского собора. Во-вторых, по приходе немцев, он действительно был арестован, но освобожден почти немедленно. В-третьих, хотя Митрополит Августин и Митрополит Александр и перестали ему подчиняться, московский Экзарх продолжал долгое время пользоваться почти явной поддержкой оккупационных властей, во всяком случае имел в этом отношении преимущество перед эстонским и латвийским Митрополитами. В-четвертых, Экзарх сумел добиться у оккупационных властей разрешения на посылку духовной миссии в район Пскова, никогда не принадлежавший к Прибалтике. В районе Пскова было открыто около 300 православных приходов, в то время как при советской власти в том же районе оставались только одна или две церкви. Правда, попытка Экзарха Сергея подчинить себе еще соседнюю Белоруссию не увенчалась успехом. Правда и то, что сам Экзарх в 1944 г. был убит и виновниками его смерти были, по-видимому, оккупационные власти. Но все-таки то, чего добился Экзарх Сергей при своей жизни, далеко выходит за рамки того, на что готовы были идти Розенберг и Гитлер. Объяснение такого «либерализма» оккупационных властей есть и оно проливает добавочный свет на цинизм национал-социалистической политики в России.

Надо сказать, что Экзарх Сергей всей своей жизнью в СССР был хорошо подготовлен к пониманию и использованию как раз цинизма оккупационных властей. Сравнительно молодой Епископ (в 1941 г. Сергию было около 40 лет), Экзарх выдвинулся в первый ряд деятелей Московской Патриархии после знаменитой Декларации 1927 г., когда Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Сергей (Страгородский) заявил о полной лояльности Церкви по отношению к богоборческой власти, чем вызвал раскол Русской Православной Церкви на катакомбную и официальную. К 1939 г. Сергей молодой был уже тем лицом

при Сергии старом, которое вело все сношения с властью. Последним обстоятельством объясняется, конечно, и его назначение в Прибалтику. То же обстоятельство дало ему дипломатическую тренировку особого характера.

— Не таких обманывали, — заявил однажды, по словам одного свидетеля, Экзарх Сергей, говоря о немцах. — С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно.

Обманывать «колбасников» было труднее, чем, возможно, предполагал Экзарх, если вышеприведенное замечание не было просто бахвальством или политикой. Отношение оккупационных властей к Православной Церкви нам известно. Отношение к Экзарху Прибалтики осложнялось как его приездом из Москвы, так и его верностью оставшемуся по советскую сторону фронта главе Московской Патриархии Митрополиту Сергию. Сохранилась копия записки Экзарха оккупационным властям, объясняющая его позицию верности Московской Патриархии. Коротко говоря, смысл этой записки сводился к тому, что, при необходимости для Экзарха входить в одну из существующих Православных Церквей, он должен был выбирать между Москвой и представителем Вселенского Патриарха Архиепископом Германосом. Германос находился в Лондоне и, по словам Экзарха, состоял в «известных неясных отношениях с английским правительством».¹⁸

Видимо этот аргумент Экзарха показался весьма убедительным для немецкой секретной полиции. Москва была отделена линией фронта. Кроме того, при отсутствии в Прибалтике симпатии к СССР, имелись несомненные симпатии к Англии как представительнице западных демократий. Но не только ловкий маневр Экзарха Сергия был причиной кажущейся терпимости к нему оккупационных властей. У последних был свой вполне реальный, как им казалось, план, осуществлению которого деятельность русского Митрополита не только не мешала, но даже содействовала. Данные об этом плане находим в документе, касающемся совещания, которое происходило 20 июня 1942 г. в Остминистерстве у Министериальдиректора Лейббрандта. Совещание рассматривало вопрос об издании закона о веротерпимости. При этом Лейббрандт заявил, что

“eine völlige Aufsplitterung der Kirchen nach Volkstumszugehörigkeit sei nicht beabsichtigt, soweit sie nicht im Rahmen unserer grossen politischen Zielsetzung notwendig sei. Insbesondere stimmt er unserer Auffassung zu, dass die orthodoxe Kirche in Estland, Lettland und Litauen als raumfremd zu gelten habe, eine Verselbständigung einer estnischen und lettischen orthodoxen Kirche sei unerwünscht, da sie sich dann umso leichter dem Vorwurf entziehen könne, eine Institution einer raumfremden russischen Kultur entgegen dem Bekenntnis dieser Völker zu Mitteleuropa zu sein. Im Gegenteil sei es erwünscht, auch in der Führung dieser Kirche den russischen Charakter zum Ausdruck zu bringen. So beständen keine Bedenken die Exarchatsverwaltung weiter bestehen zu lassen, die sich über die orthodoxe Kirche der drei baltischen Generalbezirke erstreckt. Jedoch müsse es dem Erzbischof Sergius selbst überlassen bleiben, sich mit den Ansprüchen dieser Exarchatsverwaltung durchzusetzen. Staatliche Unterstützung sei ihm dazu nicht zu gewähren. Ziel der Politik der orthodoxen Kirche in den drei baltischen Generalbezirken gegenüber müsse es bleiben, diese Kirche einmal mit ihren russischen Trägern aus dem baltischen Raum zu entfernen und in das Reichskommissariat Moskau abzuschieben, die Angehörigen der baltischen Völker jedoch zu veranlassen, aus dieser Kirche auszuschneiden.”¹⁴

И далее:

“Der orthodoxen Kirche in den baltischen Generalbezirken ist ferner die Möglichkeit zu geben von hier aus ihre Propagandaarbeit im Heeresgebiet Nord fortzusetzen.”¹⁵

Достоинство данного, как и многих гитлеровских документов, состоит в ясности, не нуждающейся в комментариях.

Если ко всему сказанному добавить, что, настаивая на верности Московской Патриархии Экзарх Сергей с первых дней оккупации и до своей смерти вел четкую антикоммунистическую политику и неоднократно выступал против советского правительства, то все элементы немецкой политики в отношении Православной Церкви в Прибалтике нам будут вполне ясны:

1. Оккупационные власти считали для себя выгодным объединение всех православных вокруг московского Экзарха с целью выселения их после войны в Рейхскомиссариат Москва.

2. Во время войны они считали не столь важным кому номинально подчиняется Экзарх в Прибалтике — Москве или Константинополю, тем более что пребывание Экзарха Константинопольского Патриарха в Лондоне действительно не могло быть им приятно.

3. Такая политика давала оккупационным властям возможность подчеркивать свою веротерпимость и использовать полностью антикоммунистические выступления Экзарха Сергия в пропагандных целях.

Когда Сталин, в свою очередь, решил вконец изменить политику в отношении Русской Православной Церкви и в сентябре 1943 г. в Москве было восстановлено Патриаршество, оккупационные власти в Прибалтике потребовали от Экзарха выступления уже не против богоборческой власти, а против Московской Патриархии. Экзарх отказался сделать это и вскоре был убит на дороге из Вильно в Ригу, при очень неясных обстоятельствах.

2. Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви в Белоруссии.

Немецкая политика расчленения Русской Православной Церкви нашла в Белоруссии еще менее благоприятную почву, чем в Прибалтике. Вот что говорит об этом один из секретных немецких документов:

“Es fällt auf, dass in den Städten die Hauptungangssprache russisch und nicht weissruthenisch ist. Die zaristisch-russischen Bestrebungen das Weissruthenische auszulöschen, sind von den Bolschewisten fortgesetzt worden; es hat trotzdem immer nationalbewusste Weissruthenen gegeben, die den Kampf für ihr Volkstum führten, der 1918 mit der Proklamierung der sogenannten “Selbstständigkeit” seinen Höhepunkt erreichte. In der Folgezeit wurden diese Bestrebungen durch die Sowjetisierung des einen und die Polonisierung des anderen Teiles völlig zurückgedrängt.”¹⁶

Документ умалчивает, что “Höhepunkt” белорусского сепаратизма был достигнут в 1918 г., тоже во время немецкой оккупации, продолжавшейся с февраля по декабрь 1918 г. Очевидно, для того чтобы снова достигнуть “Höhepunkt” 1918 года, немецкое командование привезло с собой группу белорусских националистов-эмигрантов. Вот что пишет по этому поводу сводка С.Д. от 13 июля 1941 г., подтверждающая одновременно общую картину отсутствия белорусского сепаратизма в Белоруссии, нарисованную предыдущим документом:

“Die Mitnahme von ca. 30 weissruthenischen Intelligenz angehörigen aus dem Generalgouvernement und den neuen Ostgebieten hat sich besonders nach dem Eintreffen der Einsatzgruppe in Minsk bewährt und als eine ungängliche Notwendigkeit erwiesen... .

Dr. T. und seinen Mitarbeitern ist es gelungen Verbindungen zu den wenigen ortseingesessen und noch hier verbliebenen Mitgliedern der ehemaligen weissruthenischen Bewegung zu erhalten, die ab 1928 von den Bolschewiken systematisch verfolgt und zerschlagen wurden.”¹⁷

Если в эмиграции было найдено некоторое количество белорусских политиков (около тридцати) для проведения предначертанной оккупационными властями белоруссизации, то с духовенством дело обстояло сложнее. Московский Экзарх Западной Белоруссии и Украины Митрополит Николай (Ярушевич) в момент начала немецкого наступления был в Москве и остался по советскую сторону фронта. Наиболее видным православным иерархом на территории Белоруссии был Митрополит Пантелеймон (Рожновский). При поляках он был в оппозиции, потому что возражал против отделения Польской Православной Церкви от Русской, за что попал в ссылку в Жировецкий монастырь. После прихода советской армии в 1939 г. его, было, назначили Экзархом Западных Белоруссии и Украины, но вскоре заменили Митрополитом Николаем (Ярушевичем). Теперь он оказывался естественным кандидатом в возглавители Православной Церкви в Белоруссии. Интересно отметить, что глава Польской Православной Церкви Митрополит Дионисий находился в это время в Варшаве и претендовал не

только на возглавление Православной Церкви в Белоруссии, но и на всероссийское патриаршество, — в случае победы немцев, конечно. В этом Митрополит Дионисий находил поддержку у нацистского диктатора Польши Франка. Тем не менее польско-белорусская граница оказалась достаточным препятствием для этих притязаний. В данном случае политика «разделяй и властвуй» была осуществлена на деле. Белорусский комитет, созданный Митрополитом Дионисием, смог только повлиять на организацию Белорусской Православной Церкви тем, что послал двух своих кандидатов в епископы в советскую часть Белоруссии, которые и были там хиратонисаны, но уже как епископы Белорусской Православной Церкви. Вот как описывает один из организаторов Белорусской Православной Церкви, ныне покойный Архиепископ Венедикт, условия оккупационных властей, поставленные Митрополиту Пантелеймону для восстановления Православной Церкви в Белоруссии:

«В конце июня месяца 1941 г. началась совето-германская война, повлекшая за собой в июле того же года оккупацию немцами всей Белоруссии. На этой территории оказался только Митрополит Пантелеймон со своим викарием Епископом Венедиктом¹⁸ и при том в Западной части, восточная же Белоруссия была без духовенства и епископа. Митрополит Пантелеймон через Епископа Венедикта получил разрешение от немецкого военного командования на организацию Православной Церкви в Белоруссии, как Глава этой Церкви. При этом нужно заметить, что немецкое командование при переговорах поставило условием Митрополиту Пантелеймону: 1) организовать православную Церковь самостоятельно, без всяких сношений с Москвою, или Варшавою, или Берлином, 2) Церковь должна носить название: «Белорусская автокефальная православная национальная Церковь», 3) Церковь управляется своими св. канонами и немецкая власть не мешается в ее внутреннюю жизнь, 4) проповедь, преподавание Закона Божия, церковное управление должны производиться на белорусском языке, 5) назначение епископов должно производиться с ведома немецкой власти, 6) должен быть представлен немецкой власти татут «Белорусской православной автокефальной

церкви», 7) богослужения должны совершаться на церковно-славянском языке.»¹⁹

Митрополит Пантелеймон принял эти условия с оговоркой, по существу полностью им противоречащей. Оговорка эта состояла в том, что отделение от Русской Православной Церкви могло состояться только после того, как Белорусская Православная Церковь организуется, созреет для автокефалии и оформит свое отделение канонически, т.е. с разрешения Русской Православной Церкви.

После отступления Красной армии в Белоруссии началось такое же быстрое восстановление закрытых советской властью церквей, как и в районе Пскова: сотни храмов были открыты. Однако, в отличие от Прибалтики, восстановление церковной иерархии было осложнено борьбой привезенных немцами эмигрантов-сепаратистов с белорусскими епископами, причем первых поддерживали оккупационные власти. Схема этой борьбы была проста. Епископы не объявляли отделения Белорусской Церкви от Церкви Русской без соблюдения канонических правил, которые совершенно невозможно было выполнить во время войны. Шовинистический актив требовал автокефалии и жаловался немцам на собственный епископат. Епископы предпринимали для успокоения оккупационных властей какой-нибудь шаг в сторону подготовки автокефалии и тем затягивали все дело. Игра эта была прервана крушением фронта и окончанием войны. Постепенно напор оккупационных властей ослабевал, а церковная жизнь упорядочивалась. Результаты указанного процесса были хорошо сформулированы в одном докладе, составленном С.Д. еще в 1942 г. Доклад констатировал полный крах расчленительской политики оккупационных властей:

“Im kirchlichen Lebensbereich ist in Weissruthenien bereits die grossrussische Frage offen und klar aufgeworfen. Um die Weissruthenen auch auf dem Gebiete der Kirche vom Grossrussentum abzusprengen und unabhängig zu machen, rief der Generalkommissar die Authokephale Orthodoxe Weissruthenische Nationalkirche ins Leben. Es steht nunmehr fest, dass diese weissruthenische Nationalkirche ein Sammelbecken grossrussischer Priester Kreise geworden ist...

Es entstand insofern eine schwierige Lage als auf der einen Seite aus Gründen der Politik die autokephale orthodoxe weissruthenische Nationalkirche begründet werden sollte und auf der anderen Seite aber keine weissruthenischen orthodoxen Priester zur Füllung des Rahmens zur Verfügung standen.

Verschiedene Vorkommnisse und Ausserungen innerhalb der Weissruthenischen Nationalkirche machten offensichtlich, dass der Metropolit Panteleimon und sein Kreis die weissruthenische Entwicklung der russifizierten autokephalen orthodoxen weissruthenischen Nationalkirche zu hemmen versuchten. Diese Grossrussen hatten die Möglichkeit sich erst einmal zu sammeln, wenn auch vorerst in einer weissruthenischen orthodoxen Kirche, geschickt ausgenutzt und somit die Zivilverwaltung in einem gewissen Sinne überspielt.²⁰

3. **Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви на Украине**

Политика Розенберга, направленная на разделение Русской Православной Церкви, имела на Украине наиболее благоприятную почву. Еще в начале революции там была создана Украинская Автокефальная Церковь. Правда, эта Церковь рассматривалась как неканоническая. Не найдя для себя епископов, организаторы этой церкви сами посвятили епископов при помощи священников и мирян, наложивших руки друг на друга и на кандидатов. За это они были прозваны «самосвятами». Каноны Православной Церкви, конечно, мало интересовали оккупационные власти, но к 1939 г. Автокефальная Церковь вообще перестала существовать как организация. Зато на территории Польши к 1941 г. было посвящено несколько украинских епископов, жаждавших получить возможность начать создавать заново Украинскую Автокефальную Церковь. Помимо украинских епископов-шовинистов, нашлись и просто украинские православные епископы. Таким образом, с самого начала немецкой оккупации на Украине стали создаваться две конкурирующие между собой церкви: Автономная Украинская Церковь, базировавшая свое каноническое положение на решении Всероссийского Собора 1917-1918 гг. о даровании автономии Украинской Православной Церкви в рамках Русской Православной Церкви, и Автокефальная Украинская Православ-

ная Церковь, принципиально порывавшая всякое общение с Русской Православной Церковью. Главой Автономной Церкви был Митрополит Алексей (Громадский), принявший титул Экзарха; главой Автокефальной Церкви — Митрополит Поликарп (Сикорский), принявший титул администратора. После этого оккупационным властям оставалось только содействовать борьбе двух украинских церквей. Конечно, антирусская Автокефальная Церковь была сама по себе более желательным явлением с точки зрения политики «разделяй и властвуй». Кроме того, с немецкой армией прибыло много украинских эмигрантов-шовинистов, всячески использовавших свое положение для поддержки Автокефальной Церкви. Например, 7 мая 1943 г. был убит глава Автономной Церкви Митрополит Алексей. Еще раньше, во второй половине 1942 г., украинские партизаны-самостийники убили Епископа Мануила (Терновского) за переход из Автокефальной в Автономную Церковь. Помимо епископов, погибали и рядовые священники. В очень хорошо документированной книге немецкого автора д-ра Хейера имеется список нескольких десятков священников Автономной Церкви, убитых партизанами-самостийниками.²¹

8 октября 1942 г. была сделана попытка объединения двух церквей. Не мудрено, что, в сложившейся обстановке, наладившееся было соглашение вскоре было нарушено. Однако несмотря на явный вред борьбы двух церквей для восстановления православия на Украине, религиозный подъем среди населения был так велик, что удалось восстановить до 40% дореволюционного количества храмов, в то время как к 1939 г. их оставалось менее 3%. Кроме того, так же как в Псковщине и Белоруссии, были крещены все дети и молодежь до 18 лет.

Имеется интересная оценка сравнительного влияния двух украинских церквей, сделанная С.Д. в секретной сводке, датированной 18 октября 1941 г. Согласно этой сводке, 95% населения Украины составляли православные. Из них 55% принадлежали к Автономной, про-русской Церкви и 40% — к Автокефальной, самостийной Церкви. По данным, собранным в упомянутой выше книге д-ра Хейера, если судить по количеству имевшихся в обеих юрисдикциях при-

ходов, сведения С.Д. приблизительно соответствуют действительности. По единодушному мнению духовенства Автономной Церкви оказавшегося в эмиграции, распределение церквей не соответствовало распределению прихожан, в подавляющем большинстве поддерживавших Автономную Церковь.

Так или иначе, но из рассмотренных нами трех областей немецкой оккупации политика Розенберга увенчалась частичным успехом только на Украине.

Перед тем как перейти к выводам, надо еще раз напомнить, что на юге от Украины была отделена так называемая Транснистрия, включавшая, в частности, всю Бессарабию и город Одессу. В случае победы держав Оси, Транснистрия должна была быть передана Румынии. Во время оккупации Транснистрия в церковном отношении была прямо подчинена Румынской Православной Церкви. Кроме того, была неопределенная прифронтовая полоса, все время колебавшаяся, на которой немецкая церковная политика не могла проявить себя в четких формах, а религиозный подъем среди населения сказывался слабее.

Заключение

Подытоживая все вышеизложенное, можно сказать в заключение, что до 1942 г. у национал-социалистических оккупационных властей в России не было вообще никакой ясно сформулированной политики в отношении Русской Православной Церкви. Было известное, очевидно, многим желание Гитлера уничтожить Православную Церковь после войны. Было понимание важнейшей роли Православия в истории России и, отсюда, особо настороженное отношение к Русской Православной Церкви. Но, с другой стороны, был стихийно начавшийся религиозный подъем на всей занимаемой немецкой армией территории. Было понимание большинством представителей оккупационных властей громадной, благоприятной для немецкой армии, пропагандной роли этого подъема. Было, наконец, много немецких офицеров, просто сочувствовавших этому подъему.

Летом 1942 г. Розенберг наконец попробовал сформулировать немецкую политику, стремясь использовать выгод-

ные для немецкой пропаганды стороны стихийного религиозного подъема, с одной стороны, и ввести их в безопасные для оккупационных властей рамки, с другой стороны. Жизнь немедленно начала ломать эти рамки, выдуманные главой Восточного Министерства, ибо просто не вмещалась в них.

Фактически, на всей оккупированной территории была восстановлена Русская Православная Церковь, хотя и разделенная искусственно на три части. Сепаратистских национальных церквей не удалось нигде создать, кроме Украины. На Украине, при поддержке оккупационных властей и собственных эмигрантов-самостийников, привезенных этими же оккупационными властями, удалось временно воссоздать Украинскую Автокефальную Церковь, включавшую около 40% населения Украины, но, во-первых, 55% населения (а, возможно, и значительно больше) все-таки осталось в Автономной Церкви, а, во-вторых, неизвестно что бы вообще осталось от автокефалистов в случае даже малейшего смягчения условий оккупации, не говоря уже о настоящей свободе. Во всяком случае, после прихода Красной армии Украинская Автокефальная Церковь на Украине немедленно и полностью исчезла. Объяснить это только советским террором, специально направленным против украинских шовинистов, нельзя, потому что Украинская Униатская Церковь легко пережила конец войны и была с трудом и, по многим данным, только формально ликвидирована несколько лет спустя, — несмотря на то, что была не менее шовинистической и, к тому же, подчинялась Папе, к которому в конце войны было у Сталина особенно враждебное отношение.

Примечания

¹ Настоящая статья в своей первой части повторяет в несколько сокращенном виде соответствующую главу почти законченной книги «Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории СССР в 1941-1944 гг.»; во второй части статьи использован материал трех основных разделов той же книги о Русской Православной Церкви в Прибалтике, Белоруссии и на Украине.

² "Hitler's Table Talk, 1941-1944." With an introductory essay on the mind of Adolf Hitler, by H. R. Trevor-Roper. London, Weidentel and Nicolson, 1953, p. 7.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 424.

⁵ См. Alexander Dallin. "German Rule in Russia, 1941-1945;

a Study of Occupation Policies". London-New York, Macmillan, 1957, p. 85.

⁶ "Questioning of Rosenberg, Tuesday, 16 April, 1946." TMWC, XI, p. 462.

⁷ См. стр. 479 и особенно примечание Ном. 2 к стр. 479 книги Далина.

⁸ "Secret note by Bräutingam," 25 October 1942. Document 294-PS, T M W C, XXV, p. 336.

⁹ "Vermerk über eine Unterredung mit dem Führer in Führer-Hauptquartier am 8.5.42." — В кн.: "Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal." Document 1520-PS, Vol. XXVII. Nuremberg, 1947-1949, p. 286.

¹⁰ Там же.

¹¹ "Der Reichsminister für die Besetzten Ostgebiete an a) den Herrn Reichskommissar für das Ostland Gauleiter Heinrich Lohse, Riga b) den Herrn Reichskommissar für die Ukraine Gauleiter Erich Koch, Rowno," Berlin W 35, 13. Mai 1942, Rauchstr. 17/18. YIVO—Yiddish Scientific Institute, New York, шифр Occ E (Ch) — 4.

¹² Приблизительную картину этого деления можно найти на стр. 92 цитированной уже книги А. Далина, а также в главе 5 той же книги.

¹³ Mitropolit Sergii. Denkschrift betreffend die Lage der orthodoxen Kirche im Ostland. Yivo Occ E(h)—6, S.9.

¹⁴ Der Reichskommissar für das Ostland. Abt. II Politik RRTr./Ko.—Tgb. No. 2239/428. "Vermerk." "Am 18. Juni 1942, 11.30 Uhr, fand bei Ministerialdirektor Leibbrandt eine Besprechung..." Riga, den 19. Juni 1942. Yivo. OccE(ch)-4, S. 1-2.

¹⁵ Там же, стр. 4. Те же самые положения можно найти и в более раннем документе: Moskau, Sachbearbeiter. Abt. II Politik 2230/42. "Ergebnisse meiner Besprechung von 12.-16. Mai in Berlin, Ostministerium, Rauchstrasse, Abteilung Kulturpolitik." Riga, den 20. Mai 1942. Yivo. OccE (ch) 7-8.

¹⁶ Wehrmachtsbefehlshaber Ostland Ic. 14222, den 22. VIII. 1942. Betr.: Stimmungsbericht aus Weissruthenien, S. 6. — Yiddish Scientific Institute, New York (Yivo) Y.S.Y. OccE 3a-14.

¹⁷ Der Chef der Sicherheitspolizei und des S.D. Ereignismeldung UdSS No. 21. Berlin, den 9. Juli 1941, S.5-6. NO-2933.

¹⁸ «По распоряжению Восточного Министерства» Розенберга, при Гитлере Полесье с г. Пинском и правящим Полесской епархией Архиепископом Александром (Иноземцевым) были присоединены вскоре к Украине». (Сноска Архиепископа Венедикта).

¹⁹ Архиепископ Венедикт. «Б.А.П.Ц.» — новая сектантская группировка в Белорусской церкви в эмиграции. «Церковная жизнь», Изд. Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, Нью-Йорк, март-апрель 1952 г., № 3-4, стр. 53. «Б.А.П.Ц.» следует понимать как: «Белорусская Автокефальная Православная Церковь».

²⁰ Der Chef der Sicherheitspolizei und des S.D. Meldungen aus den besetzten Ostgebieten No. 6. Berlin, den 5 Juni 1942, S.5. NO-5187.

²¹ См.: Friedrich Heyer. Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln, R. Müller, 1953, S. 220.

Борис Унбегаун

ЯЗЫК РУССКОГО ПРАВА

Язык русского права представляет, в своем историческом развитии, несколько характерных и только ему одному свойственных черт. Цель настоящей статьи указать на эти черты; на большее она не претендует.

В конце X века восточные славяне стали христианами. Христианство они получили непосредственно из Константинополя, как результат политического соглашения великого князя Владимира с царствовавшими тогда двумя византийскими императорами. Политические условия этого соглашения достаточно хорошо известны. Но культурные его последствия заключают некоторые парадоксы, одним из которых и является судьба языка русского права.

Приняв христианство от Византии, восточные славяне получили однако необходимые для христианского богослужения церковные книги непосредственно из Болгарии. Книги эти были написаны на так называемом древне-церковно-славянском языке, т. е. на том македонском диалекте, который свв. Кирилл и Мефодий возвели в достоинство литургического языка. Само по себе получение церковных книг из Болгарии могло бы казаться вполне естественным, если бы культурные связи между Болгарией и Киевской Русью нам были известны. К сожалению, мы о них почти ничего не знаем, и это является первым парадоксом в культурной истории Киевской Руси.

Прежде чем быть принятым Киевской Русью, македонский древне-церковно-славянский язык был в значительной степени болгаризирован за то столетие (конец IX — конец X века), в течение которого он стал литургическим, письменным и государственным языком первого Болгарского

царства. В Киевской Руси этот болгаризированный древне-церковно-славянский язык стал с самого начала языком церкви, богословия, литературы и науки. Его принятие и последующая натурализация, по-видимому, не представили никакой трудности. Во всяком случае, ни церковные ни литературные древне-болгарские книги не были переведены на местный язык восточных славян. В этом, очевидно, не было надобности, т. к. грамматический строй и основной словарный состав были почти тождественны в обоих языках. Лишь верхний слой словаря, — абстрактная и научная лексика, — был значительно богаче в древне-церковно-славянском языке.

Впоследствии — в XV и XVI веках — этот церковно-славянский литературный язык, сохранив свою структуру и став в некотором смысле уже мертвым культурным языком, сильно разошелся с собственно русским, который беспрестанно развивался, как всякий живой язык. Позже, начиная с XVII века, оба языка стали сближаться и к середине XVIII века окончательно слились. Продуктом этого слияния и является современный русский литературный язык.

На церковно-славянском языке выражались в Киевской Руси и в Московском государстве религиозные, моральные, эстетические и научные ценности — это был в полном смысле язык культуры. Была однако одна область, из которой церковно-славянский язык был исключен с самого начала, а именно область законодательства и судопроизводства. Это является вторым парадоксом в истории русской культуры, и его не так легко объяснить, тем более, что некоторые книги византийских законов были переведены на древне-церковно-славянский язык еще в IX веке, и перевод этот даже связывается с именем св. Мефодия. Книги эти, т. наз. «Закон судный людем» и Номоканон Иоанна Схоластика, были хорошо известны в древней Руси во многих списках. Удивительно то, что это византийское законодательство не оказало никакого влияния ни на русскую юридическую мысль, ни на русский юридический язык. Оно так и не перешагнуло за порог чисто церковной администрации. Наиболее правдоподобное объяснение этого парадокса заключается, по-видимому, в существовании устного обычного

права еще в «до-церковно-славянскую» эпоху, т.е. до крещения Руси. Право это как бы только и ждало введения письма, чтобы быть закрепленным на бумаге. Таким образом, язык древнейшего законодательного свода, «Русской правды» XI века (но известного в списках не ранее конца XIII века), является чисто русским и, за исключением единичных выражений, совершенно свободным от церковно-славянского влияния. Применение русского языка однако не ограничилось областью права. На нем писались и все документы, частные и общественные, имевшие какую-либо юридическую силу, т.е. все то, что вплоть до XVII века носило название «грамот» — купчие, дарственные, меновные, рядные, вкладные, и т. под. Княжеская и городская администрация пользовалась тем же языком для своих указов и распоряжений, а также и для дипломатических сношений. Таким образом, с самого начала язык права сделался в полном смысле этого слова государственным административным языком и остался им вплоть до XVIII века.

Это сосуществование двух различных письменных языков — церковно-славянского литературного и русского административного — является самой оригинальной чертой языкового развития в России. Подобного противоположения не было ни у западно-европейских ни у западно-славянских народов, — поляков и чехов. Лишь у тех славян, которые, как и русские, приняли церковно-славянский язык как язык церкви и литературы, как напр. сербы и украинцы, наблюдалась подобная двойственность письменной традиции. Впоследствии однако сербский и украинский языки пошли по иному пути, отказавшись от церковно-славянского наследия. Таким образом, специфической чертой юридического и административного языка допетровской России является его русский, а не церковно-славянский характер. Эту свою черту юридический язык сохранил вплоть до XVIII века.

Как уже было сказано, в «Русской правде» нет церковно-славянских слов. Нет их и в судебниках 1497, 1555 и 1589 годов, как нет их и в Уложении 1649 года. Это не значит, что некоторые юридические термины, просто в силу своей сущности, не могли быть церковно-славянскими. Так,

напр., приведение к присяге выражалось внешне в целовании креста, т.е. в религиозном обряде, и термины «целовать крест», «крестное целование» были неизбежно церковными, т.е. церковно-славянскими словами. Нарушение присяги обозначалось тоже церковным и церковно-славянским выражением «преступити крестное целование». Глава VIII в Уложении 1649 года озаглавлена «О искуплении пленных» — тут оба слова церковно-славянские. Из начала статьи видно, что выкуп пленным понимался Уложением как христианская обязанность государства, что и подтверждалось тут же цитатами из Св. Писания. Но в технической части статьи пленные уже обозначены чисто русским словом «полоняники». Точно так же можно встретить в Уложении церковно-славянские слова «небрежение», «напрасно», «человек бродящий», а в упомянутых судебниках «напрасство», «свидетель» и «грабитель» (суффикс -тель в русском церковно-славянского происхождения). Но подобные термины всегда составляли ничтожное исключение и не нарушали чисто русского характера юридического языка допетровской Руси.

Это положение изменилось лишь в XVIII веке, когда закончилось слияние русского административного языка с церковно-славянским литературным языком. Слияния языков в прямом смысле этого слова собственно не бывает. Один из языков всегда остается основой, на которую наслаивается или к которой примешивается другой язык. Основой литературного языка остался церковно-славянский язык, уже руссифицировавшийся морфологически в XVII веке. В XVIII веке он до известной степени руссифицировался и в своем словаре, впитав русские слова и выражения. Сосуществование двух письменных языков разного происхождения и с разными функциями прекратилось в XVIII веке, и руссифицированный литературный церковно-славянский язык был принят также и в администрации, законодательстве и судопроизводстве. Конечно, разница между языком литературы и языком администрации не исчезла, но это была уже лишь разница между двумя вариантами единого национального языка. Для языка литературы слияние означало сохранение старой церковно-славянской тра-

диции и обогащение словаря русскими элементами. Для языка права перемена была более радикальной: он должен был изменить самую свою сущность, т.е. превратиться из русского в руссифицированный церковно-славянский язык. Все же он смог многое сохранить из своей допетровской терминологии. Такими старыми терминами являются напр. суд, судья, судебный, третейский суд, обвинить, оправдать, присудить, сыск, сыщик, пристав, уголовный, тяжба, сторона (в процессе), допрос, приговор, иск, встречный иск, истец, ответчик, поличное, очная ставка, смертная казнь, и многие другие.

Некоторые из сохранившихся старых терминов изменили свое значение или утратили всякую связь с правом, как напр. самосуд — самовольное освобождение судьей преступника пойманного с поличным; обыск — опрос местных людей с целью установить репутацию обвиняемого; повальный обыск — обыск (см. выше) всех людей, проживающих в одной местности с обвиняемым; записка — ведение протокола; заповедь — штраф; продажа — штраф за преступление уголовного характера (уже в «Русской правде»); подписка — подделка документа; подписчик — подделыватель документа; гибель — убыток в результате кражи; сказка — письменное показание или объяснение; рука — подпись; черная сотня — тяглые (податные) городские люди, живущие сотнями, и другие.

Большое количество древне-русских терминов вообще вышли из употребления, как напр. бить челом, челобитье, челобитчик; поле — судебный поединок; торговая казнь — публичное битье кнутом; дьяк, подъячий — секретарь; недельщик, подвойский — пристав, вызывающий в суд; праведчик — судебный исполнитель; истина — капитал; довод — расследование преступления; доводчик — лицо, расследующее преступление; душегубство — убийство; взмолвить — оговорить; язычная молка — устный оговор; голова — труп (ср. уголовный); посул — взятка судьи; выть — доля, пай, отдельное судебное дело; подмет — предмет, подкинутый с целью обвинения в краже; подметчик — человек, подкидывающий такой предмет, и другие.

Многие термины были заменены церковно-славянскими

выражениями. В последующем перечислении за старым русским термином, после тире, следует новый церковно-славянский: послух, видок, знахорь (как и редкое «правда» в этом значении) — свидетель; убойца, убойство — убийца, убийство; лихое дело, дурно — преступление; лихой человек — уголовный преступник; вор, воровство — преступник, преступление (вор и воровство сохранились в более узком значении, заменив собою древне-русские термины тать и татьба); порука, поручник, поручик — поручительство, поручитель; пожегщик, зажигальник, зажигальщик — поджигатель; ябедник, ябедничество — клеветник, клевета; розыск — следствие; управа — судебное удовлетворение; духовная грамота — завещание; купец — покупатель; рухлядь — движимое имущество, и другие.

Язык права смог обогатиться таким существенным термином, как «закон», для которого в древнем языке не было единого обозначения, — употреблялись «правда», «устав», «указ», «уложение» и др. До XVIII века термин «закон» был неизвестен русскому юридическому языку, т.к. он употреблялся лишь для обозначения закона Божеского (и закона Божия), а не человеческого, и был церковно-славянским словом. При помощи этого же слова были образованы в XVIII веке многие сложные термины церковно-славянской конструкции, как законодатель, законодательство, законоустройство, законопослушный, незаконный, неправомерный, и т.д. Да и само слово «закон» вышло из узко юридической области и стало употребляться метафорически в таких выражениях, как закон природы, закономерный и др.

Кроме уже перечисленных многие другие новые термины церковно-славянского образования вошли в язык русского права в послепетровскую эпоху, как напр. обвинение, обвинительный и обвиняемый, оправдание и оправдательный (в допетровское время существовали глаголы обвинить и оправдать, но не приведенные отглагольные существительные и прилагательные), судимость, движимость, недвижимость, и им подобные отвлеченные термины на -имость, злоупотребление, постановление, разбирательство, обязательство, ответственный, владелец, совладелец, собственность, несостоятельный, и многие другие.

Наконец, введение единого национального языка в юридический обиход открыло двери многочисленным заимствованиям из европейских языков, как напр. юридический, юрист, юриспруденция, адвокат, адвокатура, прокурор, (судебный) орган, процесс, компетенция, инстанция, апелляция, кассация, кодекс, протокол, гарантия, контракт, и др. Само слово «право» в его чисто юридическом значении заимствовано из польского языка в XVIII веке. Такие термины, как правонарушение, правонарушитель, являются следовательно этимологически гибридными, польско-церковно-славянскими образованиями.

В результате своего своеобразного развития современная терминология русского права состоит из трех пластов: (1) во многом уцелевшей традиционной древне-русской терминологии; (2) церковно-славянской терминологии, возникшей в XVIII и XIX веках, благодаря слиянию церковно-славянского литературного языка с русским административным языком; и (3) иностранных терминов, заимствованных в XVIII-XX веках. Этапы создания этой сложной терминологии еще не изучены, как не изучен, по крайней мере лингвистически, ни один из составляющих ее трех пластов.

Нью-Йорк, ноябрь 1964.

С. Сатина

ОЧЕРК О ВЫСШЕМ ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Вопрос о женском образовании, связанный с развившейся в сороковых годах на Западе идеей об эмансипации женщин, был поднят в России в эпоху великих реформ. Организация всесословных начальных школ с совместным обучением детей была передана правительством земским и городским самоуправлениям. Оно обратилось к общественности и для организации разрешенных им в 1857 г. всесословных женских средних школ, призывая заинтересованных лиц способствовать основанию гимназий. Гимназии возникали на деньги частных лиц, обществ и пр. Отношение правительства к начальному и среднему образованию женщин было в общем благожелательным. Оно было, однако, определенно отрицательным к высшему женскому образованию.

В России в эти годы не было высших женских школ, но еще с 1757 г., согласно специальному Указу Сената, женщины-вольнослушательницы допускались на лекции в Университет. Они пользовались этим разрешением, посещая лекции при Александре I. При Николае I регистрация вольнослушательниц в университетах, по-видимому, прекратилась, но она возобновилась при Александре II. В 1860 г. женщины появились на лекциях в Петербурге, а годом позже в Киеве и Харькове.

Ответ на прошения их о приеме на медицинские факультеты затянулся, но небольшая группа добилась приема в качестве вольнослушательниц в Медико-Хирургическую Академию.

С введением Университетского Устава 1863 г., регистра-

ция вольнослушательниц в университетах была неожиданно запрещена, а в следующем году прекратился и прием их в М.-Х. Академию. Прерванный доступ женщин в эти высшие школы послужил стимулом борьбы за основание в России высших женских учебных заведений. Борьба эта, продолжавшаяся около 50 лет, закончилась только в текущем столетии с введением Временных Правил 1905 года.

Инициаторы борьбы за высшую женскую школу имели много сторонников не только поддерживавших их морально, но и активно помогавших им делом, советами и деньгами.

Но не менее сильной была и оппозиция — как со стороны правительства, так и со стороны значительной части общества. Среди протестующих было много женщин. У одних мысль о высшем образовании женщин вызывала опасение в нарушении установленного жизнью строя, другим это казалось ненужной и нелепой затеей; многие были убеждены, что серьезные умственные занятия девушек в высшей школе подорвут их здоровье и т.д. Нет сомнения в том, что в начавшейся борьбе за женское просвещение сторонникам последнего сильно повредило возникшее в России в 60-х годах крайнее движение — нигилизм. Оно продержалось недолго, но в представлении значительной части общества это движение было связано с женским стремлением к просвещению, и студенток открывавшихся высших школ почему-то долго считали нигилистками.

Первые попытки получить от Министерства Народного Просвещения разрешение на организацию высших женских школ были сделаны в конце 60-х годов. В течение первого периода борьбы, периода окончившегося в 1876 году, правительство упорно сопротивлялось растущим требованиям сторонников женского просвещения. Весьма неохотно М.Н.Пр. дало за эти годы только четыре разрешения: три на устройство серий публичных лекций в Москве, Петербурге и Киеве и одно, в виде пробы на четыре года, на двухгодичные Высшие Женские Курсы в Москве.

Из опубликованного 21 мая 1873 г. в «Правительственном вестнике» сообщения можно вывести заключение, что и эти разрешения были даны только в надежде приостано-

вить ежегодно увеличивающееся число девушек, уезжавших на Запад для продолжения своего образования. Правительство начало опасаться влияния на них крайних политических партий. В этом сообщении указывалось, что созданные теперь в России учреждения для женщин должны удовлетворить их потребность в высшем образовании, а потому, принимая во внимание разлагающее влияние, которое оказывает на женскую молодежь пребывание на Западе, правительство предупреждает женщин, которые посещают Университет в Цюрихе, что те из них, которые будут продолжать учение в этой школе после 1-го января 1874 г., не будут допускаться в России ни к каким занятиям, зависящим от правительства и ни к каким экзаменам в русских учебных заведениях.

Через три года после опубликования этих репрессивных мер правительство пошло наконец на уступки. Весной 1876 г. Александр II издал Указ, разрешающий открывать В. Ж. Курсы во всех городах России, где имеются университеты. Этим актом заканчивается первый период борьбы за высшие женские школы.

Что представляли из себя эти разрешенные правительством «учреждения для женщин», которые должны были удовлетворить их потребность в высшем образовании?

Группа лиц, просивших об открытии в Москве высшей женской школы, получила разрешение только на организацию «Публичных лекций для женщин с программой мужских классических гимназий». Совершенно необычным и противоречившим всей политике М.Н.Пр. был присланный им Устав, дававший управление этой школой самим учащимся. Согласно Уставу, деньги школы хранились директором той мужской гимназии, в которой по вечерам шли занятия этой женской школы, но управляли последней несколько студенток, выбиравшихся ежегодно на сходах всеми учащимися. Отчетность, выборы приглашаемых профессоров, программа преподавания, все официальные сношения были в руках самих учащихся.

Школа эта, известная под именем Лубянских Курсов, открылась осенью 1869 г. Она постепенно развилась в высшую школу с четырехлетним курсом обучения, носящую

характер физико-математического факультета. От первоначального плана М.Н.Пр. в ней ничего не осталось. Программа преподавания была окончательно упорядочена в 1874 г. В течение 18 лет своего существования курсы дали образование 1973 женщинам.

Об основании высшей женской школы в Петербурге хлопотала большая группа очень энергичных женщин. Они сумели заинтересовать и привлечь в свой кружок многих ученых и профессоров Академии Наук, Университета и Медико-Хирургической Академии и завязать сношения с женскими просветительными организациями и общественными деятельницами на Западе. Но, как и инициаторам Лубянских Курсов, Петербургскому Кружку было выдано разрешение только на устройство «Публичных Лекций». В отличие от Москвы, лекции были разрешены для лиц обоего пола. Кружок решил, продолжая хлопоты о В. Ж. Школе, приступить к организации лекций по предметам, относящимся к историко-филологическому и физико-математическому факультетам.

Лекции читались в здании Владимирского Уездного Училища, и новая школа получила название Владимирских Курсов. Хорошо налаженные занятия известных во всей России преподавателей привлекли сразу очень большое число слушательниц. Количество их значительно сократилось при переводе занятий в новое помещение на окраине города. Но это продолжалось недолго. В связи с обнародованием Указа Александра II, разрешавшим открыть В. Ж. Курсы во всех университетских городах России, Владимирские Курсы были закрыты руководителями этой школы в 1877 г. Решение это было принято, чтобы заняться подготовлением Устава и программы новых Курсов. О дальнейшей судьбе их будет сказано ниже.

Из всех поданных в первый период прошений об основании высшей женской школы было удовлетворено только одно — прошение профессора Московского Университета В. И. Герье. Двухлетние В.Ж. Курсы были разрешены М.Н. Пр. в виде пробы на 4 года. При открытии Курсов были приняты 65 студенток. Через два года учащиеся просили Герье продлить учение на год. Просьба была уважена, и

трехлетний срок сделался обязательным. Желающие могли оставаться и на четвертый год.

Состав преподавателей на Курсах Герье был блестящий. В основе серьезно и хорошо составленной программы было деление проходившихся словесно-исторических наук на три отдела: древний, средний и новый. Для экономии денег и времени читались сводные курсы. За все 14 лет существования Курсов всеми делами ведал один Герье. Он ни разу не созывал Педагогического Совета. Профессорам было предоставлено только преподавание. При закрытии Курсов в 1886 г. у Герье был собран для школы капитал в 20.000 руб. для покупки собственного помещения. Курсы дали образование 2064 женщинам.

В эти первые годы борьбы за высшее образование женщин, кроме прошений об основании общеобразовательных женских школ, к М.Н.Пр. обращались также за разрешением на организацию врачебных женских школ. Один из членов Медицинского Совета, Н. Козлов, получивший отказ на такое прошение, обратился за содействием к военному министру Д. А. Милютину. Последний не только дал согласие открыть при Медико-Хирургической Академии женскую врачебную школу отдельно от мужчин, но просил об этом лично Александра II. На организацию школы г-жей Шанявской было дано 50.000 руб. Согласно проекту Медицинского Совета, школа с четырехлетним курсом обучения была открыта в 1872 г. для «ученых акушерок». Однако по требованию профессоров, читавших свои предметы в полном объеме, учение было продлено еще на год. Профессора высказывались за полное уравнивание прав женщин с правами врачей-мужчин. Министры Внутренних Дел и Народного Просвещения на это не соглашались. Разногласия в этом вопросе продолжались и в Государственном Совете — до 1880 г., когда Александр II разрешил всем студенткам, окончившим медицинскую школу, присвоить звание женщины-врача и приказал выдать каждой нагрудный знак Ж.В., указывающий на их право самостоятельной врачебной практики для лечения женщин и детей.

В течение 10 лет работа на Курсах шла прекрасно. За эти годы их окончили 959 человек. Но в 1882 г. Курсы были

закрыты. Новый военный министр, генерал Ванновский, счел неудобным существование женских Курсов при Военном Министерстве. Он пытался передать Курсы в ведение М.Н.Пр. или М.Вн.Д., но оба министра ответили отказом. Это было не все. Через год был опубликован ряд постановлений Особого Совещания М.Н.Пр., М.Вн.Д., Военного Министра и Обер-Прокурора Св. Синода. Одно из них касалось 959 женщин-врачей, окончивших Врачебные Курсы. Министры постановили считать их не врачами, а учеными акушерками и разрешить им право работы в женских институтах, гимназиях и монастырях.

Это превращение врачей в акушеров вызвало сильнейшее возмущение, протесты и насмешки в обществе и печати. По приказу Александра III постановление министров было отменено, а окончивших Ж.Вр. Курсы было разрешено именовать «врач для женщин и детей».

С обнародованием Указа 1876 г., разрешавшего основание Высших Женских Курсов в университетских городах России, наступает второй период в истории высшего женского образования. Этим Указом прежде всех других городов воспользовалась Казань. В.Ж. Курсы открылись в Казани в 1876 г. Вмешательство местной власти, ставившей разные препятствия, не помешало заинтересованным лицам развить дело. На Курсах были открыты физико-математический и историко-филологический факультеты. Курсы обязаны своим развитием неутомимой работе директора Н. В. Сорокина, помощи профессоров, читавших лекции бесплатно, и содействию общества. Они были закрыты в 1886 года, дав образование 576 женщинам.

В.Ж.К. в Киеве открылись в 1878 г. Подобно Курсам Герье, эта школа была первоначально двухгодичной, потом трех- и через год четырехгодичной. Пожертвования на содержание Курсов шли со всех сторон. Программы историко-филологического и физико-математического факультетов отличались большим количеством необязательных предметов. Но нигде не появлялось в печати так много злых и насмешливых статей о высшем образовании женщин, нигде не распространялось о студентках так много лжи и глупых

сплетен, как в Киеве. Курсы закрылись в 1886 г., дав образование 1098 женщинам.

В Одессе Курсы были основаны в 1879 г., но начать в них занятия не пришлось. Город давший деньги, инициаторы дела и 250 принятых в школу женщин тщетно ждали несколько лет утверждения выбранного директора. М.Н.Пр. молчало. Дело на этом и заглохло. То же случилось с Курсами в Харькове. В Варшаве вопрос об открытии Курсов ограничился разговорами.

Между тем руководители закрывшихся в 1877 г. Владимирских Курсов в Петербурге разработали и послали на утверждение М.Н.Пр. проект Устава и тщательно продуманный план преподавания на открывающихся новых В.Ж. Курсах. Задержав Устав, министр вернул разрешенную программу с требованием, чтобы Курсы были названы именем одного из преподавателей. Из предложенных ему имен он остановился на имени Бестужева-Рюмина, назначенного директором Курсов. Открывшаяся школа стала известна под именем Бестужевских Курсов.

Для лекций был снят большой особняк. Руководители Курсов начали собирать средства на покупку участка земли и постройку собственного дома, в который Курсы переехали в 1883 г. Всеми делами Курсов ведал комитет из 12 человек. Все было хорошо и быстро налажено, и в течение следующих восьми лет Курсы быстро росли. Создавалась большая библиотека, были оборудованы необходимые лаборатории, был прекрасный состав преподавателей, студентки учились с рвением. Но весной 1886 г. краткий благоприятный период в жизни В.Ж. Курсов в России был неожиданно и надолго прерван.

Опубликованный правительством приказ о прекращении приема новых студенток во всех В.Ж. Курсах страны с осени 1886 года и о закрытии всех этих школ в 1889 г., впредь до выработки нового для них общего Устава, был страшным ударом для всех деятелей женского просвещения. Вся положенная ими работа, все затраченные деньги, все созданные с таким трудом школы, все это было уничтожено и Лубянские Курсы, Курсы Герье, Курсы в Казани и Киеве

были разорены и закрылись. Пережить следующие три года удалось с большим трудом только Бестужевским Курсам.

Что побудило М.Н.Пр. принять так внезапно эти жестокие меры? Ни руководители Курсов, ни преподаватели, ни студентки не нарушали установленных правил. Ответ на это был дан много лет спустя в одной из статей журнала М.Н.Пр. в 1912 г. Меры эти были приняты не внезапно. Они обсуждались полтора года учрежденной по Высочайшему повелению особой комиссией для изыскания лучшей постановки женского образования в России. Трудно поверить, но главным поводом, послужившим учреждению этой комиссии, был один из многочисленных доносов на студенток, доносов, поступавших в министерство от противников женского просвещения. После тщательных проверок, обвинения эти обычно не подтверждались, но роковой донос баронессы Раден сделал свое дело. Она указывала на недостаточный надзор за Курсами и студентками, на то, что лекции по философии, политической экономии и другим предметам читаются неподготовленным к этим наукам девушкам и ведут их к социализму, на то, что большое скопление учащихся женщин в Москве и Петербурге есть нравственное зло более опасное даже, чем зло политическое, и настаивала на том, что против всего этого необходимо принять меры.

Записка этой фрейлины великой княгини Елены Павловны была подана через статс-секретаря министру Н.Пр. и произвела на лиц близко стоящих ко Двору очень сильное впечатление. Слухи о ней дошли до Александра III, по приказанию которого и была учреждена в декабре 1884 г. упомянутая выше комиссия. В мае 1886 г. особое Совещание под председательством министра Н.Пр. пришло к заключению, что прием новых студенток надо прекратить до тех пор пока не будет выработан общий Устав и правила для Ж.В.У. Заведений. Постановление этого Совещания было утверждено и обнародовано в 1886 г.

В течение трех лет, следующих за выходом приказа 1886 г., жизнь на Бестужевских Курсах, решивших бороться до конца, постепенно замирала. Подходили последние дни их существования. Последний выпуск студенток сдавал уже экзамены, по окончании которых школа должна была за-

крыться. О выработываемом министерством новом общем Уставе для всех В.Ж.У. Заведений ничего не было слышно. Руководители Курсов и их влиятельные друзья тщетно пытались добиться сведений от М.Н.Пр. От ответа зависило решение что делать с имуществом Курсов. Но министерство упорно молчало. Казалось, что грустная судьба курсов была уже решена, как вдруг дело приняло другой оборот. Благодаря хлопотам баронессы Иксуль, генерал Черепнин, близко стоявший к Александру III, обещал переговорить с царем о критическом положении Курсов. Обещание было исполнено, и через несколько дней Курсы получили известие, что им разрешен прием учащихся и возобновление занятий. Бестужевские Курсы были спасены.

Присланный министерством новый Устав сильно изменил жизнь на Курсах. Директор и инспектор назначались М.Н.Пр. На обоих факультетах было запрещено преподавание некоторых предметов. Приглашение преподавателей зависило от директора. Плата за учение удваивалась и т.д.

Неприятное отношение министерства к школе, частые доносы и жалобы на учащихся не могли не отражаться на работе Курсов. Но постепенно все это сглаживалось, и к концу 90-х годов жизнь в школе шла уже спокойно.

Большие изменения на Курсах были проведены с опубликованием Временных Правил — автономия, открытие третьего, юридического, факультета, замена курсовой системы преподавания предметной, разрешение корпоративных учреждений, образование разнообразных кружков учащихся и пр. Все это повело к сильному увеличению числа учащихся. Жизнь и деятельность Бестужевских Курсов быстро разрасталась.

В течение третьего, наступившего в 1886 г., мрачного периода борьбы за женское просвещение были все же открыты две высшие школы. Небольшой группе женщин удалось обойти все препятствия и открыть осенью 1888 г. в Москве оригинальное учреждение под именем «Коллективные Уроки». Это учебное заведение было настоящей высшей школой, но оно было открыто, вероятно, только потому, что разрешение занятий в нем зависело не от М.Н.Пр., а от местного начальства. Попечитель Московского Учебного

Округа не сочувствовал узкому взгляду М.Н.Пр. на женское образование.

Занятия на Коллективных Уроках были устроены только для членов хорошо известного в Москве Общества Воспитательниц и Учительниц. Поступить в открывшуюся школу было очень легко. Для этого требовалось только заявить Общ. В. и У. о своем желании сделаться его членом, внести 3 руб. в качестве членского взноса и 10 руб. за учение. За эти деньги можно было в течение всего академического года посещать ежедневно от 6 до 10 или 11 часов вечера любые лекции и семинары обоих отделений школы — словесно-исторического и естественного, а днем до 6 часов вечера работать в химической, зоологической и ботанической лабораториях.

Заведующей школой была А. Н. Шереметевская — одна из студенток-распорядительниц закрывшихся Лубянских Курсов. Профессора и приват-доценты Университета и С.-Х. Академии были преподавателями Коллективных Уроков. В планы преподавания никто не вмешивался, они были в руках преподавателей. Особенностью этой школы было присутствие выборных студенток на заседаниях преподавателей. Они были связующим звеном между учащими и учащимися. Школа была закрыта по распоряжению М.Н.Пр. в 1900 г. «за ненадобностью». За 12 лет своего существования она дала образование тысячам женщин.

Второй открывшейся в этот период школой, вызвавшей долгую и упорную борьбу, был Женский Медицинский Институт. Особый Комитет четырех министров, пытавшийся в 1883 г. отнять у 959 женщин звание врача и переименовать их в акушерок, поручил тов. Министра Н.Пр., князю Волконскому, в том же 1883 году, созвать комитет для разработки программы четырехлетнего курса обучения ученых акушерок. Ознакомившись подробно с собранным Волконским материалом, комитет высказался единогласно против организации врачебной школы с укороченной программой преподавания. Настаивая на необходимости полного медицинского образования, комитет подал проект об основании Женского Медицинского Института с пятилетним курсом обучения.

Проект вызвал крупные разногласия среди членов правительства. Противники его долго не сдавались и проект был подан на утверждение в Государственный Совет только в 1891 году. Разрешение на открытие Женского Медицинского Института было наконец дано, но при условии, что он будет открыт и содержаться на частные средства.

Это последнее на пути препятствие было устранено через три года, когда заинтересованным в этом деле лицам удалось собрать 700.000 руб. План М.Н.Пр. о Положении Института был утвержден Государственным Советом в 1895 году, а Институт открыт в 1897 г. В 1904 г. содержание его было перенесено на государственный счет и Институт перестал быть частным учебным заведением.

К концу 90-х годов отношение Министерства Н.Пр. к высшему образованию женщин начало изменяться. Оно делалось менее нетерпимым. Выработанные ранее проекты о высшей женской школе вызвали резкую критику даже в самом ведомстве министерства и они были отложены в сторону. В 1900 г. профессор В. Герье получил разрешение открыть в Москве В.Ж. Курсы, за этим последовало разрешение, данное г-же Лохвицкой-Скалон, открыть В.Ж. Естественно-Научные Курсы в Петербурге, а в 1904 г. открылись Стебутовские Курсы Сельского Хозяйства и Архитектуры в ведении министерства земледелия.

Московские В.Ж. Курсы были открыты осенью 1900 г. Директором Курсов был назначен В. Герье. Общее управление Курсов поручалось Совету профессоров. Большинство преподавателей на обоих факультетах, историко-филологическом и физико-математическом, были профессора и приват-доценты Университета. Среди них были старые друзья трех закрытых правительством в Москве высших школ — Лубянских Курсов, Курсов Герье и Коллективных Уроков. Одно это являлось речательством их интереса и сочувствия к делу, которому они снова отдавали свои силы и время, способствуя развитию новой школы.

В 1906 г. директором Курсов был выбран профессор механики С. А. Чаплыгин. Его энергия, такт и талант к организации привели к тому, что развитие Курсов пошло вперед гигантскими шагами. В 1907 г. на Курсах был открыт

медицинский факультет. На полученном в дар от города большом участке земли были выстроены, одно за другим, здание для медицинского факультета, здание для химиков и очень большое здание для историко-филологического факультета, математиков, библиотеки, канцелярий и администрации. Освободившееся помещение Курсов было предоставлено биологам, минералогам и геологам.

В 1911 г. имущество Курсов оценивалось уже до полутора миллионов рублей. Увеличивалось число преподавателей и сильно росло число студенток. В 1916 г. их было уже 9480 человек. Разрешенные легальные организации способствовали разнообразной деятельности студенток, издательству лекций, появлению научных, педагогических, театральных и пр. кружков.

Курсовой план преподавания на Курсах был заменен предметным, а ко времени обнародования в 1911 г. закона, разрешающего женщинам сдавать государственные экзамены, была введена предметно-цикловая система с обязательной последовательностью проходимых предметов. В 1916 г. М.В.Ж. Курсы были реорганизованы во Второй Московский Университет для Женщин.

Обнародование Временных Правил в 1905 году быстро повело к основанию целого ряда Высших Женских Учебных Заведений. Стремление женщин к образованию было наконец удовлетворено. Как оно было велико и как велика была нужда в В.Ж.У.З. видно из того, что с декабря 1905 г. по январь 1913 г. М.Н.Пр. было выдано свыше 30 разрешений на открытие В.Ж.У.З. Не все они были сразу использованы, но во всяком случае за первые пять лет, с 1905 г. по 1910 г., в 11 городах России были открыты уже 20 общеобразовательных и профессиональных высших женских школ (в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Одессе, Тифлисе, Юрьеве, Варшаве, Томске и Новочеркасске). Разрешения выдавались без задержек со стороны министерства учреждениям, обществам и частным лицам.

Часть новых школ открывала для начала один факультет, в других было по два, три, четыре и даже шесть факультетов (например, в Киеве). Преобладали историко-филологические (10), физико-математические (9), юриди-

ческие (8) и медицинские (3) факультеты. В общеобразовательных высших школах были еще другие факультеты: экономико-коммерческий, иностранных языков и физического воспитания. Открылись и профессиональные школы: Медицинские Институты, В.Ж. Курсы по Богословию, по Сельскому Хозяйству и по Педагогике, и Петербургский Политехникум с отделениями архитектурным, инженерно-строительным, электро-механическим и химическим.

В 1912 г. Педагогические Курсы в Петербурге были переведены правительством в разряд высшей женской школы. Женщины были допущены также в Педагогическую Академию имени Ушинского, основанную в 1907 году при Лиге Образования для лиц обоего пола. Принимались в эту школу только лица окончившие высшее учебное заведение.

Это большое количество открывшихся и открывавшихся Высших Женских Курсов дало возможность женщинам выбирать при поступлении в школу тот факультет и те предметы, которые их наиболее интересовали. А выбор был действительно громадный.

Доступ женщинам был открыт и во многие средние профессиональные школы: железно-дорожные, сельско-хозяйственные, счетоводства, коммерческие и др. В передовых частных средних гимназиях были организованы различные вечерние курсы, в том числе курсы физического воспитания.

Кончая этот очерк, надо добавить, что женщины получили не только право на образование, но и полную возможность прилагать приобретенные знания к делу. Избравших своей специальностью химию приглашали на службу как частные, так и государственные заводы. Их никогда не хватало. Женщин-врачей и фармацевтов расхватывали земства и города. Министерство Финансов, поставив в Государственном Банке женщину во главе отделения вкладов, куда сдавались на хранение деньги, принимало в это отделение в качестве служащих только женщин. Работой женщин на железных дорогах широко пользовалось Министерство Путей Сообщения. Хорошо известна и их педагогическая работа, работа в земствах, кооперативах и пр. Перед ними открылось такое широкое поле деятельности, о котором вряд ли могли мечтать их предшественницы, так энергично боровшиеся за эти права и возможности.

Проф. Н. В. Первушин

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Отношение советских литературоведов и критиков к творчеству Ф. М. Достоевского имеет долгую историю, полную zigзагов, резких перемен, периодов почти полного игнорирования или молчания, и взлетов активности и творческих исследований. В таком периоде активности находится, по-видимому, советское достоевсковедение в настоящее время.

В этой статье делается попытка осветить главным образом современный этап истории этого отношения, поскольку вообще на тему об истории исследований творчества Достоевского в СССР имеются статьи и даже книга.¹

Суть дела заключается, конечно, в том, что идеология произведений Достоевского как раннего периода творчества, когда они возбуждали сострадание к униженным и оскорбленным, так, особенно, и позднего периода, когда он рассматривал страдание, как средство религиозно-нравственного спасения и резко критиковал социализм и революционеров, — неприемлема для идеологов коммунизма. Достоевский же как великий художник слова, повлиявший на всю западную литературу,² учитель многих русских писателей, ценится многими советскими критиками и литературоведами очень высоко.

Тон советской критике Достоевского задал еще в 1905 году А. М. Горький в «Заметках о мещанстве», выступивший против «достоевщины», т.е. проповеди пассивного отношения к жизни и поэтизации страдания; а призыв Достоевского в его пушкинской речи к смирению он назвал лозунгом, обиднее которого нет «для человека, заявившего

о своей способности к сопротивлению». Он считал, что на философии Достоевского базируется весь «внутренний враг» демократии. Наконец, в своей речи на Первом Всесоюзном Съезде писателей в 1934 г. Горький так резюмировал свое отношение к Достоевскому: «Гениальность Достоевского неоспорима, по силе наблюдательности его талант может быть равен только Шекспиру, но как личность, как «судью мира и людей» его очень легко представить в роли средневекового инквизитора». Этими высказываниями Горький положил начало двойственному отношению коммунистов к Достоевскому. Хотя Ленин, как известно, назвал Достоевского «архискверным» писателем, и только его «Записки из Мертвого дома» считал непревзойденным произведением русской и мировой художественной литературы, но в 1955 г. Бонч-Бруевич, близкий сотрудник Ленина, свидетельствовал, что «беспощадно осуждая реакционные тенденции в творчестве Достоевского, он не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший больные стороны современного ему общества».

Реализм, наблюдательность — вот положительные качества творчества великого писателя, полезные для будущей революции, признававшиеся, несмотря на его «реакционную идеологию», советскими исследователями и критиками. Социологический (марксистский) подход к творчеству и личности Достоевского характеризовал большинство этих писателей и журналистов: и школу Переверзева,³ позже, в самом конце 1920-х гг., разоблаченную как школу «вульгарного социологизма», и пролетарских «Напостовцев»,⁴ как Горбачев, разделявших мнение Переверзева (и Горького), что Достоевский — выразитель мещанства, но делавших упор на индивидуализме его, и Луначарского,⁵ предостерегавшего от увлечения Достоевским, но рекомендовавшего читать его и учиться на его произведениях, как бороться с мещанством.

Примерами советских исследований о Достоевском с социологическим подходом в 1930-х гг. могут служить статья Поляковой,⁶ в которой он представлялся как идеолог деклассированного дворянства, враждебный грядущему капитализму, и статья Ермилова,⁷ сравнивавшего Досто-

евского с Горьким и пришедшего к выводу, что Достоевский — писатель упадочнический, занимающийся в своих произведениях «субъективными экспериментами», далекими от жизни, идеализирующий страдание и ложь религии, санкционирующий всякое уродство жизни и рабскую психологию. Иной результат социологического метода оценки творчества Достоевского дан в 1940 г. в книге Цехновицера,⁸ который оправдывал Достоевского и его метод описания раздвоения человеческой личности, опираясь на Коммунистический манифест Маркса, поскольку это раздвоение вызывается условиями общества, живущего под властью денег, которая превращает любовь в ненависть, добродетель в порок и т.д. Достоевский сам запутался в противоречиях между социализмом и христианством, реакцией и революцией. Изображение этих противоречий было, однако, дано гениально и реально, «с рембрандтовской строгостью и шекспировской мощью».

Статьи Ярославского и Эренбурга, опубликованные в 1942 г. в журнале «Большевик», подчеркивали патриотизм и любовь к России Достоевского, его гуманность и его стремление к счастью своего народа, хотя и ложными иногда путями. Подчеркивалось также его отрицательное мнение о немцах, что соответствовало настроениям во время Второй мировой войны.

В первые послевоенные годы это положительное отношение к Достоевскому — с оговорками о его реакционной идеологии — продолжалось и партийные писатели, как Кирпотин,⁹ старались находить все новые точки сближения между творчеством великого писателя и советской идеологией.

После выступления Жданова в ЦК компартии в 1946 г. против буржуазной объективности и либерализма в искусстве, Заславский, Ермилов и другие партийные критики обрушились на наблюдавшуюся в то время тенденцию советских авторов преуменьшать реакционность Достоевского, и подчеркивать его революционность.

На восемь лет прервалась плодотворная и более или менее объективная работа литературоведов над творчеством Достоевского. Только после смерти Сталина и второй лите-

ратурной «оттепели» 1954-5 гг. и после того как в мае 1954 г. редактор «Литературной газеты» высказал опасения в связи с полным параличом «достоевсковедения» с СССР, начали выходить снова исследования о Достоевском, его сочинения, описания его рукописного наследства.

И снова партийные писатели и критики стали требовать «возвращения» Достоевского русской литературе, серьезной разработки его литературного наследства. Начался новый изгиб советской политики на литературном фронте. Как при всяком изгибе, отношение к Достоевскому было самым показательным: его то приближали и называли почти своим писателем, то отталкивали в стан врагов, не стесняясь называть «идеологическим вождем реакционных сил под контролем американского империализма» (Ермилов), врагом советского народа и рабочего класса.

«Возвращение» Достоевского советской литературе совпало с 75-летием со дня смерти писателя, которое и было торжественно отмечено в СССР. Было выпущено десяти-томное собрание сочинений, двухтомник избранных произведений большим тиражем, появились книги и брошюры того же Заславского, того же Ермилова, того же Кирпотина, но уже восхвалявшие Достоевского. Им было нетрудно переключиться на свои позиции 1942-5 гг. Начали ставиться пьесы на темы произведений Достоевского, кинокартины. Интерес к произведениям и к личности Достоевского не ослабляется до настоящего времени.

Выходят популярные многотиражные книги, как книга М. Никитина «Здесь жил Достоевский»,¹⁰ повесть из 33 сцен о жизни его в ссылке зимой 1854 г., книга известного литературоведа Л. Гроссмана «Достоевский» — подробная биография на 535 стр. с многочисленными иллюстрациями и краткой библиографией.¹¹ О Достоевском пишутся научные работы и ведутся споры на страницах журналов и газет, но уже без грубых обвинений, никто не решается отрицать значение и гениальность великого писателя.

**

До сих пор речь шла главным образом об официальной партийной критике и писаниях представителей компартии,

показательных для изгибов и зигзагов в отношении к творчеству Достоевского. Но одновременно шла другая работа — серьезная, глубокая — по исследованию его творчества, собирались биографические материалы о его жизни, писались труды, и некоторые из них выходили в свет.

Еще в начале 1920-х гг. была целая плеяда литературоведов, которым много обязана наука. Л. П. Гроссман, как в биографических работах, так и в работах по анализу стиля Достоевского, является одним из самых видных исследователей его творчества. Начиная со статьи «Бальзак и Достоевский» (1914), потом в книгах «Библиотека Достоевского» (1919), «Творчество Достоевского» (1921), «Семинар по Достоевскому» (1923), «Путь Достоевского» (1924), «Поэтика Достоевского» (1925) и др., Гроссман был одним из первых, кто авторитетно опроверг распространенное до этого времени мнение, что Достоевский был плохой стилист и не хорошо отделявал свои романы. Гроссман показал, что конструкция его романов подчиняется своим особым законам и замечательно подходит для выражения художественной правды. Достоевский, по мнению Гроссмана, ввел новые приемы — вихревое движение событий, подчинение по видимости несовместимых элементов единству философского замысла. Гроссмана можно с полным основанием признать основателем объективного изучения поэтики Достоевского.

Ю. Н. Тынянов, один из талантливых представителей русского формализма в литературоведении начала 1920-х гг., известный писатель, автор исторических романов, посвятил свою брошюру, вышедшую в 1921 г., Достоевскому и Гоголю.¹² В ней он дал новое и оригинальное освещение отношения Достоевского к Гоголю. Несмотря на признание самого писателя, что «все мы вышли из «Шинели» Гоголя», Тынянов, разобрав повесть «Село Степанчиково», пришел к заключению, что Достоевский, сохранив приемы Гоголя, хотел преодолеть его влияние и написал пародию, выведя самого Гоголя в карикатурном образе Фомы Опискина. Подобные же приемы пародии Достоевский применил в «Бесах», где вывел Тургенева, Грановского, Бакунина в лицах Кармазинова, Верховенского (старшего) и Ставрогина.

Из других исследователей, близких к кругам формализма, можно назвать академика В. В. Виноградова, известного языковеда и литературоведа, который, напечатав в 1921-22 гг. статьи о стиле и сюжете романов Достоевского, выпустил в 1929 г. исследование «Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский».¹³ Начав с натурализма и гражданского сентиментализма, особенно выраженных в стиле «Бедных людей», Достоевский, по мнению Виноградова, эволюционировал в направлении реалистически-психологического романа. Другой исследователь, близкий к кругам формалистов, А. П. Скафтымов, изучил тематическую композицию романа «Идиот» на основании функционального метода, в рамках строго лингвистически-литературного анализа.

А. С. Долинин играл крупную роль в издании как документов Достоевского («Письма Достоевского», 4 тома, 1928-1954, под редакцией и с примечаниями Долинина), так и сборников исследовательских работ («Статьи и материалы», т. 1—1922 г., т. 2—1925 г.; «Достоевский: материалы и исследования», 1935 г.).¹⁴ Он опубликовал книгу «В творческой лаборатории Достоевского», в которой разобрал творческую историю создания «Подростка» на основании черновиков, впервые частично им опубликованных. Он нашел, что Достоевский в этом произведении был близок к революционно-демократической программе Некрасова и что прообразом подростка он избрал самого Некрасова в молодости. Сам Достоевский как бы возвращается в этом произведении к либеральным идеям и радикализму своей юности, от которых он никогда совсем не освободился.

Следует также отметить статьи и книгу Георгия Чулкова, ученика Вячеслава Иванова, о Достоевском: его статью 1929 года «Достоевский и утопический социализм» (в которой он пришел к выводу, что писатель не разделял мнений фурьеристов) и, особенно, его добросовестно написанную на основании большого материала (изучения рукописей, писем, свидетельств) книгу «Как работал Достоевский»,¹⁵ вышедшую в 1939 г. Чулков подчеркивал драматический характер творений Достоевского, его религиозность, его смелость, роль его, как зачинателя огромной культурной рево-

люции. Впоследствии официальная критика называла Чулкова «анархо-эстетом декадентско-символистского толка». В статье «Последнее слово Достоевского о Белинском» (в сборнике «Достоевский», М., 1928), он высказал мнение, что диалоги между Колей Красоткиным и Алешей Карамазовым являются пародией на споры между Белинским и Достоевским.

К числу серьезных исследователей Достоевского принадлежат такие авторы статей о нем, как С. Аскольдов, И. Лапшин, А. Гизетти, К. Истомир, А. Белецкий, М. Давидовский, Д. Дарский, В. Комарович, Б. Энгельгард, В. Сидоров, В. Нечаева, М. Петровский, С. Дороватовская-Любимова и многие другие. Эти работы, появившиеся в 1920-х годах, сделали большой вклад в изучение творчества Достоевского. Но самая интересная — с точки зрения поэтики и проблем стиля и композиции Достоевского — была, по нашему мнению, книга М. М. Бахтина,¹⁶ вышедшая в 1929 г. под названием «Проблемы творчества Достоевского». Она заслуживает особенного внимания и разбора.

**

Ценность этой книги заключалась в том, что в ней давался формально-стилистический анализ произведений Достоевского и определялась особенность его романов — их полифоничность, или многоголосость, что было, по мнению Бахтина, главным новаторством, придавшим им подлинно общечеловеческое значение. В предисловии к этой книге автор писал, что он ограничивается лишь теоретическими проблемами (а не историческими и идеологическими). Исторически-социологическая точка зрения все время однако учитывалась автором, она служила как бы фоном, на котором он воспринимал разбираемые явления, но фон этот в книгу не вошел. «Творчество Достоевского, — пишет он, — до настоящего времени было объектом узко-идеологического подхода и освещения. Интересовались больше тою идеологией, которая нашла свое непосредственное выражение в провозглашениях Достоевского (точнее, его героев). Та же идеология, которая определила его художественную форму, его исключительно сложное и совершенно новое

построение романов, до сих пор остается почти совершенно нераскрытой... его революционное новаторство в области романа, как художественной формы, пережило его философскую и социально-политическую идеологию.

В первой части книги ставилась проблема полифонического романа, как основной особенности творчества Достоевского, говорилось о герое и идее у Достоевского и о функциях авантюрного сюжета в его произведениях. Вторая часть книги была опытом стилистики: слово у Достоевского. Начиналась она с типов прозаического слова, потом речь шла о монологическом слове героя и о слове рассказа в повестях Достоевского и, наконец, о диалоге у него.

В заключении подводился итог и давалось полное определение полифонического романа Достоевского. Его следует привести: «Внутренний и внешний диалог растопляет в своей стихии все внутренние и внешние определения героев и их мира. Личность утрачивает свою грубую субстанциональность... из бытия становится событием. Каждый элемент произведения оказывается в точке пресечения голосов, в районе столкновения разнонаправленных реплик. Авторского голоса, который монологически упорядочил бы этот мир, нет. Автор... (стремится) к тому, чтобы обострить столкнувшиеся голоса, чтобы углубить их перебой... Сочетание неслиянных голосов является самоцелью и последней данностью... Автор противопоставляет самосознанию каждого героя в отдельности не свое сознание о нем, объемлющее и замыкающее его извне, но множественность других сознаний, раскрывающихся в напряженном взаимодействии с ним и друг с другом».

Следует остановиться, для пояснения, на том, как понимает Бахтин диалог у Достоевского. «Идея у Достоевского никогда не отрешается от голоса. Поэтому в корне ошибочно утверждение, что диалоги Достоевского диалектичны. Ведь тогда бы мы должны были признать, что подлинная идея его является синтезом диалектическим, напр. тезисов Раскольникова и антитез Сони, тезисов Алеши и антитез Ивана и т.п. Подобное понимание глубоко нелепо. Ведь Иван спорит не с Алешей, а прежде всего с самим собой. Ведь Алеша спорит не с Иваном, как с цельным и единым

голосом, но вмешивается в его внутренней диалог, стараясь усилить одну из его реплик. Ни о каком синтезе не может быть и речи, может быть речь лишь о победе того или другого голоса, или о сочетании голосов там, где они согласны. Не идея, как монологический вывод, хотя бы и диалектический, а событие взаимодействия голосов является последней данностью для Достоевского».

Кто герои Достоевского, спрашивает Бахтин. Они — «герои случайных семейств и случайных коллективов... семейные, сословные, классовые (отношения) утратили свою авторитетную силу... Человек непосредственно ощущает себя в мире, как в целом, помимо всякого коллектива... Реального общения, в котором бы разыгрывалась их жизнь, они лишены... они движимы утопической мечтой создания какой-то общины людей по ту сторону существующих социальных форм (князь Мышкин, Алеша, Зосима). Общение как бы лишилось своего реального тела и хочет создать его произвольно из чистого человеческого материала. Все это является глубочайшим выражением социальной дезориентации разночинной интеллигенции, чувствующей себя рассеянной по миру...»

«Герой Достоевского не образ, а полновесное слово, чистый голос, а не немой безгласный предмет авторского слова. Достоевский умел изображать чужую идею, сохраняя всю ее полноту, как идеи, но в то же время сохраняя дистанцию, не утверждая и не сливая ее с собственной выраженной идеологией».

Как встретила официальная критика появление этой глубокой и строго формалистской, как нам кажется, по своему методу книги?

Марксисты-начетчики Берковский, Гроссман-Рощин (не Леонид Гроссман) и рецензенты журнала «Октябрь» восприняли эту книгу как атаку на диалектический материализм под прикрытием метафизики, как попытку идеалистического анализа, как шаг назад в болото идеализма, они обвиняли Бахтина в формализме и в том, что он не понял роли автора в романах Достоевского.

Однако Луначарский, одно время нарком просвещения,

посвятил в 1929 г. этой книге большую статью — «О многоголосости Достоевского». Луначарский в самый разгар борьбы компартии с формализмом отделил Бахтина от формалистов, более того — решил, что книга имеет антиформалистический характер. Он считал, «что Бахтину удалось не только установить огромное значение многоголосости в романах Достоевского с большей ясностью, чем это делалось кем бы то ни было, роль этой многоголосости, как существеннейшей характерной черты его романа, но и верно определить ту чрезвычайную, у других писателей совершенно немыслимую автономность и полноценность каждого голоса».

Эта оценка, вероятно, спасла Бахтина от многих неприятностей в момент острой борьбы компартии против формалистов.

История русского формализма не менее интересна, чем история отношения к Достоевскому. Формализм в русской литературе связан с работами языковедов, которые в то же время были литературоведами. Московский лингвистический кружок объединил в 1915 г. молодых языковедов-студентов Романа Якобсона, П. Богатырева, Винокура, Буслаева (внука известного ученого), занимавшихся вопросами диалектологии, фольклора, поэтической речи и теории литературы. В Петрограде в 1916 г. образовалось Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), в котором приняли участие ученики филолога Бодуэна де Куртенэ Якубинский, Е. Поливанов и литературоведы В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, С. Бернштейн. К ним потом присоединились Ю. Тынянов и отчасти В. Виноградов. Некоторые из молодых ученых были под влиянием немецкого мыслителя Гуссерля, другие — под влиянием филолога Де Соссюра; некоторые, как Якобсон, были близки к футуристам Хлебникову и Маяковскому, другие, как Эйхенбаум — к акмеистам (Гумилеву).

Сами «формалисты», как например Эйхенбаум, предпочитали называть свой метод морфологическим, делающим упор на литературную работу и ее элементы, в отличие от

социологического и психологического подхода. Себя они предпочитали называть «спецификаторами», подчеркивая автономию литературоведения, стремясь систематизировать, разграничить и точно определить предмет исследования — художественную литературу, — в отличие от внешних условий: психологических, социологических и культурно-исторических. Некоторые сторонники формализма, как Р. Якобсон, шли еще дальше и считали одно время предметом исследования даже не литературу, а литературность, т.е. то, что делает то или другое произведение литературным. Не содержание, а метод изложения отличает литературу от нелитературы; не образность или образы, а приемы делают вещь литературным произведением, — утверждали Якобсон, Шкловский и их единомышленники.

Критика формалистов со стороны идеологов компартии началась в 1920-х годах, в ней приняли участие такие видные деятели партии, как Троцкий и Луначарский, такие марксистские критики, как В. Фриче и П. Коган, а также В. Переверзев, которого позднее обвинили в меньшевизме и «вульгарном социологизме». А. Цейтлин, Арватов и М. Левидов одно время хотели объединить марксистский подход и формалистический метод исследования, но потом, несмотря на то, что В. Шкловский и некоторые формалисты начали уступать свои позиции, к 1927-8 гг. не только формализм, как мы его описали, но и экспериментализм в литературе независимой от партийного влияния, как его применяли, например, писатели группы «Серапионовых братьев», были взяты под обстрел. Критика перешла в травлю.

К 1929 г. одни формалисты сдали свои позиции; другие, как Якобсон и Богатырев, уехали за границу, и там продолжали свои ценные работы в области языка и литературы. Формализм стал считаться несовместимым с советской идеологией. Позднее, во время похода Жданова на «буржуазную» литературу и искусство в 1946 г., понятие формализма расширилось и распространилось на живопись, музыку и даже точные науки, не говоря уже о литературоведении, в котором ученые компаративисты школы Ал. Веселовского, как Жирмунский, Томашевский, Шишмарев, были обвинены в формализме.

Книга М. Бахтина стала библиографической редкостью, но через 34 года после ее выпуска она была переиздана в 1963 г.¹⁶ под редакцией самого автора, который исправил ее и значительно дополнил. Она вышла под названием «Проблемы поэтики Достоевского», с 362 стр. убожистого шрифта (вместо 243 стр. крупного шрифта, в издании 1929 г.).

Автор принял во внимание литературу, вышедшую за эти годы и включил некоторые сноски, примеры, цитаты. В первой главе — «Полифонический роман и его освещение в критической литературе» — имеются вставки о статье Луначарского (см. выше). Бахтин соглашается, что какие-то элементы, зародыши полифонии можно обнаружить уже в драмах Шекспира (как и у Раблэ, Сервантеса, Гриммельсхаузена, которые принадлежали к той линии развития европейской литературы, завершителем которой — в отношении полифонии — стал Достоевский). Но он возражает Луначарскому, когда тот, дав довольно плоский генетический анализ полифонии, пришел к выводу: «Достоевский ни у нас, ни на Западе еще не умер потому, что не умер капитализм и тем менее умерли его пережитки... Отсюда важность рассмотрения всех проблем трагической «достоевщины»».

«Нет, — возражает Бахтин, — открытие полифонического романа переживет капитализм,... поэтику нельзя растворять в социально-исторических анализах».

Из других, вышедших за это время, книг Бахтин останавливается на книге В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» (1947 г.), в которой дается, по его мнению, верное понимание психологизма писателя, как объективно-реалистическое видение противоречивого коллектива чужих психик, и правильно понимается полифония. Книге В. Шкловского «За и против. Заметки о Достоевском»¹⁷ он уделяет еще больше внимания, т.к. автор сообщает ценные наблюдения, касающиеся вопросов поэтики Достоевского. Это — во-первых, замечание о незавершенности романов Достоевского и о незавершенности полифонического романа вообще. По мнению Бахтина, почти все романы имеют условно-литературный

(монологический) конец, а роман «Братья Карамазовы», который с монологической точки зрения незакончен, имеет вполне полифоническое окончание. Другое интересное замечание Шкловского — о диалогичности не только героев романов, но и противоречивости психологий и отдельных элементов сюжетного развития.

Особое внимание Бахтина привлекла работа Л. Гроссмана «Достоевский-художник» в сборнике «Творчество Достоевского»,¹⁸ который подходит к полифонии писателя со стороны композиции. Его интересует не столько «идеологическая многоголосость романов его, сколько собственно композиционное применение контрапункта, связывающего разные повести, включенные в роман Достоевского, разные фабулы, разные планы». Все в жизни контрапункт, говорил Глинка, т.е. противоположность; все в жизни диалог, т.е. диалогическая противоположность, думал Достоевский.

Во второй главе — «Герой и позиция автора по отношению к герою в творчестве Достоевского» — Бахтин сделал добавление о почти полифоничности замысла одного неоконченного романа Чернышевского «Перл создания».¹⁹ Он тоже хотел написать роман чисто объективный, без завершающих авторских оценок, чтобы каждое действующее лицо свободно раскрывало свою точку зрения, свою правоту, причем одно воззрение могло переходить в другое, совершенно несходное с ним (контрапункт в литературе).

Третья глава — «Идеи у Достоевского» — не содержит много нового, в ней есть развитие и улучшение собственных формулировок Бахтина о Достоевском, как художнике идеи. Героем произведений его является не идея, как утверждал В. М. Энгельгард,²⁰ а человек идеи. В отличие от афористического мышления типа сентенций, изречений, выработанных в особый тип в классической литературе, литературе Просвещения и романтической, Достоевский избегал таких «афоризмов в форме безличной правды».

В главе четвертой — «Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского» — больше всего добавлений существенного характера, по сравнению с изданием 1929 г. Бахтин дает здесь объяснение, с точки зрения истории жанров, тому факту, что Достоевский

пользовался авантюрными сюжетами. Сочетание авантюренности с острой проблемностью, далогичностью, житием и проповедью уходит своими корнями в глубокую древность; новым было только полифоническое использование и осмысливание этого жанрового сочетания. Бахтин устанавливает связь его с античной менипповой сатирой и карнавализованной литературой античности. Эта связь осуществлялась при посредстве Шекспира, Сервантеса, Вольтера, Дидро, Лесажа, Поль де Кока, Жорж Санд, Стерна, Ежен Сю, Дюма, Диккенса, По, Виктора Гюго и особенно Гофмана. Из русских «карнавализованных» произведений следует указать на пушкинских «Бориса Годунова», повести Белкина, маленькие трагедии и «Пиковую даму». Это — долгая и глубокая традиция, в которую, по выражению Бахтина, «подключился» Достоевский.

Автор приводит многочисленные примеры и мениппей, и карнавального редуцированного смеха (вроде гоголевского смеха сквозь слезы) в разных романах и повестях Достоевского, и это бросает новый свет на его творчество. Полифония — нововведение Достоевского — было существенно подготовлено в этой линии развития европейской литературы, линии, которая возродилась и обновилась у него в неповторимо оригинальной и новаторской форме полифонического романа.

В «Поэтике Достоевского» автор пишет о том громадном и плодотворном влиянии полифонического романа, особенно на Западе, которое он оказал на монологические формы литературы, многие из которых стали выглядеть наивными и упрощенными, поскольку новый жанр предъявляет новые требования к эстетическому мышлению. «В настоящее время, — пишет Бахтин, — роман Достоевского является может быть самым влиятельным образцом на Западе... поработает его художественная воля, открытый им новый полифонический принцип художественного творчества». Достоевский, по его мнению, создал совершенно новый тип художественного мышления, как бы новую художественную модель мира. «За Достоевским, как художником, следуют люди различнейших идеологий, часто враждебных его идеологии, они стремятся освоиться с новой художест-

венной сферой им открытой и освоиться в новой созданной им художественной модели мира», — заключает свою книгу Бахтин.

**

Тридцать пять лет прошло после первого выхода этой книги, вызвавшей в 1929 г. резкие споры; неблагоприятный поворот советского отношения к серьезному достоевковедению и осуждение формализма надолго прервали серьезные работы в этой области, и книга Бахтина надолго была «под замком», о ней не писали, молчали. Теперь, очевидно не без поддержки влиятельных партийных кругов, ее издали в новом, расширенном издании. Как встретила ее советская критика?

Первым откликнулся на эту книгу А. Дымшиц в «Литературной газете» 11 июля 1964 г. Он, что называется, начал «за здравие, а кончил за упокой». Заметив, что литературная наука всегда будет обязана Бахтину за множество тончайших наблюдений над поэтикой и языком Достоевского, что это — труд ученого, и многое из добытого им для науки останется ее достоянием, констатировав, что самое определение романа Достоевского как романа полифонического уже вошло в науку, критик называет мышление Бахтина формальным, метафизическим, мотивы исследования — субъективистскими и формалистическими!

Он обвиняет автора книги в том, что он «вывел Достоевского за пределы реалистического творчества», что он изучает его вне связи с общественной жизнью и с конкретной исторической действительностью, не ищет идеологических корней, что он выводит творчество Достоевского из западной литературы, пренебрегая очевидными влияниями русских писателей 19 века, что он упускает из виду полифоничность романов других великих русских писателей и в то же время дискредитирует монологический роман (в том числе и «Клима Самгина» Горького), как низший и устарелый тип романа, что он, наконец, изображает Достоевского как писателя безтенденционного, «безвылазно погрязшего в «незакрытых диалогах», и т.д. В пылу полемики, Дымшиц берет под свою защиту даже идеалиста Вячеслава Ивано-

ва, который совершает, по мнению Бахтина, типичную методологическую ошибку — от мировоззрения автора он непосредственно переходит к содержанию его произведений.

Характерно то, что эта отрицательная рецензия вызвала немедленную отповедь на страницах той же «Литературной газеты» в двух статьях: И. Василевской и А. Мясникова 6 августа и пяти видных литературоведов (Асмус, Ермилов, Перцов, Храпченко и В. Шкловский) 13 августа.

Авторы этих статей приходят к выводу, что Дымшиц несправедливо критикует книгу Бахтина. В первой, цитатами из Бахтина опровергаются все обвинения Дымшица, как голословные, и утверждается, что книга Бахтина антиформалистична (тут дается, кстати, еще одно определение формализма: «формализм — враг содержательной формы, он бессилён решать как раз ту задачу, на монопольное решение которой он претендует, форма для формалистов — мертва»), что она вся проникнута пафосом гуманизма, что она — одно из лучших исследований о поэтике.

Авторы второй статьи обвиняют самого Дымшица в противоречиях, в неубедительности и в том, что он пытается повернуть вспять науку о Достоевском и не обнаруживает живого интереса к самому великому писателю.

Спор о книге Бахтина, думается, еще не закончен. В ответном выступлении Дымшиц опровергает авторов первой статьи о его критике, признается, что он не «достоевсковед», и делает характерное для современного отношения в СССР к Достоевскому признание: *«Достоевский мне дорог. Я знаю, что жить по Достоевскому нельзя, но жить без него — моего мучителя и врачавателя — я не могу».*

С другой стороны, и авторы первой статьи делают не менее любопытное признание: «У некоторых наших критиков поэтика находится под сильным подозрением. Если кто-то заговорит о поэтике, они сейчас же начинают искать в его словах формализм. Федин протестовал против этого: «разработка проблем художественной прозы, писал он лет 10 назад, ничего общего не имеет с формализмом. Формализм есть отрицание идеологической природы искусства и отказ от принципа единства формы и содержания. Наобо-

рот — отказ критики от анализа формы есть формализм навыворот, т.е. урон идейности советской литературы».

Двойственное отношение к Достоевскому и к исследованию его творчества продолжается. Продолжаются и колебания между социологизмом и формализмом, если давать этими понятиям широкое толкование. Конечно, Бахтин «спас» свою книгу двумя-тремя «социологическими» замечаниями о том, что не идеологическая «выжимка» (реакционная) из Достоевского, а художественное содержание романов его в целом составляет подлинную ценность его наследства, и о том, что благоприятная почва для романов Достоевского была создана в России капитализмом. Но по сути дела, устраняя социологизм из своей книги, изучая только проблемы формы и композиции, Бахтин продолжает творческую работу формалистов и компаративистов 1920-х годов.

Несколько примеров из вышедших в последнее время книг о Достоевском подтвердят наше впечатление об этой двойственности.

В 1956 и 1957 гг. вышли книги С. Борщевского «Щедрин и Достоевский» и В. Шкловского «За и против. Заметки о Достоевском». Обе написаны в «социологическом» духе. Борщевский сводит все художественное творчество Достоевского к политической программе, изложенной им в его публицистике, осуждая его и ставя ему в пример вожака революционной демократии Щедрина. Шкловский, наоборот, пытается доказать, что Достоевский продолжал оставаться революционером и социалистом до конца своей жизни и чуть ли не сочувствовал террористам, покушавшимся на жизнь императора Александра II. (Этот интересный критик, бывший вождь петроградских формалистов, написал в 1920-х гг. много ярких работ, в которых беспощадно осуждал «социологический» метод в литературе, особенно марксистский подход).

А в 1963 г. вышла совершенно неожиданная небольшая книга Я. Голосовкера под названием «Достоевский и Кант».²¹ В ней он дает свое понимание творчества Достоевского через призму идей Канта, раскрывая связь книги «Братья Карамазовы» с учением Канта об антиномиях, яко-

бы неразрешимых противоречиях чистого разума. По его мнению этот чистый разум у Достоевского воплощен в Иване Карамазове, в чёрте, в науке, в антитезисе, которые все, по сути — одно и то же. Можно не соглашаться с автором этой книги и видеть натяжки в параллелях между героями «Братьев Карамазовых» и кантовскими тезисами и антитезисами, но нельзя не отнестись с уважением к этой попытке прочесть между строк великого произведения великого мыслителя и художника и найти ключ к его лабиринту в философских категориях книги, «на столетие определившей пути мировой философии».

В книге Голосовкера, выпущенной не только для специалистов, но и для широкой публики, нет ни одного слова о марксизме. Это пример проницательного чтения как Достоевского, так и Канта.

Отметим также книги Фридендера, Чиркова и Зунделовича о творчестве Достоевского, вышедшие в последнее время в СССР.

Кто же был Достоевский? Мыслитель или художник, реакционер или революционер, новатор или консерватор, верующий или неверующий, или все это вместе взятое в одном гениальном человеке? Эти мысли продолжают волновать русских людей, ученых и широкую публику и в СССР. И это, по нашему мнению, очень хорошо.

Бесспорно одно: что Достоевский самый «спорный» из русских писателей. Некоторые, как Н. Бердяев, утверждали, что он — величайший мыслитель, другие — что его сила в художественности его таланта и что его новаторство в этой области переживет его славу мыслителя (Бахтин). Одни считают, что сила его в полифоничности, многоголосости его романов, другие — что авторский голос доминирует в них и даже, что все герои говорят на один голос — самого Достоевского.²² Далее, одни утверждают, что его романы диалогичны и в них нет никакой диалектики, другие видят в них монолог автора и стремление его дать свой ответ на вопросы, мучающие героев. Спор идет и о том, тенденциозен ли Достоевский как художник. Бердяев это отрицал, а современные советские литературоведы считают его писа-

телем тенденциозным. Некоторые ценят особенно высоко его как психолога.

Достоевский, по нашему мнению, сам ответил на вопрос о том, к чему он стремился, двумя фразами: «Чем познается художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие... художественной идеи с той формой, в которую она воплощена».²³

Примечания

¹ Подробное изложение, кончая 1956 г., дано было в кн. V. Seduro *Dostoevski in Russian Literary Criticism, 1846-1956*. N.Y. Col. Press, 1957. См. также его статью в «Новом журнале», 1958, кн. 52.

² Советский литературовед Т. Л. Мотылева писала в сборнике «Творчество Достоевского», М., 1959: «Для всех крупных мастеров слова, выступивших в XX веке, наследие Достоевского-романиста представляет одно из важных слагаемых той духовной, художественной культуры, в которой они выросли».

³ В. Ф. Переверзев, глава литературной секции Академии Искусств, до 1930 г. главный представитель советского марксистского литературоведения, автор многочисленных статей и книг о Достоевском.

⁴ «На литературном посту», журнал, выходивший в 1920-х гг., вел ожесточенную кампанию против буржуазных, «попутнических» и формалистских тенденций в литературе и литературоведении. Одним из представителей этой группы был Г. Е. Горбачев, посвятивший Достоевскому много места в своей книге «Капитализм и русская литература» в 1925 г. После 1930 г. был объявлен троцкистом.

⁵ «Новый мир», 1929, № 10. А. Луначарский занимался, кроме своих государственных и партийных дел, также журналистикой и писал критические статьи о литературе, в том числе и о Достоевском. Его статьи, начиная с 1902 г. и до 1931 г., выражали взгляды влиятельных интеллигентов-коммунистов.

⁶ М. Полякова. Социальная природа героев Достоевского. «Новый мир», 1931, № 4.

⁷ В. Ермаков. Горький и Достоевский. «Красная новь», 1939, № 4; «Ф. М. Достоевский». 1956.

⁸ О. Цехановицер. Достоевский и соц. криминальный роман. «Ученые записки Ленинградского университета», 1939 г.; «Ф. М. Достоевский». «Октябрь», 1941, № 2; «Повести Достоевского». 1940.

⁹ В. Кирпотин был редактором журнала «Проблемы марксизма». Книги: «Молодой Достоевский». 1947; «Ф. М. Достоевский». 1947; «Ф. М. Достоевский. Творческий путь». 1960.

¹⁰ М. Никитин; изд. «Сов. писатель», 1956, тираж 30.000 экз.

¹¹ Л. П. Гроссман. Достоевский. 1962. Изд. «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей», тираж 115.000 экз.

¹² Ю. Н. Тынянов. Достоевский и Гоголь. К теории пародии. Изд. ОПОЯЗ. Потом перепечатано в: «Архаисты и новаторы». «Прибой», 1929.

¹³ В. В. Виноградов; также: «Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» — в сб.: «Творческий путь Достоевского». Л., 1924; «О художественной прозе». Л., 1930; «О языке художественной литературы». М., 1959.

¹⁴ А. С. Долинин; Л., 1929. Много статей его об отдельных произведениях Достоевского: «Исповедь Ставрогина», «К истории создания «Братьев Карамазовых» — в книгах: «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». 1935. Также: «Литературная Мысль», в. 1. М., 1922.

¹⁵ Г. И. Чулков; изд. «Сов. писатель» (Творческий опыт классиков). Статья об утопическом социализме в: «Каторга и ссылка», 1929, № 2-3.

¹⁶ М. М. Бахтин; в изд. «Прибой», Л., 1929, тираж 2.000. «Проблемы поэтики», в изд. «Сов. писатель», 1963, тираж 9.500 экз.

¹⁷ В. В. Шкловский; изд. «Сов. писатель», М., 1957. Книга вызвала резкую критику Ермилова («Против ложного истолкования Достоевского». «Коммунист», № 2), возражавшего против тенденции Шкловского представить Достоевского революционером.

¹⁸ Изд. Ак. Наук, М., 1959, под ред. Н. Степанова, Д. Благова, У. Гуральникова и Б. Рюрикова. Работа Гроссмана подразделена на: жанр Достоевского, законы композиции, творческий метод, смена стилей, роман и новелла и лейтмотивы.

¹⁹ М. Бахтин цитирует по книге В. В. Виноградова: «О языке художественной литературы». М., 1959. Чернышевский считал, что «Шекспир писал так объективно, изображая жизнь людей, не высказывая, как он сам думает о вопросах, которые решаются его действующими лицами, как им это угодно».

²⁰ Идеологический роман Достоевского, в сборнике 2-м: «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», под ред. А. Долинина. М., 1924. Бахтин считает, что Энгельгардт глубоко понял основную особенность Достоевского, который писал романы об идее: «идея ведет самостоятельную жизнь в сознании героя, живет собственно не он — живет идея». В этом смысле Энгельгардт называет романы Достоевского — идеологическими.

²¹ Изд. Акад. Наук, под ред. Н. К. Гудзия. Книга имеет подзаголовок «Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». Тираж ее 8.500 экз. По мнению автора, в романе ведется борьба между тезисом, воплощенным в таких героях, как Зосима и Алеша, оправдывающих страдание и верующих в Бога, — и антитезисом, воплощенным в Иване, Смердякове и в черте, поскольку все они — одно лицо и отрицают существование Бога.

²² М. Гласко в статье «Пока жив человек». «Польша», 1956, № 7.

²³ Термин «идеологический» применялся в статье для выражения мировоззрения, системы взглядов. Термин «социологический», «социологизм» применялись так, как ими пользуются литературные критики, а не наука социология.

Н. Полторацкий

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И «ВЕХИ»

«Вехи» — сборник статей о русской интеллигенции¹ — вышли в Москве в марте 1909 года.² Сборник состоял из статей семи авторов: Н. А. Бердяева («Философская истина и интеллигентская правда»), С. Н. Булгакова («Героизм и подвижничество»), М. О. Гершензона («Творческое самосознание»), А. С. Изгоева («Об интеллигентной молодежи»), Б. А. Кистяковского («В защиту права»), П. Б. Струве («Интеллигенция и революция») и С. Л. Франка («Этика нигилизма»).

Авторы «Вех» подвергли суровой критике психологию и идеологию русской радикальной интеллигенции, как она сложилась во второй половине XIX века и как она более всего обнаружила себя в первой русской революции 1905 года. Расходясь между собою — иногда довольно значительно — в более частных вопросах, участники «Вех» сходились, однако, на одной общей для них всех платформе. Они считали внутренне ошибочной и практически бесплодной традиционную идеологию интеллигенции, исходившую из безусловного примата общественных форм. Этой идеологии авторы «Вех» противопоставляли свою идейную платформу, построенную на признании *«теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития»*, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства.³

«Вехи» вызвали огромный интерес во всех кругах русской интеллигенции. В срок менее года сборник выдержал

пять изданий. Вокруг «Вех» сразу же началась ожесточенная полемика, принявшая четыре основных формы: публичных собраний и докладов, статей в газетах и журналах, специальных сборников статей и, наконец, отдельных книг (или глав в книгах) и брошюр. На «Вехи» откликнулось большинство видных имен того времени.⁴ Сборником «сильно заинтересовался»,⁵ по свидетельству А. А. Стаховича, и Л. Н. Толстой. Результатом знакомства Толстого с этим сборником была его статья о «Вехах», полностью напечатанная впервые в 90-томном собрании его сочинений.⁶

I.

Не имея доступа к рукописям Толстого и к неопубликованным запискам его домашнего врача и единомышленника Д. П. Маковицкого,⁷ трудно с полной достоверностью установить, по какому точно поводу и когда именно Толстой читал «Вехи» и когда именно он начал писать свою статью о них.

Статья Толстого начинается так: «Вчера я прочел в газете о собрании писателей...»,⁸ на котором обсуждались «Вехи». К сожалению, Толстой не упоминает, к какой дате и к какой газете относится это «вчера».

Н. Н. Гусев, который, будучи секретарем Толстого, разбирал его почту, вспоминает, что Толстые получали ежедневно несколько газет. Однако сам Толстой просматривал обычно только одну газету — ту, которой он в данный период времени отдавал предпочтение. Во время пребывания Гусева в Ясной Поляне, Толстой вначале предпочитал полу-правительственную газету «Новое время», позднее — петербургскую либеральную газету «Русь». Но «Русь» была вскоре закрыта, и Толстой стал, с лета 1908 года, читать другую петербургскую либеральную газету — «Слово».⁹ Гусев не указывает, какую газету Толстой читал в 1909 году, но очень вероятно, что он продолжал читать то же самое «Слово». А в нем полемике вокруг «Вех» уделялось много внимания. Много писалось о «Вехах» также в московских газетах, в особенности в «Русских ведомостях», которые тоже получались в доме Толстых.

Б. М. Эйхенбаум в своих комментариях к статье Толстого о «Вехах» пишет, что начальные слова статьи Толстого относятся к заметкам о заседании исторической учебной комиссии Общества распространения технических знаний, в котором происходила беседа о «Вехах», и ссылается на «Русские ведомости» и «Слово» от 16 апреля 1909 года.¹⁰ Это явная ошибка. Первые заметки об этом заседании появились в газетах не 16, а 15 апреля.¹¹ И поскольку Толстой пишет, что, узнав из газеты о собрании и о взглядах авторов «Вех», он «поспешил достать литературный сборник «Вехи»,¹² выходит, что Толстой достал «Вехи» и начал их читать не ранее, чем 15 апреля.

Первые наброски статьи Толстого о «Вехах» относятся, по мнению Эйхенбаума, к 20 апреля. Это подтверждается, казалось бы, датой, стоящей на первой из уцелевших рукописей. Рукой Н. Н. Гусева на ней помечено: «20/IV 09».¹³ Однако, по более поздним данным, Толстой начал писать свою статью на день раньше, т.е. 19 апреля.¹⁴ Эта последняя дата упоминается и в «Хронологической канве жизни и творчества Л. Н. Толстого за 1909 год», в 57 томе полного собрания его сочинений.¹⁵ Более того, она находит подтверждение в дневнике Толстого. Первое упоминание о «Вехах» в дневнике содержится в записи от 20 апреля 1909 года: «Написал вчера утром о Вехах и письме крестьянина».¹⁶

Если дневниковую запись Толстого сопоставить с начальными словами его статьи («Вчера я прочел»), то получится что Толстой стал писать о «Вехах» 19 апреля, а о собрании писателей прочел накануне и тогда же, 18 апреля, начал читать сборник. Между тем, из того факта, что отчеты о собрании Общества распространения технических знаний (О.Р.Т.З.) появились в газетах 15 апреля, приходится заключить, что или Толстой стал читать «Вехи» в тот же самый день, 15-го (и тогда самые первые наброски его статьи относятся к 16, а не 19 апреля), или же, что отчет о собрании, посвященном «Вехам», Толстой прочел не в день выхода газеты, а три дня спустя.

Ключ к разгадке этих расхождений в датах можно было бы искать также в словах Толстого о том, что он, прочитав

о собрании, на котором обсуждались «Вехи», «поспешил достать» этот сборник. Но эти слова — тоже загадка.

По имеющимся данным, Толстой получил «Вехи» от М. О. Гершензона — инициатора самого сборника и одного из его главных участников.¹⁷ Нам, однако, не удалось найти указаний на то, как и каким образом это произошло. В новейшей подробной «Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого» за этот период времени, подготовленной Н. Н. Гусевым, упоминается только одно посещение Гершензоном Ясной Поляны. Оно имело место 4 января 1909 года, т.е. за два с половиной месяца до появления «Вех». Гусев отмечает, что Толстой и Гершензон беседовали о метафизических вопросах и что Гершензон произвел на Толстого впечатление «настоящего интеллигента».¹⁸ Описание этого посещения Ясной Поляны можно найти также в письме Гершензона к его брату от 8 января 1909 года.¹⁹ Из него следует, что Гершензон попал к Толстому, скорее, случайно. Чертков, к которому Гершензон поехал ночью 3 января по делам, связанным с изданием писем Эртеля, повез его к Толстому в Ясную Поляну. В силу неблагоприятного стечения обстоятельств, Толстой сразу же пришел в раздражение, и встреча превратилась в «крупный разговор» (Да, неукротимый старик!», — заключил Гершензон). Потом Толстой извинялся и сожалел, что «нагрешил», но настоящего разговора уже не вышло. Никаких указаний на то, что Гершензон говорил с Толстым о предстоящем издании «Вех», в этом письме нет. Нет относящихся к разбираемому вопросу указаний и в других письмах.²⁰ Поскольку между 4 января и 19 апреля Гершензон в Ясной Поляне больше, видимо, не появлялся, остается заключить, что «Вехи» были Гершензоном Толстому присланы — а не переданы лично. Если они были присланы до середины апреля, Толстой мог «достать» их прямо из своей библиотеки уже 15 апреля. Но он мог «достать» их от Гершензона и за последующие три дня.

Можно было бы, наконец, допустить и то, что Эйхенбаум ошибается и что Толстой имеет в виду не заседание учебной исторической комиссии Общества распространения технических знаний, которое состоялось в Москве 14 апре-

ля,²¹ а какое-то другое собрание, состоявшееся два или три дня спустя. Однако, насколько нам известно, никаких иных собраний в эти дни — между 14 и 18 апреля — не было. Не было их и до 14-го: собрание О.Р.Т.З. было первым в этом роде.

Следующими собраниями, посвященными «Вехам», были собрание Религиозно-философского общества в Петербурге и собрание в Женском клубе в Москве. Но первое из них состоялось 21 апреля,²² а второе — 22 апреля.²³ Из записи же Толстого в дневнике нам известно, что он уже 19 апреля (если не раньше, — без того, чтобы это обстоятельство отметить в дневнике) писал статью о «Вехах». Следовательно, его слова «Вчера я прочел» к отчетам об этих двух собраниях относиться не могли.

Между тем, Толстой упоминает о «собрании писателей», и под эту последнюю категорию более всего подходило бы собрание в Петербурге, на котором выступал Д. С. Мережковский, а не собрание О.Р.Т.З. в Москве, на котором ни один писатель не выступал. Возможно, однако, и то, что Толстой употребил слово «писатель» в его более широком смысле. Он ведь и «Вехи» характеризовал, как «литературный сборник». С. П. Мельгунов, В. П. Потемкин, В. И. Пичета и другие, выступавшие на собрании О.Р.Т.З., под категорию писателей в более широком смысле — писателей-литераторов, конечно, вполне подходили.

Не имея возможности дать окончательный ответ на все эти вопросы, приходится — за недостатком иных бесспорных данных — заключить, что собрание писателей, о котором Толстой прочел в газете, было действительно заседанием исторической учебной комиссии Общества распространения технических знаний, состоявшимся в Москве 14 апреля; что прочел Толстой об этом заседании 18 апреля; что он достал «Вехи» и стал их читать тоже 18-го; и что писать о них он начал на следующий день, 19-го.

В любом случае, Толстой потратил на «Вехи» немало времени и труда. Он был занят ими — с перерывами — более месяца, помнил же о них много месяцев. Первая запись о «Вехах» занесена Толстым в дневник, как мы знаем, 20 апреля; беседа о сборнике с другим его видным участни-

ком — П. Б. Струве — состоялась у Толстого 12 августа;²⁴ упоминал о «Вехах» в беседе с В. Г. Малахеевой-Мирович Толстой 13 декабря 1909 года.²⁵

О труде, вложенном Толстым в статью о «Вехах», можно судить, в частности, по записям в его дневнике от 20, 23 и 27 апреля, от 4, 6, 7, 9 и 21 мая,²⁶ а равно и по дошедшим до нас рукописям его статьи. В толстовских архивах сохранилось девять рукописей: автограф (восемь листков, вырванных из блокнота), остатки семи машинописных копий с авторской правкой и вставками, и полный текст машинописной копии (шестнадцать листов писчей бумаги), по которому и была напечатана эта статья в 38 томе 90-томного юбилейного издания сочинений Толстого. На обложках этих девяти рукописей рукой Н. Н. Гусева были написаны следующие даты: 20.IV, 21.IV, 22.IV, 29.IV, 5.V, еще раз 5.V (вечером), 7.V, 9.V и еще раз 9.V (полный текст).²⁷

Формально, статья Толстого осталась незаконченной. Однако уже на четвертой из девяти сохранившихся рукописей Толстой сам поставил дату («29 Апреля 1909») и подпись («Левъ Толстой»).²⁸ Таким образом, Толстой уже в конце апреля считал, по-видимому, что его статья о «Вехах» в основном закончена.

II.

Хотя статья Толстого о «Вехах» была опубликована полностью впервые только в 1936 году, т.е. 27 лет спустя после ее написания, русский читатель о ее существовании и содержании знал уже весной 1909 года.

Последний из уцелевших вариантов статьи Толстого датирован 9 мая. Три дня спустя, 12 мая, в большой московской газете «Русское слово» появилась краткая заметка без подписи: «Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи»». ²⁹ В заметке говорилось, что «много нашумевший» сборник «Вехи», в котором «разносится в пух и прах вся наша интеллигенция», обратил на себя внимание и Л. Н. Толстого. Упомянулось также, что Толстой заинтересовался в особенности статьей Булгакова «Героизм и подвижничество», и выражалась уве-

ренность, что «Глубина и оригинальность его [Толстого] мысли дадут, конечно, ему возможность лучше оценить психологию героизма и подвижничества, чем это сделала компания беспрерывно во всем кающихся интеллигентов». В конце заметки было сказано, что Толстой заканчивает статью по упомянутому вопросу и что газета вскоре сообщит своим читателям основные мысли Толстого.

Действительно, девять дней спустя, 21 мая, в «Русском слове» появилась довольно пространная статья С. Спиро «Л. Н. Толстой о «Вехах»». ³⁰ Спиро писал, что, по поручению редакции, он ездил накануне в Ясную Поляну, и там Толстой, в беседе с ним, «подробно изложил свою точку зрения на вопросы, затронутые «Вехами»». Далее Спиро приводил содержание этой беседы с Толстым.

Достаточно сопоставить текст статьи Спиро с текстом статьи Толстого в полном собрании его сочинений, чтобы убедиться в том, что беседы, как таковой, не было. Говорил, по существу, один Толстой, но и он не столько говорил, сколько читал или давал читать уже написанное своему «собеседнику». Текст «беседы» в «Русском слове» почти слово в слово совпадает с соответствующими местами текста статьи Толстого. Очевидно, Спиро просто переписал те части статьи, на которые сам Толстой хотел обратить внимание читателей. Такой вывод подтверждается записями в дневниках и Толстого, и его секретаря. Н. Н. Гусев записал 20 мая: «Не желая печатать статью [о «Вехах»] целиком, Л. Н. очень охотно сообщил корреспонденту [«Русского слова»] для напечатания в газете выдержки из нее...» ³¹ А сам Толстой отметил 21 мая: «Вчера утром б(ыл) корреспонд(ент) Рус(ского) Сл(ова). Я рассказал и продиктовал ему о Вехах.» ³² Статья Спиро и состоит почти исключительно из выдержек из статьи Толстого.

Единственное положение, которое есть у Спиро, но отсутствует в статье Толстого — в том виде, как она напечатана в 38 томе собрания его сочинений, это указание на то, что, по мнению Толстого, ответы авторов «Вех» на интересующие его вопросы «различны и несогласны между собой». В то же время, в тексте «беседы» нет нескольких весьма важных положений, которые имеются в статье Тол-

стого: нет, например, отзывов Толстого о статьях в «Вехах» Бердяева и Булгакова (а между тем, в «Русском слове» от 9 мая отмечался особый интерес Толстого к статье Булгакова) и нет всей последней части статьи Толстого, посвященной вопросу о простом народе и образованных классах.³³ Обратимся поэтому прямо к первоисточнику.

III.

Толстой начинает свою статью с указания на причины его интереса к «Вехам». Он пишет, что давно уже является убежденным противником распространенного и утвердившегося суеверия, будто внешние изменения форм общественной жизни могут улучшить жизнь людей. Поэтому, когда он прочел в газетном отчете о собрании, посвященном «Вехам», что молодая интеллигенция, представленная в «Вехах», противостоит в этом отношении старой, он поспешил познакомиться с сборником. В предисловии к нему он нашел ту же в высшей степени сочувственную ему мысль о суеверии внешнего переустройства общества и о необходимости внутренней работы каждого человека над самим собой. Однако при чтении статей он стал чувствовать неудовлетворенность, и эта неудовлетворенность все возрастала.

Как же Толстой воспринял «Вехи», и что ему в них не понравилось? Общее свое впечатление от сборника Толстой выразил в таких словах: «Было много говорено [об] особенной касте интеллигенции, выделяемой от всех остальных людей самыми теми людьми, которые принадлежат к этой касте. Велись какие-то счеты и споры между лицами, принадлежащими к этой касте, было очень много упоминаний о модных сочинителях русских и европейских, признаваемых очень важными авторитетами, о Махе, Авенариусе, Луначарском и др., очень тонкие разъяснения несогласий и недоразумений и опровержения опровержений опровержений, была бездна учености и самой новейшей, и в особенности мудреных, выдуманных и не имеющих точного, определенного значения слов... Была и чрезвычайная самоуверенность, как личная самих авторов, так и кастовая интеллигентная».³⁴ Короче говоря, «в сборнике было очень много того, чего могло и не быть...»³⁵

С другой стороны, в сборнике, по мнению Толстого, не было того одного, чего имели право искать и ожидать все люди, считающие, что улучшение человеческой жизни достигается не внешним, а внутренним изменением, — не было указаний на то, «в чем должна состоять та внутренняя работа, которая должна изменить те внешние формы, которые, судя по предисловию, как будто бы отрицались составителями сборника».³⁶ Таких указаний Толстой не нашел, по его словам, ни в одной из статей сборника.

Толстой, правда, выделяет две статьи из семи — Бердяева и Булгакова, но и в них находит не ответы, а лишь «подобия ответов», притом выраженные «тем же запутанным и неясным жаргоном, которым написаны все статьи»³⁷ сборника. У Бердяева Толстой выделяет его призыв к признанию самоценности истины, к смирению перед ней и к готовности на отречение во имя ее, к укреплению универсальной и национальной традиций, на почве которых осуществляется сверхиндивидуальность и соборность философского сознания, к культурному возрождению России. У Булгакова Толстой отмечает его призыв к соединению просвещенного и ясного понимания культурных и исторических задач с подлинным христианством, к оцерковлению интеллигенции, почти поголовно ушедшей из церкви. Называя этот ответ — как и ответ Бердяева — на занимающий его вопрос лишь «подобием ответа», Толстой пишет, что булгаковское подобие ответа к тому же «очень странное и неожиданное».³⁸ Это замечание относится, видимо, к «процерковной» позиции Булгакова, который верил в мистическую жизнь церкви и потому утверждал, что, какова бы ни была эмпирическая оболочка жизни церкви в данный исторический момент, эта оболочка не может и не должна порождать сомнений в конечном просветлении и торжестве церкви.

В скобках и не называя имени другого автора «Вех» (Б. А. Кистяковского), Толстой упоминает об еще одной статье сборника — о праве. По его мнению, эта статья не только прямо поддерживает основы внешнего общественного устройства, но и отрицает все то, что должно и может заменить внешние общественные формы. О статьях четырех других авторов «Вех» — Гершензона, Изгоева, Струве

и Франка — Толстой специально вообще ничего не говорит. Вместо этого, он всем семи авторам «Вех» вкупе противопоставляет своего старого умершего друга, тверского крестьянина Сютаева. Сютаев тоже ставил себе тот вопрос, который занимает авторов «Вех», но, в отличие от них, давал на него краткий определенный ответ: «Все в тебе», говорил он, «в любви». ³⁹ «И все, что нужно и можно сказать, — поясняет Толстой, — было сказано».

Однако, в отличие от Сютаева, Толстой сказанным не ограничивается. От Сютаева он переходит к другому крестьянину (Колесникову), из Ташкента, письмо которого он «по странной случайности» получил в тот именно день, в который читал «Вехи». Толстой выделяет это письмо из других им полученных, как «обсуждающее те самые вопросы, которые обсуждаются в сборнике, и также ясно и определенно, как и слова Сютаева, но более подробно отвечающее на них». ⁴⁰ Это письмо настолько понравилось Толстому, что он привел его целиком и собирался даже приложить к своей статье снимок одной страницы письма. ⁴¹

Главные положения этого письма следующие: «Основа жизни человеческой любовь, и любить человек должен всех без исключения... эта-то любовь и есть Бог... Если будешь смирен, кроток и любовен, то соединишься с кем угодно... Надо не делать другим чего себе не хочешь... все вместе должны и трудиться и кормиться, потому что-все ничье и мы все в этом мире временные гости... дух во всех [независимо от национальности] один. Поняли бы это люди, все бы любили друг друга, не было бы меж ними зла и исполнились бы слова Иисуса, что Царство Божие на земле внутри вас, внутри людей». ⁴² «Так думает и пишет, — добавляет Толстой, — безграмотный крестьянин, ничего не зная ни о Махе, Авенариусе и Луначарском, но даже и о русской орфографии».

Противопоставляя этого безграмотного крестьянина русской интеллигенции, Толстой пишет, что интеллигенция никак не может просветить русский народ, она может его только развратить. Развращением народа люди, называющие себя интеллигенцией, занимались и продолжают заниматься, — «к счастью, благодаря духовной силе русского

народа, не так успешно, как они желали бы этого...» Обращаясь затем непосредственно к представителям интеллигенции, Толстой говорит, что не просвещать им надо народ, а наоборот — учиться у народа. Учиться надо тому главному делу, которого интеллигенты совсем не умеют делать и которое народ, в лице его лучших представителей, «всегда умел и умеет делать: правдиво ставить себе основные, существенные вопросы о жизни и просто, прямо и искренно отвечать на них». Ибо ни в чем так не проявляется бессилие представителей интеллигенции, «запутавшихся в своих неясных понятиях, выражаемых еще более неясными словами», как в том, что они, придя к правильному выводу о том, что «истинная жизнь совершается в душах людей, а не во внешнем устройстве», тем не менее «ничего не могут сказать о том, в чем же должна состоять эта внутренняя жизнь души, а если и говорят об этом, то говорят самый жалкий и пустой вздор».⁴³

В заключительной части своей статьи Толстой от русской интеллигенции переходит к интеллигенции и просвещению вообще. По его словам, то, что у интеллигенции называется наукой и просвещением, есть всего лишь некий кодекс ненужных знаний, напыщенная и громоздкая болтовня. Запутанность и извращенность чувства и мысли образованных классов — не только в России, но во всей Европе и в Америке, во всем христианском мире — становятся с каждым днем все большими. В то же время нарастает обратный процесс: «все большее и большее пробуждение народа, в особенности русского, к сознанию своей божественной духовной природы и к вытекающему из этого сознанию совсем иного, чем прежде, отношения к своей жизни».⁴⁴ Образованные классы выберутся на правильную дорогу только тогда, когда сойдутся «в постановке вопросов и в ответах на них не с Дарвинами, Геккелями, Марксами, Авенариусами, а со всеми величайшими религиозными мыслителями всех времен и народов».⁴⁵ Этими словами заканчивается статья Толстого о «Вехах».

Статье предпослан эпиграф из «Круга чтения» — длинная цитата из Канта и более короткая из самого Толстого (но без указания автора). Цитаты направлены против лю-

дей с бесплодными духовными способностями, испорченными воображаемой ученостью, и против современной науки вообще, которая может ответить «на тысячи разных, очень хитрых и мудреных вопросов, но только не на тот один вопрос, на который всякий разумный человек ищет ответа: на вопрос о том, что я такое и как мне жить».⁴⁶

IV.

В юбилейном издании сочинений Толстого его статья о «Вехах» занимает пять с половиной страниц большого формата. Несмотря на это — и на то, что в статье есть целый ряд разделов, отмеченных выше — ее можно было бы свести к нескольким кратким положениям. Такую попытку сделал в свое время Н. Н. Гусев. По его определению, статья Толстого посвящена выяснению того, «как запуталась интеллигенция в своих мудрствованиях и как утратила она способность ставить и разумно разрешать главнейшие вопросы жизни, и как трудовой народ стоит в этом отношении несравненно выше той гордой своим мнимым просвещением интеллигенции, которая считает себя призванной просвещать этот более, чем она, просвещенный народ».⁴⁷

Гусев, несомненно, верно передает выводы Толстого. Но его резюме имеет слишком общий, «внестатейный», характер. Оно выражает, скорее, «всегдашние» мысли Толстого, которые он задолго до «Вех» и по многим иным поводам высказывал, нежели то, что Толстой конкретно сказал о «Вехах» в специальной статье о них.

Нам представляется, что в отношении собственно «Вех» статья Толстого содержит два основных мотива. «Вехи», как мы видели, не понравились Толстому и тем, что в них было, и тем, чего в них не было.

В «Вехах» было, — но могло, по словам Толстого, не быть, — много ссылок на «признаваемых очень важными авторитетами» современных западноевропейских и русских авторов: Маха, Авенариуса, Луначарского, Дарвина, Геккеля, Маркса. Была — а ее могло и не быть — «бездна учености», и притом самой новейшей. В особенности могло не быть «запутанного и неясного жаргона», «мудреных, выдуманных и не имеющих точного, определенного значения

слов». Могло, наконец, не быть кастовой интеллигентской самоуверенности — убеждения в том, что судьбы России находятся в руках интеллигенции.

Но зато в сборнике не было, — а по утверждению Толстого, должно было быть, — указания на то, в чем должна состоять та внутренняя работа людей над собой, которая должна была заменить внешние формы человеческой жизни. И так как того единственного, что должно было быть, в сборнике не было, то учиться надо не у представителей интеллигенции, а у представителей простого русского крестьянства.

Еще более резюмируя критическую сторону статьи Толстого, можно сказать, что Толстой осуждает «Вехи», т.к. видит в них два основных недостатка: во-первых, наличие преклонения перед современными авторитетами, ученого жаргона и кастовой интеллигентской самоуверенности, и, во-вторых, — отсутствие положительной религиозно-этической программы.

Читая дневник Толстого за апрель-май 1909 года и его статью о «Вехах», трудно отделаться от впечатления, что ее отрицательный характер и тон (местами весьма едкий) определяется, во многом, тем раздражением, которое у Толстого вызвал язык сборника. В начале своей работы над статьей о «Вехах», 23 апреля, Толстой записал в дневнике: «Читал Вехи. Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Не русские, выдуманные слова, означающие подразумеваемые новые оттенки мысли, неясные, искусствен(ные), условные и ненужные. Могут быть нужны эти слова только, когда речь идет о ненужном. Слова эти употребляются и имеют смысл только при большом желании читателя догадаться и должны бы сопровождаться всегда прибавлением: «ведь ты понимаешь, мы с тобой понимаем это»». ⁴⁸

В данном случае Толстой перенес на «Вехи» свое постоянное (с восьмидесятых годов прошлого века) отталкивание от науки и философии и от свойственной им специфической терминологии. По словам В. Г. Малахиевой-Мирович, посетившей Толстого в конце 1909 года, Толстой был в состоянии «гневного волнения» по поводу таких использованных ею при переводе книги Вильяма Джемса

«Многообразие религиозного опыта» терминов, как «экзистенциальный» и «сублиминальный» или «подсознательный». Даже такое слово, как «переживание», и то Толстому представлялось недопустимым: «Это Вехи, кажется, выдумали. Разве это по-русски? Разве ухо когда-нибудь с этим помирится?»⁴⁹ В этом случае великий писатель земли русской был, конечно, не прав: русское ухо — по крайней мере, ухо образованного русского человека — помирилось не только с «переживанием», но и с «подсознательным» и с «экзистенциальным».

Трудно освободиться и от другого впечатления — что Толстой, которому тогда был 81 год, жил уже не столько в «современности», сколько в «прошлом» и в «вечности». Отсюда, — может быть, в не меньшей степени, чем от его направленного против всей современной цивилизации стремления к опрощению и от его народничества, — и ведет свое начало его отталкивание от всех «модных сочинителей русских и европейских» и от интеллигенции вообще, русской и не-русской.

Что же касается второго недостатка, обнаруженного Толстым в «Вехах», — отсутствия в них положительной религиозно-этической программы, — то тут возражения Толстого представляются, на первый взгляд, значительно более оправданными. Авторы «Вех» действительно мало говорят о том, в чем должна состоять та внутренняя работа души, которая должна заменить внешнее устройство человеческой жизни, — если эту проблему понимать так, как ее понимал Толстой. Трое из семи авторов — Гершензон, Изгоев и Франк — были евреи и к христианству отношения не имели. Один из них — Франк — уже, правда, двигался по тому пути духовной и религиозной эволюции, который очень скоро привел его к христианству и к православной церкви. Три других автора — Бердяев, Булгаков и Струве — определенно декларировали свою религиозность, а Бердяев и Булгаков заявляли также о своей принадлежности к православной церкви. Булгаков в своей статье шёл дальше всех и смело выдвигал идею христианского подвижничества, противопоставляя ее идее интеллигентского революционного героизма.

На этот счет сохранилась очень любопытная запись А. Б. Гольденвейзера о посещении П. Б. Струве Ясной Поляны в августе 1909 года. Сперва Толстой и Струве беседовали о предметах, к «Вехам» не относившихся или относившихся только отчасти. Говорили о Герцене, Огареве и Бакуanine, о разделении людей на две касты — образованных и необразованных, о медицине, о заповеди «Не убий», о технических изобретениях, астрономии, науке вообще, которая, по определению Толстого, есть лишь «прихоть праздных классов», и т.д. Потом, за чаем, зашла речь о «Вехах». По поводу статей Бердяева и Булгакова Толстой сказал, что он «никогда не мог понять православия таких людей, как Соловьев и ему подобные», и что единственное православие, которое он вполне понимает, это православие таких людей, как его сестра-монахиня. На вопрос Струве Толстой пояснил, что, в случае его сестры, «человек, имея высшую потребность в религиозном отношении к жизни, но не имея сил критически отнестись к существующим религиозным верованиям, просто берет их на веру, удовлетворяя своей религиозной потребности». Положение же, при котором «человек уже раз усомнился, а потом начинает строить всякие софизмы, чтобы все-таки оправдать церковную веру, из которой он вырос», Толстой отказывался понять.

Что Толстой «не мог понять» православия таких людей, как Булгаков и Бердяев, это понятно. Он давно уже отошел от православной церкви и вел с ней идейную борьбу, приведшую к его отлучению от церкви. Но трудно понять его последние слова о «Вехах» в этой беседе со Струве: «я не вижу вообще никакой религиозной основы... я не вижу той религиозной основы, во имя которой все это говорится, а ведь это главное».⁵⁰ В отношении сборника в целом, это еще верно: у его авторов не было общей религиозной основы. Но у тех авторов, которых сам Толстой выделил, — у Булгакова и Бердяева, — такая религиозная основа была. Это была конкретная почва русского православия и православной церкви. Но эта религиозная основа в ее традиционной форме отличалась, конечно, от сектантской религиозности Толстого и его двух крестьян, тверского и ташкентского, а потому и была для него неприемлема.

Говоря о положительной программе «Вех», необходимо помнить, что основная задача этого сборника была критическая, а не догматическая. Авторы «Вех» хотели прежде всего показать внутреннюю ошибочность и практическую бесплодность интеллигентской идеологии, основанной на примате самодовлеющих начал политического порядка. Участники «Вех» сходились между собой на этой платформе отрицания прежней интеллигентской идеологии и психологии. Они были гораздо менее единодушны в вопросах положительной «веры» и практических пожеланий. На это прямо указывалось в предисловии к сборнику.

Относительное единодушие было, однако, не только в отрицательной, но и в положительной части. У авторов «Вех» не было общей религиозной основы, но у них была общая духовная цель. Их единство выражалось в признании примата духовной жизни. Поэтому неверно было бы считать, что статьи участников «Вех» сводились к одной только критике прежнего мировоззрения. В пределах своей темы, каждый из авторов указывал не только на то, что представлялось ему неприемлемым в интеллигентском образе мыслей и действий, но и на то, что этот образ мыслей и действий должно было заменить. В результате, в «Вехах» были сформулированы по крайней мере некоторые основные принципиальные положения будущего нового мировоззрения. И удивляться приходится не тому, что в «Вехах» можно найти расхождения и противоречия между отдельными авторами, а тому, что авторы обнаружили такое значительное единодушие и единомыслие — и в отрицательной, и в положительной части статей. Это единомыслие тем более удивительно, что никакого предварительного совместного сговора, обсуждения или редактирования статей не было и что сам инициатор сборника был, во многом, совершенно чужд остальным его участникам.⁵¹

Если, однако, от субъективных впечатлений Толстого, связанных с языком «Вех», и от некоторых оценок, объясняемых религиозно-моралистическим максимализмом и сектантством Толстого, перейти к объективной стороне дела, то необходимо будет признать, что во взглядах Толстого < авторов «Вех» были элементы, идейно и исторически их

глубоко сближавшие, и элементы, их действительно принципиально разделявшие.

Авторы «Вех» сами отмечали свою близость к Толстому. В предисловии к сборнику, подписанном М. Гершензоном, который был особенно близок к Толстому по своему общему умонастроению, есть абзац, с полной определенностью подчеркивающий единомыслие авторов «Вех» с Толстым и их преемственность от него. «Мы не судим прошлого, — говорится в предисловии, — потому что нам ясна его историческая неизбежность, но мы указываем, что путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы: *то же самое* неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь, разбуженная великим потрясением [революцией 1905 года], она услышит более слабые голоса».⁵²

Эти слова предисловия к «Вехам», появившиеся уже в первом издании сборника, были сохранены и в последующих четырех, — несмотря на публичное выступление Толстого, свидетельствовавшее о том, что хотя «Вехи» считали Толстого своим, Толстой «Вехи» своими не признал.

Такое отношение Толстого к сборнику было одновременно и основательным, и ошибочным. Основательным оно было потому, что по ряду принципиальных вопросов авторы «Вех» — индивидуально, а в некоторых случаях и целокупно — стояли на иных идейных позициях, нежели Толстой. Они отстаивали необходимость и ценность философии и объективного знания (Бердяев), православной церкви и оцерковления интеллигенции (Булгаков), творческого индивидуализма (Гершензон), профессионально-академической подготовки и конституционных преобразований (Изгоев), права и правосознания (Кистяковский), государственного мышления и политической ответственности (Струве), культуры и богатства — в практическом и метафизическом смыслах этого слова (Франк). Толстой же отрицал философию и науку, мистику и православную церковь, индивидуализм, право, государство и политику, культуру и богатство.

Самое общее отличие авторов «Вех» от Толстого было

в том, что они, борясь против абсолютизации так называемых внешних форм, в то же самое время признавали их несомненную относительную важность. Это признание можно найти, в той или иной форме, у всех авторов сборника. Статья Кистяковского не зря вызвала такое большое неудовольствие Толстого. Эта статья, подобно статьям Изгоева и Струве, попала в сборник отнюдь не по недоразумению. И не зря большинство участников «Вех» были видными публицистами и деятелями политической партии конституционных демократов, т.е. организации, назначение которой заключалось в улучшении именно внешних форм общественной и государственной жизни. В этом отношении толстовское неприятие «Вех» было вполне основательным.

Ошибочным же оно было потому, что Толстой не видел, что то, что сближает его с авторами «Вех», гораздо важнее — и принципиально, и исторически — того, что его отделяет от них. При всем признании участниками сборника относительного значения внешних форм, главный пафос «Вех» был вовсе не в этом. Он заключался в утверждении ошибочности и бесплодности традиционного интеллигентского мировоззрения, утверждавшего примат общественных и политических форм над внутренней духовной жизнью. В этом принципиальном вопросе авторы «Вех» и Толстой были поистине единомышленниками. И историческая задача, стоявшая тогда перед людьми этого умонастроения, была не в том, чтобы добиться обращения всех в свою конкретную веру — толстовскую, православную, религиозно-гуманистическую, или какую-либо иную. Задача была в том, чтобы объединенными усилиями помочь русской интеллигенции свернуть, наконец, с того пути, на котором она почти поголовно определилась атеистически (Булгаков) и поставила общественный порядок выше духовного.

Строго говоря, в конечном счете было не две, а по меньшей мере три позиции: радикальной интеллигенции — с ее приматом внешних форм, Толстого — с его полным отрицанием этих форм, и авторов «Вех» — с их убежденностью в примате духовной жизни, но и с признанием относительной важности форм общественного и политического порядка. При таком размежевании, к Толстому объектив-

но были ближе авторы «Вех», занимавшие центральную позицию, а не их противники, стоявшие на позиции, прямо противоположной толстовской. Толстой и авторы «Вех» были — должны были быть — естественными союзниками. И то обстоятельство, что Толстой не признал «Вехи» своими и не только не поддержал их, а, напротив, даже выступил против них и тем самым оказался заодно с теми, кто стояли от него дальше всего, было большим идейным и историческим недоразумением.

V.

В своем отношении к «Вехам» и к статье о них Толстой прошел через несколько душевных состояний. В целом, это было все-таки движение от положительного отношения к отрицательному.

Толстой сам отмечает, что он сперва «обрадовался», прочтя то, что в газете писалось о «Вехах» и взглядах их авторов, но потом, по мере чтения сборника, все больше «разочаровывался». ⁵³ Проработав над статьей почти три недели, Толстой стал склоняться к решению ее бросить. Отметив в дневнике 7 мая, что он опять работал над статьей, Толстой заканчивает: «Вехи бросаю». ⁵⁴ Однако не бросил. Два дня спустя он снова записывает: «Нынче кончил все текущие дела, письма и поправил о «Вехах». ⁵⁵ И только впоследствии к этим словам были приписаны карандашом еще два слова: «но брошу». ⁵⁶ Когда была сделана эта приписка, указаний найти не удалось. Неизвестно и то, когда именно Толстой окончательно бросил работу над статьей.

В заметке, появившейся в «Русском слове» 12 мая, т.е. три дня спустя, сообщалось, что Толстой «заканчивает» статью о «Вехах». ⁵⁷ Будущее время в записи от 9 мая («брошу») и настоящее в заметке от 12-го («заканчивает») свидетельствуют, казалось бы, о том, что решение Толстого бросить статью все еще не было окончательным. Похоже, однако, на то, что на этот раз Толстой статью действительно бросил, — последний из сохранившихся вариантов статьи, упоминаемых в полном собрании сочинений, именно от 9 мая.

Чем же было продиктовано решение Толстого статью

бросить и ее не печатать? Частичный ответ на этот вопрос мы находим в дневнике Н. Н. Гусева. 8 мая, — т.е. на следующий день после того, как Толстой отметил у себя в дневнике, что статью о сборнике он «бросает», и накануне того дня, за который у него значится, что он статью «бросит», — Гусев записал, что Толстой не хочет печатать своей статьи «отчасти потому, что не хочет обижать «молодую интеллигенцию», т.е. авторов сборника, статьи которого он подвергает резкой критике, отчасти потому, что эта книга вызвала большую полемику, в которую ему не хотелось бы вмешиваться, отчасти и по другим соображениям».⁵⁸ Какие это другие соображения, Гусев не говорит. Но из дневника Толстого можно заключить, что, помимо нежелания обижать авторов «Вех»⁵⁹ и нежелания вмешиваться в вызванную «Вехами» полемику, было по меньшей мере еще три других соображения. Одно из них морального свойства, другое возрастного, третье литературного.

Как верно указывает Эйхенбаум, «недобрый тон» статьи о сборнике «смущал»⁶⁰ Толстого. Еще 23 апреля Толстой записал в дневнике: «Утром поправлял о Вехах. О Вехах, кажется, ненужно. Недобро».⁶¹ А две недели спустя, 7 мая, записано: «Занимался статьей и Вехами. Dans le doute abstiens toi [В сомнении воздерживайся]».⁶²

К сомнениям в моральной оправданности статьи прибавлялся мотив, связанный с преклонным возрастом Толстого. В эти дни предпоследнего года своей жизни Толстой все отчетливее чувствует приближение смерти. В дневнике он предпочитает, впрочем, говорить не о «смерти», а о «перемене», о том моменте, когда он «перестанет быть человеком». Перед лицом этой «перемены» многое, в том числе выступление против «Вех», иногда представляется Толстому чем-то мелким, не заслуживающим того, чтобы на него тратить свои последние силы. Отчетливее всего такое отношение выражено в записи от 27 апреля: «Нынче могу написать со смыслом: «если буду жив»... Такое состояние близости к перемене оч(ень), смело скажу, радостно. Так ясно видишь, ч(то) нужно делать, чего не нужно. О Вехах совсем пуст(ое)...»⁶³

С возрастом и общим состоянием здоровья была от-

части связана и третья, литературная, сторона толстовских сомнений. В эти дни и недели Толстой неоднократно отмечает в дневнике, что ему нездоровится и что он слаб. Жалуется он и на ослабление памяти. А работы было по-прежнему много. И она часто не клеилась.

Толстой работал одновременно — и попеременно — над несколькими вещами. Занимаясь статьей о «Вехах», он главное свое внимание уделял не этой, а другой статье — о революции сознания. В этой второй статье Толстой, по характеристике Гусева, «с разных сторон выражает давно уже высказываемую им мысль о том, что человечество нашего времени необходимо должно перейти от устройства жизни, основанного на насилии, к устройству жизни, основанному на любви».⁶⁴ Толстой начал писать эту статью еще до ознакомления с «Вехами», работал над ней параллельно со статьей о сборнике, и продолжал дорабатывать ее после того, как бросил статью о «Вехах». Начал он 24 марта 1909 года, продолжал 26-30 марта, 1-7, 12-17, 28 и 30 апреля и 1-3, 5-9, 14-15 и 17-20 мая;⁶⁵ 2 и 5 июня Толстой статью опять просматривал.⁶⁶

Толстой несколько раз переименовывал эту статью.⁶⁷ Она его то удовлетворяла, то не удовлетворяла. А между тем, он придавал ей гораздо большее значение, нежели статье о «Вехах», да и другим своим литературным работам этого периода. В дневниковой записи от 27 апреля, после слов «О Вехах совсем пустое», следуют слова: «О праве ничего, и о Воспитании можно. Художеств(енное) и да и нет. А о революции оч(ень), оч(ень) нужно».⁶⁸

Подобно статье о революции сознания, неровно шла в литературном отношении и работа над статьей о «Вехах». В дневнике упоминания об этих двух статьях часто идут вместе — и отражают колебания в оценках Толстого и в его настроении. Запись от 20 апреля в этом отношении нейтральна: «Написал вчера утром о Вехах».⁶⁹ От 4 мая — скорее одобрительная: «Вчера порядочно поработал над статьей и Вехи. Не совсем дурно».⁷⁰ От 6 мая — средняя: «Вчера поправлял Вехи и половину статьи — не хор(ошо) и не дур(но) — средне».⁷¹ Но уже на следующий день, 7 мая, оценка из «средне» превращается в «плохо»: «Поправлял

статью и отложу. Все нехорошо. Тоже и Вехи плохо».⁷² Именно в этот день, если полагаться на дневник, Толстой решил впервые «бросать» свою статью о «Вехах».

Но статья, хотя и в сокращенном виде и в форме беседы с корреспондентом «Русского слова», в печати все же появилась. И вслед за вопросом о том, почему Толстой решил статью бросить и ее не печатать, естественно возникает вопрос, почему же он ее все-таки напечатал? Материала для ответа на этот второй вопрос значительно меньше, и он явно не убедителен.

Есть два свидетельства: одно — Спиро, другое — Толстого. В «беседе» со Спиро Толстой сразу же после слов о том, что он решил не печатать своей статьи, так как боится вызвать недоброе чувство в людях, прибавил: «А, между тем, очень рад высказать мысли, навеянные этой книжкой, почему и беседую с вами».⁷³ Получилось нелогично: с одной стороны, «боится» и «не желает» вызвать недоброе чувство в людях, а с другой — «очень рад» выступить публично (через Спиро и его газету) с подробным изложением своих мыслей о «Вехах» и, следовательно, неизбежно вызвать «недоброе чувство» в людях.

Эту нелогичность и неоправданность своей позиции в эпизоде с «Вехами» Толстой, несомненно, сам сознавал, и ее мучительно — пользуясь неодобренным им словом — «переживал». Уже на следующий день после встречи со Спиро Толстой сожалел, видимо, о содеянном. В дневнике от 21 мая записано: «Вчера утром б(ыл) корреспонд(ент) Рус(ского) Сл(ова). Я рассказал и продиктовал ему о Вехах. Особенно худого нет, но лучше б(ыло) бы не делать».⁷⁴ В поисках какого-либо «законного» оправдания для своего поступка Толстой тут же поясняет: «Письмо мужика уж оч(ень) — и законно — хочется сделать известным». Нечего и говорить, что у Толстого были другие возможности сделать письмо мужика известным — помимо выступления против «Вех».

VI.

Фактически напечатав — за подписью Спиро — свою статью о «Вехах», Толстой отступил и от второго из упо-

мянутых Гусевым соображений: он не только «обидел» авторов сборника и представляемую ими «молодую интеллигенцию», но и «вмешался» в ту «большую полемику», которую этот сборник вызвал в русском образованном обществе.

В отличие от Толстого, искавшего в «Вехах» конкретно-религиозного содержания, большинство общественно-активной части русской интеллигенции того времени искало — и видело — в «Вехах» содержание сугубо политическое. В первую очередь на «Вехи» откликнулись именно общественно-политические круги. Социалисты-революционеры, социал-демократы — большевики и меньшевики, трудовики, значительная часть кадетов, так называемые прогрессивные круги вообще увидели в «Вехах» измену лучшим традициям русской интеллигенции, чуть ли не предательство этой интеллигенции — и вольный (как утверждал Ленин) или невольный союз с реакцией. Между тем, основная задача «Вех» была не политическая, а — хотя преимущественно в критической, отрицательной форме — духовная. И участники «Вех» вполне основательно поразились неспособности своих противников критиковать содержание сборника по существу — а не в его действительных или воображаемых политических приложениях.⁷⁵

Все же, резко отрицательная реакция русских радикальных кругов на «Вехи» была вполне естественной: в главном, «Вехи» были направлены против психологии и идеологии не всей русской интеллигенции, а лишь радикальной ее части. Отрицательная же реакция кадетов и других русских либералов, во главе с П. Н. Милюковым, была, даже в чисто политическом отношении, явным недоразумением, притом чреватым тяжелыми историческими последствиями.

Еще менее оправданным было, однако, выступление против «Вех» таких представителей уже не общественно-политической, а религиозно-философской мысли, как Д. С. Мережковский⁷⁶ и Л. Н. Толстой.⁷⁷ Ибо если с либералами — и кадетами, в частности — авторов «Вех» объединяло признание ценности *политико*-реформистских конституционных начал, практическое осуществление которых намечалось Манифестом 17 октября 1905 года, то с Толстым, Мережковским, Философовым и другими русскими религиозными

мыслителями участников «Вех» объединяло нечто значительно более глубокое. Их объединяла *духовно-реформаторская* сущность сборника, признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, над «общественностью» и «политикой». И если для Толстого неприемлемы были Дарвин, Геккель, Маркс, Авенариус и Луначарский, то не менее неприемлемы они были — в качестве верховных идейных авторитетов и учителей жизни — также и для авторов «Вех». ⁷⁸

Примечания

¹ «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва, 1909.

² Первое объявление о выходе в свет «Вех» появилось в московской газете «Русские ведомости» в воскресенье, 15 марта 1909 г., № 61, стр. 1, стлб. 3.

³ «Вехи», «Предисловие», стр. II.

⁴ О полемике вокруг «Вех» см.: Н. Полторацкий. «Вехи» и русская интеллигенция. «Мосты», 1963, № 10, стр. 292–304.

⁵ С. П. Спирю. Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910 гг.). Москва, 1911, стр. 20.

⁶ См.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений [юбилейное, под общей редакцией В. Г. Черткова, Москва, Гослитиздат, 1928–1958], т. 38, 1936. В этот том входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Статья [«О «Вехах»»] (квадратные скобки — редакторов тома) находится на стр. 285–290.

⁷ Душан Петрович Маковицкий (1866–1921), словак по происхождению, был домашним врачом, другом и единомышленником Толстого. Находясь при нем с декабря 1904 г. до его смерти в Астапове в ноябре 1910 г., Маковицкий вел подробный дневник — «Яснополяские записки» — до настоящего времени опубликованный только частично. То, что напечатано, касается преимущественно периода первой русской революции 1905 г. (см. «Библиография литературы о Л. Н. Толстом, 1917–1958». Составители: Н. Г. Шеляпина, А. М. Дрибинский, О. Е. Ершова, И. А. Покровская, А. С. Усачева, Б. М. Шумова. Москва, 1960, №№ 348, 388, 389, 1221, 4029, 4358, 4387 и 5250).

⁸ «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 285.

⁹ См.: Н. Н. Гусев. День Льва Толстого. — Сб. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. Москва, 1960, стр. 342 и примечание на стр. 489.

¹⁰ См. «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 573. Редакторами этого тома были А. И. Никифоров, Б. М. Эйхенбаум и В. С. Шохор-Троцкая. В предисловии к тому об авторстве отдельных комментариев не

говорится. Но в содержании, в конце тома, автором комментариев к статье Толстого о «Вехах» значится Эйхенбаум. Такое же указание имеется и в капитальной библиографии литературы о Толстом (см. «Библиография литературы о Л. Н. Толстом, 1917–1958», стр. 220, п. 1713).

¹¹ См. заметку без подписи в рубрике «Московские вести» в газете «Русские ведомости» от 15 апреля 1909 г., № 85, стр. 4 и аналогичную заметку без подписи «Сборник «Вехи»» в такой же рубрике в газете «Русское слово» от 15 (28) апреля 1909 г., № 85, стр. 5. В целом, однако, комментарий Эйхенбаума отличается большой точностью и содержит ряд важных для данной темы фактических указаний и сопоставлений, использованных и мною для этой статьи. Судя по библиографии литературы о Л. Н. Толстом, комментарий Эйхенбаума — единственная специальная статья на тему о Толстом и «Вехах» в советском литературоведении и критике за годы 1917–1958. Насколько мне известно, других специальных статей не было и в последующие годы.

¹² «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 286.

¹³ См. там же, стр. 573.

¹⁴ См. указ. соч., т. 57, стр. 317, прим. 202.

¹⁵ См. там же, стр. 276.

¹⁶ Там же, стр. 52.

¹⁷ См. там же, стр. 317, прим. 202. Текст этого тома и комментарии к нему были подготовлены к печати Н. Н. Гусевым.

¹⁸ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1891–1910. Москва, 1960, стр. 659.

¹⁹ См.: М. О. Гершензон. Письма к брату. Избранные места. Ленинград, 1927, стр. 171–172.

²⁰ М. Цявловский, написавший вступительную статью к сборнику писем Гершензона и составивший к ним примечания, указывает, что после Гершензона осталось около 4000 писем. Между тем в сборник вошло только 119 писем. Кроме того, сборник вышел при советской власти, а потому и письма (или части писем), относящиеся к активной роли Гершензона во всем деле с изданием «Вех», в сборник, естественно, не попали.

²¹ См. об этом заседании «Русские ведомости» и «Русское слово» от 15 апреля 1909 г.

²² Отчеты об этом собрании появились лишь 23 апреля. См., например: Н. О г н е в. О русской интеллигенции. (В религиозно-философском обществе). «Речь», С.-Петербург, 23 апреля (6 мая) 1909 г., № 109, стр. 4–5; см. также краткую заметку без подписи «В религиозно-философском обществе». «Русское слово», Москва, 23 апреля (6 мая) 1909 г., № 92, стр. 5.

²³ См. об этом собрании краткую заметку без подписи и заглавия в рубрике «Московские вести» в газете «Русские ведомости» от 23 апреля 1909 г., № 92, стр. 4.

²⁴ См.: А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. Москва, 1959, стр. 287–290.

²⁵ См. «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». А. Пругавин, Н.

Давыдов, Н. Тимковский, И. Гинцбург, Оскар Блюменталь, А. Хирьяков, Л. Бертенсон, С. Шульгин, И. Пархоменко, И. Наживин, В. Малахнева-Мирович. Москва, 1911, стр. 173–174. Беседа Малахневой-Мирович приводится также в сб. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. Москва, 1960, стр. 373–376.

²⁶ См. «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 52, 54, 57, 58, 59, 60, 61 и 71.

²⁷ См. указ. соч., т. 38, «Описание рукописей» (вторая часть комментария Б. М. Эйхенбаума), стр. 573–574. Мы все еще не имеем подробного описания всех толстовских рукописей. В 1955 г. появилось описание рукописей художественных произведений Толстого (см. «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого». Составители: В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская. Общая редакция В. А. Жданова. Москва, 1955). Уже в шестидесятых годах вышло описание рукописей статей Толстого, посвященных литературе, искусству, науке и педагогике (см. «Описание рукописей статей Л. Н. Толстого. Литература. Искусство. Наука. Педагогика». Составили Э. Е. Зайденшнур и Е. С. Серебровская. Под редакцией В. А. Жданова. Москва, 1961). Однако в этом описании рукописи статьи Толстого о «Вехах», как и самая статья, даже не упоминаются.

²⁸ См. «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 573.

²⁹ См. «Русское слово», 12 мая 1909 г., № 106, стр. 4.

³⁰ См. «Русское слово», 21 мая 1909 г., № 114, стр. 2.

³¹ «Два года с Л. Н. Толстым. Записки бывшего секретаря Л. Н. Толстого Н. Н. Гусева». Москва, 1912, стр. 281.

³² «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 71. В «Хронологической канве жизни и творчества Л. Н. Толстого за 1909 год» тоже прямо сказано, что 20 мая «Сотруднику «Русского слова» С. П. Спиро Толстой *продиктовал* заметку о сборнике «Вехи»» (там же, стр. 278; подчеркнуто мною).

³³ Статья С. П. Спиро была впоследствии включена им в сборник его статей «Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910 гг.)». Москва, 1911. Статья о «Вехах» занимает в сборнике стр. 20–25. Есть ряд разночтений между текстом в газете и текстом в сборнике. В газете статья была озаглавлена «Л. Н. Толстой о «Вехах»», в сборнике — «Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи»». В газете текст начинается с упоминания о том, что «На днях «Русское слово» сообщило, что Л. Н. Толстой пишет статью по поводу сборника «Вехи» и что в связи с этим Спиро ездил «вчера» — по поручению редакции — в Ясную Поляну. В сборнике вместо этого находим следующее: «А. А. Стахович, бывавший в Ясной Поляне, привез однажды известие, что Лев Николаевич сильно заинтересовался нашумевшим сборником «Вехи» и даже пишет по поводу этого сборника статью. По этому поводу я поехал в Ясную Поляну». Есть и четыре других разночтения, не меняющих, однако, смысла статьи.

³⁴ «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 286.

³⁵ Там же, стр. 287.

³⁶ Там же.

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же, стр. 288.

40 Там же.

41 Свой восторг по поводу письма Сютаяева Толстой в то время выражал неоднократно. В беседе со своим последователем В. А. Молочниковым, 1 мая 1909 г., Толстой сказал, что он был разочарован «болтовней», которую нашел в «Вехах», и очень хвалил Сютаяева, который «очень верно подходил к самой сути причин бедственности нашей жизни»: «Бьет в самый центр, — с восторгом говорил Л. Н.»; «Фотографировать нужно это письмо, — продолжал он восторгаться» (В. Молочников. Свет и тени. [Воспоминания о моем приближении к Толстому]. — В сб. «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборник третий. Редакция Н. Н. Гусева и В. Г. Черткова. Труды Толстовского Музея. Москва, 1927, стр. 113). По словам Спири, письмо Сютаяева было написано «удивительно безграмотно», а потому и содержание его Толстой привел не в оригинале, а в своем собственном изложении (см.: С. Спири. Л. Н. Толстой о «Вехах». «Русское слово», 21 мая 1909 г., стр. 2).

42 «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 288—289.

43 Там же, стр. 289.

44 Там же, стр. 290.

45 Там же.

46 Там же, стр. 285.

47 «Два года с Л. Н. Толстым». Москва, 1912, стр. 281.

48 «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 52.

49 «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». Москва, 1911, стр. 173; «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. Москва, 1960, стр. 375. О языке «Вех» Толстой сказал Малахиевой-Мирович: «Напустили туману, притворились, что это и есть главное, чтобы позаквыристее выразиться, чтобы никто ничего и прежде всего они сами — ничего чтобы не поняли» (там же). Говоря о «гневно волнении», которое охватило Толстого во время этого разговора, Малахиева-Мирович поясняет, что «Это не было старческое брюзжание, а скорее целая гроза» (там же). Но такое впечатление — «старческого брюзжания» — от некоторых высказываний Толстого в эти последние годы его жизни все же остается. Он и сам чувствовал неблагополучие в этом отношении. Так, говоря с А. С. Бутурлиным о новейшей литературе, Толстой сказал, что ему кажется, что «литература кончилась», но тут же, спохватившись, добавил: «Я боюсь, что это во мне стариковское брюзжание и непонимание» (запись Н. Н. Гусева от 13 июля 1908 г.; приведено в сб. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. Москва, 1960, стр. 325).

50 А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. Москва, 1959, стр. 290. Предшествующие цитаты взяты со стр. 289.

51 См.: С. Л. Франк. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956, стр. 87—88. Франк пишет, что весной следующего, 1910 года главные участники «Вех» предполагали выпустить новый сборник статей, в котором в положительной форме было бы выражено то новое мировоззрение,

которое в «Вехах» было намечено преимущественно в отрицательной форме. С этой целью на квартире Франка состоялось даже специальное собрание. Это начинание почему-то, однако, не было доведено до конца.

⁵² «Вехи», «Предисловие», стр. II; подчеркнуто мною.

⁵³ «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 286.

⁵⁴ Указ. соч., т. 57, стр. 60.

⁵⁵ Там же, стр. 61.

⁵⁶ Там же, прим. I.

⁵⁷ См. заметку без подписи «Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи»». «Русское слово», 12 (25) мая 1909 г., № 106, стр. 4.

⁵⁸ «Два года с Л. Н. Толстым». Москва, 1912, стр. 277–278.

⁵⁹ Этот — и только этот — мотив Толстой подчеркнул и в беседе со Спиро: «Я решил не печатать моей статьи, — заявил Лев Николаевич, — так как не желаю вызвать, боюсь этого, недоброе чувство в людях» (С. Спиро. Л. Н. Толстой о «Вехах». «Русское слово», 21 мая 1909 г., № 114, стр. 2).

⁶⁰ «Полное собрание сочинений», т. 38, стр. 572.

⁶¹ Указ. соч., т. 57, стр. 52.

⁶² Там же, стр. 60.

⁶³ Там же, стр. 53–54.

⁶⁴ «Два года с Л. Н. Толстым». Москва, 1912, стр. 273.

⁶⁵ См. «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 275, 276, 277. Согласно записи Гусева от 15 апреля, эта статья была начата не 24 марта, а еще раньше — в середине марта (ср. «Два года с Л. Н. Толстым», стр. 273).

⁶⁶ См. «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 279.

⁶⁷ Если исходить из «Хронологической канвы жизни и творчества Л. Н. Толстого за 1909 год», можно установить следующую последовательность: 24 марта статья была озаглавлена «Необходимость революции сознания», 27 марта — «Необходимость изменения сознания», 28 марта — «Старое и новое», 29 марта — «Человечество вырастает из пеленок», 3 апреля — «Новая жизнь», 7 апреля — «Неизбежность революции сознания», 13 апреля — «Неизбежная революция сознания», 14 апреля — «Революция неизбежна», 15 апреля — «Революция необходима», 16 апреля — вновь «Революция неизбежна», 17 мая — «Неизбежный шаг», 19 мая — «Неизбежный переворот» (см. там же, т. 57, стр. 275–277). Н. Н. Гусев в своем дневнике, в записи от 15 апреля, приводит следующие сменявшие одно другое заглавия этой статьи: «Старое и новое», «Неизбежная революция сознания», «Новая жизнь», «Человечество вырастает из пеленок», «Революция неизбежная, непобедимая и всеобщая» (см. «Два года с Л. Н. Толстым», стр. 273). В другой своей книге Гусев указывает еще одно заглавие: 12 апреля статья называлась «Необходимость изменения сознания» (см. «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1891–1910», стр. 679). Согласно этой второй книге, извлечения из статьи «Неизбежный переворот» появились в «Русских ведомостях» 10 сентября 1909 г.; полностью же статья была напечатана только в 1917 г., в издании «Единение» (см. там же, стр. 713).

и 720). Правда, брошюра Толстого «Неизбежный переворот» вышла еще в 1909 г., в издании «Посредника», но Московский комитет по делам печати наложил на нее арест.

⁶⁸ «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 54.

⁶⁹ Там же, стр. 52.

⁷⁰ Там же, стр. 57.

⁷¹ Там же, стр. 58.

⁷² Там же, стр. 59.

⁷³ «Русское слово», 21 мая 1909 г., № 114, стр. 2.

⁷⁴ «Полное собрание сочинений», т. 57, стр. 71.

⁷⁵ См. примечание Н. А. Бердяева ко второму изданию «Вех», стр. 4.

⁷⁶ На собрании Религиозно-философского общества в Петербурге 21 апреля 1909 г. было два доклада: один Д. В. Философова, другой Д. С. Мережковского. Доклад Мережковского вошел потом в его книгу «Большая Россия».

⁷⁷ На основании имеющихся данных, летопись этой темы («Лев Толстой и «Вехи»») за 1909 год может быть представлена следующим образом:

- Апрель** — 18 — Толстой прочитал в газете о собрании Общества распространения технических знаний в Москве, посвященном «Вехам»; приступил к чтению самого сборника.
- 19 — Читал «Вехи». Утром писал о них статью; отметил это в своем дневнике на следующий день, 20 апреля.
- 20 — Читал «Вехи». Утром поправлял статью о них; отметил это в дневнике 23-го.
- 21 — Читал «Вехи». Поправлял статью о них.
- 22 — Читал «Вехи». Поправлял статью.
- 23 — Утром читал «Вехи» и записал в дневнике о своем недовольстве языком сборника.
- 27 — Размышлял о своих текущих литературных занятиях, в том числе об отклике на «Вехи», и в тот же день занес свои мысли в дневник.
- 29 — Поправлял статью о «Вехах».
- Май** — 1 — Беседовал с В. А. Молочниковым о «Вехах» и о письме крестьянина Колесникова, которое решил включить в статью о «Вехах».
- 3 — Работал над статьей о «Вехах»; отметил это в дневниковой записи на следующий день, 4-го.
- 5 — Дважды поправлял статью о «Вехах» (второй раз — вечером); отметил это в дневнике на следующий день, 6-го.
- 6 — Продолжал работать над своей статьей.
- 7 — Поправлял статью о «Вехах». Вечером читал статью и письмо Колесникова своим гостям Николаеву и Успенскому; отметил это в дневнике.

- 9 — Дважды поправлял свою статью.
 12 — В московской газете «Русское слово» появилась заметка о том, что Толстой пишет статью о «Вехах».
 20 — Утром Толстой рассказал и продиктовал о «Вехах» корреспонденту «Русского слова» С. П. Спиро; отметил это в дневнике на следующий день, 21-го.
 21 — Статья С. П. Спиро «Л. Н. Толстой о «Вехах»» появилась в «Русском слове».
- Август** — 6 — Говорил о «Вехах» в беседе с Д. П. Маковицким.
 12 — Беседовал о «Вехах» с одним из авторов сборника, П. Б. Струве.
- Ноябрь** — 26 — Написал Н. Н. Ге (сыну) письмо по вопросу об интеллигенции.
- Декабрь** — 12 — Говорил о «Вехах» в беседе с В. Г. Малахивой-Мирович.

⁷⁸ Статья эта является частью более обширной работы о «Вехах», начатой автором при поддержке Американского Философского Общества. Лиц, для которых английский язык ближе русского, отсылаю к английскому варианту этой статьи: Nikolai P. Poltoratzky. *Lev Tolstoy and Vekhi*. "The Slavonic and East European Review," vol. XLII, No. 99, June 1964, pp. 332-352. О том, как вопрос об отношении Толстого к «Вехам» трактуется в современном советском литературоведении, см.: Nikolai P. Poltoratzky. *Soviet Literary Criticism on Lev Tolstoj and Vexi*. "The Slavic and East European Journal," vol. III, No. 2, Summer 1964, pp. 141-148.

Сергей Левицкий

ЛЕВ ШЕСТОВ

Лев Шестов был одним из пионеров русского религиозно-философского Ренессанса. Его первые книги, в которых он с исключительной силой и глубиной ставил «проклятые вопросы» бытия и мышления, появились в конце XIX и начале XX веков («Шекспир и его критик Брандес», «Добро в учении Толстого и Ницше», «Достоевский и Ницше. Философия трагедии»). В книге о Шекспире он вооружается против просвещенно-мещанского истолкования Шекспира датским критиком, пытающимся вывести из трагедии мораль, что для Шестова являлось признаком «этического безвкусыя». Уже в этой книге Шестов намечает своего рода апологию трагического начала в жизни — черта, характерная для его последующих книг. Недаром Шестовым так заинтересовались впоследствии западные экзистенциалисты.

Книга «Достоевский и Ницше» явилась, наряду с известным трудом Мережковского «Толстой и Достоевский», одной из первых книг, в которых было подчеркнуто значение Достоевского как гениального мыслителя (почин в этом отношении принадлежит Розанову). «Записки из подполья» оригинально истолковываются Шестовым как своего рода ответ «Критике чистого разума» Канта. В этой книге Шестов подчеркнул также значение «подпольных» героев Достоевского (Раскольникова, Ивана Карамазова), как ключа к целостной философии жизни писателя. Отрицательный, богоборческий аспект мировоззрения Достоевского был выведен Шестовым на первый план, — в противовес «благостным» истолкованиям творчества писателя. Указание на родство Достоевского и Ницше, ставшее впоследствии общим

местом критики, также принадлежит к числу открытий Шестова.

В самом Шестове было, несомненно, много родственного Ницше, знакомство с произведениями которого он воспринял — по его собственным отзывам — как «потрясение» и «внутренний переворот». Моралистическое мирозерцание, которого Шестов придерживался в юные годы (не без влияния Толстого), стало для него неприемлемым после добровольной инъекции ницшеанского огненного скепсиса. Шестов понял, что мораль, не укорененная в Боге, лишается своего источника, что метафизические вопросы — о Боге, бессмертии — суть «единое на потребу» ищущей мысли. Характерны в этом отношении заключительные слова его книги «Добро в учении Толстого и Ницше», где он прямо говорит «одно добро бессильно справиться с человеческими трагедиями. Нужно искать Бога» (впоследствии Бердяев шутил говорил Шестову про Мережковского и его богоискательство: «это он от тебя Бога украл»).

Все дальнейшие писания Шестова одушевлены этим метафизическим богоискательством, подлинность которого не может не заразить сколько-нибудь чуткого к мысли читателя.

Нужно, однако, заметить, что философия Шестова, намеченная им на анализе творчества Толстого и Достоевского, в корне отлична по своему духу от философии русских «кающихся марксистов» (хотя сам Шестов, по-видимому, в молодости также прошел через увлечение марксизмом, с тем чтобы вернуться затем на новых путях к религии).

Шестов в своих книгах почти нигде не ставит социальных вопросов, столь характерных для раннего периода творчества Бердяева, Франка, Булгакова. Преобладающим интересом у него с самого начала выступает интерес метафизико-этический. Кроме того, если в философском творчестве проповедников «нового этического сознания» заметен уклон в пантеизм (получивший особенно яркое выражение в софиологии о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова), то у Шестова новое религиозное пробуждение носит специфически-еврейский отпечаток. Он не устает подчеркивать пропасть, отделяющую Творца от твари, — транс-

цендентность и всемогущество Иеговы. Эта религиозная ориентация Шестова выступила явно лишь в его последующих трудах. В первых же книгах Шестова преобладает скепсис. Шестов по праву может считаться одним из самых глубоких и радикальных скептиков в истории мировой философии. Его скепсис направлен против рационализма — против веры в незыблемые начала разума и в принудительную мощь истины.

Шестов — крайний иррационалист. Он явно предпочитает тертуллиановское «кредо квиа абсурдум» — ансельмовскому «кредо ут интеллигам». Религиозный иррационализм в облачении радикального скепсиса — такова формальная характеристика его философской установки. Шестов — скептик и иррационалист во имя Божие.

Нужно отметить также выдающееся литературное дарование Шестова. Несмотря на глубинный характер затрагиваемых им тем, он пишет просто и изящно, даже когда касается труднейших тем метафизики. Его стиль — строг и сознательно лишен литературных украшений. Но именно на фоне этой внешней сдержанности и строгой ясности еще выпуклее проступает его страстная, исполненная пафоса богоискательства мысль.

Шестов — крайний иррационалист и волюнтарист. Он всю жизнь вел борьбу против «самоочевидностей разума», стремясь прорваться сквозь «логическую цепь умозаключений». Ибо разум, парадоксальным образом, оказывается у него величайшим врагом истины. Сами истины разума, по Шестову, поработают, а не освобождают мысль. Это звучит почти абсурдом, но для Шестова (как и для родственного ему Кьеркегора) абсурд — скорее показатель истины, чем признак недомыслия и заблуждения. Подобные заявления — а их рассыпано сотни на протяжении его книг — являются смелым вызовом главным традициям классической мировой мысли, и могли бы быть приняты за бред безумца, если бы они не были прокомментированы чрезвычайно рациональными методами и изложены с подкупающей ясностью, с обилием всегда кстати подобранных цитат из философских классиков. Крайний иррационалист, Шестов ведет борьбу против разума подчеркнуто-рациональными

способами. Он очень хорошо сознает всю парадоксальность и внешнюю безнадежность своей борьбы с разумом. Недаром он говорит о «страшной власти чистого разума» и о том, что «очень редко удается душе проснуться от самоочевидностей разума».

Эту свою борьбу Шестов ведет во имя религиозной веры и сверхчеловеческой свободы, которые для него, опять-таки парадоксально, совпадают. Протестуя против «тирании подчинения разумной истине», он говорит: «ум ведет к необходимости, вера ведет к свободе». «В границах чистого разума можно построить науку, высокую мораль, даже религию — но нельзя найти Бога». Рационализм веры — писал он ранее — фактически вылился в отвержение веры и в замену ее богословием. «Рационализм не может заглушить чувства», — писал он в «Апофеозе беспочвенности», — «что последняя истина — по ту сторону разума». Можно найти множество подобных и даже еще более парадоксальных цитат в писаниях Шестова.

Основная аргументация Шестова (лучше всего выраженная, может быть, в «Скованном Пармениде») — очень проста: Разум познает Необходимость — «ананке» — и стремится все случайное подвести к Необходимости. Закон противоречия (А не есть не-А) и закон достаточного основания (в форме причинности или целесообразности) — основные методы разумного познания. Стремясь познать таким образом наш мир, — все равно, с материалистических или идеалистических позиций — разум этим самым оправдывает разумной необходимостью все совершающееся. Но мир наш — во зле лежит. В нем несправедливости и зло господствуют над справедливостью и добром. Между смертью отравленного несправедливыми судьями Сократа и смертью бешеной собаки разум не желает принципиального логического различия. В обоих случаях, это — разумная необходимость. Мало того, суждение «Сократ был отравлен» сохраняет свою логическую значимость на все века — ибо истины разума безвременны.

Эта этическая подоплека философского творчества Шестова («мир во зле лежит») недоказуема, конечно, силами одного разума. Недаром Спиноза учил «не радоваться,

не печалиться, не негодовать, а понимать». Но сам Шестов считает эти слова Спинозы вероисповеданием «истинной философии». Он прибавляет, что сам он хочет не «истинной, а лучшей философии», то есть такой философии, которая подводила бы нас к подвигу и мистерии веры. Именно поэтому лучшими философскими союзниками он считает Платона и, особенно, Плотина, — философов, которые призывали к трансценденции и наш лежащий во зле мир считали вторичной, чуть ли не производной реальностью. «Безим к нашей милой отчизне» — не устает он цитировать слова столь любимого им Плотина. «Оглядываться на каждом шагу и спрашивать разрешения у истины», — пишет Шестов, — «нужно лишь постольку, поскольку человек принадлежит к эмпирическому миру, в котором и в самом деле господствуют законы, нормы, правила... но человек ищет свободы и рвется к божественному».

«Сама жизнь», — пишет он далее, — «есть творческое дерзновение и поэтому есть вечная, несводимая к готовому и понятному мистерия». И далее: «Человек, свободный от тех ограничений, которые выпали на нашу долю (в силу грехопадения) — не подозревал бы, что есть истина и ложь, и пребывал бы в истине и добре».

Этот призыв Шестова к неограниченной свободе, совпадающей для него с истинной верой, имеет, конечно, мистические корни. При чтении Шестова иногда начинает казаться, что наш философ в самом деле считает весь наш, лежащий во зле, мир — страшным кошмаром, наваждением, и стремится уверить нас, что стоит только сбросить это наваждение, как перед нами отверзнутся врата того рая, из которого мы были изгнаны. Шестов доходит даже до того, что он склонен отрицать неизменность прошлого, — мысль, которую в Средние Века высказывал Петр Дамиани.

Эту мысль о власти веры над прошлым — мысль не только о преодолении, но и уничтожении дурного прошлого — Шестов повторяет, в различных вариациях, с такой настойчивостью, что ее можно считать одним из подтекстуальных стимулов его философских устремлений.

Ибо Шестов преисполнен идеей о том, что «невозможное для человека, возможно для Бога». Мало того — что сам

человек станет богоподобным и обретет власть над бытием, власть абсолютного творчества, если он преисполнится подлинной верой, для которой стираются границы между возможным и невозможным. Тогда и наше знание, по Шестову, будет не только копировать явления, или сводить их к «всеобщему и необходимому», но будет творить события по своему произволу.

В своей последней книге «Афины и Иерусалим» Шестов с новой силой противопоставляет эллинскую мудрость подчинения законам разума — иерусалимской жажде живого Бога. «Все вероятия говорят за то», — пишет он, — «что человечество откажется от эллинского мира истины и добра и снова вернется к забытому Богу». «Страшный Суд», — пишет он в другом месте, — «вовсе не есть выдумка корыстных и невежественных монахов. Страшный Суд есть величайшая реальность».

Вера, не боящаяся невозможного, а жаждущая его, находится, по характеристике философа, «по ту сторону разума и познания».

«По ту сторону разума и познания», — кончает он свою книгу «Скованный Парменид», — «там, где кончается принуждение, скованный Парменид, причастившись тайне вечно сущего и вечно повелевающего, обретет вновь изначальную свободу и заговорит не как нудимый истиной, а как власть имеющий. Это первозданное, ничем не ограниченное соизволение, не вмещающееся ни в какое «знание», есть тот единственный источник, из которого можно зачерпнуть метафизическую истину: да исполнится обетованное, и да не будет для вас ничего невозможного».

Мистическая сущность философии Шестова выражена в этом отрывке с редкою силою.

Нужно добавить, однако, что такие строки (где ставится точка над «и» его философских дерзаний) встречаются у Шестова редко. В большинстве случаев, Шестов как бы кружится «кругом и около» своей темы, нападая со всех позиций на ненавистную ему «разумную необходимость» и раскрывая лишь полунамеками свое подлинное «кредо». В этом кружении вокруг незримого центра своего «веросознания» заключается главная притягательная сила

писаний Шестова. Поразительно при этом, что философ, который всю жизнь (подобно Кирилову в «Бесах») «об одном думал», — умел в то же время каждый раз по новому подходить к своей главной, если не единственной, теме и умел свою «однодумность» сделать притягательно-интересной.

Шестова можно (и должно) подвергать критике. Его идея, что «разумная необходимость» является исконным врагом веры и, этим самым, врагом последней метафизической истины, — сомнительна. Такие суждения, как $2 \times 2 = 4$, никоим образом не ограничивают нашу свободу, а создают предпосылки ее осмысленности. Свобода от логических законов была бы свободой безумия. Впрочем, Шестов сам любил цитировать евангельские слова: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Но это «высшее безумие» дерзания последних тайн, мудрость касания мирам иным, нужно, во всяком случае, отличать от каприза непризнания законов мышления. Касаясь Абсолютного человеческого разум неизбежно наталкивается на антиномии, ибо Абсолютное — выше самых логических законов и не вмещается в их плоскость. В своем стремлении к запредельному, Шестов глубоко прав, призывая отбросить царство «всеобщего и необходимого». Но он часто обесценивает правду своего «последнего слова» и своего «высшего безумия» борьбой против разума там, где это не только безнадежное, но и бессмысленное предприятие. Беда не в том, что истина «принуждает», а в том, что она слишком часто оказывается бесильной перед силами неразумия. Мещанское разумие не есть еще голос разума, и в своей борьбе с «метафизическим мещанством», «склоняющимся» перед истиной, Шестов слишком часто смешивает эти два понятия. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

Шестов прав в том, что вера выше разума, но вера, не прошедшая искус разума, была бы слепой. Задача не в том, чтобы упразднить разум, заменив его верой, а в том, чтобы разум сам склонялся перед Абсолютом, дав простор вере.

Во всяком случае, Шестов ставит в своих духовно волнующих писаниях насущные вопросы, излагает их в высшей степени талантливо, и его призыв к реабилитации веры и

верознания, будучи очищен от чрезмерного иррационализма, содержит в себе глубокую истину.

Из своих «странствований по душам», о которых он рассказал на страницах таких книг, как «На весах Иова», «Власть ключей» и «Киркегард и экзистенциальная философия», Шестов выходил всегда духовно обогащенным. А редкий дар делать философские проблемы заманчиво-интересными обеспечивает Шестову читателей и в будущем.*

* Эта статья представляет собой подглаву из второго тома подготовляемой к печати книги «Силуэты русских мыслителей».

Сергей А. Зеньковский

РУССКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1880 ГОДА

«Очень интересно отметить, что Китай и Россия, а позже Советский Союз и Китай, никогда не были в состоянии войны друг с другом, в полном смысле этого выражения. История нигде не отмечает ни китайско-русских, ни советско-китайских войн. Это было возможно несмотря на то, что общая граница этих государств, от северо-востока Маньчжурии до Монголии и на запад от Монголии до крайних пределов Синьцзяна, насчитывает более чем три тысячи километров. По всей вероятности, это самая длинная граница в мире между двумя государствами, но эта граница не является препятствием к миру, она скорее является залогом дружбы между двумя странами».¹ В этих словах, каких-нибудь пятнадцать лет тому назад, китайский дипломат и историк Айчен К. Ву характеризовал прошлое сожительство этих двух великих держав.

Действительно, добрососедские отношения между Россией и Китаем, двумя странами уже в течение почти что трехсот лет имеющими такую длинную общую границу, являются исключительным явлением в дипломатической и военной истории. Конечно, между Китаем и Россией бывали недоразумения и трения, бывали, хотя и редко, короткие вооруженные столкновения, но настоящей войны, с ее формальным объявлением, длительными военными операциями и заключением мирного договора, между ними еще не было. Более того, в течение без малого двух веков, от заключения в 1689 году Кяхтинского договора и до 1858 года, когда по Айгунскому соглашению Амурский край отошел к России, между этими государствами была почти что безоблачная дружба, ненарушаемая даже обычными спорами о разгра-

ничении территорий. Да и присоединение в 1858 году Амурского, а в 1860 году Уссурийского краев, которые в то время были совсем еще незаселенными землями, не нарушило добрососедских отношений между Россией и Китаем, хотя отдельные китайские патриоты и жаловались на потерю этих земель, до тех пор формально входивших в состав Маньчжурии. В те годы западные державы даже опасались возможности военного русско-китайского союза, и английский посланник в Пекине сэр Джон Бауринг писал своему министру иностранных дел графу Кларендону, что «возможно, что Китай использует Россию, чтобы изгнать западные государства из пяти [открытых китайских] портов».²

Но не прошло и четверти века после письма сэра Джона, как эти «безоблачные» добрососедские отношения между двумя гигантами Востока были нарушены очень острым конфликтом, который едва не привел их к настоящей войне. Этот конфликт, разгоревшийся из-за договора о Кульдже, был, по всей вероятности, самым серьезным и опасным недоразумением между Россией и Китаем, заслуживающим внимания со стороны историков — особенно русских, вообще мало занимавшихся русско-китайскими отношениями — ввиду неожиданно резкого взрыва возмущения китайского общественного мнения и психологических последствий его, до сих пор не вполне изжитых китайскими историками и политиками.

Пятидесятые и шестидесятые годы прошлого столетия были для Китая временем тяжких испытаний. Тайпинское восстание обошлось стране почти что в пятьдесят миллионов человеческих жертв и жестоко подорвало китайский государственный строй и маньчжурскую династию. Нападение Англии и Франции на Китай и захват ими Пекина в 1858-1860 гг. привели к заключению неравных договоров, поставивших страну в положение полуколонии Запада. Почти что одновременно с Тайпинским движением началось вооруженное восстание мусульман; сначала, в 1862 году, знамя борьбы подняли мусульмане Юннаня, оттуда движение перебросилось на северо-западные провинции, в Шэньси и Ганьсу, и наконец охватило Синьцзян, где оно и бушевало до 1877 года. В северной части Синьцзяна, т.н. Джунгарии,

власть перешла в руки дунган, китайцев-мусульман; в южном Синьцзяне, или Кашгарии, после короткой борьбы главой местных мусульман-тюрков стал ставленник Англии, ловкий и энергичный ферганец Якуб-бек, мечтавший объединить под знаменем пророка всех мусульман как китайской, так и русской Средней Азии.

В самой западной части Синьцзяна, так называемом Кульджинском или Илийском округе, в течение нескольких лет положение оставалось неясным, и там за власть боролись дунгане, казахи, Якуб-бек и местные тюрки-мусульмане, т.н. таранчи. Этот округ, главным городом которого был город Кульджа, расположенный на реке Или, имеет важное стратегическое значение. Через него идут удобные пути из России на Восток, и сам округ не отделен от русских владений никакой естественной границей. В 1870 году Якуб-беку удалось подчинить себе южную Джунгарию, и русское правительство стало серьезно опасаться охвата русского Туркестана землями английского ставленника. Уже в 1869 году небольшие русские воинские части заняли в Кульджинском округе стратегически важный Музартский перевал через Тянь-Шань, соединяющий долину реки Или с Кашгарией. В начале 1871 года было решено занять весь Кульджинский край, отрезанный от Китая войсками дунган и Якуб-бека. Помимо стратегических соображений, занятие края русскими войсками было вызвано и набегами оказавшихся вне китайского контроля кочевников-казахов, которые постоянно проникали на русскую территорию и грабили местное население.

Находившиеся под командой ген. Колпаковского войска в начале мая 1871 года начали движение на восток, вдоль течения реки Или, и уже 21 мая таранчинский «султан» Абель-оглу капитулировал. На следующий день русские отряды заняли город Кульджу. Пекинское правительство немедленно запросило Петербург о причине занятия Кульджинского края, и для дачи соответствующих объяснений и заверений русское правительство послало в Пекин полковника Богуславского, бывшего дипломатическим агентом при Туркестанском генерал-губернаторе ген. К. П. Кауфмане.

Полковник Богуславский прибыл в Пекин 26 сентября

1872 года и в переговорах с Цзунгли Ямынем, китайским Министерством Иностранных Дел, прежде всего указал, что занятие края русскими было вызвано царившей там анархией и необходимостью навести там порядок, поскольку сами китайцы, отрезанные от Кульджинского края дунганями и Якуб-беком, не могли этого сделать. Затем он указал, что ввиду этих обстоятельств Россия не может сейчас же передать управление краем в руки китайской администрации, но сделает это по прибытии в Синьцзян китайских войск. Кроме того, Богуславский запросил Цзунгли Ямынь о планах Китая по организации управления в Кульджинском крае и предложил отложить, до времени возвращения китайской администрации в Синьцзян, вопросы о вознаграждении убытков русских подданных, пострадавших от действий восставших дунган, таранчей и казахов, и об уточнении границ между Китаем и Россией в районе долины реки Или.

Цзунгли Ямынь нашел, что объяснения Богуславского не оправдывают действий русских войск, и просил о немедленном возвращении края китайской администрации. Поскольку эта задача не входила в инструкции, данные Богуславскому, вопрос о немедленном возвращении китайской администрации в Кульджинский край остался в то время неразрешенным, и Богуславский уехал из Пекина, так и не убедив китайцев в правильности действий русского правительства. Дальнейшие переговоры уже вел русский чрезвычайный посланник в Пекине Александр Егорович Влангали, который, помимо переговоров о вопросах поднятых Богуславским, старался также получить согласие пекинского правительства на расширение прав русских купцов в Западном Китае.³

Несмотря на несколько уклончивые заявления полк. Богуславского, русское правительство не намеревалось захватить навсегда Кульджинский округ. В марте 1876 года в Петербурге состоялось секретное совещание под председательством военного министра Д. А. Милютина, с участием ген.-губ. Кауфмана и представителей Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел и других ведомств. Протокол этого крайне секретного совещания путем под-

купа попал в руки британского военного агента в Петербурге Ф. Э. Уэллсли и был переслан английским послом в России лордом Лофтусом в Лондон, для сведения британского министра иностранных дел лорда Дарби. Содержание этого протокола, недавно опубликованного в Англии, явно свидетельствует о весьма мирной позиции России. Полагая, что для России соседство с Китаем представляет бóльшую гарантию спокойствия на границах, чем соседство с Якуб-беком и дунганями, совещание решило не только вернуть край Китаю, но и поддержать операции китайских войск в Синьцзяне посылкой крайне необходимого им продовольствия. Оккупация края должна была прекратиться сейчас же после того, как будет достигнуто соглашение с Китаем о возмещении убытков русским подданным, исправлении границ и возмещении расходов России по временному управлению краем. Таким образом, уже в 1876 году военные и дипломатические круги России определенно решили вернуть Кульджу Китаю.⁴

Конечно, китайцы ничего не знали о секретных решениях русского правительства и поэтому не особенно доверяли заявлениям Богуславского, Влангали и Евгения Карловича Бюцова, заменившего в 1873 году в Пекине заболевшего Влангали. В эти годы власть в Китае была сосредоточена в руках трех видных государственных деятелей — Ли Хун-чжана, Цзо Цзун-тана и Пао Юань-шена — державших фактически под своим контролем правительницу страны, вдовствующую императрицу Цзу Хси. Двое первых были учениками и соратниками победителя тайпингов знаменитого маршала Цзен Куо-фана, спасителя трона маньчжуров. Ли Хун-чжан, ставший — после подписания в 1895 году соглашения с Витте о Китайско-Восточной Железной Дороге — хорошо известным в России, был главным лицом в управлении северо-восточных, приморских, провинций Китая. Он начал индустриализацию Китая, организовал постройку железных дорог, оживил торговлю. По его мнению, для обороны Китая было необходимо укрепить приморские города, поднять промышленность и торговлю. Угроза флотов западных держав, несколько раз уже принудивших Китай уступать под давлением Англии и Франции, занимала

его внимание гораздо больше, чем возвращение пустынь Джунгарии и Кашгарии. Поэтому он советовал не тратить денег на борьбу с мусульманами и обратить особое внимание на укрепление портов Китая для их обороны от возможных дальнейших нападений Запада.

Цзо Цзун-тан, командовавший армиями в Западном Китае, наоборот, держался мнения, что Синьцзян стратегически совершенно необходим для безопасности империи и что недаром, начиная со второго века до Р. Х., китайские войска неоднократно завоевывали эту провинцию, через которую проходили пути из Китая на Запад. В своих петициях трону он писал: «С незапамятных времен угроза с северо-запада всегда была опаснее для Китая, чем угроза с востока. Завоевание Синьцзяна необходимо для защиты Монголии и обороны Пекина... Если Синьцзян не будет завоеван, то не будет мира и в Монголии. Затем придет очередь провинций Шаньси и Шэньси и, наконец, провинции Чили. Не надо забывать, что времена меняются и что русские все больше и больше расширяют свою территорию. У нас с русскими более десяти тысяч ли общей границы, и поэтому я полагаю, что Синьцзян не должен быть забыт и военные операции должны быть продолжены».⁵

Пао Юань-шен, не имевший определенного мнения о значении Синьцзяна, долгое время колебался, но наконец, уступая упорству Цзо Цзун-тана, поддержал его. Двор решил упорному генералу набирать войска для завоевания западных земель, ассигновал для этого необходимые средства и поставил, конечно, его самого во главе армий, предназначенных для возвращения Китаю Синьцзяна. Цзо Цзун-тан успешно провел порученное ему дело, и через четыре года Синьцзян был завоеван, дунгане были почти что целиком истреблены, а тюрки-мусульмане Кашгарии покорились китайским войскам, не оказывая значительного сопротивления. Новый 1878 год был отпразднован занятием Хотана, последнего оплота мусульман-повстанцев в южной части провинции.

Сейчас же по ликвидации мусульманского восстания Цзунгли Ямынь обратился к русскому правительству с нотой, настаивавшей на передаче Кульджи в китайские руки.

Русский ответ довольно лаконически гласил, что императорское правительство хотело бы вести переговоры в Петербурге и просит послать туда китайского полномочного министра.⁶

Для ведения переговоров о передаче Кульджи китайской администрации Цзунгли Ямынь послал в Петербург довольно опытного дипломата, Чун Хоу, который незадолго до этого с успехом провел соглашения с Италией, Бельгией и Францией. Полученные им инструкции касались прежде всего двух наиболее значительных в глазах китайцев вопросов: возвращения китайскому правительству Кульджинского округа, который китайцы считали особенно важным для обороны Джунгарии и Кашгарии, и выдачи русскими бежавшего в Россию вождя дунган, некоего Пой Ен-ху, или, как русские его называли, Бойенко.⁷ Несмотря на свой дипломатический опыт, Чун Хоу был довольно мало знаком с вопросами русско-китайской границы и имел лишь слабое представление о территориальных проблемах Кульджинского края. Из Китая в Россию он проследовал морским путем и поэтому даже во время путешествия не имел возможности ознакомиться с русско-китайской пограничной полосой. Проблемы торговых отношений между Китаем и другими державами интересовали его гораздо больше, чем долины и перевалы глухого, затерянного в Средней Азии края.⁸

Чун Хоу прибыл в Петербург накануне нового 1879 года и уже 20 января представился государю Александру II. Вслед за этим начались переговоры, которые с русской стороны вел Е. К. Бюцов, русский посланник в Пекине, прибывший для этой цели в Петербург и имевший многолетний опыт сношений с китайцами. Кроме того, со стороны русского Министерства Иностранных Дел за переговорами наблюдали товарищ министра Николай Карлович Гирс, фактически заменявший кн. М. А. Горчакова, уже вставшего в состояние полного умственного маразма, и барон Александр Генрихович Жомини, старший советник МИД. Первые полгода переговоры шли очень медленно, так как, наряду с вопросами разграничения в Кульджинском крае, накопилось много проблем, связанных с возмещением убытков русским

подданным, расширением русско-китайской торговли и судоходством по рекам Амур и Сунгари.

Для русского правительства все эти детали русско-китайских отношений имели совершенно второстепенное значение. Балканская война 1877-1878 годов оставила тяжелое дипломатическое наследие. Необходимость найти после Берлинского конгресса новых союзников на Западе, ликвидация осложнений на Балканах и угроза постоянных трений с Англией гораздо больше занимали мысли Гирса, Жомини и других русских дипломатов и государственных деятелей, чем медленные и скучные споры с Чун Хоу.

Большое значение в определении русской позиции в отношении Китая играл военный министр Дм. А. Милютин, который дважды, 4 марта и 18 июня, председательствовал на междуведомственных совещаниях по выработке инструкций для Гирса и Бюцова. В этих совещаниях, помимо самого Милютина, Гирса и Бюцова, участвовали также туркестанский ген.-губернатор К. П. Кауфман, начальник главного штаба ген. Г. В. Мещеринов, ген.-лейт. Н. Н. Обручев, известный соратник Скобелева (тогда еще только полковник) А. Н. Куропаткин и другие лица, связанные с военными и пограничными делами.⁹ Уже 4 марта совещание постановило, что достоинство России требует возвращения Китаю временно занятого Кульджинского округа, и сосредоточилось главным образом на деталях вознаграждения России за убытки и расходы. Кауфман, которого тогда считали главным представителем русского империализма в Средней Азии, на самом деле совершенно ясно высказался, во время совещания 18 июня, за отказ от всяких территориальных исправлений границы в пользу России и советовал, вместо этого, просто «взять с китайцев крупный денежный куш, — до 60 миллионов рублей, — которые употребить на постройку среднеазиатской железной дороги».¹⁰ «Империалист номер второй» — Куропаткин — тоже полагал, что не стоит заниматься исправлением границ, и советовал добиться серьезного финансового вознаграждения за расходы и убытки. Другие участники заседания нашли, что даже требование «крупного денежного куша» компрометирует Россию и что «предрассудительно входить с китайцами в по-

добную сделку». Бюцову, который вел переговоры с Чун Хоу, от таких разговоров было явно не по себе, и он «вышел из заседания совсем сконфуженным». ¹¹

В результате этих совещаний было решено настаивать на возмещении расходов по временному управлению краем, небольшом исправлении границ в долине реки Или и получении добавочных льгот для русских купцов в Синьцзяне и Монголии. Чун, который, как указывалось выше, мало разбирался в пограничных вопросах, не возражал против исправления границ, и главным камнем преткновения между ним и Бюцовым, как Жомини сообщал уехавшему с государем в Ливадию Гирсу, были детали навигации по Амуру и Сунгари и вопрос о выдаче вождя дунган Пой Ен-ху. Так как китайские войска почти что поголовно уничтожали дунган, которых они считали за изменников китайскому делу, то еще в январе 1878 года более четырех тысяч успевших бежать от китайцев дунган, во главе с Пой Ен-ху, ушло в Россию. ¹² Хотя китайцы и провозгласили амнистию, но дунгане страшно боялись выдачи их китайцам и «предпочитали умереть от руки русских, чем попасть обратно к китайцам». ¹³ Поэтому русское правительство отказало китайцам в выдаче, несмотря на то что предыдущие соглашения, в частности параграф десятый Кульджинского договора 25 июля 1851 года и Пекинский договор 14 ноября 1860 года обязывали Россию выдавать бежавших на русскую территорию повстанцев. ¹⁴

Уступки русского правительства в финансовых вопросах привели в конце концов, в начале сентября 1879 года, к выработке окончательного текста договора. ¹⁵ В вопросах возмещения убытков и расходов по оккупации Бюцов снизил общую сумму китайского вознаграждения до пяти миллионов серебром. Наоборот, пограничное разграничение было проведено скорее в пользу России: Россия получала приблизительно третью, западную, часть Кульджинского округа с городом Джаркентом, долиной реки Текес и важным Музартским перевалом, который открывал путь в южный Синьцзян или Кашгарию.

Не менее важны — для расширения русского влияния

и торговли в Западном Китае — были пункты экономического характера. Они, в общем, сводились к следующему:

1) Россия получала право открыть семь новых консульств в Западном Китае, а именно в городах Кобдо, Улясунтай, Хами, Турфан, Урумчи, Гучен и Цзя-Юй-Гуань (Кия-Ю-Хуан или Су-Чжоу).

2) Тридцать шесть пограничных постов вдоль границы России и Синьцзяна должны были быть открыты для русской торговли.

3) Пошлины на русские товары были значительно снижены.

4) Русские торговцы получали право транзита товаров через Синьцзян, Монголию и Внутренний Китай до портов Тяньцзин и Ханькоу.

5) Русские граждане получали право беспошлинного вывоза (и ввоза) товаров в тридцативерстную полосу Синьцзяна вдоль границы России.

6) Три города Внутреннего Китая, в том числе Нан-Чунг, должны были быть открыты для русской торговли.¹⁶

После того как русские и китайские уполномоченные пришли к соглашению, Чун Хоу выехал в Крым, где находился Гирс, так как в это время там отдыхал Александр II. Само подписание договора состоялось в Ливадии 20 сентября, а в конце месяца китайская делегация уже уехала из России.

Хотя Бюцову, Жомини и Гирсу удалось добиться известного успеха в переговорах с Чун Хоу, а договор в значительной мере соответствовал первоначальным пожеланиям русского правительства, никто из русских дипломатов и государственных деятелей не рассматривал Ливадийское соглашение как русскую победу. Для русских дипломатов это было просто сравнительно успешное завершение затянувшегося и внешнеполитически второстепенного вопроса, очередное выполнение обычной дипломатической рутин. Никто из них не высказывал ни восторга, ни даже особенного удовлетворения по поводу подписания договора. Гирс еще 11 сентября, в своем письме находившемуся в Петербурге барону Жомини, меланхолично указывал, что его даже пугает предстоящий приезд китайцев в Ливадию, так как

«сведения о новой границе совсем не понравятся императору» Александру II.¹⁷ После подписания договора он с облегчением отмечает: «наконец мы избавились от китайцев».¹⁸ В свою очередь, Жомини по окончании переговоров писал Гирсу, что «со стороны китайцев было меньше сложностей, чем мы думали», и просто высказывал удовлетворение по поводу того, что переговоры, длившиеся почти три четверти года, пришли к концу.¹⁹ Милютин, бывший сторонником скорейшего соглашения и наименьших трений с Китаем, тоже кратко и как бы между прочим записывал в своем дневнике: «прибыло в Ялту китайское посольство с русским посланником Бюцовым для подписания договора», а через несколько дней сухо добавлял: «вчера подписан договор с Китаем — Гирсом и китайским послом Чун Хоу; сегодня китайское посольство откланялось государю».²⁰ Ни Гирс, ни Жомини не спешили с опубликованием подписанного соглашения. Оба решили, что корректность в отношении китайского правительства будет лучше соблюдена, если текст соглашения будет передан в печать только после того, как Пекин ознакомится с последними поправками, внесенными в договор, и императрица подпишет его. В результате этого решения Ливадийский договор так и не был передан тогда в печать для ознакомления с ним русской общественности, а последующие события сделали этот шаг совсем ненужным, и полный текст договора до сих пор остался неопубликованным. Содержание его известно главным образом из английских и китайских пересказов его текста. Одна его копия случайно хранится в лондонском министерстве иностранных дел, куда она попала еще в 1880 году.²¹

В то время как в России заключение и подписание Ливадийского соглашения прошли почти что незамеченными, а русские правительственные круги отнеслись к нему как к завершению слишком долго затянувшейся дипломатической рутины, в Китае известия об уступках, сделанных Чун Хоу, были восприняты как страшное оскорбление страны. Сам же полномочный посланник Китая, видимо, отнесся к своей миссии довольно легкомысленно и выехал из Петербурга домой, даже не дождавшись требуемого китайским этике-

том специального разрешения двора для возвращения в Китай.²²

Раздраженный бесцеремонностью своего посла и считая, что уступки, сделанные им России, явились результатом его нерадения об интересах Китая, пекинский двор за день до возвращения Чун Хоу в столицу, 2 января 1880 года, опубликовал грозный указ о лишении его всех официальных чинов и должностей и смещении с поста главы китайской миссии в России.²³ Вслед за этим правительство назначило специальную комиссию в составе секретарей министерств, Ханлинской академии²⁴ и наблюдательного совета, для детального изучения Ливадийского договора и рассмотрения петиций видных государственных деятелей, которые протестовали против уступок, сделанных Чун Хоу, и высказывали свое негодование по поводу унижения достоинства Китая. Особенное раздражение китайцев вызывали уступка России долины реки Текес и Музартского перевала, о существовании которых авторы петиций, по всей вероятности, до тех пор и не подозревали, и отклонение Россией требования Китая о выдаче дунганского вождя Пой Ен-ху.

С каждым днем протесты против Ливадийского договора ширились все больше и больше. Конечно, в основе возмущения китайцев лежали вовсе не малозначущие детали соглашения, подписанного Чун Хоу, а общее раздражение из-за бесконечного количества унижений и оскорблений, которым эта, еще недавно мощная и гордая страна, подвергалась со стороны западных держав. Сам же Ливадийский договор явился лишь последней горькой каплей, переполнившей чашу обид, испытанных Китаем за четыре тяжелых десятилетия, 1840-1880 годов. Случайная неудача и нерадение Чун Хоу теперь превратились в глазах китайцев чуть ли не в национальную катастрофу и вызвали острую реакцию ксенофобии, главным объектом которой, довольно случайно в этот момент, оказалась Россия.

Во главе движения протеста стояли упомянутый выше победитель китайских мусульман Цзо Цзун-тан и, в то время мало известный, младший лектор Ханлинской академии, некий Чан Чи-тун, сделавший впоследствии довольно блестящую карьеру, благодаря своим петициям и выступлениям

против договора.²⁵ Цзо Цзун-тан провозглашал чуть ли не священную войну против России и, теряя всякое чувство реальности, обещал, что его двухсоттысячная армия «хунанских молодцов» разгромит русских и отомстит за оскорбление Китая после занятия Петербурга.²⁶ В своей петиции трону он писал: «Илийский край был нашей территорией, перед тем как он попал в руки мусульманских повстанцев. Под предлогом помощи нам, Россия захватила его, но, отдавая себе отчет, что такое действие не может быть оправдано, обещала нам, что вернет этот край... Теперь же Чун Хоу пошел на дальнейшие уступки, на открытие в Синьцзяне значительного числа консульств, и этим дал русским больше, чем они могли ожидать. Если мы позволим русским проникнуть до Цзя-Юй-Гуаня и затем продвигаться дальше, то этим мы поставим под угрозу нашу безопасность и наше благосостояние».²⁷ Он настаивал, чтобы Китай не делал никаких уступок России и готовился к войне. В другом обращении к трону он возмущался русскими: «Почему Китай должен уступать жадности русских и жертвовать ради России такой важной территорией? Это похоже на человека, который бросает кость собаке, чтобы избежать ее укусов. Но все равно, после того как собака съест эту кость, она начнет кусать того, кто ей эту кость дал».²⁸

Чан Чи-тун тоже был против каких-либо уступок и проявлял в своей петиции трону довольно хорошую осведомленность о внешне- и внутренне-политическом положении России. «Хотя Россия и является могущественным государством, она, после войны с Турцией,²⁹ не располагает ни финансовыми ресурсами, ни достаточной воинской силой для новой войны. Русский народ недоволен своим правительством, и есть сведения, что недавно имело место покушение на русского царя. Новая война была бы для России равносильна самоубийству... Я почтительнейше ходатайствую перед тронem, чтобы Ли Хун-чжан получил приказ набирать войска и обучать воинов для войны. Если он победит, то он заслужит почетную награду, если же он потерпит поражение, то он должен будет быть строго наказан. Суммы, предназначенные для выплаты России, могут быть использова-

ны для найма иностранных наемников, которые будут готовы воевать за нас.³⁰ Даже если русским удастся на короткое время добиться победы, то они все же не смогут серьезно угрожать нашей стране... Почему мы должны их бояться? Эта война может быть решающей для Китая, и в результате ее мы или вернем себе былую мощь, или же еще больше ослабеем...».³¹

Под влиянием все более громких выступлений воинственных националистов правительство пошло на крайние меры. Комиссия, изучавшая Ливадийский договор, признала, что Чун Хоу превысил свои полномочия, а 3 марта 1880 года «Пекинская газета» опубликовала сообщение, что бывший посол «приговорен к обезглавливанию после заключения». Цзо Цзун-тан получил разрешение набирать войска и заключить заем для ведения военных операций. Воинственный полководец приказал своим армиям, расположенным в западных районах Внутреннего Китая, быть готовыми к выступлению и, чтобы показать своим «хунанским молодцам» свою решимость вести борьбу до последней капли крови, он приказал нести перед войсками приготовленный для него гроб.

До вынесения приговора Чун Хоу Россия и другие державы не очень волновались по поводу воинственных настроений китайцев. Но смертный приговор послу изменил всю дипломатическую ситуацию: он явился открытым вызовом России, который русское правительство не могло оставить без последствий. Да и не только Россия, но и весь дипломатический мир Запада, имевший интересы в Китае, был обеспокоен поднявшейся там волной ксенофобии.

Бряцание оружием в Пекине немедленно вызвало русскую реакцию. «Китайцы, по-видимому, готовятся не на шутку к войне с нами», отмечал в своем дневнике Д. Милютин, нелюбивший военную шумиху. И уже 15 марта «начальству трех округов, Туркестанского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского даны по телеграфу приказания готовиться на случай разрыва и быть осторожными на границе».³² Помимо военных приготовлений на сухопутных границах Россия начала подготовку и на море. Адмирал Ст. Ст. Лесовский, известный своим появлением в американских

водах во время гражданской войны Севера против Юга и командовавший в 1880 году русской Тихоокеанской эскадрой, получил приказание быть готовым начать действия против берегов Китая, откуда русские силы могли легко повторить франко-английскую операцию 1860 года, закончившуюся взятием Пекина. Не разрывая формально дипломатических отношений с Китаем, русское правительство все же отозвало из Пекина русского посланника Бюцова. Казалось, что конфликт неизбежен и что в случае казни Чун Хоу война может разразиться в любой момент.

Несмотря на все приготовления к войне, Россия вовсе не желала столкновения с Китаем. Несколько сот квадратных километров в горах и долинах Средней Азии были совершенно не стоящим большой войны объектом. Действия китайского правительства требовали защиты достоинства России, но ни русские дипломаты, ни русские военные во главе с Д. Милютиным не могли не видеть бессмысленности войны с Китаем. Незадолго перед тем окончившаяся Балканская война и последовавший за ней Берлинский конгресс привели к разрыву традиционной дружбы между Романовыми и Гогенцоллернами, отношения с Австрией были в еще худшем положении, а финансовое положение страны, уже серьезно подорванное войной 1877-1878 года, решительно требовало дальнейшего мира. Удобных путей сообщения, пригодных для переброски значительных масс войск на Дальний Восток или в Туркестан тогда еще не было, а Сибирская железная дорога не существовала тогда и в проектах. Наличные войска на Дальнем Востоке и в Сибири были весьма незначительными, а передислокация русских дивизий требовала много времени и денег.

Но положение Китая, несмотря на воинственные крики и заявления его политиков и генералов, было несравненно хуже, чем положение России, и в Пекине было не мало государственных деятелей, которые не менее ясно, чем Милютин и Гирс, понимали всю нелепость русско-китайской войны. Во главе их стоял Ли Хун-чжан, который предупреждал императрицу и правительство, что война совершенно подорвет истощенный предшествующими конфликтами и восстаниями Китай и приведет к падению маньчжур-

ской династии.³³ Дипломатический корпус в Пекине, со своей стороны, делал все возможное, чтобы предупредить столкновение между обеими державами.

Французы были особенно обеспокоены возможностью русско-китайской войны, так как в случае войны в Азии русские не смогли бы оказывать необходимое влияние на дипломатическое положение в Европе. Только за пять лет перед этим, вмешательство Александра II остановило Бисмарка, собиравшегося было снова напасть на Францию, и перспектива остаться с глазу на глаз с Германией и испытать новое немецкое вторжение толкала французскую дипломатию искать примирения России и Китая. Англия, обычно старавшаяся помочь врагам России, на этот раз активно заботилась о предупреждении конфликта. В марте этого же 1880 года на выборах в парламент либералы победили консерваторов, и миролюбивый Гладстон, сменив ненавистника России воинственного лорда Биконсфильда (Дизраэли), открыл новую эру сближения с русским правительством. Кроме того, англичане только что испытали жестокое поражение в Афганистане и искренне старались избежать новых осложнений в Азии; русско-китайская война грозила дальнейшим продвижением России в направлении Индии, так как весь Синьцзян, и особенно граничившая с Индией Кашгария, почти что наверное были бы заняты русскими. По мнению английских экспертов, Китай не мог противостоять России, а дальнейшее усиление России на Востоке совсем не входило в планы английской дипломатии. Их пугала также все растущая ксенофобия китайцев, которая в конце концов могла и прямо отразиться на английских интересах в Китае. Поэтому королева Виктория, через китайского посла в Лондоне маркиза Цзена, советовала Китаю быть сговорчивее и наконец послала личную телеграмму императрице Цзу Хси, в которой как женщина женщину просила пощадить жизнь несчастного посла Чун Хоу. Как по ее мнению, так и по мнению европейских дипломатов в Китае, такая мера ослабила бы напряжение между Китаем и Россией и дала бы возможность снова возобновить переговоры.³⁴

Более сложной была игра немецкого представителя в

Пекине фон Брандта. Как и другие державы, Германия опасалась ксенофобии в Китае, но для немцев, еще мало связанных с китайским рынком, эта угроза была гораздо менее значительна, чем для англичан, французов или американцев. Следуя инструкциям Бисмарка, фон Брандт, с одной стороны, старался показать, что поддерживает русские интересы и достоинство в Китае, с другой стороны — видимо, ничего не имел против того, чтобы внимание русских было отвлечено от Балкан и Европы и русские силы были, хотя бы частично, связаны обострением отношений или даже войной с Китаем.³⁵ Как раз в это время Германия старалась оказать давление на Россию, чтобы сделать ее более сговорчивой, чем в 1875 году, и заставить ее пойти на примирение со своей традиционной союзницей. В течение всей зимы 1879-1880 года, когда в Китае начал развиваться предвоенный психоз, Бисмарк жаловался Александру II на будто бы производимую Россией концентрацию войск на западной границе, на русскую неприязнь в отношении его самого и немцев, и стремился — через А. А. Сабурова, русского посла в Берлине, и кн. Н. А. Орлова, посла в Париже — добиться нового соглашения с Россией.³⁶ Видимо, ему казалось, что чем неприятнее будет положение России на Дальнем Востоке тем легче будет достигнуть с ней союзного договора. Когда же весной 1880 года он смог улучшить отношения с Россией, железный канцлер, очевидно, послал фон Брандту инструкции проявить добрые чувства в отношении Петербурга и помочь примирению обеих стран. Поэтому, как только фон Брандт узнал об аресте Чун Хоу, он немедленно известил об этом своего русского коллегу, чтобы неожиданное известие не вызвало со стороны последнего какого-нибудь неосторожного действия.³⁷ Позже он даже проехал в Тяньцзинь к Ли Хун-чжану и посоветовал ему, чтобы Китай сделал какую-либо, хотя бы небольшую, уступку России, которая помогла бы наладить русско-китайские отношения. Ли Хун-чжан внял этому здравому совету и со своей стороны уговорил двор и императрицу Цзу Хси сделать первый, необходимый шаг к примирению с Россией и помиловать Чун Хоу.³⁸

Решающее значение для отрезвления Пекина сыграл

вызов китайским правительством полковника (позже генерала) Гордона, который в 1860-х годах помог правительству наладить борьбу с тайпингами. Приехав в Пекин, Гордон не церемонясь заявил китайцам, что у них нет почти что никакого шанса выиграть войну с Россией. «Если вы хотите войны, то сожгите пригороды Пекина, вывезите императрицу и архивы в центр страны и начинайте партизанскую войну с таким расчетом, что вы будете вести ее не менее пяти лет... Если же вы хотите мира, то отдайте русским весь Илийский округ».³⁹

Давление со стороны королевы Виктории, пессимистические прогнозы Гордона и дружный фронт европейских дипломатов в Пекине, старавшихся притушить разгоревшийся огонь китайского национализма, в конце концов подействовали на правительство Китая. Чун Хоу был помилован, и русский представитель в Пекине получил через фон Брандта указание, что китайцы согласны идти на некоторые территориальные уступки в Кульджинском крае. Вслед за тем китайский посол в Лондоне маркиз Цзен, пользовавшийся как сын победителя тайпингов ген. Цзен Куо-фана большим престижем в Пекине, был назначен новым полномочным представителем Пекина в Петербурге, с поручением возобновить переговоры и добиться соглашения с Россией.

Роль нового китайского представителя в Петербурге была крайне незавидной. Теперь русское правительство не спешило с переговорами. Очень значительную роль в этом отношении играла прекрасная осведомленность русского агента в Пекине Александра Ивановича Кояндера о настроениях китайского правительства и о советах англичан. Если в 1876 году англичане смогли получить тайные протоколы совещания в Петербурге, то теперь Кояндер взял реванш и смог достать секретные сведения об английских советах Пекину.⁴⁰ Поэтому, зная что англичане советуют китайцам не ввязываться в войну и что настроения пекинского правительства переменялись в пользу мира, русские военные и дипломатические круги не спешили возобновить переговоры. И военный министр Милютин, и руководитель русской дипломатии Гирс не хотели прекратить русских военных приготовлений, считая что, «когда китайцы увидят разви-

тие наших сил на море и на сухом пути, то воинственный пыл их несколько укротится», и что поэтому «предпринимаемые меры должны проводиться энергично».⁴¹ И Милютин и Гирс предпочитали вести переговоры с Китаем не в Петербурге, а в Пекине, где, по их мнению, близость пушек тихоокеанского флота адмирала Лесовского должна была повлиять на сговорчивость императрицы Цзу Хси и ее советников.⁴² Поэтому маркиз Цзен получил разрешение прибыть в Петербург только в середине июня, когда в Петербурге было получено сообщение о помиловании Чун Хоу и о более миролюбивом настроении китайцев.⁴³ Но согласившись на предварительный контакт с Цзеном, русское МИД еще долго отказывалось начать с ним переговоры о пересмотре Ливадийского договора, а Бюцов даже получил распоряжение выехать в Китай для ведения там, на месте, дальнейших официальных разговоров с Цзунгли Ямынем. Только дружеская настойчивость английского поверенного в делах в Петербурге и поддержка, оказанная ему его французским коллегой, привели наконец русских к пересмотру этого основного условия для переговоров, и Бюцов, уже собиравшийся сесть в Марселе на корабль направлявшийся в Китай, вернулся домой для переговоров с Цзеном.

Несмотря на довольно трудное положение, с которым Цзен встретился в Петербурге, он провел переговоры с большим умением и невероятной настойчивостью. В его лице Гирс, Жомини, Бюцов и А. А. Мельников, вице-директор Азиатского департамента МИД, встретили стойкого и ловкого дипломата, который умел взять своих русских коллег измором, отстаивая каждую мелкую деталь соглашения, и в спорах с которым они далеко не всегда умели использовать дипломатическое и военное превосходство России. Помимо английского поверенного в делах в Петербурге В. Планкетта, который стал постоянным советником Цзена, китайскому представителю очень помогали два других англичанина, сэр Холидэй Макартней и М. Гикель, бывшие официально на китайской службе.

В начале переговоров Цзен, чтобы избежать войны с Россией, был готов, и имел на то полномочия, идти на все уступки России и даже собирался уступить всю спорную

территорию в Кульджинском крае.⁴⁴ Но некоторая несогласованность действий русских делегатов и их усталость от многолетних нудных и почти что бесплодных переговоров об этих более чем второстепенных проблемах русско-китайской границы помогли Цзену достигнуть психологического успеха. Бюцов, предпочитавший вести переговоры непосредственно в Пекине, где он, надеясь на свой многолетний опыт с китайскими дипломатами и знание местных условий, рассчитывал на большую удачу, чем в Петербурге, был, видимо, разочарован согласием русского правительства на ведение переговоров с Цзенем. Он действовал медленно и нерешительно и только к началу декабря выработал окончательную редакцию русских условий пересмотра договора, которые фактически еще 13 августа были решены на совещании военного министерства и МИД.⁴⁵ Гирс большую часть времени был не в Петербурге, а в Ливадии, куда он сопровождал Александра II. Жомини, прекрасный стилист, но мало настойчивый и нерешительный дипломат, не смог найти соответствующего тона в совещаниях с Цзенем и, по отзыву Милютина, просто занимался «светской болтовней» с проницательным и упорным китайцем.⁴⁶

Тем временем Цзен осмотрелся, понял, что русским дипломатам просто опротивели долгие споры и пререкания с китайцами, и стал все более настойчиво и arrogantно требовать широкого пересмотра Ливадийского трактата. Несколько раз казалось, что наладившиеся контакты с китайским делегатом будут прерваны и конфликт разгорится с прежней силой.⁴⁷ В начале октября Гирс даже предполагал приостановить переговоры в Петербурге и поручить дальнейшее их ведение адмиралу Лесовскому, который благодаря своему флоту имел возможность более решительно повлиять на Пекин и добиться заключения соглашения.⁴⁸

Усталость русских дипломатов и желание поскорее покончить с *“cette querelle ridicule,” “cette maudite affaire chinoise”*,⁴⁹ как Жомини называл этот русско-китайский спор, взяли свое, и в декабре русские уступили в главном вопросе, оставив за китайцами Музартский перевал и большую часть долины реки Текес, но зато удержав за Россией город Джаркент (теперь Панфилов) и среднюю часть до-

лины реки Или. Кроме того, в виде компенсации за уступку перевала, Китай уступил России добавочную территорию в районе озера Зайсана и по течению реки Черный Иртыш.⁵⁰ Китайцы также увеличили с пяти миллионов до десяти миллионов возмещение за русские расходы по управлению Кульджинским краем в 1872-1880 годах. Торговые и экономические пункты Ливадийского договора, в общем, не были изменены. 16 декабря Гирс «с радостью» мог сообщить Милютину, что соглашение по всем главным пунктам было достигнуто.⁵¹ Но прошло еще два месяца, прежде чем договор был заключен. Только 12/24 февраля 1881 года состоялось формальное подписание нового соглашения, вошедшего в дипломатическую историю как С.-Петербургский договор. Накануне его подписания Милютин с облегчением занес в свой дневник: «Проект договора окончательно отредактирован после долгих и мелочных споров с Цзенем».⁵²

Русские военные и дипломаты были искренне рады завершению почти что десятилетних споров с Китаем по поводу Кульджинского округа, и очень скоро воспоминания о нем улетучились из памяти русских государственных деятелей и даже историков. Трагическая смерть Александра II, последовавшая меньше чем через три недели после заключения С.-Петербургского договора, совершенно заслонила в русских умах эти долгие и второстепенные споры о перевалах и долинах в Тянь-Шане.

Совершенно другое отношение к договору было проявлено со стороны китайцев. Возращение им спорной территории, хотя эта территория и насчитывала всего лишь несколько десятков квадратных километров, и сам факт пересмотра уже заключенного Ливадийского договора рассматривались ими как настоящая победа над Россией. По возвращении в Пекин Цзен был встречен как победитель. Пекинское правительство после долгих лет унижений и неравных договоров наконец получило хотя бы моральное удовлетворение и рассматривало С.-Петербургский трактат как очень значительное достижение китайской дипломатии. Китайские историки и политики до сих пор помнят о нем и считают его за символ отпора «западной агрессии» и

«русскому империализму». Конечно, для китайцев значение договора далеко не исчерпывалось возвращением им Мурзартского перевала, который действительно имел некоторое стратегическое значение и уступка которого Китаю закрывала русским единственную удобную дорогу из Западного Туркестана в южный Синьцзян или Кашгарию. Самое важное было то, что они смогли настоять на своем, *добиться* самого пересмотра Ливадийского договора, заставить великую европейскую державу *уступить* им. Условия, при которых эта уступка произошла, а именно усталость русских дипломатов от споров с китайцами, второстепенное и даже третьестепенное значение для России всего комплекса Кульджинских вопросов и нежелание России ссориться с Китаем не принимались во внимание. Принимался во внимание лишь самый факт дипломатического успеха Цзена, который, по мнению китайцев, знаменовал возрождение престижа их страны, возобновление страха варваров-иностранцев перед военной мощью Поднебесной империи.

Результатом этого Кульджинского конфликта явилось ухудшение русско-китайских отношений, которые после 1880 года уже не возвращались к прежнему спокойному состоянию мирного соседства. Правда, бывали длительные периоды, когда эти отношения улучшались, но недоверие друг к другу продолжало мешать вполне дружескому сосуществованию. Для России, да пожалуй и для всего западного мира, Кульджинский конфликт мог послужить уроком, требующим более осторожного и более внимательного отношения как к китайскому самолюбию, так и к тревожному свойству китайцев превращать мелкий спор в серьезный, угрожающий миру конфликт. Небольшая искра, неожиданно вспыхнувшая в глухой и заброшенной долине Средней Азии, легко могла превратиться в большой военный пожар. К счастью, солидарность держав и наличие доброй воли у многих государственных деятелей Европы, Китая и России смогли в 1880 году предотвратить этот пожар. Несмотря на вызывающие действия и слова, мобилизации и бряцание оружием, России и Китаю еще раз удалось сохранить мир на их общей границе.

Примечания

- ¹ Aitchen K. Wu. *China and the Soviet Union*. New York, 1950, p. 339.
- ² Sir John Bowring to Count Clarendon, March 13, 1856. In: W. C. Costin. *Great Britain and China*. London, 1937, p. 195.
- ³ М. А. Терентьев. *Россия и Англия в Средней Азии*. СПб, 1875, стр. 133.
- ⁴ L. E. Frechtling. *Anglo-Russian Rivalry in Eastern Turkistan*. "Royal Central Asian Journal," 1939, p. 484.
- ⁵ Wu, p. 102.
- ⁶ Ken Shen-Weigh. *Russo-Chinese Diplomacy*. Shanghai, 1928, p. 151.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Tchau Tchen-tcheu. *Evolution des relations diplomatiques de la Chine avec les Puissances*. Paris, 1931, p. 93.
- ⁹ «Дневник Д. А. Милютина», т. III. Москва, 1950, стр. 128, 149.
- ¹⁰ Там же, стр. 149.
- ¹¹ Там же.
- ¹² «Международные отношения на Дальнем Востоке», под ред. Е. С. Жукова. Москва, 1951, стр. 42.
- ¹³ Jomini to Giers, August 28, 1879. In: "Russia in the East (The Letters of A. G. Jomini to N. K. Giers)," ed. by Ch. and B. Jelavich. Leiden, 1959, p. 94.
- ¹⁴ E. Hertsllet. *Treaties etc. between Great Britain and China and between China and the Foreign Powers*. London, 1918, No. 51 and No. 52.
- ¹⁵ Jomini to Giers, September 5, 1879; p. 94-95.
- ¹⁶ H. Cordier. *Histoire des relations de la Chine avec les Puissances Occidentales*, t. II. Paris, 1901, pp. 185-187; Frechtling, p. 484.
- ¹⁷ Giers to Jomini, Sept. 11, 1879; p. 149.
- ¹⁸ Giers to Jomini, September 20, 1879; p. 149.
- ¹⁹ Jomini to Giers, September 9, 1879; p. 95.
- ²⁰ Милютин, т. III, стр. 165-166.
- ²¹ Frechtling, p. 485.
- ²² Ken Shen-weigh, p. 152.
- ²³ H. von Brandt. *Drei und dreissig Jahre in Ost Asien*, Band IV. Leipzig, 1914, p. 152.
- ²⁴ Высшая административная академия для подготовки государственных деятелей и руководящих сановников.
- ²⁵ H. Cordier. *Histoire generale de la Chine*, t. IV. Paris, 1921, p. 295.
- ²⁶ J. O. P. Bland and E. T. Blackhouse. *China under the Empress Dowager*. New York, 1907, p. 509.
- ²⁷ Wu, p. 105.
- ²⁸ Там же, стр. 107.

²⁹ Чун Чи-тун в данном случае подразумевал Балканскую войну 1877-1878 гг.

³⁰ Wu, p. 105.

³¹ Li Chien - Nung. The Political History of China 1840-1928. Princeton, 1956, p. 113.

³² Милютин, т. III, стр. 223.

³³ Ken Shen-weigh, p. 153.

³⁴ D. C. Boulger. The Life of Sir Holiday Macartney. London, 1908, pp. 341-342.

³⁵ I. Korostowetz. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Berlin, 1926, S. 48; Cordier, p. 164-5.

³⁶ Милютин, т. III, стр. 165, 175.

³⁷ Von Brandt, B. III, SS. 165, 175 ff.

³⁸ Там же, стр. 155-6.

³⁹ Boulger, p. 347.

⁴⁰ Jomini to Giers, Sept. 16, 1880; Sept. 10; pp. 108, 107.

⁴¹ Милютин (Дневник, 28 июня 1880 г.), т. III, стр. 258.

⁴² Jomini to Giers, Sept. 5, 1880; p. 108.

⁴³ Милютин, стр. 263.

⁴⁴ Plunkett to Granville, Oct. 17, 1880; Frechtling, p. 487.

⁴⁵ Милютин, т. III, стр. 267; запись в дневнике от 13 августа 1880 г.

⁴⁶ Там же, стр. 284; запись от 6 декабря 1880 г.

⁴⁷ Giers to Jomini, October 18, 1880; p. 154.

⁴⁸ Giers to Jomini, Oct. 28, 1880; p. 155.

⁴⁹ Jomini to Giers, Sept. 10 and October 1, 1880; pp. 106, 115.

⁵⁰ Статьи I, VII и VIII договора; см.: «Сборник договоров России с другими государствами». Москва, 1952, стр. 212-215.

⁵¹ Милютин, т. III, стр. 286; запись в дневнике от 16 декабря 1880 г.

⁵² Указ. соч., т. IV, стр. 21; запись от 31 января 1881 г.

Проф. Б. Одинцов

СТОЛЕТИЕ ЗЕМСТВА

Первого января 1864 года было издано Положение о губернских и уездных учреждениях, согласно которому жители Европейской России получали право самостоятельно разрешать свои местные нужды. К участию в работах земства были привлечены все владельцы земельной, или иной недвижимой собственностью. Дела, подлежащие ведению земства, обсуждались на ежегодно созываемых собраниях «гласных» и приводились в исполнение управой избираемой на этих собраниях. В состав земского собрания входили гласные от трех групп населения, избираемых отдельно каждой группой. Землевладельцы, обладавшие установленным цензом (обычно не меньше 200 десятин) пользовались правом участия на съезде для избрания гласных от крупных землевладельцев. Лица, обладавшие неполным цензом, избирали своих представителей на съезд крупных землевладельцев в количестве, равном числу полных цензов, исчисляемых, исходя из общей суммы землевладений собравшихся. Гласные от крестьян избирались на волостных сходах, в состав которых входили представители сельских обществ. Гласные от городских обществ избирались также отдельно.

Относительное большинство в земских собраниях принадлежало гласным от крупных землевладельцев, т.е. дворянам, по преимуществу. В среднем по России им принадлежало 47 процентов общего числа гласных уездных земств. Число гласных от крестьян составляло в среднем 40 процентов и 13 процентов принадлежало горожанам, представителям государственных имуществ и пр.

В состав губернских земских собраний входили глас-

ные избиравшиеся на уездных земских собраниях, а также все председатели уездных управ и в качестве председателей земских собраний, все предводители дворянств данной губернии.

Закон предоставлял земствам широкое поле деятельности. Ведению земств подлежали медицинская помощь, народное образование, сельское хозяйство, дорожное строительство и пр. На предмет покрытия своих расходов земства получили право облагать налогом владельцев недвижимых имуществ. За правомерностью деятельности земств следило министерство внутренних дел и губернаторы имели право приостанавливать решения земских собраний, если находили их незаконными, или вредными для населения.

Земства начали свою деятельность всего через три года после освобождения крестьян. Можно было ожидать, что бывшие крепостные и их господа не найдут общего языка для совместной работы и будут чуждаться друг друга. Этого не случилось. На земских собраниях гласные от крестьян чувствовали себя совершенно свободно и не стеснялись высказывать свои мнения. Они, правда, не произносили длинных речей, но их замечания бывали обыкновенно очень меткими и касались самой сути дела. А их ядовитые словечки по поводу того или иного любителя произносить красивые, но мало относившиеся к делу речи, бывали так остроумны и ядовиты, что вызывали взрыв смеха всего собрания и публики.

У нас, на земском собрании в городе Можайске, Московской губ., гласные от крестьян, хотя и сидели отдельно от гласных от крупных землевладельцев, но не чувствовали себя отчужденными. Между обеими группами гласных отношения были вполне нормальные. Крестьяне внимательно вслушивались в речи, правильно оценивали каждое деловое предложение и голосовали в его пользу. Работа шла дружно и не чувствовалось никакой классовой вражды. Вся деятельность земства была проникнута истинным демократизмом и наши русские «крепостники» на сто лет опередили своих собратьев в южных штатах Северной Америки.

Исполнительный орган Земского Собрания — «Земская Управа» — избирался каждое трехлетие и состоял из пред-

седателя и двух, или большего числа членов. В Можайском уезде один из двух членов управы всегда избирался из гласных от крестьян. На управу возлагалась огромная работа по ведению всего земского хозяйства. Большую помощь управе оказывали совещания служащих земства (так называемого «третьего элемента»). Совещания созывались управой по мере надобности. На них обсуждались планы деятельности, разрабатывались меры для устранения недочетов и выносились пожелания земскому собранию, которое принимало во внимание мнения специалистов — (служащих управы, не обладавших правом голоса в его заседаниях).

Многочисленные нужды местного населения требовали безотлагательного удовлетворения и побуждали земских деятелей работать не щадя своих сил. В первые годы не было ни больниц, ни школ, ни шоссежных дорог и пр. Но русское земство хорошо справилось со своей задачей, и результатам его деятельности может позавидовать любое передовое государство. Даже самый краткий обзор сделанного земством показывает, что идея местного самоуправления всецело себя оправдала, и выборные от крестьян и помещиков оказались способными общественными деятелями, а земские служащие искренне преданными своему делу.

Земская медицина

В то время, когда земства приступали к своей деятельности, русская деревня обходилась почти без медицинской помощи. Больницы существовали только в городах, а на местах действовали «повивальные бабки», да полуграмотные фельдшера. А к концу 19 века в 34 земских губерниях действовало 1300 больниц с 30 тысячами кроватей. При больницах к тому времени числилось 2,5 тысячи врачей и свыше 8 тысяч вспомогательного медицинского персонала. К 1913 году число земских больниц достигло 6773 с 190 тысячами кроватей. К этому году медицинский персонал уже насчитывал более 53 тысяч, в том числе 19 тысяч врачей.

В середине 70-х годов прошлого столетия в южной части Можайского уезда Московской губернии мой отец купил имение. Ближайшая больница находилась в 30 верстах

в городе Можайске. Отец, получивший образование в Военно-Медицинской Академии, воспользовался своими знаниями и начал лечить местное население, — конечно, бесплатно. Больные приходили к нему за много верст, и за ним установилась репутация хорошего врача, у которого легкая рука и доброе сердце. Лет через десять он прекратил свою практику, так как в 12 верстах открылась земская больница, и южная часть уезда получила своего врача. Ему, в начале своей деятельности, приходилось жить и принимать больных в крестьянской избе, пока строилась больница. Земля и лесной материал для постройки здания больницы и жилых домов для персонала были бесплатно предоставлены земству местным помещиком. Крестьяне соседних деревень согласились бесплатно подвезти лес к месту постройки. Благодаря дружному содействию местного населения, удалось в сравнительно короткий срок не только закончить постройку больницы, но и оборудовать ее всем необходимым, до водопровода и «полей орошения» включительно. В самой больнице, кроме кабинета врача, операционной и приемной, были также и палаты для заразных и не заразных больных. Все блистало чистотой, и крестьяне получили возможность больничного лечения в условиях необходимой гигиены и хорошего ухода. Никакой платы за лечение и лекарства не взималось, и земство полностью принимало на себя все расходы по медицинской части.

Персонал больницы в составе врача, фельдшера и акушерки был завален работой. Все утро до обеда происходил прием амбулаторных больных и обход лежавших в палатах. Во время обеда запрягали пару лошадей, и врач с акушеркой или с фельдшером, а чаще один, отправлялся по деревням своего участка для оказания помощи больным на местах. Домой они возвращались поздно вечером, а иногда и ночью. И так почти каждый день, зимой и летом, в дождь и метель. Врач и его помощники были проникнуты идеей служения народу и работали не покладая рук круглый год. Но они были бессильны создать необходимые условия гигиены для лечения больных на дому. Не в их силах было устранить грязь в избах, переполненных не только людьми, но, нередко, и новорожденными телятами или ягнятами;

врачи не могли снабжать больных продуктами, нужными для диетического режима, и т.д. Правда, к началу 20-го века значительно улучшилось материальное положение деревни, и больные начали пользоваться более удовлетворительными гигиеническими условиями. Значительно уменьшилась детская смертность и эпидемические заболевания стали уносить меньше жертв. Обязательное оспопрививание совершенно остановило заболевание натуральной оспой, а противодифтеритные прививки спасали крестьян от вымирания целыми семьями. Значительно уменьшилась смертность среди детей от кровавого поноса и других желудочных заболеваний.

В первом десятилетии 20-го века в Можайском уезде уже существовало вне города пять земских больниц, до которых от самых дальних деревень считалось не более 15 верст. С большим успехом развивалась земская медицина в других, более богатых уездах Московской губернии. Аналогичный процесс наблюдался вообще во всех земских губерниях России, и население деревни с каждым годом испытывало возрастающую доступность помощи врачебного персонала.

Народное образование

В 60-х годах прошлого столетия в деревнях существовало ничтожное количество церковно-приходских школ. Молодому земству предстояло построить много начальных школ и обеспечить их преподавательским персоналом. С этой задачей земство справилось вполне удовлетворительно. В начале его деятельности грамотные в деревнях встречались единицами, а к концу прошлого столетия число грамотного населения России достигло уже 21% и к 1914 году поднялось до 43,5%. Расход земств на народное образование в первые годы их деятельности составлял всего около 2 миллионов рублей в год. Через 20 лет он поднялся в среднем до 7 милл., а к 1913 г. достиг суммы в 66 миллионов рублей в год. За первые 20 лет своей деятельности земства построили 23 тысячи начальных школ, а к 1915 году число их достигло 122 тысяч, где обучалось свыше 8 миллионов учеников. В том же, 1915 году, 414 уездных земств вступили

в соглашение с министерством народного просвещения о введении всеобщего обязательного обучения, которое предполагалось осуществить повсеместно к 1922 году. К этому году предполагалось в земских губерниях завершить трехверстную школьную сеть, при осуществлении которой расстояние до любой деревни от школы не должно было превышать трех верст.

Припоминаю, как обсуждался вопрос о постройке школы, завершавшей такую сеть в южной части Можайского уезда. Моего отца земство просило взять на себя попечительство над этой школой. Был созван «сход» жителей соседних деревень. Отец заявил на сходе, что он предоставляет бесплатно земельный участок под школу и лесной материал для ее постройки и предложил собравшимся сговориться о доставке этого материала из леса к месту постройки школы. Сход встретил это сообщение полным молчанием. Но, затем, из задних рядов раздался иронический возглас: «обдумали ловко — школу строить, а мужик кряхти!» В ответ на замечание отца, что земство строит школу для обучения детей крестьян, собравшихся на сход, последовала реплика: «А на кой ляд нам эта школа. Жили и без нее, проживем и дальше». Но родители детей школьного возраста думали иначе. Они вступили в горячий спор с противниками постройки школы. Поднялся всеобщий гвалт. Стали вспоминать старые обиды. О школе забыли. «Старики» молчали, будто дело их не касается вовсе. К ним на завалинку подсел отец. После продолжительного молчания соседний с отцом «старик» спросил, будет ли угощение миру, и, узнав, что будет, громко провозгласил: «ну полно пустое болтать! Вozить видно надо! А Миколай-то Ликсеич и водочку обещает поднести!» — «Вот это дело! Давно бы так!», — раздалось со всех сторон. Споры смолкли, и сход приступил к деловой части, т.е. кому и когда начинать возить и пр. Подобные сцены повторялись с некоторыми вариантами перед постройкой каждой школы.

Труднее было добиться согласия, если предполагалось строить школу на земле крестьян. Каждое селение тогда старалось избавиться от обязательства выделить земельный участок под школу. Споры на сходах нескольких сельских

обществ были очень бурными и продолжительными. Но земства успешно преодолевали все трудности, и вся земская Россия покрылась густой сетью начальных школ.

Школьные здания резко выделялись среди других построек русской деревни. Они были одноэтажные с огромными окнами, освещавшими классы, и маленькими окнами жилых помещений учителя. Классы занимали большую часть здания школ. Для учителя (чаще учительницы) предоставлялись одна, две маленькие комнатки. Преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего, поручалось одному лицу. Начальные земские школы были одноклассные с трехлетним преподаванием. В 3-ей Государственной Думе был принят закон об ассигновании земствам государственных средств на народное образование, при условии введения в начальных школах четырехлетнего курса обучения. В земских школах обучали детей Закону Божьему, грамоте и арифметике. Кое-какие сведения получили дети и по русской истории и географии. По окончании школы они могли недурно читать и писать, решать арифметические задачи и бойко передавать наизусть прочитанное, но затруднялись изложить его содержание своими словами. Знания, приобретенные в школе, быстро испарялись из-за недостатка практики. В деревнях не было ни газет, ни книг. Почти никто ничего не читал, а писать было не на чем, да и не о чем. Даже преподаватели земских школ лишь с трудом могли доставать книги и газеты, пользуясь библиотеками соседних помещиков. Скучное содержание, получаемое учителями, как и вообще всеми служащими земства, едва хватало на удовлетворение потребностей первой необходимости. Приходилось отказываться от мысли о собственных библиотеках, выписывания газет и пр. Жизнь «третьего элемента» была сплошным подвигом. Это не была служба для обеспечения собственного благополучия, а служение на благо народу. Проникнутые этой идеей тысячи девушек, едва окончивших учительские семинарии или епархиальные училища, обрекали себя на одинокую жизнь в деревенской глуши без подруг и знакомых своего круга. Жутко им было ночевать в пустых школах, построенных на отлете, часто

за несколько сот шагов от ближайшего жилья. Кричи — никто не услышит и на помощь не придет.

Сельское хозяйство

Приходные статьи земского бюджета слагались, главным образом, из обложения налогом земельных имуществ и только в губерниях с развитой фабрично-заводской промышленностью он чувствительно пополнялся за счет этого источника. А, между тем, земства имели возможность оказывать лишь незначительную помощь непосредственно сельскому хозяйству, от степени развития которого зависела платежеспособность населения. Оно было бедно, и земства стремились не обременять его налогами и ограничивались минимальным обложением, редко превышавшим всего один рубль с десятины земли. Покупательная способность рубля на рубеже 19 и 20 столетий равнялась одному пуду зерна ржи. Крестьяне без труда могли бы переносить такое низкое обложение, коль скоро производительность их земель поднялась бы до теоретического среднего урожая. Но до этого было далеко, и крестьяне жаловались на тяжесть обложения. Нужно было помочь им поднять доходность их сельского хозяйства, а для этого у земств не хватало средств. Даже в начале последнего десятилетия существования земств, в 1912 году, средние затраты земств на помощь сельскому хозяйству составляли всего 6,3% от общей суммы в 220 миллионов рублей. По сравнению с 30% земских расходов того года на народное образование и 20% — на медицину, сельское хозяйство получало крохи. Но и эти крохи значительно превышали то, что получало сельское хозяйство в первые десятилетия деятельности земства. Так в 1897 году все земства в среднем израсходовали на сельское хозяйство всего 0,33% своего бюджета в 66 миллионов рублей.

Тем не менее, помощь земств сельскому хозяйству оказалась очень чувствительной, особенно в последние два десятилетия перед революцией 17 года. До конца 19-го века у крестьян преобладали примитивные методы земледелия и скотоводства. В первое десятилетие деятельности земства средний урожай хлебов составлял всего 29 пудов зерна на

десятину. В первое десятилетие 20-го века он поднялся до 43 пудов, а в 1913 году средний урожай зерна ржи достиг 52,7 пудов и пшеницы 71 пуда. (Для сравнения замечу, что в пятилетие 1905-1910 годов средний урожай ржи в США составлял 68 пудов зерна ржи на десятину, а урожай зерна пшеницы — 74 пуда). Данные о средних урожаях являются хорошим показателем о прогрессе земледелия в России. Другим показателем этого прогресса может служить спрос на сельскохозяйственные машины и на искусственные удобрения. В 1895 году ввоз и собственное производство с.-х. машин и орудий выразились в сумме 19,6 миллионов рублей, а в 1912 году — в сумме 112 миллионов руб. В те же годы ввезено искусственных удобрений на сумму 5,8 милл. руб. и на 35,2 милл. руб. соответственно.

Наблюдая результаты деятельности земства в Можайском уезде, могу подтвердить, что они оказались весьма успешными. Повсеместно видны были поля, засеянные клевером, что указывало на отказ от трехполья и на замену сохи плугом, т.е., на переход от экстенсивного хозяйства к более интенсивным его формам. Малосильные крестьянские лошади заменялись рослыми полукровками, представлявшими вполне удовлетворительный тип настоящей рабочей лошади. Вместо тощих коров, способных давать ничтожные удои молока, в стадах появились метисы от скрещивания местного скота с швицкими производителями. В хлевах удивленный посетитель нередко видел настоящих иоркширов и беркширов, вместо прежних худосочных свиней. Во многих деревнях стучали веялки и кое-где даже работали молотилки. Во многих местах уезда пооткрывались «прокатные» станции, откуда крестьяне могли получать во временное пользование, «на прокат», сельскохозяйственные машины и орудия. В разных частях уезда были основаны также пункты породистых производителей для улучшения местного скота и лошадей. Во многих местах действовали станции по очистке зерна. С большим успехом начали свою деятельность и сельскохозяйственные кооперативы.

Все эти изменения начались в Можайском уезде лишь с конца девяностых годов прошлого столетия. До этого времени в уезде не было ни одного агронома. Крестьяне

вели самое примитивное хозяйство. Несовершенная вспашка сохами, посев руками в «разброс» сорных, не сортированных и неурожайных семян приводил к тому, что, говоря о сборе хлебов, крестьяне часто пользовались выражениями: «самдруг», или «сам третей». А это означало, что уродилось всего вдвое или втрое больше зерна, чем было посеяно, т.е. 18 пудов зерна в первом случае, или 27 пудов — во втором. У соседних помещиков урожай были значительно более высокими и нередко достигали 90 и более пудов на десятину. Но для поднятия производительности почвы необходимо было коренным образом изменить систему крестьянского хозяйства. (Попытки внести частичные улучшения в крестьянское хозяйство давали положительные результаты, но не были достаточно показательными. Так, например, у нас в Можайском уезде кое-кто из крупных землевладельцев, желая обеспечить соседних крестьян лучшим посевным материалом, обменивали пуд на пуд свои сортовые и хорошо очищенные семена на загрязненные, щуплые семена с крестьянских полей). Но для получения максимального урожая требовалось улучшить способы обработки почвы, обеспечить сельскохозяйственные культуры достаточным количеством питательных веществ, отказаться от пастьбы скота на парах и пр. Всему этому надо было обучить крестьян и дать им возможность осуществить на практике правила рационального хозяйства. Эта трудная задача выпала на долю первых земских агрономов.

В Можайском уезде первый агроном появился в 90-х годах прошлого столетия. Он только что окончил Сельскохозяйственный институт и всецело посвятил себя земской работе. Нужно было обладать свойственной ему энергией и огромным терпением, чтобы убедить крестьян отказаться от прежних методов хозяйства и перейти к новым. Он убеждал крестьян прежде всего ввести в севооборот посеvy клевера, культура которого не только способствует увеличению плодородия почвы, но и дает много прекрасного корма для рогатого скота. Он советовал оставить все страхи и решиться уменьшить на одну треть посеvy озимых и яровых хлебов, чтобы выделить четвертое поле под культуру клевера. Крестьяне не хотели верить, что с меньшей посевной пло-

щади они будут получать значительно больше хлеба, чем раньше. Перед их глазами были примеры более чем вдвое высоких урожаев хлебов у помещиков, которые ввели в севооборот посевы клевера и применяли рациональные приемы земледелия. Крестьяне объясняли это тем, что у помещиков земля лучше и твердили: «как отцы наши и деды пахали, так и мы будем». После многих неудачных попыток агроному удалось, наконец, убедить одно селение ввести четырехпольный севооборот с посевом клевера. Брешь была пробита и закипела работа. Во второе десятилетие 20-го века в Можайском уезде едва справлялись с работой уже несколько участковых агрономов и каждое сельское общество могло своевременно воспользоваться советом специалиста для улучшения своего хозяйства.

Травосеяние, положенное в основу организации хозяйств в средней полосе России, заменялось в других физико-географических условиях иными системами хозяйства, например, севооборотами с посевом льна, сахарной свеклы, кукурузы и пр. В засушливых областях России крестьяне знакомились с приемами «сухого земледелия» и так далее. Земским агрономам приходилось повсеместно бороться с косностью «мира» и с трудом преодолевать его сопротивление новым приемам и методам хозяйства. Но из этой борьбы земская агрономия вышла победительницей и, казалось, уже не было препятствий для прогресса сельского хозяйства, но пришли большевики и вся работа пошла на смарку.

Иные отрасли деятельности земства

Борьба с болезнями домашних животных являлась одной из первоочередных задач молодого земства, так как на местах вообще не существовало ветеринарной помощи и население не знало, как предохранить животных от заболеваний и как их лечить. Для правильной организации ветеринарной помощи недоставало специалистов и большинство земств долгое время довольствовалось одним ветеринарным врачом на уезд. Врач проживал в уездном городе и в сельские местности приезжал только в экстренных случаях для борьбы с заразными болезнями. С ростом числа

подготовленных специалистов увеличивалось количество ветеринаров, поступавших на земскую службу и к 1910 году большинство земств уже имело в своем распоряжении в среднем по три врача на уезд. На местах пооткрывались ветеринарные пункты и лечение домашних животных стало более доступным для населения. Расходы земств на ветеринарную помощь с годами возрастали, но они редко превышали 3 процента общей расходной сметы земства.

Насущной потребностью населения являлась постройка дорог, удобных для проезда во всякое время года. При разливе рек прекращалось всякое сообщение между населенными пунктами, так как мосты сносило, а броды превращались в бурные потоки мутной воды. Поэтому в первую очередь требовалось перекинуть через реки постоянные мосты и сделать удобные к ним подъезды. Сперва возникали частично шоссированные дороги, которые на главных магистралях постепенно достраивались в сплошные шоссе. На дорожное строительство земство ассигновывало от 7 до 11 процентов своей расходной сметы и ко 2-му десятилетию 20-го века в его ведении находилось свыше 17 тысяч верст шоссе, т.е. около 53 процентов всех дорог этого рода в России.

Обязательное страхование крестьянских построек было введено в 1864 году и предоставлено ведению земства, которое при помощи страховых агентов поощряло население производить и добровольное страхование от огня живого и мертвого инвентаря, запасов продовольствия и пр. Не легко было убеждать крестьян расходовать деньги на добровольное страхование, но усилия земства увенчались успехом. Земские губернии покрылись сетью страховых учреждений, обеспеченных опытным персоналом. По подсчету, сделанному в 1915 году в 32 земских губерниях (из 43-х), число земских служащих, занятых страховым делом, составляло более 4-х тысяч человек.

Организация противопожарных мероприятий была постоянной заботой земства, и оно охотно выдавало ссуды крестьянским обществам для приобретения пожарных машин, материалов для огнестойких крыш и пр. В последнее трехлетие перед войной 1914 года земства израсходовали

свыше 2-х мил. рублей на покупку одних только пожарных труб. В те же годы во многих селениях стали возникать «вольно-пожарные» дружины и борьба с пожарами стала более организованной и успешной.

Нужда в деньгах и необходимость прибегать к займам на невыгодных условиях у частных лиц была обычным явлением, от которого страдало местное население. После издания в 1906 г. закона о земских кассах мелкого кредита крестьяне стали легко и на выгодных условиях получать ссуды на улучшение хозяйства, на развитие кустарной промышленности, разных ремесел и пр. Сеть земских касс мелкого кредита успешно начала развиваться и к 1915-му году эти кассы существовали уже в 37 губернских и почти в половине уездных городов земской России. Общее число касс составляло в этом году 239, с балансом свыше 100 миллионов рублей.

Из других мероприятий земства отметим учреждение яслей-приютов, которые открывались с целью борьбы с детской смертностью, организацию земской почты (к 1911 году почтовые отделения существовали в 236 из 359 уездов) и телефонной сети (свыше 65 тыс. верст к 1914 году).

Для распространения внешкольного образования земства устраивали библиотеки, воскресные школы и разного рода курсы и чтения. В 1912 году, например, курсы были организованы в 395 пунктах и было прочитано более 7 тысяч лекций по сельскому хозяйству.

Земский союз

В 90-х годах прошлого столетия в Москве создан кружок под названием «Беседа», в состав которого вошли земские гласные из различных губерний. Кружок задался целью изучить возможности земского самоуправления в пределах, предоставленных ему законом, и рекомендовать отдельным земствам использовать эти возможности. Это была первая попытка объединить деятельность отдельных земств.

В 1896 году в Москву съехались для участия в коронационных торжествах председатели губернских земских управ, решившие ознаменовать это событие организацией

благотворительного дела, за счет всех земств. Это начинание встретило сочувствие у Московского генерал-губернатора, вел. князя Сергея Александровича, но было признано незаконным министром внутренних дел Плеве, который разъяснил, что земствам предоставлено право ведать только местные нужды.

Однако, по инициативе 14 губернских земских управ, земская организация возникла «явочным» порядком для оказания помощи больным и раненым на войне с Японией. Главой организации был избран кн. Георгий Евгеньевич Львов, чуждый всякого рода «политики», но прекрасный организатор «дела». Работа земской организации заслужила всеобщую благодарность со стороны пострадавших во время войны. Объединенные в союз земства показали свою работоспособность и продолжали благотворительную деятельность и после окончания войны с Японией. Союз энергично помогал населению губерний, охваченных голодом в 1905-1907 годах, способствовал организации переселения на Дальний Восток.

Но в годы «успокоения» в правительстве снова возник вопрос о недопустимости расширения деятельности земств за пределы своих губерний, и министр вн. дел Столыпин объявил «нелегальной» земскую организацию, возглавляемую кн. Львовым. После смерти Столыпина, его преемник по министерству Коковцов подтвердил, что общеземская организация не может быть допущенной к борьбе с голодом, но разрешил 20-ти представителям от 12 губерний собраться для разассигнования средств, и помощь голодающим продолжалась под руководством отдельных земств, а не от имени общеземской организации.

В самом начале первой мировой войны в Московской губернской управе возник вопрос о легализации «Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам». Это предложение не встретило возражений со стороны правительства. Князь Г. Е. Львов был принят Государем и 25 августа 1914 года последовало Высочайшее повеление, санкционирующее этот союз, получивший права аналогичные Красному Кресту. Союз развил кипучую деятельность не только в тылу, где ему было указано, но и

на фронте, где действовали правительственные учреждения, подчиненные «Верховному Начальнику» по санитарной части, принцу Ольденбургскому. По общему признанию, земская организация действовала лучше и быстрее правительственной, но обе организации не мешали друг другу. Приобретение медикаментов, хирургических инструментов и пр. вещей, необходимых больным и раненым, их эвакуация, устройство перевязочных пунктов, госпиталей и разного рода оборудований в тылу, все это требовало больших средств. Они слагались из земских ассигнований и правительственных субсидий. В 1915 году в дополнение к 12 мил. рублей, ассигнованных земствами, правительство отпустило в распоряжение Союза 72 мил. рублей. К январю 1916 года эта сумма правительственных ассигновок возросла до 187 мил. рублей. К концу 1916 года число земских учреждений на фронте и внутри России составляло более 8 тысяч и в них работали многие тысячи людей.

Несмотря на далекую от «политики» самоотверженную и полезную работу земской организации, правительство относилось к ней с подозрением. Причину такого отношения правительства к общественным организациям кратко формулировал министр вн. дел Н. Маклаков. На просьбу разрешить съезд общественных деятелей, он в ноябре 1916 г. ответил председателю Государственной Думы: «...я не хочу дать это разрешение, так как под видом поставки сапогов вы начнете делать революцию».

Судьба земских пожеланий

Русскому земству пришлось работать при самодержавном государственном строе, несовместимом с идеей самоуправления. Противоречие идеологий осложняло работу земцев и порождало недоверие к ним правительства. Повседневный опыт убеждал земских деятелей, что их работа постоянно тормозилась несовершенством правового положения крестьян, опутанных властью «мира», ограниченных в правах владения землей и состоявших в ведении «волости», где судили не по общим для всех не крестьян установленным законам, а по законам особым, а иногда просто по «обычному праву». Земцы убеждались в необходимости ко-

ренных реформ в положении о крестьянах, доводили об этом до сведения правительства и выражали пожелание принять участие при обсуждении соответственных законопроектов. Правительство усматривало в этом покушение на прерогативы самодержца и решительно пресекало все пожелания подобного рода, опасаясь возникновения конституционных тенденций. Неизбежность этого процесса предвидел С. Ю. Витте, утверждавший, что земское самоуправление приведет к конституции. Витте ссылался на ряд адресов на высочайшее имя, в которых земства выражали пожелания о даровании им права высказывать свои мнения по вопросам государственного порядка. Государь назвал это пожелание «бесмысленными мечтаниями».

В земских адресах, однако, не было еще речи об ограничении самодержавия. Земцы не шли дальше пожелания предоставить им всего лишь совещательный голос в законодательстве. Они стремились обеспечить для России правовой режим, думая, что тем самым можно избежать насильственного переворота, возможность которого они предвидели и опасались. Земцы были, в своем большинстве, решительными противниками и революции и реакции. Но правительство им не доверяло и неизменно отклоняло все их пожелания с указанием, что земцам надлежит не выходить за пределы предоставленного им права заботиться только о местных нуждах.

Не встречали сочувствия у правительства и проекты расширения системы земских учреждений. Опыт показывал, что для осуществления на местах мероприятий земства было бы полезным организовать мелкие земские единицы — волостные земства, как всеобщие организации, в которых активным и пассивным правом голоса мог бы пользоваться каждый житель волости, включая и земских служащих, т.е. врачей, учителей, агрономов и пр. Было подробно разработано положение о мелкой земской единице, но оно не получило осуществления.

Такая же судьба постигла и проект учреждения областных земств. Правительство было против объединения губернских земств, опасаясь возникновения в них политических тенденций. Долгое время земства были лишены права

созывать съезды для решения вопросов, касавшихся всех или нескольких губерний. До 1904 года земские съезды созывались без разрешения правительства. В том году состоялся первый легальный земский съезд с разрешения министра внутренних дел Святополка-Мирского. На этом съезде обсуждались вопросы явно конституционного характера, хотя слово «конституция» произнесено еще не было. А на созванном после издания манифеста 17 октября 1905 года съезде была принята резолюция о всеобщих, прямых, тайных и равных выборах народных представителей и о предоставлении 1-ой Государственной Думе учредительных функций для выработки конституции, подлежащей утверждению государем.

Все это для правительства было неприемлемо и оно продолжало действовать, как и прежде, вопреки пожеланиям земцев.

Объединение земств и городских самоуправлений осуществилось во время первой мировой войны. Создалась мощная организация Союза земств и городов — «Земгор», оказавший широкую помощь государству во время войны.

Большевики покончили с земством, но надо надеяться, что наступит время и в России появятся люди, подобные земцам, и возродится их идея бескорыстного служения народу.

Использованная литература

- Г. Аронсон. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962 г.
- А. А. Боголепов. Деятельность земства. «Крестьянская Россия», Прага, 1924, вып. 7-8.
- В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
- П. Н. Милюков. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955 г.
- С. Н. Прокопович. Народное хозяйство СССР, Нью-Йорк, 1952.
- А. Г. Пушкарев. Россия в 19 веке. Нью-Йорк, 1956 г.

Н. Ульянов

ОБ ОДНОМ ПРОЕКТЕ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ

Придя к власти, большевики располагали готовыми рецептами на предмет преобразования России. Этим объясняется быстрота их декретирования и проведения в жизнь. Некоторые из этих рецептов были не русского происхождения. Таков проект превращения России в Р.С.Ф.С.Р., а потом в С.С.С.Р. Хорошо всем известно, что возник он на основе учения австрийских марксистов об устранении национальных противоречий в будущей социалистической Австро-Венгрии. Там он обнаружил свою несостоятельность в самом ходе событий. К России он был приложен механически и нашел в ней такое же механическое воплощение. Но никто, кроме самих большевиков, не считает национальный вопрос в России разрешенным. Напротив, он является ахиллесовой пятой коммунистического строя.

Сейчас, когда об этом так много говорят и пишут, безынтересно вспомнить другой проект восьмидесятилетней давности, вышедший из недр общественности и апробированный националистической общественностью одной из самых крупных этнических групп старой России.

В 1883 году появился в печати, особым изданием, любопытный документ, именуемый «Политической программой земского союза», который представляет в значительной степени не что иное, как систематическую сводку отдельных соображений и пожеланий, высказывавшихся на протяжении многих лет в земских собраниях различных губерний Российской Империи. В этих пожеланиях земских представителей не малое место занимают вопросы переустройства и улучшения административной системы империи и ее

структуры. По существу «Политическая программа земского союза» представляется материалом для выработки конституции, и в ней заключается целая схема для разрешения национальной проблемы.

По мнению главы украинского националистического движения второй половины XIX века — М. П. Драгоманова, «Политическая программа земского союза» открывает национальным меньшинствам Российской Империи наилучший выход — в смысле удовлетворения всех своих чаяний. Драгоманов нашел в ней полное тождество со своими собственными проектами. Когда ему пришлось обобщать и формулировать свои точки зрения, придавать им программный вид, он в основу этой работы положил программу земского союза. Его «Опыт украинской политико-социальной программы», опубликованный в Женеве в 1884 г., представляет собой, по собственному его признанию, почти буквальное воспроизведение многих статей земской программы.

В свою очередь, и «Опыт украинской программы» — не индивидуальное творчество Драгоманова, но сводка многочисленных пожеланий, замечаний, предложений и целых проектов, поступивших от разных лиц. Его можно, таким образом, рассматривать, как коллективный труд, основанный не на отвлеченном социально-политическом мудрствовании, а на учете местных реальных условий, на соприкосновении с практикой жизни и народных чувств и настроений.

Исходное положение драгомановского «Опыта» заключается в том, что он считает возможным удовлетворение всех национальных требований украинцев и прочих российских народов без отделения их от России, в недрах самой Российской Империи. Для достижения этого нужно коренное переустройство управления империей. Драгоманов предлагает всем малым народам соединить свои усилия с усилиями русских людей для преобразования существовавшего тогда строя на новых началах. По его мнению, интересы их до такой степени совпадают с интересами русского народа, что их национальные чаяния могут быть удовлетворены без противопоставления их национальных программ социаль-

ной программе русского народа. Осуществление этой социальной программы принесет одновременно и национальное освобождение малым народам. Вот почему, проект устава украинского общества «Вольный союз» (Вильна спилка) выше всех задач ставит деятельность, направленную на преобразование Российского Государства на началах политической свободы. Под словами «политическая свобода» он понимает, прежде всего, права человека и гражданина: неприкосновенность личности и жилища, неприкосновенность частной переписки, свободу выбора места жительства и занятий, свободу пользования родным языком в частной и публичной жизни, свободу совести, веры и неверия, равно как беспрепятственного отправления богослужения и религиозных и национальных обрядов. Разумеется, в число свобод входила и свобода речи, печати, театров и обучения, свобода сходов, собраний и демонстраций. Оговорено было, также, право гражданского и уголовного иска против должностных лиц и учреждений за незаконное нарушение интересов граждан, право сопротивления незаконным действиям чиновников и, наконец, равенство всех в гражданских правах и обязанностях. Драгоманов и его последователи полагали, что уже в этом перечне свобод и прав заключается если не вся, то большая часть их национально освободительной программы. Достаточно добиться свободы местного языка в сочетании со свободой слова, печати и школьного обучения, чтобы значительная часть национальных требований получила полное удовлетворение. Если присоединить к этому свободу союзов, собраний, театральные представления, демонстраций, свободу культов и богослужений, то много ли останется желать для независимой национальной жизни?

Но в «Опыте украинской программы» содержатся разделы, расширяющие возможность осуществления национальных прав. Таков раздел, озаглавленный «Самоуправление». Все в нем изложенное исходит из мысли, что Российская Империя, по своей необъятности, не может успешно управляться из центра бюрократическим порядком. Развитие местного самоуправления, с точки зрения народа и со здоровой государственной точки зрения — настоятельная необходимость. Самоуправлением должны быть пронизаны

все территориальные единицы, начиная с самых маленьких сел и городов, до крупных областей.

Прежнюю губернскую систему М. П. Драгоманов предлагает заменить делением России на 20 крупных областей, «сообразно совокупности географических, экономических и этнографических условий». Украинский патриот вовсе не считает ущербом для своего национального дела, если Украина вся целиком не будет выделена в особую территорию, а разбита будет, скажем, на три крупные области — на Киевскую, Одесскую, Харьковскую, в которые войдут также земли населенные и не украинским населением. В свою очередь, некоторые земли с украинской этнографией отойдут к области Полесской, заселенной преимущественно белоруссами. Этнографический и национальный принципы не являются доминирующими в создании областей; иной раз, географические и экономические соображения оказываются гораздо более важными. По этим соображениям, например, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия (губернии), с присоединением к ним некоторых уездов губернии Витебской, образуют, согласно проекту, Балтийскую область; весь Кавказ объединяется в одну, а земли с великорусским населением разбиваются на 8 областей. По своим размерам, области должны быть таковы, чтобы зло централизации и чиновничьего канцелярского управления не тяготело над ними. В то же время, в отличие от казенной губернской схемы, предлагаемое деление подчинено принципу единства.

Население каждой области объединено чем-нибудь очень важным — либо экономическим фактором, либо географическим, либо такое единство заключается в его этнографии. Каких же благоприятных последствий ожидал Драгоманов от подобной системы для национальной жизни? Он полагал, что с учреждением областей народы России обретут все, что им нужно. По количеству прав, предоставленных области, она выгладит настоящим государством, типа американских штатов. Во главе каждой области стоит выборное учреждение парламентского типа, именуемое Думой, перед которой ответственны все должностные лица, кроме судей. «Областным думами и определенными при них управам и другим органам должны принадлежать: заведо-

вание делами местного общественного хозяйства, благоустройства и благосостояния, которые превосходят средства одного уезда, принятие общих областных мер по всем делам общественного хозяйства, благоустройства и благосостояния; надзор за всюю экономическою деятельностью в области (земледелием, лесами, промыслами, заводами, фабриками и др.) и принятие мер к сохранению природных богатств области и к правильному их пользованию, а также к обеспечению всеобщего богатства населения области; надзор (инспекция) за публичным обучением в области и заведование школами средними, содержащимися на областной счет, а также высшими школами и учеными учреждениями, академиями и пр.». Областная дума может издавать законы местного значения. Столь же широкими правами пользуются уезды, волости и простые сельские общества. Что мешает такой области, даже уезду, даже волости, при наличии перечисленных прав, осуществить свою национальную автономию, не порывая с общегосударственным целым?

Функции всероссийского правительства ограничиваются только общими для всех областей сторонами управления: армия, финансы, почта и телеграф, внешние сношения и пр. Все остальное — в руках областей и уездов. В Балтийской области, например, все уезды, населенные латышами и эстонцами, могут совершенно беспрепятственно вводить на своей территории печать, школы, университеты на местных языках, вести на этих языках делопроизводство в судах и административных учреждениях. Они могут брать под охрану местные национальные обычаи, традиции, памятники. Нет, буквально, ни одной здоровой национальной потребности, которую невозможно было бы удовлетворить таким путем. Единственно, чего не предусматривает проект украинского «Вольного Союза», — это возможности образования самостоятельного национального государства с особой армией и особой внешней политикой. Но эта возможность не предоставлена ни одной другой национальности, в том числе и русской. По словам проекта, сколько-нибудь реальное понимание положения и интересов украинского населения «должно привести к убеждению, что не только

в настоящее время свобода и развитие его тесно связаны со свободой и развитием других населений России, но что и вообще отделение украинского населения от других областей России в особое государство (политический сепаратизм) есть вещь не только во всяком случае трудная, если не невозможная, но при известных условиях вовсе ненужная для каких бы то ни было интересов украинского народа».

Весь строй мыслей Драгоманова связан с сознанием вреда для Украины, в случае превращения ее в самостоятельное национальное государство. Вред, прежде всего, в том, что стране грозила бы, в этом случае, утрата тех гражданских свобод, во имя которых поднят вопрос о ее освобождении. Никакая подлинно национальная жизнь невозможна там, где централизация управления и разросшийся на этой почве бюрократический строй получают широкое распространение. Он неоднократно внушает, что великорусская народность, считающаяся «господствующей», так же мало пользуется благами своего господства, как и «порабощенные» народности. Ее национальный дух в не меньшей степени, чем у прочих народов, подавлен бюрократической централизованной властью. Искать от нее спасения в отделении от Российской Империи неразумно. Отделяющаяся территория, особенно такая большая, как Украина, в стремлении создать собственное государство, неминуемо должна будет вступить на путь централизации, превратившись в осколок Российской Империи со всеми характерными ее болезнями. Какой смысл в переходе от одной централизации к другой? Ни количество гражданских свобод не увеличится, ни национальная жизнь, руководимая бюрократическим аппаратом, не будет подлинной народной жизнью.

Драгомановский проект спасает российские народы еще от одного зла — от национальной гордыни. В наши дни, право любого народа на национальную жизнь общепонятно и неоспоримо, но весь мир, одновременно, страдает от страшного зла шовинизма и национальной исключительности; существует потребность в каком-то средстве отделения этих непривлекательных сторон национализма от его здорового начала. В XX веке, пример целого ряда земель отошедших от России, не дал ничего благоприятного в этом смысле.

Он только убедил мир в том, что окончательное свое обличье шовинизм приобретает, как раз, в сепаратном государстве. Проявления и воспитание благородного национального чувства гораздо легче достижимы в предложенной Драгомановым форме областной федерации.

Ее идея представляется нам не только плодом земской практики и здоровой интуиции, она подсказана также историей России. Так называемый «прогрессивный» лагерь, из которого в наши дни исходят все проекты социальных преобразований, исключает историю из своих теоретических построений, он ее просто не знает, а в эмоциональном плане — она предмет его ненависти. Он объявил ей войну во имя будущего. От русского прошлого он отталкивался всегда с особенной яростью. Не удивительно, что он и не заметил в нем никакой пищи для размышлений о будущем. Не заметил, в частности, того, что Россия от рождения была государством многонародным. При всех сменах государственных образований, на протяжении двух с лишним тысяч лет, одни и те же народы оказывались каждый раз в недрах единого общего государства. В науке это называется закономерностью. И другая закономерность: какие бы крушения и распады ни претерпевали эти государственные образования, они возрождались в прежних, приблизительно, границах и с прежним этническим составом. Последний по времени распад, в 1917 году, показал, что отделившиеся от империи народы смогли сохранить свою независимость только на очень короткий срок и были поглощены новым государством — С.С.С.Р. В истории и географии Европейской России есть некое связующее начало, ставящее перед ее народами дилемму: погибнуть или найти формы достойного для всех существования в пределах единой державы. Если они не сделались жертвами взаимной резни, если не стали добычей турок, шведов и немцев, не утратили своей национальности, то только благодаря этой державе, которая хотя и была сурова во все времена, но спасала их от полного уничтожения. Земские деятели и Драгоманов, руководившие этой выношенной веками идеей, полагали, что и впредь им нет смысла покидать надежный кров единого государства. Надо, только, преобразовать его на на-

чалах, изложенных в «Политической программе земского союза» и в «Опыте украинской политико-социальной программы». По словам этой последней, характер преобразований — один для всех: устранение деспотизма и правительственной централизации, «которые и представляют политического врага, общего всем народам России, не исключая и того, национальность которого является в этом государстве господствующею. Этот враг может быть побежден только совокупными усилиями всех народов России, которые и должны для этого организовать себя, как внутри себя, так и между собою».

Проект федеративного устройства России рассматривается ныне, как архивный документ, как памятник политической мысли прошлого столетия. Не исключена, однако, возможность его «воскресения». Если настанет день, когда народы России окажутся призванными решать свою судьбу, он снова обретет программный характер.

С. П. Мельгунов

ДВА ОТРЫВКА

1. Ответ на вопросы о русской революции

(Из письма племяннику от 1948 г.)

Очень трудно ответить кратко и вразумительно на твои вопросы.

Я не буду касаться сложных проблем, относящихся к историческому процессу. Скажу только, что я лично решительно отрицаю какую-либо провиденциальность исторических событий. Детерминизма в истории нет, ибо события протекают среди реальных людей и преломляются в их весьма разной психологии. Все социологические законы в силу этого очень относительны. Так же обстоит дело и с революциями. Надо отбросить предрассудок, что революции происходят там, где народ экономически угнетен. Из голодных бунтов революция не рождается. Революция происходит — так показал имеющийся пока исторический опыт — тогда, когда существующий политический строй уже не соответствует происшедшим социальным и культурным изменениям в стране. Революция происходит тогда, когда командный класс не желает больше жить в условиях не подходящего для него политического быта. Так было в дни так называемой великой французской революции, так было у нас в феврале 17 г. — так будет и с большевицкой современной диктатурой. В массе, люди, конечно, не способны к историческому предвидению всех неожиданных последствий. Они остро реагируют на современность, которая их эмоционально затрагивает, не отдавая себе реально отчета в том, что, быть может, эволюционным путем могут быть достигнуты большие результаты. Поэтому тех, кто

верит в благие итоги революции, не могу назвать ни глупцами, ни преступниками. Революция сама по себе, конечно, при более или менее нормальных условиях наихудший метод разрешения назревших вопросов. Объективно можно сказать, что без переворота в феврале 17 г. Россия достигла бы больших результатов экономических и социальных, если бы продолжала, эволюционируя 25 лет..., идти по пути медленного демократического прогресса, так как основным стимулом русской жизни всегда был земельный вопрос.

Статистика дает определенный ответ: передвижение помещичьей земли в русло крестьянское до революции при содействии Крестьянского Банка шло таким темпом, что через 25 лет вопрос был бы разрешен окончательно в пользу крестьян, причем были бы избегнуты все происшедшие потрясения. Начало XX века в России ознаменовалось таким колоссальным ростом промышленности, что после войны (первой европейской) индустриализация страны достигла бы огромных размеров. В этом также нет сомнений — это говорит путем цифр статистика. В таком же масштабе шли и социальные завоевания рабочего класса. Развитие русской кооперации в деревне уже перед войной 14 г. превзошло то, что знает Западная Европа, — где не было ничего подобного по мощности нашим союзам маслоделов в Сибири: это были подлинные конкуренты капитализма.

Политический строй — мы им были очень недовольны. Только теперь видишь по сравнению с другими, что он плох был относительно. Не годилась в сущности лишь вывеска, отсылавшаяся средневековой теократией. Нас не удовлетворяла существовавшая конституция, т.е. имевшееся народное представительство в виде Государственной Думы, но она эволюционировала и через 25 лет, это почти неизбежно, без всяких потрясений в России установилась бы подлинная демократия. Двадцать пять лет — большой период для жизни страны.

Рассказать в двух словах, почему и как произошла февральская революция, невозможно. Одно несомненно — ее никто не ждал и непосредственно не готовил во время войны. Но общественная мысль так уже свыклась с тезисом, что существовавшие политические формы не соответство-

вали положению, — что революция, т.е. государственный переворот, радостно была приветствуема всем населением — это была по истине народная почти бескровная революция. Она поэтому не развалила исторических традиций, не нарушила тот путь к демократии, по которому медленно, но верно шла Россия. Наоборот, казалось, что она бесконечно ускорит демократический прогресс. На деле получилось иное — и здесь виноваты только люди — плохие актеры на исторической сцене.

Я в нескольких словах не могу описать причины неудачи революции, трагическим образом происшедшей во время *войны*, и роль, которую сыграли при этом крайние безответственные фантасты, сумевшие при помощи немецкого золота опереться на демагогию и аморальные в выборе методов для достижения своих целей: в этом отношении большевики действительно «бесы» Достоевского. (Перед самой нынешней уже войной я выпустил книгу, которая была издателем уничтожена в виду прихода немцев в Париж. Книга была названа «Золотой немецкий ключ к большевицкой революции»...)

Октябрьский переворот 17 г. действительно грубо нарушил на мой взгляд демократические пути развития России. И объективно я вижу в стране в отношении того, что могло бы быть, только регресс. Хваленая индустриализация построена на гробах миллионов погибших — не она спасла Россию во время последнего нашествия немцев. Насильственная коллективизация деревни привела к обнищанию населения и снова к миллионам жертв. Экономическое положение народа отвратительно до последнего времени при режиме, которым народ приносится в жертву государству. Создался новый командный класс, который поддерживает террористическую диктатуру... Пойдет ли Россия при таких условиях по пути демократическому? Я думаю, что в конце концов пойдет, ибо не верю, что русского можно превратить в «робота». Ну, это уже прогнозы. Оставим их.

Для иллюстрации предыдущих мыслей я хотел бы указать на один пример. Утверждают, что *теперь* в России достигнута всеобщая грамотность (очень относительная). По плану Госуд. Думы, разработанному в 1908 г., эта грамот-

ность должна была получиться в 1922 г., т.е. фактически опоздание ровно на четверть столетия...

В итоге я считаю, что Россия пойдет по пути демократии, если сбросит иго красного фашизма, каким в подлинном смысле слова является антинациональная большевицкая власть. Большевики породили и немецкий фашизм — это родные братья, близнецы.

При отклонении от нормальных условий переворот неизбежен...

2. Несколько слов о возникновении и трагедии власовского движения

(Из интервью, октябрь 1948 г.)

Все сведения, проникавшие до войны из-за железного занавеса, которым Советская Россия отгорожена от мира, довольно однотонно определяли настроение народных масс так: ждут военного столкновения и обратят оружие против ненавистой деспотической власти — за коммунистическое правительство никто сражаться не будет, и война покончит с политическим и социальным строем СССР... И действительно первые месяцы войны с Германией ознаменовались массовыми сдачами в плен — даже целыми крупными воинскими частями, что нельзя было объяснить только их технической неподготовленностью. Немецкие войска в своем почти «триумфальном» шествии по российским просторам восторженно встречались населением, как освободители. Это факт, исторически не подлежащий оспариванию.

Появление немецких военных сил на территории оккупированных областей развязало на местах скрытую раньше антибольшевицкую борьбу. Но немцы в своей победоносной самоуверенности ее не только не использовали, но постарались подавить ее в самом зародыше, считая нежелательным создание русской национальной силы, которая могла бы противостоять их открыто поставленным завоевательным целям. Военная немецкая власть предпочла искать опору в сепаратистических элементах страны — среди тех народностей, которые добивались расчленения единой России. Такие попытки были сделаны и привели к образова-

нию некоторых добровольческих, военных частей, включавшихся в состав немецкой действующей армии. Эти первые добровольческие группы 41-42 гг. не имели никакого отношения к последующей организации Русской Освободительной Армии (Р.О.А.) на территории Германии, во главе которой встал советский генерал Власов.

Эксплуататорские тенденции завоевателей, сопровождавшиеся применением в широком размере террористических административных мер, очень быстро рассеяли создавшиеся было иллюзии относительно немцев, готовых освободить страну от коммунистического ига. Развившееся партизанское движение выродилось в борьбу на два фронта — против коммунистов и немцев.

Осложнения на фронте и в тылу заставили немецкие руководящие круги несколько изменить свою тактику в отношении русских и попытаться скопировать методы, примененные большевиками — создать из русских уже сил на территории Германии антибольшевицкую армию. Начались поиски в лагерях для военнопленных среди высшего командного состава Красной Армии соответствующего популярного лица, которого можно было бы сделать русским «вождем», пребывающим в центре Германии под надежным присмотром.

Итак, очень скоро в ответ на создание «Свободной Германии», возглавляемой сдавшимся под Сталинградом в плен фельдмаршалом фон Паулюсом, немцы смогли выставить генерала Власова — «вы нас Паулюсом, а мы вас Власовым»...

Генерал Власов, приобретший популярность своей защитой Москвы, попал в плен в середине 42 года. Лица, его знавшие, утверждали, что на Власова чрезвычайно сильное впечатление произвело явное нежелание народа умирать за большевизм, за Сталина. Он откликнулся на обманный призыв немецкой пропаганды, дававшей уверение в том, что путем предварительного соглашения с немцами можно выйти из войны, победив большевиков и сохранив Россию. 27 декабря 1942 г. появилось обращение генерал-лейтенанта Власова к русскому народу, где он объяснял причины, по которым он решил стать на путь борьбы со сталинской дик-

татурой, и призывал народ к борьбе против большевизма. Возглавляемая им «Русская Освободительная Армия» должна была действовать самостоятельно лишь в союзе с немцами...

Элементов для создания такой армии было более, чем достаточно, принимая во внимание ужасное положение русских пленных (достаточно сказать, что из зарегистрированных в 42 г. трех миллионов военнопленных умерло больше половины — советская власть находилась вне краснокрестной конвенции). В феврале 43 г. Власов совершил поездку в оккупированную немцами часть России — энтузиазм, с которым он там был встречен, испугал немцев, и они поспешили его убрать и держать в тени. Началась своего рода игра в кошку-мышку. Немцы действовали именем Власова для того, чтобы формировать русские добровольческие части, и без ведома Власова отправляли их на Западный фронт. Таким образом окончательно отпала наивная надежда на то, что немецкая завоевательная война переродится в войну освободительную. Власов, против своей воли, сделался марионеткой в руках немцев...

В последние месяцы 44 года, когда вопрос о военном разгроме Германии стал для всех ясен, немцы несколько изменили свою тактику и предложили Власову реально стать во главе формирующейся русской антибольшевицкой армии... Призывы Власова нашли широчайший отклик среди пленных и депортированного из России гражданского населения всех рангов и категорий. Армия выросла до внушительных размеров — 800 тысяч человек и по расчету зачинателей должна была в ближайшее время дойти до 2.000.000. Ослаблен был немецкий контроль к политическому оформлению лица Р.О.А. В ноябре 44 г. в Праге состоялся съезд руководителей Р.О.А. при участии квалифицированных специалистов и научных работников из числа депортированных, на котором были выработаны тезисы политической программы, получившей наименование «пражского манифеста». Он был выпущен от имени Комитета «Освободительного движения народов России», дружественного демократическому миру и лишь в силу особых исторических

условий оказавшегося формально в одном лагере с германским нацизмом.

Дальше началась трагедия «власовского» движения. Попытки завязать организационные связи с представителями демократического мира не удались. Судьбе угодно было, чтобы первая окончательно сформировавшаяся дивизия Р.О.А. под началом генерала Буйниченко освободила Прагу от немцев. Войска маршала Конева на подступах Праги появились через несколько дней после того, как власовская дивизия должна была сложить оружие и сдать на милость союзников. Власовские войска, по злосчастному ялтинскому соглашению, подлежали выдаче советской власти. 12 мая 45 года американцами был выдан и сам главнокомандующий. 1 августа 46 г. генерал Власов и десять его ближайших соратников были публично повешены в Москве.

.....

...При столкновениях частей Красной Армии с власовскими отрядами всюду наблюдался легкий переход красноармейцев в Р.О.А., так как настроения были приблизительно одинаковые.

.....

Для борьбы с нежеланием армии сражаться с немцами советскому правительству пришлось круто изменить свою интернациональную тактику и обратиться уже к национальному чувству русского человека. Этим объясняется формальная ликвидация Коминтерна, привлечение авторитета Церкви к защите родины и возвеличение былых героев в эпохи национальных войн и т.д. Взывая к патриотическому чувству и военной традиции командного состава, украшая его орденами и чинами, власть вынуждена была временно ликвидировать институт партийных политических комиссаров, состоявших при командирах. Наряду с этим, однако, усилена была внутренняя государственная полиция для наблюдения за настроением населения и ликвидации оппозиции. Армия Н.К.В.Д. во время войны была доведена до 1 миллиона человек. Такие специальные отряды оставались в зонах, оккупируемых немецкими войсками, в целях про-

воцировать население на выступления против немцев и вызывать тем самым жестокие карательные экспедиции со стороны последних. Одновременно официальная пропаганда широко использовала насильнические действия вражеской оккупационной армии и тяжелые условия плена у немцев. Все попавшие в плен объявлялись изменниками отечества, родственники их преследовались и лишались продовольственных пайков.

.....

В момент контакта Красной Армии с Западом массовое дезертирство исчезло... Это было время победоносного шествия армии, все уничтожающей и разрушающей по пути. Причиной был не только военный психоз, но и то, что боевой состав Красной Армии преимущественно пополнялся в это время малокультурными азиатскими частями. Этим «монголо-тюркским» полчищам власть как бы сознательно предоставляла грабить и насильничать в завоеванном крае... По окончании войны явно обнаружилась ненадежность русских частей оккупационной армии, непосредственно познакомившихся с бытом «капиталистических» стран. Началось массовое, уже в точном смысле слова, дезертирство, не прекратившееся и через три года по окончании войны. Борьбой с этим является запрещение контакта с населением и постоянная смена старых частей новыми, прибывающими изнутри страны.

.....

Установить точное число отказавшихся репатрироваться нет, конечно, возможности. Можно только с категоричностью утверждать, что если бы не было насильственных репатриаций, которые сопровождались массовыми облавами, число так называемых «невозвращенцев», исчисляемых ныне в несколько сот тысяч, выросло бы во много раз. Неясность Ялтинского соглашения союзников (никогда не опубликованного) советское правительство толковало, как свое право требовать возвращения на родину всех вообще, покинувших так или иначе Россию с 22-го июня 41-го года, независимо от того — были ли это дезертиры из армии

или депортированные в Германию рабочие и разного рода специалисты. Категория политических беглецов вообще не признавалась. В результате такой ненормальности русские, не желающие возвращаться, искали всяких путей для получения тех или иных документов (подлинных или даже фальшивых), которые доказывали бы, что они не русские или выехали из России до последней войны (насильственной репатриации не подлежали уроженцы территорий, вошедших в состав СССР после войны — Прибалтики, Литвы, части Польши и Галиции). Поэтому множество русских превратились по паспортам в украинцев, поляков, литовцев, латышей и эстонцев. Масса бродила без документов..., нигде не регистрируясь и оставаясь на положении почти нелегальном. Большинство «невозвращенцев» естественно осело в Германии и только медленно отсюда всякими путями просачивалось... в другие страны.

Причин невозвращения, конечно, несколько. Прежде всего страх, ибо слишком хорошо известно, что несмотря на все широковежательные заявления советской власти о прощении за содеянное в дни войны и сентиментальные призывы на тему — родина ждет своих блудных детей, возвращающихся в действительности ждет суровая кара: тысячи расстреливались на первом уже этапе в советской зоне Германии; тысячи проходили через суровый контроль разнообразных фильтрационных комиссий и в большинстве своем попадали на каторжные работы в концентрационных лагерях — в лагерях смерти по общежитейской терминологии... Но не страх доминировал в сознании тех, кто при насильственной репатриации покушались на самоубийства, вскрывали себе артерии и вены кусками стекла или острого железа (сколько аналогичных драм видели в германских лагерях — Платлинге, Дахау и др., получивших отныне печальную славу в истории). Невозвращенцы предпочитали горечь эмигрантского хлеба радостям советского ада, жизнь в условиях известной свободы духа прозябанию бесправного раба...

Г. Г. Дерюгин

СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (СЭВ)

1.

В январе 1949 г., через три с лишним года после окончания Второй мировой войны, по инициативе советского правительства в Москве было созвано совещание по вопросу о будущих экономических взаимоотношениях восточноевропейских государств. Переговоры велись между представителями стран, в которых государственная власть недавно перешла в руки национальных коммунистических партий, и 25 января того же года было опубликовано коммюнике, объявившее о единогласном решении членов совещания создать Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в который вошли бы представители всех социалистических стран Европы и который ставил бы себе целью всемерное экономическое сотрудничество и сближение этих стран. Нет сомнений, что СССР играл при обсуждениях и решениях руководящую роль.

О закулисных переговорах, предшествовавших формальному созыву этого совещания, ничего не известно и протокол о них не был опубликован.

Учредителями СЭВ оказались следующие государства: СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия. В феврале 1949 г. к ним присоединилась Албания, а в сентябре 1950 г. в СЭВ была принята Германская Демократическая Республика. Временный устав организации допускал вступление в нее всех европейских стран, разделяющих ее цели и готовых взять на себя обязательства других членов; однако прошение Югославии, которая тогда уже находилась в открытом конфликте по некоторым догматическим положениям с советским коммунистическим руководством, о вступлении в СЭВ было отклонено.

По многим причинам организация СЭВ не привлекла большого внимания остального мира. Во-первых, экономическое положение всех стран Восточной Европы, включая СССР, в результате войны все еще было катастрофическим и вряд ли могло быть значительно изменено от такого сотрудничества; во-вторых, правовое, политическое и экономическое положение этих стран, в которых располагались значительные части советских войск, скорее походило на оккупированные территории, а не союзные государства; в-третьих, сомнению подвергались законность и устойчивость коммунистических правительств этих стран, представлявших меньшинство населения и насажденных авторитетом Советской армии. И наконец указывалось на то, что в декларации Московского совещания, созванного неожиданно и как-то поспешно, преувеличивалось значение торговли между странами Восточной Европы, отвергался «диктат» плана Маршала и резко осуждался экономический бойкот, якобы проводимый против стран «народных демократий».

Вместе с тем было известно, что, несмотря на чрезвычайно трудное экономическое положение в СССР и в других странах Восточной Европы, советское правительство отказалось обсудить план все-европейского экономического сотрудничества для лучшего использования экономической помощи, предлагаемой США (план Маршалла). К тому же оно препятствовало своим сателлитам участвовать в таком сотрудничестве и получать американские субсидии и кредиты, что, конечно, сильно задерживало экономическое восстановление всех стран Восточной Европы. Все эти обстоятельства и подтверждали впечатление, что создание СЭВ было лишь тактическим маневром советского правительства в ответ на план Маршалла, с целью отвлечь внимание народов Восточной Европы от начавшегося восстановления народных хозяйств Западной Европы.

Не отрицая существования пропагандного умысла, все же нужно думать, что причины создания СЭВ и его значение лежали значительно глубже.

Послевоенная обстановка поставила руководство Советского Союза перед рядом серьезных и частично совершенно новых задач, разрешение которых осложнялось дог-

матическими ограничениями марксистского учения. К ним относились прежде всего проблемы экономики, которая, как верят марксисты, определяет все остальное развитие общества. Поэтому на первом плане стояла задача возможно быстрого преодоления экономических последствий разрушительной войны, превышавших по размеру, сложности и серьезности самые пессимистические предсказания.

Вопрос сводился, конечно, не только к отстройке, модернизации и реорганизации производственных единиц; одновременно нужно было планировать дальнейший, пропорциональный рост комплексного и динамичного народного хозяйства, координировать и синхронизировать все его отрасли и обеспечить производством быстро растущие, после войны, промышленность и население СССР. Эта задача сама по себе была исключительно сложной и серьезной — в особенности для подорванной войной советской экономики. Вместе с тем, советское правительство отказалось воспользоваться огромными экономическими ресурсами США. Само же советское хозяйство не производило существенных излишков, которые могли бы быть использованы для закупки нужных товаров за границей. При достигнутом сравнительно высоком уровне, успех дальнейшего развития советского хозяйства в возрастающей степени стал зависеть от рационализации всей системы комплексного современного производства. Вместе с тем, не только недостатки, свойственные коммунистической центрально-плановой системе, но и исключительно неблагоприятное географическое распределение источников энергии и промышленного сырья на территории СССР, в особенности в европейской его части, значительно повышали затраты ресурсов и стоимость производства. При этих условиях, невозможность пользоваться мировыми ресурсами заметно тормозила дальнейший рост. Таким образом, выход коммунистической системы, в результате Второй мировой войны, за пределы СССР и превращение ее в «мировую систему социализма» могло иметь большое значение для хозяйственного развития страны.

В орбиту советского влияния вошли шесть восточно-европейских стран — Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния и Чехословакия — с общей площа-

дью свыше 1,13 млн. кв. км., или 55% всей европейской территории, исключая СССР, и с населением почти в 100 млн. человек, что составляло около 60% советского населения. Часть этих стран обладала высоко развитой промышленностью; другие имели большие запасы сырья и энергии или значительный сельско-хозяйственный потенциал. Задача заключалась в том, чтобы включить эти области наилучшим путем в «строительство социализма».

Однако в период военных действий и первых послевоенных лет, когда самое существование советского строя было под угрозой, руководителям Советского Союза было не до этих проблем. Заняв Восточную Европу, правительство СССР постаралось использовать хозяйственный потенциал оккупированных стран для разрешения насущных вопросов войны и послевоенного строительства. Оно делало это путем репараций, использования текущей продукции, и при помощи демонтажей и вывоза из этих стран всего, что можно было подвести под категорию «немецкого имущества» и что могло быть использовано для восстановления хозяйства СССР.

Такая экономическая политика, как и препятствия, чинимые советским правительством в деле восстановления экономических связей Восточной Европы с Западом, задерживали процесс хозяйственного восстановления этих стран, сильно понижая их жизненный уровень и вызывая общее неудовольствие.

Когда в 1948 г. экономические ресурсы США потекли в Западную Европу и заметно стимулировали экономическое развитие, партийное руководство СССР не считало возможным далее откладывать вопрос о постройке «мировой системы социализма».

В плане подготовки этого нового этапа, политическая, социальная и экономическая системы в «народных демократиях» стали быстро приравниваться к советскому образцу. В 1948 г. советское правительство сильно снизило свои репарационные требования по отношению Венгрии и Румынии, а в январе 1949 г. в Москве состоялось совещание представителей шести социалистических стран, которое и закончилось решением создать СЭВ.

2.

Задачи и цели, которые ставил перед собой Совет Экономической Взаимопомощи, имели, конечно, как идеологические, так и прагматические корни, неразделимо переплетенные друг с другом. В свободном мире преобладало мнение будто СЭВ лишь маскировка, за которой скрывалась экономическая эксплуатация стран Восточной Европы. Но такое предположение не обосновано; прагматизм и утилитаризм, свойственные западноевропейскому мышлению, часто препятствуют правильной оценке коммунистических действий, ибо не учитывают их идейного содержания. А вместе с тем, идеи — фундаментальные двигатели исторических событий; при этом дело, конечно, не в содержании объективной правды, а в субъективном восприятии людьми содержания идей. Человеку свойственно искать правду и совершенство; если в проповеди идеи ему слышится ответ на насущные вопросы жизни и моральный пафос справедливости, который всегда дорог человеческому сердцу, — всякая догма может превратиться в огромную силу.

Нельзя понять организацию и деятельность СЭВ, не учитывая ее догматическую основу. СЭВ должен был стать зародышем социалистического планового хозяйства в международном масштабе, демонстрировать его превосходство, стать коммунистической системой в миниатюре и привести «к слиянию народов в единую коммунистическую семью, в которой исчезнут государственные границы...»

Таким образом, СЭВ становился важнейшим экспериментом в истории развития социализма советского толка, судьба которого неминуемо должна отразиться на судьбе мирового коммунизма.

Так как все социальные процессы в марксистском понимании определяются экономическим развитием, то политическому и культурному объединению неизбежно должно было предшествовать экономическое единство; созданные в странах СЭВ социалистические хозяйственные взаимоотношения, в силу действия «объективного закона социалистического развития», автоматически вели к международному сотрудничеству и объединению. Так утверждала марксистская теория.

Таким образом, СЭВ в первую очередь и прежде всего — организация всестороннего экономического сотрудничества, которая, как надеялись ее творцы, значительно ускорит создание экономической базы социализма и сократит период перехода к коммунистическому обществу; с помощью СЭВ социалистические страны надеялись за короткий срок достигнуть решающий перевес над капиталистическим миром в области материального производства. Это должно было произойти путем наиболее рационального и эффективного использования всех ресурсов в участвующих странах и наиболее полного и пропорционального, планового развития их производительных сил. Этого можно было достигнуть только объединенными усилиями планирующих свои экономические усилия правительств. Таким образом, процесс ускоренного хозяйственного развития во всякой отдельной стране был одновременно и процессом экономической интеграции.

Рационализацию производства и ускорение экономического роста можно было ожидать от создания расширенного общего рынка для промышленных изделий в рамках СЭВ. Это позволило бы установить международное разделение труда и специализацию на основе наиболее рационального использования человеческих, капитальных и природных ресурсов всякой страны. Кроме того, именно такая специализация открыла бы возможность, даже странам с незначительным внутренним рынком, строить крупно-серийные производственные единицы, а следовательно понижать необходимые затраты и повышать уровень экономической эффективности, направляя освободившиеся ресурсы в другие виды производства.

Эти и другие начинания, вытекающие из международного разделения труда и специализации экономических преимуществ, должны были ускорить индустриализацию, которой вожди коммунизма придавали особенное значение — не только как способу увеличения реального дохода, но и как социальному процессу, необходимому для достижения стадии коммунизма. Догмат требовал, чтобы все страны СЭВ достигли этой фазы приблизительно в один и тот же исторический период; а вместе с тем, все они находились на

разных ступенях экономического развития; поэтому СЭВ стоял еще перед другой важной задачей: «выравнивать» экономическое развитие стран. Путем «братской» помощи, предоставляя отсталым хозяйствам часть своих ресурсов, развитые страны должны были сперва приостановить увеличение, а потом уменьшить неравенство экономического развития, сократив таким образом период постройки социализма. В принципе это не представлялось трудным, т.к. при социалистических экономических отношениях правительства якобы не руководятся мотивами национального эгоизма и в одинаковой степени заинтересованы в развитии всех стран.

Марксисты верили, что для выполнения этих сложных экономических задач требовалось только единство основных взглядов у руководителей и высокая степень однотипности экономических систем. Эти условия были налицо ко времени создания СЭВ. Социализация экономических систем стран Восточной Европы была почти полностью проведена, а коммунистическое идейное руководство было формально закреплено в марте 1961 г.; с тех пор рекомендации совещаний коммунистических партий стран СЭВ имеют программное значение для деятельности всех органов СЭВ.

3.

Задача всестороннего экономического сотрудничества семи самостоятельных государств, разных по своей социальной и экономической структуре и культурно-историческому прошлому, чрезвычайно трудна. Она осложнялась необходимостью решать все вопросы в рамках марксизма. Это положение, естественно, отразилось на организационной структуре и на методах работы органов СЭВ. Коммунистическое учение утверждает, что при социализме интересы экономического роста отдельной страны гармонично совпадают с интересами всех социалистических стран; поэтому интеграция стран СЭВ происходит во всех случаях вполне добровольно и гармонично. Вот почему в основу устава, принятого окончательно только в 1960 г. и дополненного в 1962 г., положен принцип сохранения полного суверенитета стран и принцип равноправия, исключаящий

какие-либо привилегии и специальные права индивидуального государства. Остается сомнительным, может ли международная организация, поставившая себе целью полную интеграцию, сохранить работоспособность при таком принципе. Он противоречит самой идее интеграции, сущность которой заключается в том, что ряд функций суверенных государств постепенно переходит в ведение над-национальных инстанций. Вместе с тем, в организационной структуре СЭВ нет над-национальных инстанций, как не предвидены и санкции, могущие принудить отдельное государство подчиниться общему интересу.

Следуя этому утопическому принципу, во всех органах СЭВ представлены все страны с равным правом голоса, причем все решения или рекомендации органов должны быть единогласными. Правда, высший орган СЭВ, а именно сессия, выносит **решения** только единогласно и только по вопросам организационным и процедуры; во всех других случаях он делает лишь **рекомендации**, которые передаются на рассмотрение правительствам участвующих стран; каждая страна обязана в течение 60 дней сообщить свою позицию, т.е. отвергнуть или принять рекомендацию. Только государства, принявшие такую рекомендацию, вырабатывают совместно международный (по своему юридическому характеру и своим правовым последствиям) договор или соответственно меняют внутренне-государственные законы. Переговоры должны продолжаться до тех пор, пока не получено согласие всех участвующих стран; часто это возможно только путем принятия компромисса, не достигающего первоначально поставленной цели. Этот метод неизбежно тормозит работу органов СЭВ и парализовал бы ее полностью; но вето одной страны не блокирует все решение СЭВ, а лишь освобождает страну, налагающую вето, от обязательства подчиниться решению. К тому же, в прениях принимают участие только те страны, которые заявляют о своем желании сотрудничать в данном вопросе.

Для проведения работ по интеграции СЭВ имеет следующие органы: Сессия СЭВ, Совещание Представителей, Секретариат и Постоянные Комиссии.

Сессия СЭВ — высший орган организации; она состоит

из делегаций всех стран, которые все должны присутствовать, чтобы сделать Сессию правомочной. Сессии собираются регулярно два раза в год, в каждом из участвующих государств, по алфавитному порядку. Главная задача сессии состоит в рассмотрении основных проблем интеграции, подготовленных другими органами СЭВ, в решениях и рекомендациях по этим вопросам и в определении хода дальнейших работ всей организации.

Государства-участники назначают в СЭВ по одному постоянному представителю — в ранге заместителя главы правительства; эти постоянные представители совместно составляют другой орган СЭВ — **Совещание Представителей**. Для организационного укрепления СЭВ при этом Совещании учрежден в 1962 г. постоянный **Исполнительный Комитет** в составе заместителей глав правительств. Главная функция Совещания — рассмотрение предложений стран и органов СЭВ и обсуждение новых методов сотрудничества; далее, оно координирует работу органов между сессиями и утверждает бюджет Секретариата.

Секретариат состоит из служащих. На его обязанности лежит ведение текущей технической и исполнительской работы между сессиями, связанной с деятельностью всех органов; Секретариат также следит за непрерывностью работ и за исполнением решений Сессии и Совещания; он ответствен за подготовку и редакцию протоколов, как и других документов. Особое значение Секретариата сказывается и в том, что секретарь, его помощник и лица им указанные присутствуют на сессиях; он также может от себя приглашать на сессии СЭВ, в виде гостей, другие правительства и международные организации.

Главная практическая работа по проблемам интеграции лежит на ответственности большого числа **Постоянных Комиссий**. С 1957 г. все они имеют собственный секретариат. Постоянные Комиссии состоят из специалистов по отдельным вопросам экономики, науки и техники, назначенных правительствами стран-участниц; функции Комиссий — изучение и детальная разработка конкретных проблем. По мере расширения деятельности СЭВ число их растет. Помимо Постоянных Комиссий, по мере надобности состав-

ляются временные комиссии, комитеты и рабочие группы, с целью разработки специфических проблем.

4.

Деятельность утопического по своему организационному замыслу СЭВ протекает как бы в трех фазах, в которых интеграционная работа постепенно углубляется, расширяется, но одновременно и затрудняется.

В период послевоенного восстановления хозяйства, социалистических перестроек и ускоренной, за счет нормального уровня жизни, индустриализации, по существу о какой-либо значительной интеграционной деятельности СЭВ, кроме координации торговли, говорить не приходилось. До известной степени процесс экономического объединения Восточной Европы шел сам по себе, в силу изоляции от внешнего мира и путем углубления и расширения торговых связей между странами СЭВ, что всегда указывает на рост обоюдной экономической зависимости. Подготовка и координация двусторонних торговых договоров, заключаемых обыкновенно на срок от одного до двух лет, происходили через органы СЭВ. Очевидно, условия не позволяли планировать торговлю на более продолжительное время, хотя периоды хозяйственных планов развития были длиннее, а успех их часто зависел от возможности импортировать машины, оборудование и сырье.

Идея интеграции стран СЭВ отражается в направлении этой торговли. Довоенная экономическая структура малых восточноевропейских стран традиционно была ориентирована на рынки развитых и богатых стран Средней и Западной Европы. Еще в 1948 г. $\frac{2}{3}$ всей их внешней торговли шло на Запад. С созданием СЭВ в 1949 г. происходит резкая перемена; с помощью установленной государственной монополии торговля переносится с «капиталистических» на «социалистические» рынки. Уже в 1950 г. 60-80% внешней торговли этих стран не выходит за пределы СЭВ. Переключение хозяйства СССР на экономические нужды и возможности Восточной Европы видно из того, что до войны только 5,2% (1938 г.) советской внешней торговли приходилось на Восточную Европу, а в 1950 г. эта доля составляла 81%.

К сожалению, недостатки советской статистики и значительные изменения территориальных границ, населения и экономической структуры в Восточной Европе не позволяют детального сравнения объема торговли с периодом до войны. Все же можно указать, что только в 1955 г. она достигла 5,1%, т.е. приблизительно довоенной доли мировой торговли, не включая СССР.

К 1956 г. СЭВ вступает в новую фазу. Во-первых, руководители стран СЭВ опасались консолидации несистематических экономических отношений, в особенности ввиду совершенно независимого друг от друга развития национальных хозяйств.

Кроме того, краткосрочность торговых договоров препятствовала планированию в развитии хозяйств, которые зависели от растущего ввоза товаров. К тому же новые партийные руководители, очевидно, придавали большое значение расширению хозяйственных связей для ускорения роста «материальной базы социализма».

Еще в 1955 г. все торговые договоры были переведены на пятилетний срок, приуроченный к периоду хозяйственных планов на 1956-1960 г.г. В 1956 г. Советский Союз, отказавшись от права получения дальнейших репараций от стран Восточной Европы, предоставляет им удешевленные кредиты. С 1956 г. роль СЭВ начинает заметно расти; он переходит от координации на уровне обращения, т.е. торговых и кредитных связей, к координации на уровне производства.

Для систематической интеграционной работы в рамках СЭВ создаются Постоянные Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в отдельных областях.

Координация развития отраслей хозяйства является проблемой рационального разделения труда и специализации. Сотрудничество в этой области могло стать важнейшим источником ускорения роста производительных сил всех стран, т.к. каждая из них располагает особой комбинацией ресурсов, будь то знание и опыт, оборудование, источники сырья или энергии, транспорт и т.д. Распределение производства согласно с национальными ресурсами позво-

ляло уменьшить стоимость производства, избегать неоправданное дублирование, сократить транспортные издержки и постепенно ликвидировать менее производительные единицы хозяйства; это, конечно, привело бы к повышению эффективности всех хозяйств; к тому же специализация на уровне производства открыла бы возможность малым странам СЭВ с ограниченными рынками сбыта развить высоко специализированные крупносерийные предприятия, часто требующие непосильных затрат и крупных рынков сбыта. А вместе с тем, крупносерийность производства часто позволяет существенное понижение себестоимости, освобождая часть ресурсов для развития других отраслей. (Марксизм, правда, всегда был склонен переоценивать выгоду и экономическое значение укрупненных предприятий и в СССР привел к «гигантомании»).

В некоторых отраслях специализация казалась естественной. Сюда относилось производство промышленного сырья; спрос на него по всей Восточной Европе непрерывно увеличивался в связи с ускоренным ростом индустриализации. Природные богатства распределены в Восточной Европе чрезвычайно неравномерно. Сотрудничество и помощь менее развитым странам при развитии источников сырья была в интересах всех, ввиду сложности современных технологических процессов и необходимости огромных и долгосрочных капиталовложений, непосильных отдельной стране и понижающих ее национальный доход. С другой стороны, страны, обладавшие нужным для экономического развития капиталом и знаниями, охотнее предоставляли их другим государствам, если взамен они получали, без валютных затрат, важное для себя сырье, а не пониженные, по идеологическим причинам, проценты за одалживаемый капитал. Таким образом, развились в рамках СЭВ новые для социалистических стран формы сотрудничества — совместные предприятия, которые стали создаваться и в других отраслях хозяйства, требующих больших инвестиций. Совместными усилиями страны СЭВ значительно расширили производство железной руды, бокситов, сульфатов, угля, цветных металлов, нефти и многих других минеральных и энергетических ресурсов. Примерами могут служить чехо-

словацко-польский и чехословацко-болгарский договоры касательно разработки медной руды, сотрудничество СССР и Венгрии в области бокситов, соглашение между Чехословакией, Польшей, Румынией и Венгрией о развитии черной металлургии, постройка Восточной Германией, Чехословакией и Польшей огромного целлюлозного комбината в Румынии, использующего местный камыш, и т.д. Особенно эффективной такая форма сотрудничества оказалась в области инфра-структуры экономики, т.е. в развитии транспорта, электроэнергетики, связи и пр. Известна стала законченная в 1963 г. грандиозная система нефтепроводов «Дружба», с годовой пропускной способностью в 15 млн. тон, длиной почти в 5000 км., соединяющая восточные нефтяные районы СССР с промышленными рынками стран СЭВ. Не менее интересен проект создания единой восточноевропейской электроэнергетической системы, в рамках которой трансмиссия «Мир», соединяющая страны СЭВ, уже закончена.

В 1960-1961 гг. в рамках СЭВ удалось договориться также о специализации в некоторых отраслях сельского хозяйства. Но наиболее значительным для экономического развития является сотрудничество в области знания, особенно науки и техники. Советский Союз предоставил другим странам СЭВ до 1962 г. более 28000 комплексов технических документаций и сам получил более 7000; кроме того 12000 экспертов из союзных стран посетили СССР, а 5000 советских экспертов побывали в других странах СЭВ. В данное время много сотен научно-исследовательских организаций всех стран СЭВ сотрудничают друг с другом, а с 1962 г. СЭВ рекомендовал создать даже ряд совместных научно-исследовательских центров.

Конечно, есть ряд других отраслей промышленности, где удавалось сотрудничество. Так например, СССР подписал договоры об оказании помощи при постройке более 1000 предприятий. Подобную же помощь менее развитым странам оказывали Чехословакия и Восточная Германия. Однако в огромном большинстве случаев договориться о разделении труда не удавалось, т.к. всякая страна хотела развивать свою собственную комплексную промышленную

базу. Трудности эти заставили СЭВ приняться за координацию долгосрочных перспективных планов хозяйства, т.к. отдельные отрасли хозяйства развивались по таким именно планам. Уже восьмая сессия СЭВ в 1958 г. рекомендовала координировать планы на период 1960-1965 г.г.; а с 1961 г. координация планов становится основной формой сотрудничества. Таким образом, СЭВ вступил в новую, третью фазу своей работы, перейдя от координации на уровне производства к координации на уровне комплексного планирования. Уже XXII съезд КПСС в 1961 г., объявивший двадцатилетний план строительства коммунизма на период 1960-1980 г.г., строит свои расчеты на возможности полного экономического слияния стран СЭВ. Но несмотря на ряд уступок и изменений в двадцатилетнем плане СССР, связанных с работой СЭВ, согласовать национальные хозяйственные планы не удалось. Именно поэтому советское правительство в конце 1962 г. выдвинуло план создания единого планового органа в рамках СЭВ. Но и это предложение встретило решительное сопротивление, особенно со стороны преимущественно сельскохозяйственных стран Болгарии и Румынии, которые стремятся к ускоренной индустриализации с помощью других стран и боятся передать эту задачу сверхнациональной инстанции. 22-го апреля 1964 г. пленум румынской коммунистической партии постановил настоять на независимости и суверенных правах во всех вопросах экономического сотрудничества, гарантированных Уставом СЭВ. Нужно считать, что в результате этого решения план создания международного планового органа в рамках СЭВ провалился.

5.

Чтобы оценить успех и уяснить себе трудности, перед которыми стоит СЭВ, необходимо отбросить, конечно, обычные преувеличения и пафос коммунистических источников. К сожалению, нет простого метода измерять степень интеграции, т.к. в условиях плановых хозяйств передвижение факторов производства далеко не всегда следует рациональным законам. К тому же система цен, позволяющая измерять и сравнивать показатели в условиях свободного

рынка, в социалистических хозяйствах произвольна. Поэтому нет возможности определить и сравнительную стоимость производства предприятий, эффективность капиталовложений и другие мерила экономической рациональности.

Прежде всего следует отметить, что СЭВ еще очень далек от достижения поставленной цели; поэтому преждевременно говорить об успехе или неудаче.

Большое неравенство стран Восточной Европы не благоприятствует «объединению на равных началах». Одним размером и удельным весом своей экономической мощи, СССР нарушает баланс стран СЭВ, затрудняя работу интеграции. Неравенство существует также в развитии и структуре других национальных хозяйств, что создает значительные центробежные силы в СЭВ. Его творцы учитывали неравенство экономического развития; однако, несмотря на некоторую помощь, оказываемую в особенности Советским Союзом, предоставляющим знания, капитал и сырье, «выравнивание» происходит чрезвычайно медленно. Так например, за 10 лет (1950-1960) СССР и Румыния увеличили свой национальный доход в 2,6 раза, Польша и Чехословакия в 2,1 раз, а Венгрия в 1,8 раз; в этих цифрах трудно усмотреть «выравнивание». Это и понятно: всякая помощь идет за счет собственного экономического развития или потребления, и ни одно правительство стран СЭВ не могло и не желало постоянно жертвовать своими интересами. Аграрные же страны — Болгария, Румыния и Венгрия — естественно, добивались такой помощи, с целью ускорить собственную индустриализацию.

Страны СЭВ очень быстро развивали свои производительные силы, в особенности промышленность; многие считают это заслугой «социалистического сотрудничества». На самом деле этот рост совсем не доказывает преимуществ социалистической системы или СЭВ, а является результатом абсолютной власти государственного аппарата, произвольно направляющего экономические ресурсы в индустрии роста, а не широкого потребления, понижая этим стандарт жизни населения. Насколько потребление в странах СЭВ было сокращено, видно из того, что в период до 1956 г. в СССР доля капиталовложения доходила до 30% национального дохода, а в других странах СЭВ до 50%. В демокра-

тических странах, где потребитель определяет спрос, такое «воздержание» от потребления мыслимо лишь в период войны. Только догма, отрицающая абсолютную ценность человека и не признающая метафизическую ценность его жизни, может так пренебрегать нуждами живущих людей во имя материального благополучия будущих поколений.

Быстрое развитие народных хозяйств не вызвано деятельностью СЭВ; это видно из того, что процент роста особенно высок в период до 1956 г., когда СЭВ еще не координировал производство.

Развитие и углубление экономических связей стран СЭВ до известной степени видны из растущего объема и из характера торговли; за десятилетие 1950-1960 она увеличилась в 3,3 раза и заметно изменила свою структуру. Даже если учесть, что в первые годы страны СЭВ были искусственно оторваны от торговли с Западом, то за истекшие 15 лет быстрого экономического развития новые экономические связи и сплетения углубились и окрепли. Рост экспорта промышленных товаров во всех странах отражает процесс индустриализации, разделения труда и специализации между странами СЭВ. Так например, за последние годы вывоз машин и оборудования Восточной Германии составлял 60%, Чехословакии 40%, а Советского Союза 20% всего экспорта. Такая ориентировка народных хозяйств на заграничные заказы продуктов тяжелой индустрии сильно влияет на дальнейшее развитие их структуры и показывает степень обоюдной зависимости стран СЭВ. Другой пример зависимости — это торговля промышленным сырьем в рамках СЭВ. В годы 1950-1960 страны СЭВ закупали 97% своей нефти, 75% железной руды, 67% хлопка и целый ряд других видов сырья в СССР; в свою очередь, Советский Союз ввозит растущее количество коксового угля, бокситов и много другого сырья из стран СЭВ. Но этот рост экономических связей не может изменить того факта, что догматическая база марксизма препятствует, а не способствует развитию дальнейшей интеграции. Там где поднимаются вопросы о международном разделении труда, органы СЭВ наталкиваются на растущие трудности, имеющие свои корни в недостатках социального и экономического учения марксизма. Так например, все страны отдавали явное догматическое предпоч-

тение всестороннему развитию тяжелой промышленности, даже когда это противоречило экономической рациональности; они считали это своим правом и даже обязанностью; помимо того что это льстило национальной гордости, руководители этих стран ссылались на учение Маркса и Ленина о фундаментальном значении крупной национальной индустриальной базы для социального развития общества и постройки социализма. Они также указывали на практику советской экономической политики в период «строительства социализма». Руководители СССР, безуспешно оправдывавшие автаркию СССР существовавшим до войны «капиталистическим окружением», теперь, в период «мировой системы социализма», требовали «социалистического разделения труда».

Но сам характер плановой системы способствовал развитию автаркии; успех национальных перспективных планов, определяющих экономическую структуру стран на 15-20 лет вперед, зависит от всякого звена в этом плане; поэтому трудно было ожидать, что государства будут полагаться на поставки из-за границы, над которыми нет у них контроля и которые часто не выполнялись или выполнялись неисправно.

Социалистическая система еще в другом смысле препятствует интеграции. Государству свойственно стремиться к укреплению своей власти; поэтому оно, установив полный контроль над производством, неохотно отдает его в руки международных органов, которые ему не подчинены. Несмотря на все догмы, национальные интересы естественно доминируют в работе СЭВ, и всякое правительство стремится использовать СЭВ для извлечения максимальной пользы для себя. Поэтому, после 15 лет сотрудничества в духе «социалистического интернационализма», внимание государственного руководства во всех странах СЭВ продолжает быть сосредоточено на национальных, а не на общих и над-национальных проблемах; органы же СЭВ в основном заняты гармонизацией этих национальных интересов, а не проблемами «единой социалистической экономики».

Но основная трудность дальнейшей интеграции состоит в другом недостатке марксистской теории.

Экономическая интеграция — значительно больше чем расширение торговли или международное соглашение о постройке новых заводов. Мерило ее успеха — это новое, более рациональное распределение национальных ресурсов, ведущее к понижению хозяйственных затрат и, следовательно, к повышению производительности. Но для повышения рациональности производства и его размещения прежде всего необходима рациональная, а не догматическая база экономического анализа. Марксистская экономическая теория этого дать не может. СЭВ уделял много времени методологическим вопросам, но только после шести лет усиленного координирования производственных планов, в 1961 г., опубликовал «Основные принципы социалистического разделения труда», как бы подтверждая этим, что до тех пор координационная работа велась без каких-либо принципов. Но и опубликованные принципы совершенно неудовлетворительны, и построить на них рациональное разделение труда невозможно. Это объясняется тем, что марксистская теория ценности ошибочна, а система цен, на ней построенная, совершенно произвольна; поэтому социалистические страны не в состоянии четко формулировать экономические проблемы и объективно измерять и сравнивать относительную стоимость предприятий, определять производительность капиталовложений и многие другие экономические данные, необходимые для рационального решения экономических проблем. Это видно из многих статей и дискуссий, опубликованных в Восточной Европе, а ярче всего отражается в том, что страны СЭВ в своих обоюдных торговых отношениях и расчетах должны пользоваться ценами мирового рынка.

Надо надеяться, что совместная работа над сложными вопросами экономической интеграции поможет участникам СЭВ осознать роковую несостоятельность и негибкость марксизма, препятствующего рациональному решению ряда важнейших экономических вопросов. В этом отношении работа СЭВ ставит участников перед выбором: пожертвовать идеологией — или допустить замедление экономического развития и оставить основные задачи сотрудничества неразрешенными.

С. П. Тимошенко

ПОЕЗДКА В РОССИЮ

Американцев в то время (1958) очень интересовал вопрос о постановке инженерного образования в России и ко мне часто обращались с разными вопросами по этому делу. Чтобы получить более точную картину о состоянии русских инженерных школ, я решил съездить в Россию.

Приехал я в Европу к началу мая и из Генуи отправился на Женевское озеро, где и пробыл до конца месяца. Поездка в Россию намечалась на первую половину июня, когда можно было уже ожидать в России хорошую, теплую погоду. До Вены я ехал по железной дороге, а оттуда должен был лететь на русском самолете в Киев.

Первая остановка на русской территории была во Львове. Здесь осмотрели наш багаж, считали деньги и чеки. Тут нам дали и завтрак. Малороссийский борщ был неплохой. От курицы, значившейся в меню, подали только кости. На третье был кисель. Но завтраком я тогда не очень интересовался. Главное было то, что я в России! Кругом русские люди, русская речь. От Львова до Киева самолет почему-то летел очень низко. Можно было различать не только деревенские хаты, но и ходивших по улице людей.

Наконец, мы в Киеве. На аэродроме меня встретила служащая Интуриста с автомобилем. Подъезжали мы к городу со стороны Кадетской Роши. Дорога была в отвратительном состоянии. Служащая Интуриста объяснила это тем, что кругом шла постройка новых зданий. Приехали мы в город. Улицы теперь имеют другие названия, но дома остались прежние и видно давно не ремонтировались. Подъезжаем к знакомой мне гостинице Гладынюка. Мне отводят обширное помещение, состоящее из приемной, спальни и

ванной комнаты. Мебель тяжелая, еще дореволюционного времени. Четыре больших окна на Фундуклеевскую улицу раскрыты настежь. Когда я попытался закрыть их, то убедился, что этого сделать нельзя. Оконные рамы были новые, но ужасная столярная работа. Оконные переплеты еле держались и при ничтожном усилии вся рама выгибалась и была готова рассыпаться на куски. Пришлось жить в Киевском отеле с раскрытыми окнами. В июне было тепло, но что делали с этими окнами зимой — я не знаю. Позже мне объяснили, что оконные рамы были разрушены во время взрывов, произведенных большевиками во время войны при отступлении из Киева. Мои оконные рамы представляли теперь образец нового, послевоенного строительства.

Я приехал часа в четыре дня. На дворе светило яркое солнце и, наскоро умывшись, я отправился осматривать город. Решил начать с Академии Наук. Оказалось, что для административных учреждений Академии было построено небольшое новое здание, а различные исследовательские институты расположились в соседних, ранее существовавших зданиях. Я интересовался Институтом Механики. Служитель Академии дал мне нужный адрес, и я туда отправился. На Фундуклеевской улице я видел старые знакомые мне дома. Разрушенный взрывами Крещатик был восстановлен. Тут теперь располагались здания общественного назначения.

Некоторое оживление было заметно возле книжных магазинов. Этот товар, по-видимому, был в большом изобилии. Столы с книгами были вынесены на тротуар и кругом их собиралось немало людей пересматривающих и читающих книги. Так я дошел до площади, где когда-то располагалась Городская Дума. Теперь здесь разбит красивый сквер. Тут же находился и нужный мне Институт Механики. Помещался он в старом двухэтажном доме. Из надписи у входа было видно, что тут когда-то жил Шевченко, значит — дому больше ста лет. Поднялся по узкой крутой лестнице во второй этаж. Институт был заперт. Вспомнил, что была суббота и что посещение официальных учреждений нужно отложить до понедельника. Пошел обратно в свой отель.

На Крещатике появилось теперь много гуляющих, ни-

куда не спешащих людей. Одеты они были в парусиновые или ситцевые блузы, подпоясаны шнурком. Обувь плохая. В отеле уже был открыт ресторан — можно пообедать. В ресторане иностранцев не видно — все местная публика. Сажусь за свободный столик. Рядом какая-то мужская компания. Пьют водку — поражает количество пустых бутылок. Подают меню — выбор небольшой. Начинаю с малороссийского борща. Борщ неплохой. С мясным блюдом труднее. Какой-либо ростбиф или отбивную котлету трудно разжевать — нужно брать рубленое мясо. Позже я постоянно заказывал яичницу с ветчиной. Ветчины обычно не было, но яйца были хорошие. На третье блюдо можно было получить компот из сушеных фруктов или кисель. Так я и питался во время моего двухнедельного путешествия. Подача блюд шла почему-то очень медленно и на обед уходило не меньше полутора часа. Но я никуда не спешил. Можно было наблюдать публику. За одним из ближайших столов сидел какой-то нервный господин. Он возмущался медленностью подачи обеда, поднял шум, потребовал жалобную книгу и что-то в нее записывал. Это было, очевидно, обычное дело — никого эти действия и пререкания с прислугой не удивляли.

Покончил я с обедом поздно. На улице уже было темно. Решил сидеть в своей комнате и пораньше улечься спать.

На следующее утро проснулся рано. Светило яркое солнце. К семи часам спустился в ресторан, но ресторан оказался закрытым до девяти часов.

Пришлось начать осмотр города без завтрака. Пошел вверх по Фундуклеевской. Решил посмотреть дом, который когда-то принадлежал моему отцу и в котором я, уже будучи профессором, прожил несколько лет. Дом, видимо, не ремонтировался, осталась та же покраска, что была пятьдесят лет тому назад. У дверей парадного входа висела доска с именами жильцов. В наше время по парадной лестнице было только три довольно больших квартиры. Теперь висел длинный список жильцов. В каждой квартире живет по несколько семейств. Зашел во двор. Здесь тоже перемена — исчезли заборы, отделявшие наш дом от соседей. Исчезли и цветники, о которых когда-то так заботилась мама. Во

дворе тихо, полное безлюдье. Очевидно, в восемь часов утра еще все спят. Жизнь на улице начинается позже. Все работы производятся женщинами. Они метут тротуары и поливают улицы.

Отправился дальше. Решил пойти к Владимирскому Собору. Было воскресенье, первый день Троицы. В церкви шла ранняя служба. Было немало молящихся. Поражает жалкая одежда посетителей. Особенно плохо обстоит дело с обувью. Много совсем босых, многие в каких-то жалких башмаках. Были и в валенках. Вообще люди в церкви одеты несравнимо хуже тех, что я видел накануне на Крещатике. Осмотрел Собор — видимо, содержится в полном порядке. При входе стоит городской, маленький, сморщенный, похожий на старичка. Таких городских в старое время не было.

К девяти часам вернулся в отель. Ресторан уже был открыт. Заказал кофе. К кофе подают серый хлеб, нарезанный большими кусками, и масло. Подает мальчишка лет пятнадцати. Я начал ему рассказывать, какие в старину были в Киеве булочки разных сортов. Мальчишка, видимо, хотел показать, что и теперь булочки имеются. Отправился на поиски, но вскоре вернулся с пустыми руками. Булочек нет.

После завтрака решил продолжать мою прогулку по городу. Но случилось иначе. Прошел я по улице только два дома. Остановился у газетного киоска посмотреть, что люди читают, и тут ко мне подошел незнакомый господин с портфелем. Минуту тому назад я с ним столкнулся при выходе из отеля. Теперь он меня нагнал. Он молча вынул из портфеля и подал мне книгу. Это был мой учебник сопротивления материалов. По надписи на первой странице было видно, что эту книгу, пятьдесят лет тому назад, я подарил библиотекарю Политехнического Института Сафроневу. Незнакомец сказал, что он племянник бывшего библиотекаря и теперь состоит преподавателем Института по строительной механике. Встреча была мне очень интересна.

Я предложил моему новому знакомому пройти в ближайший парк и там поговорить. Так и сделали. Мой собеседник оказался человеком разговорчивым и хорошо знакомым с институтскими делами. Еще студентом он был при-

зван на войну. После войны он окончил Институт, был оставлен для подготовки к ученой степени и теперь состоит при Институте преподавателем. Мы проговорили с ним почти три часа и я получил полную картину и учебной, и научной жизни Института. В заключение мой собеседник предложил проехать с ним на автомобиле смотреть город.

Для получения автомобиля нужно было пройти к оперному театру и там стать в очередь. Ждать пришлось недолго, мы получили автомобиль и поехали по Крещатику, по бывшей Институтской и мимо Лавры в Новый Ботанический Сад. Сад был обширный и видимо содержался в полном порядке. Мы спустились к Днепру и пошли вдоль берега. Тут теперь большое пешее и автомобильное движение.

После обеда я опять отправился на осмотр города. Пошел к драматическому театру. Из афиш было видно, что там идут украинские пьесы. В прежние времена, когда ставились пьесы из крестьянского быта с музыкой и пением, я любил украинский театр. Но теперь шли пьесы из городской жизни. Выяснивши, что вечером будет идти одна из таких пьес, я оставил мысль о театре и пошел бродить по городу. К началу представления я опять был у театра. Собиралась публика. Шли в театр в тех же блузах и сомнительных башмаках, которые я видел днем на улице. Очевидно, жизнь упростилась и для посещения театра никакие переодевания в вечерние наряды не полагались. Да вероятно таких нарядов и не было.

На следующее утро предстояло посещение Политехнического Института. Я встал рано. Ресторан в будние дни открывался раньше, чем в праздники, и к девяти часам я покончил с завтраком и был готов к поездке в Институт. Но представительница Интуриста объяснила мне, что директор Института ожидает меня к одиннадцати часам. В назначенное время я в сопровождении интуристки явился в Институт. У подъезда меня встретил профессор Г. С. Писаренко, заведующий лабораторией по сопротивлению материалов. Появился откуда-то и фотограф. Сделал несколько снимков. Деревья на территории Института за сорок лет, что я их не видел, сильно разрослись и отчасти закрывали здание Института. Здание осталось без изменений, только,

видимо, давно стоит без ремонта и обветшало. Зашли внутрь, в хорошо знакомый мне длинный коридор. Прошли в директорский кабинет. Директора еще не было. Меня встретили несколько профессоров. Все новые лица — никого из моих старых знакомых не осталось в живых. Скоро появился и директор — молодой человек лет сорока. Все спрашивают меня об организации американских инженерных школ и получить сведения о русских школах в такой большой группе было невозможно. После часа таких общих разговоров, директор заявил, что большая аудитория, в которой я в давние времена обычно читал лекции, сейчас открыта и в ней собрались студенты, которые были бы очень рады, если бы я им рассказал что-нибудь об американских школах. Пришлось сделать небольшой доклад в знакомой мне аудитории.

После доклада директор предложил мне осмотреть лабораторию, которой я когда-то заведовал. Она все в том же довольно тесном помещении. Теперь, после войны, русские перевезли из Германии немало машин для испытания материалов. Новые машины были втиснуты между старыми. Получилась теснота, при которой было трудно пользоваться машинами. Самодельные приборы, которыми я пользовался для иллюстрации различных отделов моего курса, применяются и теперь. Оказалось, что до сих пор пользуются составленную мною книжкой с описанием опытов, которые выполняются студентами. За пятьдесят лет никаких перемен! На стене висят портреты бывших директоров лаборатории. Среди них и мой портрет. После я узнал, что бывали времена, когда нужно было мой портрет снимать и прятать, но теперь, по-видимому, люди чувствуют себя свободнее.

При осмотре лаборатории я встретился с моим бывшим механиком. Он давно в отставке. О моем приезде он был уведомлен и пришел повидаться со мной. Поговорили о давних временах и о положении сейчас. При коммунистическом режиме его дети смогли получить высшее образование и его сын состоит теперь преподавателем механики при Институте.

После осмотра лаборатории опять собрались в дирек-

торском кабинете. Опять шел общий разговор. В заключении директор сообщил, что инженерное отделение, деканом которого я когда-то состоял, теперь выделено и составляет особый Инженерно-Строительный Институт и директор этого Института ожидает моего посещения.

Распрощавшись с профессорами Политехникума, я отправился в новый для меня Институт. Директор и группа профессоров поджидали меня у входных ворот. С ними я прошел в главное здание. Тут директор провел меня в аудиторию, где собрались студенты. После его вступительного слова я рассказал студентам о моей учебной деятельности в Америке. После доклада я недолго оставался в Институте. Было уже поздно и я отправился в свой отель.

На следующее утро предстояло посещение Института Механики Украинской Академии Наук. Прошло сорок лет с тех пор, как я составлял план деятельности этого Института и, конечно, было интересно посмотреть, что из моих планов осуществилось. Заведовал Институтом профессор Г. Н. Савин, с которым я познакомился на Конгрессе в Брюсселе. Работы Савина были теоретического характера и лаборатория Института развилась, главным образом, благодаря трудам профессора Е. О. Патона, известного специалиста по мостам.

При восстановлении мостов, после разрухи революционного времени, выяснилась необходимость часто применять в металлических мостах сварку вместо заклепок. В то время этот способ соединений был еще мало изучен и Е. О. Патон занялся этим вопросом в лаборатории Академии. Он имел большой успех. По применению сварки Россия занимает теперь, вероятно, первое место в мире.

Большое внимание уделяется в лаборатории также испытанию цемента и бетонов. Производство бетонных работ при низких зимних температурах представляет большой практический интерес при русских климатических условиях и в лаборатории ведется ряд работ по этому вопросу. Осмотр лаборатории механики дал мне большое удовлетворение. Основная идея сближения науки и техники, которой я так увлекся при организации кафедры механики при Киевской Академии Наук, оказалась жизненной и планирован-

ная мною лаборатория деятельно участвует в разрешении важных технических вопросов страны.

По окончании осмотра лаборатории пора уже было возвращаться в отель и готовиться к отъезду в Харьков. Чтобы побольше увидеть, я решил пользоваться при переездах железнодорожным сообщением. Но расписание поездов представляет в России какую-то тайну; время отхода поезда до последней минуты остается неизвестным.

Наконец, мы едем на вокзал. Вокзал новый, поместительный. На платформу пропускают только людей с билетами. Никакой толкотни, столь знакомой мне по прежним дореволюционным поездкам по России. Все места распределяются по билетам. Представитель Интуриста указывает мне место и уходит. Дам в вагоне не видно — одни мужчины. После я выяснил, что едет группа инженеров, возвращающихся в Харьков после какого-то съезда в Киеве.

По одежде они установили, что я иностранец. Любопытство усилилось, когда выяснилось из моего разговора с представителем Интуриста, что я говорю по-русски. Очень осторожно начались расспросы. Я рассказал, что интересуюсь высшим техническим образованием и что в Киеве осматривал Политехнический Институт. Из дальнейших разговоров они быстро установили мою личность. Они знали мои учебники, знали о моем переселении в Америку.

Число пассажиров в моем отделении быстро возросло и скоро уже толпились пассажиры и у входа, в коридоре. Всем было интересно посмотреть на русского американца. Было много вопросов о жизни в Америке. О России говорили неохотно. Зашло солнце, наступила ночь. Разговор все продолжался и я смог заснуть только после полуночи. Проснулся рано, в Полтаве. Чудесный яркий день. Смотрю не отрываясь в окно. Городов до Харькова нет. Селения встречаются редко — все зеленые поля. На станциях пусто — видел только несколько рабочих в валенках или каких-то высоких резиновых сапогах. Такой обуви в прежние времена тут не было.

Наконец Харьков. Встречает меня представитель Интуриста. Говорит, что меня поджидают две дамы. Подходит моя младшая сестра и с ней какая-то незнакомая дама. Се-

стру трудно узнать. В последний раз я ее видел сорок три года тому назад. Теперь передо мной стояла седая старуха. Ее спутница оказалась нашей дальней родственницей, которую я знал еще маленькой девочкой. Теперь это была пожилая женщина. Представитель Интуриста предложил отвести нас в гостиницу, а посещением школ заняться на следующий день.

Гостиница Интуриста оказалась мне знакомой. Я ее посещал, когда был еще студентом-практикантом на Севастопольской железной дороге. Все осталось по старому, только вывеску переменили. Прошли в отведенную мне комнату и тут начались разговоры. Мой отец и мать переселились к дочери, когда я покидал Россию. Мать скоро умерла. Отец остался у дочери. И дочь, и зять, инженер-технолог, оба служили, но, как лица не пролетарского происхождения, испытали много трудностей. Было время, когда их лишили квартиры. Пришлось жить зимой в товарном вагоне. Все вынесли и холод, и голод.

Теперь моя сестра жила в полном одиночестве. Ее отец и муж давно умерли. Детей ее, сына и дочь, забрали во время войны на работы в Германию и в Россию они не вернулись. Она уже не служит, получает ничтожную пенсию, иногда имеет частные уроки. Живет впроголодь. Так проговорили до обеда. После обеда решили посмотреть город, а потом отправиться к сопровождавшей нас родственнице, у которой моя сестра могла переночевать.

В Харькове, как и в Киеве, большая часть разрушений во время войны была произведена коммунистами. Теперь шла перестройка мостов, постройка новых зданий. Везде была грязь, строительный мусор — ничего похожего на прежнюю красивую Сумскую улицу. Так дошли до квартиры родственницы. Она служила секретаршей в Технологическом Институте и имела комнату вблизи Института. Тут наши разговоры продолжались. Родственница, видимо, боялась, что нас подслушивают. Просила говорить тихо, осматривала двери и окна. Настал вечер. Условились на следующий день встретиться у родственницы и там вместе пообедать. Распрощались и я отправился в свой отель. На

Сумской улице, несмотря на разруху и поздний час, было много гуляющих.

На следующее утро проснулся рано и, в ожидании представителя Интуриста, сидел у окна, смотрел на знакомую мне Екатеринославскую улицу и на берег харьковской речки. Вдоль речки уже нет больше красивых цветников. На противоположном нагорном берегу уже не высится красивая колокольня Харьковского Собора. У меня под окном раскопана улица, вытаскивают старые канализационные трубы. Тяжелые земляные работы выполняются женщинами. В прежние времена на таких работах женщин не было. Все это достижения коммунистического режима.

В девять часов появился представитель Интуриста и мы отправились в Технологический Институт. Директор меня сразу принял. В его кабинете уже были профессора теоретической механики и сопротивления материалов. Директор преподает детали машин и, видимо, в курсе всего учебного дела Института. Он без всяких посторонних разговоров сразу приступил к делу, ознакомил с положением дел Института, указал на увеличение числа студентов, на тесноту помещений, оставшихся без существенных перемен. Программы теоретических курсов остались примерно те же, что были в дореволюционное время, но практические занятия студентов значительно расширились. Каждый из них проходит на заводе практику, соответствующую выбранной им специальности.

После осмотра Технологического Института мой гид предложил посетить одну из средних школ. Я согласился и позже был очень доволен, что это сделал. Заехали в одну из школ. Обычных занятий там не было — шли экзамены. Нас встретил директор школы. Начали с осмотра классов, в которых преподается физика и химия. Классы эти были прекрасно оборудованы нужными приборами для демонстрации опытов. В мое время таких классов не было. Да и теперь, может быть, эта школа представляет исключение и служит для показа иностранным посетителям.

Разговорился с директором. Оказалось, что помимо административной работы, он преподает русскую литературу. Он пригласил меня в свой кабинет и показал учебники. По

сравнению с моим временем, преподавание литературы теперь значительно расширилось и продолжается в трех последних классах средней школы. Учебник по литературе состоит из трех томов, каждый примерно в четыреста страниц. Первый том начинается с былин, дальше Слово о Полку Игореве и кончается литературой восемнадцатого века. В третьем томе излагается новейшая литература, начиная с Горького. Я впоследствии купил и прочел эти три тома. Первые два тома представляют ту историю, которую мы когда-то изучали, но написанную интереснее и с большими подробностями. Что касается третьего тома, то эта книга наполнена пропагандой коммунизма и никакого литературного интереса не представляет. Директор произвел на меня очень приятное впечатление. Может быть он и коммунист, но безусловно человек, знающий свой предмет и любящий преподавание.

Покончив с осмотром школы, я отправился к родственнице, где меня ожидала сестра. Условился с ней, что буду хлопотать в Москве о ее выезде ко мне в Америку.

Московский поезд уходил вечером и я до Тулы проспал. Тула, видимо, разрослась, обратилась в большой промышленный центр. Кругом шли постройки новых заводских зданий. Во главе нашего поезда был электровоз, начиналась электрофицированная часть железнодорожной сети и расстояние от Тулы до Москвы мы проехали очень быстро. Вообще переезд Харьков-Москва занял пятнадцать часов. В прежнее время на это требовались сутки. Но эта линия особенная, по ней ездит вся коммунистическая знать на Черноморское побережье и на Кавказские Минеральные Воды. Перед Москвой, обслуживающая вагон женщина разносила стаканы полухолодного чая, но к чаю ничего, даже куска хлеба получить было нельзя.

На вокзале в Москве меня встретил представитель Интуриста и доставил меня в знакомый отель Метрополь. Мне отвели поместительный номер, состоявший из большой приемной и спальни. Вымывшись и переодевшись, я отправился вниз в ресторан. Чуть-ли не одновременно туда явились трое русских профессоров, которым, видимо, было поручено меня встретить. Двух из них, В. З. Власова и В. В. Соколовско-

го, я знал еще по Конгрессу Механики в Брюсселе. Третий, Г. К. Михайлов, оказался секретарем Общества Русских Инженеров. Про себя я решил, что он, должно быть, был представителем коммунистической партии. Профессора предложили начать день завтраком, а потом заняться осмотром Москвы и ее окрестностей.

Для поездки по Москве решили воспользоваться автомобилем Власова, который был недавно им получен после нескольких лет ожидания в очереди. Власов, видимо, был горд своим приобретением, но как следует управлять автомобилем еще не научился. Впрочем, этого и не требовалось. Улицы были совсем пустые и автомобилей мы почти не встречали. Проехали по Тверской и выехали за город. Исторические места. «Кутузовская изба», воспроизводящая ту, в которой происходил Военный Совет в Филях. Поехали дальше. Начался совсем деревенский вид. Кругом поля, небольшие березовые перелески. Власов решил показать мне свою дачу. Это был небольшой домик. Власову принадлежит только половина — три комнаты и кухня. Хотя уже был июнь, но в Москве иногда бывает холодно и семья на дачу еще не переехала. Обстановка самая жалкая. Раскладные железные кровати, какие я знал еще по студенческим временам. Постели закрыты одеялами из толстого грубого сукна. Видимо, известный русский академик живет теперь совсем по-студенчески. В дореволюционное время академики жили с большим комфортом.

По дороге назад показали дачу академика Капицы. Он, видимо, пользуется в России большой известностью, но его дача — самый обыкновенный деревянный домик, оставшийся от старого времени. Новых дач я не видал. Остановились на короткое время у нового здания Московского Университета. Осмотр Университета был намечен на один из последующих дней и мы, не задерживаясь, возвратились в мой отель. Тут условились встретиться на следующее утро.

На следующее утро опять явились те же профессора и мы отправились осматривать Институт Механики Академии Наук. В приемном зале собрались главные сотрудники Института во главе с директором, академиком А. А. Ильюшиным. Начались расспросы об Америке и об американских

лабораториях. После этих разговоров общего характера, занялись осмотром лаборатории. Машины мне знакомые, немецкого и швейцарского образца. Удивляла теснота расположения машин. К некоторым машинам трудно подойти, трудно установить измерительные приборы, а ведь деятельность лаборатории только начинается. Дальнейшее расширение лаборатории, видимо, не предусмотрено. Показали приборы для испытания стали при высоких температурах. Приборы такие же, как в Америке — ничего нового я не увидел.

Из Института Механики отправились в Институт Прикладной Механики и Машиностроения. Во главе Института стоит академик А. А. Благоднаров, мой бывший ученик по Петербургскому Политехническому Институту. В те времена, он состоял в группе неуспевающих студентов, а теперь заведует крупнейшей лабораторией прикладной механики. Заведовавший моими передвижениями Г. К. Михайлов сообщил, что со мной желает встретиться вице-президент Академии Наук академик А. В. Топчиев. В его кабинете я застал группу ученых сотрудников. Все интересовались узнать, какое впечатление производит на меня Россия после сорокалетнего отсутствия. Говорили и о положении высшего технического образования, которым я специально интересовался. Топчиев намекнул также, что если бы я пожелал вернуться в Россию, то мог бы работать в одном из исследовательских институтов Академии.

Следующий день, воскресенье, решил посвятить осмотру Кремля. Обошел его со всех сторон. Посмотрел на длинную очередь у мавзолея Ленина. Зашел в Кремль. Там уже было немало публики, главным образом школьников под присмотром учителей. Осмотрел Грановитую палату. Посетил Кремлевские церкви — все они обращены в музеи. Все церкви отремонтированы. Древняя живопись восстановлена под руководством специалистов. Кремлевский двор содержится в образцовом порядке. Осмотр Кремля занял все утро.

После обеда решил пойти в театр. Получить билет в Большой или Художественный театры не было никакой возможности. Зашел в какой-то незнакомый мне небольшой оперный театр на Тверской. Шел Севильский Цирюльник.

И певцы и оркестр были очень хорошие. В антрактах публика вела себя чинно, но одежда у всех была довольно жалкая. В былые времена даже на галерке люди были лучше одеты. Теперь дамы в первых рядах партера одеты в самодельные ситцевые платья, мужчины являются в каких-то парусиновых блузах, у всех плохая обувь. После театра пошел бродить по московским улицам. Поражало полное безлюдье.

На следующее утро решил заняться делом моей сестры. Отправился в Министерство Внутренних Дел. Принял меня господин в военной форме, которому я изложил мою просьбу. Он попросил написать соответствующее прошение и обещал свое содействие. Прощение это, как позже выяснилось, не имело никаких последствий, и сестра моя, прождав два года, умерла, не получив разрешения на выезд из России.

После завтрака за мной заехал Власов и мы отправились осматривать лабораторию Академии Строительства и Архитектуры. Тут я встретил нескольких моих учеников еще по Институту Инженеров Путей Сообщения в Петербурге. Встретил В. П. Николаева, оставленного мною при Институте в качестве стипендиата. Встретил К. С. Завриева, бывшего моим ассистентом по курсу сопротивления материалов. Встретил ученика, перешедшего еще в мое время на службу в Московский Институт Инженеров Путей Сообщения. С ним произошла большая перемена. Я его знал молодым человеком, а теперь передо мной стоял с трудом двигавшийся глубокий старик. Позже узнал, что он пострадал еще в первые годы коммунистического режима. Он принимал участие в работе по испытанию железнодорожных мостов. После революции были большие трудности при восстановлении нормального железнодорожного сообщения. Исследования показывали, что в некоторых мостах при усиленных нагрузках получаются очень высокие напряжения, и исследовательская комиссия рекомендовала понижать в таких случаях скорость движения. Политическая полиция решила, что это саботаж и моему ученику пришлось провести несколько лет в концентрационном лагере.

На следующий день я с утра отправился в Московское Техническое Училище имени Баумана. Встретился с профес-

сором С. Д. Пономаревым и его ближайшими сотрудниками. В последние годы эта группа людей была занята изготовлением руководства по расчетам прочности машин. Группа Пономарева производила впечатление людей, преданных своему делу и пользующихся всеми средствами математического анализа для разрешения поставленной ими практической задачи.

Из Технического Училища я отправился в новое здание Московского Университета. Это огромное здание по внешнему виду совсем непохоже на учебное заведение. В нем располагаются факультеты математических, физических и естественных наук. Меня встретил декан Механико-Математического факультета Н. А. Слезкин. В его роскошном кабинете собралась группа профессоров механики с заведующим отделением механики А. Ю. Ишлинским во главе. Декан кратко рассказал об организации этого отделения. Оно имеет пятилетнюю программу. Последний год затрачивается на более детальное изучение какой-либо определенной группы предметов. Имеется шесть программ специализации.

Лучшие из оканчивающих студентов стремятся, конечно, остаться при университете и готовиться к получению ученых степеней. Остальные либо идут на службу в один из исследовательских институтов Академии Наук, либо идут в преподаватели математики средних школ. После этого общего обсуждения задач отделения механики занялись осмотром здания, а потом отправились в одну из университетских столовых. Мне сказали, что это студенческая столовая, но завтрак, вероятно, был лучше того, что обычно подают студенты. За столом сидели не только сопровождавшие меня профессора, но также мой гид и, что меня удивило, шофер. Я подумал, что может быть он не только шофер, но и наблюдатель по политической части.

После завтрака отправились в здание физики, где располагается лаборатория для испытания механических свойств строительных материалов. Лаборатория не имеет прямого выхода во двор и совершенно непригодна для испытания громоздких строительных частей. Испытательные машины опять расположены черезчур густо и доступ к ним и расположение измерительных приборов весьма за-

труднены. Совершенно непонятно почему была допущена такая теснота и такие неудобства в совершенно новой лаборатории. Лаборатория не произвела впечатления интенсивно работающего учреждения.

Профессор Власов показал мне собранную им интересную коллекцию моделей различных пространственных конструкций, которой он пользуется на лекциях по статике сооружений. Профессор Работнов показал идущие под его руководством испытания стали при высоких температурах. Для этих испытаний он применяет такие же приборы, какие можно видеть в американских и английских лабораториях. После осмотра лаборатории я отправился в свой отель. Нужно было уложить вещи.

Мои сборы были прерваны совершенно неожиданным посещением. Явился профессор Ильюшин с женой и двумя ассистентами. Явился и Михайлов, сопровождавший меня во всех передвижениях по Москве. Явились они не с пустыми руками, а притащили бутылку кавказского вина и шоколадный торт. Появились стаканы и началась выпивка и разговоры. Публика, видимо, не боялась подслушивания и говорила гораздо свободнее, чем во время официальных лабораторных посещений. Говорили долго и в конце концов оставили мне на сборы очень мало времени. Только благодаря энергичной помощи Михайлова, мне удалось вовремя явиться на вокзал. На этот раз я получил отдельное купе и проспал без перерыва до Ленинграда.

На вокзале в Ленинграде меня встретил гид Интуриста. Николаевский вокзал остался без всяких изменений. К отелю, бывшая Астория, ехали вдоль Невского Проспекта и Большой Морской. В былое время, это были самые парадные улицы с богатыми магазинами, ресторанами, кафе. Теперь ничего этого нет. Дома остались прежними, но стоят без ремонта и имеют жалкий вид. Магазины исчезли. Зеркальные окна забиты досками. Появились лавки для покупки подержанных вещей, какие-то склады с забитыми досками окнами, конторы юридической помощи. От прежней жизни ничего не осталось. Отель Астория сохранился. Мне отвели комнату с видом на площадь. Исаакиевский Собор окружен лесами — идет ремонт мраморной облицовки.

Через несколько минут после моего прибытия, появился профессор Н. Н. Давиденков, один из немногих моих товарищей по Путейскому Институту, оставшихся в живых. Я ему ничего не писал о моей поездке в Россию, но, очевидно, кто-то знает о всех моих передвижениях и знает, с кем я был знаком сорок лет тому назад. Давиденков, несмотря на восьмидесятилетний возраст, продолжает служить и работать в Ленинградском Политехникуме на Механико-Математическом факультете, программы которого я когда-то разрабатывал. Давиденков мне сообщил, что на день моего приезда назначено посещение Политехнического Института, и мы туда отправились.

Ехали вдоль Набережной, потом — Троицкий мост, Каменноостровский Проспект, а дальше Сосновка и Политехнический Институт. Проезжали по лучшим частям города. Опять передо мной была Нева, чудесный вид на Петропавловскую крепость. Дворцы содержатся в полном порядке. Зимний дворец перекрасили в пестрые цвета. В нем теперь помещается музей. Красив, как и прежде, Каменноостровский проспект. Никаких разрушений во время войны, как видно, ни тут, ни вообще в знакомом мне бывшем старом Петербурге не произошло.

В Лесном и Сосновке большие перемены. В мое время это были дачные поселки. Теперь все изменилось. Леса и сады вырублены, деревянные постройки разобраны, строятся кирпичные дома в пять-шесть этажей с массой мелких квартир. От бывлой дачной жизни ничего не осталось.

В Политехникуме нас поджидали. В профессорской комнате собралась значительная преподавательская группа с директором Института во главе. Все новые люди, среди них только двое осталось от прежней знакомой мне преподавательской группы. Прошло пятьдесят пять лет со времени моей лаборантской службы в Политехническом Институте и мои знакомые обратились из начинающих преподавателей в глубоких стариков.

Попросили рассказать об организации американских инженерных школ. Для них было совершенно непонятно с какими жалкими познаниями американская молодежь вы-

ходит из средних школ и как их в высших школах нужно обучать грамоте, как в рабфаке.

После общих разговоров, перешли к осмотру здания. Вошли в актовый зал, посетили библиотеку. Тут большая перемена. В мое время студенты в главную библиотеку не заходили, бывали там только немногие преподаватели. Теперь читальный зал был заполнен студентами. Даже антресоли заняты читающей публикой. Библиотека оказывает большую помощь в научной работе. Довольно назвать область науки, в которой вы в данное время работаете, и вы еженедельно будете получать список новых работ, появившихся за неделю в этой области.

Служащие библиотеки не только знают важнейшие иностранные языки, но знают, каждый в определенной области, существенную литературу предмета. Невольно вспоминаются служащие американских библиотек, которые не могут прочесть даже заглавия тех книг, которые они выдают.

Осмотрев главное здание, я отправился в лабораторию по испытанию строительных материалов, устройством которой я когда-то так интересовался. Машинный зал остался без изменений, но в него опять-таки втиснули несколько новых машин, захваченных после войны в Германии. Создалась теснота, затрудняющая пользование машинами. Самодельные приборы, которыми я когда-то пользовался при опытах, связанных с моей диссертацией, сохраняются и мне их показали. Вспомнились давние времена, когда работа казалась такой интересной и такой важной. Установленное тогда дифференциальное уравнение для кручения двутавровых балок нашло впоследствии широкое применение при исследовании устойчивости тонкостенных конструкций.

Покончив с лабораторией, я занялся осмотром Механико-Математического отделения, программы которого разрабатывал когда-то совместно с профессором Иоффе. Отделение это располагается в здании бывшего студенческого общежития. Здание не приспособлено для лабораторных занятий и работать приходится в большой тесноте. Программа отделения рассчитана на пять с половиной лет и имеет шесть специальностей. Каждый год принимается 150

студентов — по 25 студентов на каждую специальность. Первые три года они имеют общую программу, главным образом по математике и механике. Дальше идет специализация, половина студентов занимается механикой, а другая половина — физикой твердого тела.

На следующий день я с утра отправился в Институт Инженеров Путей Сообщения. Пошел пешком, чтобы увидеть все перемены, происшедшие за сорок лет. Но перемен почти не было. Даже памятник Николаю Первому остался на месте. Прошел Демидов переулок. Вышел на Садовую. Сенной рынок убрали — стало чище. Наконец, я на Забалканском Проспекте перед зданием Института. Тут перемена — надстроили один этаж. Входная дверь осталась прежняя. Вошел в вестибюль. Швейцаров нет — пальто нужно отдавать пожилой женщине-служащей. От нее узнаю, что помещения администрации располагаются в присоединенном к Институту здании на Фонтанке. Иду туда.

Меня встречает директор и группа профессоров — все новые незнакомые люди. Усаживаемся за стол и директор рассказывает о переменах, происшедших в Институте со времени революции. В Институте теперь изучаются только сухопутные сообщения. Водные сообщения и вся гидротехника преподаются теперь в особом Гидротехническом Институте. Число студентов достигает шести тысяч. В России теперь имеется около десятка путейских институтов и на путейцев имеется большой спрос.

После общих разговоров приступили к осмотру Института. Соединительными коридорами прошли в старое знакомое мне здание Института и начали с осмотра Механической Лаборатории, в которой пятьдесят шесть лет тому назад (1902) я начал мою лаборантскую службу. Машинный зал остался прежним, но после войны в него втиснули несколько новых машин, захваченных у немцев. И машины, и измерительные приборы были знакомого мне образца. Ничего нового, оригинального я не заметил.

После лаборатории посетили другие помещения. Мне особенно хотелось видеть библиотеку. Ведь в первую треть девятнадцатого века ряд профессоров Института были французами. Тут начинали свою научную карьеру знаменитые

Ламэ и Клапейрон и я надеялся повидать их ранние труды. Но мои надежды не осуществились. Помещение библиотеки отремонтировалось и все было закрыто. После осмотра, директор пригласил всех к завтраку. Появились два новых лица. Я их узнал. В мое время это были молодые начинающие преподаватели — теперь седые старики.

После завтрака директор предложил посмотреть студенческие работы. Приближались выпускные экзамены и студенты были заняты заканчиванием дипломных проектов. Мы зашли в чертежную студентов специализирующихся по мостам. Чертежной им служит теперь бывший актовый зал Института. В мое время зал был украшен портретами Императора Александра I, основателя Института и Николая II. По другой стене располагались портреты министров путей сообщения, непосредственных начальников Института. К третьей стене был прикреплен ряд мраморных досок, на которых были вырезаны имена студентов, окончивших Институт первыми по успехам. Ничего этого теперь здесь не было. Портреты были убраны. Мраморные доски сорваны со стены и места прикреплявших их крючков были грубо замазаны цементом. Революционные власти не любят никаких отличий, полученных при старом режиме.

Теперь актовый зал заполнен чертежными столами и развешенными законченными чертежами. Директор предложил мне проэкзаменовать нескольких студентов, что я и сделал. Оказалось, что проект моста разрабатывается теперь полнее, чем в наше время. Мы получали задание выполнить проект моста заданного типа и заданного пролета. Теперь студенту дается план реки и чертежи в горизонталях той местности, где должен быть построен мост, и он должен выбрать наиболее выгодное место для пересечения реки и наиболее экономный тип моста.

Из ответов студентов я убедился, что они ясно понимают выполненную ими задачу и обладают хорошими познаниями в области мостов. Безусловно, они лучше подготовлены к решению практических задач, чем в наше время были мы. После этого директор попросил меня сказать несколько слов студентам. Я отметил прекрасную подготовку, которую они получили в области мостов, и пожелал им успеха

в будущей практической деятельности. Отметил также, что в наше время женщин в Институт не принимали, а вот теперь среди оканчивающих примерно треть — барышни. Слово «барышни» произвело неожиданный эффект — все громко рассмеялись. Оказалось, что это слово теперь не употребляется. Нужно было сказать «девушки».

После осмотра Института, предстояло в этот день еще два дела. По телефону мне сообщили, что в Институте по изучению полупроводников меня ждет А. Ф. Иоффе, мой товарищ по Роменскому реальному училищу, а вечером намечалась встреча с группой профессоров в Доме Ученых. Отправился к Иоффе. В последний раз я видел его в 1926 году. За тридцать два года он сильно изменился и из полного сил энергичного человека обратился в дряхлого старика. О своей жизни и о положении дел в России он, видимо, говорить не хотел. Говорил о работе Института и о планах своей дальнейшей научной работы. Для меня было ясно, что выполнить эти планы он уже не сможет. Это был уже не тот Иоффе, которого я когда-то знал.

Отправился в свой отель, где меня уже поджидал Давиденков, чтобы вместе пойти в Дом Ученых. Это учреждение, организованное при содействии Максима Горького в первые годы революции, устроилось в одном из дворцов на берегу Невы. Чудесное здание содержится в полном порядке. Мы поднялись по красивой лестнице в приемный зал. И лестница, и зал украшены картинами известных художников.

Постепенно собрались и приглашенные ученые. Среди них встретился и один из старых знакомых — морской инженер, с которым приходилось встречаться еще во времена моей консультационной работы на заводах русского флота. Ему, очевидно, царская военная служба не помешала наладить хорошие отношения с революционной властью и сейчас он состоит членом Русской Академии Наук.

Когда приглашенные собрались, начались разговоры и чаепитие. Все интересовались Америкой и особенно инженерными школами в этой стране. Всем было непонятно, как может процветать инженерное дело при весьма слабой постановке инженерного образования. Им была мало из-

вестна роль, какую играют в развитии американской техники инженеры с европейским образованием.

Разговоры тянулись часа три, и мы разошлись уже после десяти. Но на дворе было еще совсем светло. Были петербургские «белые ночи» и уличные фонари не горели. Мы с Давиденковым решили пройти к моему отелю пешком. Шли по набережной. Любовались памятником Петру I. Прошли мимо Исаакиевского Собора. Все пройденное расстояние было с версту, ходьба, видимо, утомляла Давиденкова и он иногда останавливался, чтобы перевести дух — его сердце уже ослабело.

В 1962 г. Давиденков умер от сердечного припадка. Умерли уже указанный раньше кораблестроитель и Иоффе. Все трое были моложе меня. Все они в молодости обладали прекрасным здоровьем, но пребывание в России в тяжелые революционные годы, очевидно, сократило их жизнь.

На следующий день я решил еще раз побывать в Политехническом Институте, более подробно осмотреть лабораторию Давиденкова. Он встретил меня при входе и, видимо, испытывал какое-то затруднение в переговорах со служителем. После я узнал, что на мое вторичное посещение лаборатории не было требуемого официального разрешения. Но это как-то уладилось и я, в конце концов, мог осмотреть все, ведущиеся под руководством Давиденкова, экспериментальные работы.

По окончании осмотра лаборатории, он пригласил меня к себе. Рассказал, что после многих хлопот ему, наконец, дали отдельную квартиру в одном из недавно построенных в Лесном домов.

Дом оказался большим, с несколькими лестницами и массой мелких квартир. В квартире Давиденкова были три комнаты, одна из которых служила кабинетом. От лучших дореволюционных лет Давиденкову удалось сохранить письменный стол, книжный шкаф и рояль. Давиденков был большой любитель музыки и сам прекрасный музыкант. Жаловался, что слух начал ослабевать и музыка уже не доставляет ему прежнего удовольствия. Говорил, что в свободное от занятий время он теперь занимается живописью.

Рассказывал, что в учебное время он работает в лабо-

ратории. Там же читает новые научные журналы. Следить за новой литературой теперь очень удобно. Библиотека имеет специалистов в разных областях науки, и он получает еженедельно из библиотеки список новых работ, появившихся в его области.

Летом он обычно уезжает на Кавказ в Кисловодск и там проводит время в прогулках и занятиях живописью. Жизнь его в России, после смерти Сталина, стала спокойнее, но свободы, конечно, нет. Например, он не может посетить сына, который во время войны покинул Россию и теперь живет в Западной Германии. В этих разговорах провели мы вечер после сорокалетней разлуки.

На следующий день я покидал Россию. Условился с Давиденковым, что в полдень он заедет за мной и отвезет на аэродром. Утром я встал рано. Хотел еще раз посмотреть город и побывать в книжных магазинах. Книжные магазины оказались запертыми — открываются лишь в одиннадцать часов. Вообще жизнь в городе начинается поздно, и я гулял по почти пустым улицам. Прошел по Морской, по Невскому Проспекту до Казанского Собора. Повернул на Екатерининский канал посмотреть церковь, построенную на месте убийства Императора Александра Второго. Церковь теперь обращена в музей и церковных служб там не происходит. За церковью сейчас же начинается парк, который тянется до Садовой улицы и до бывшего Марсова Поля. Революция уничтожила заборы и получился обширный парк.

Вышел на Садовую улицу и повернул к Михайловскому скверу. Хотел зайти в бывший музей Александра Третьего. Но он тоже оказался закрытым. Сел на одну из скамеек Михайловского сквера. Кругом все пусто и только у соседней скамейки группа детей примерно шестилетнего возраста. Все в форменных платьях под присмотром надзирательницы. В группе никакого оживления, никакого шума, бегать по траве им, видимо, запрещено. Здания вокруг сквера — все прежние. Каких-либо разрушений во время войны здесь произведено не было. Прошел по Садовой улице на Невский Проспект. Обычного прежде большого движения теперь не было. Гостиный Двор выглядел совсем пустым.

За время странствий по России у меня набралось порядочно бумажных денег. В гостинице сказали, что может быть их можно будет обменять на иностранные и дали адрес соответствующего учреждения. Отправился туда — оказалось, это было знакомое мне здание, построенное на Фонтанке еще во времена Витте. В обмене советских денег на иностранные мне, конечно, отказали. Вернулся в гостиницу — уже пора складывать вещи и отправляться на аэродром. Давиденков приехал, чтобы проводить меня до аэропорта. Ехали верст десять по Забалканскому Проспекту. Сначала все знакомые места. Дальше пошли места новых построек. Вся улица была изрыта — прокладывали водопроводные и электрические провода к строящимся зданиям. Наконец приехали. Аэроплан был маленький, двухмоторный. Распрощался с Давиденковым. Надеялись в будущем опять встретиться, но не пришлось.

Погода была чудесная — можно было любоваться видом на залив. Через какой-либо час мы уже спускались в окрестностях Гельсингфорса. Аэродром окружен мелким сосновым лесом. Нам объяснили, что аэроплан в Стокгольм будет только через четыре часа — можно побывать в городе. Автобусы привозят в центр города. Здесь советских денег не берут — нужно менять доллары на финские марки. В городе разрушений не видно. После финской войны прошло восемнадцать лет и все приведено в порядок.

После обеда погулял еще по главным улицам — везде порядок, чистота, зеркальные окна магазинов. Но в магазинах ничего нет, да видно нет и богатых покупателей. Отправился к своему автобусу и на аэродром. Финские марки остались почти неиспользованными, но разменять их на западно-европейские деньги нельзя и вернулся я домой с большой коллекцией советских и финских бумажных денег.

Аэроплан был опять маленький двухмоторный, но это был шведский аэроплан. В Стокгольме остановка и пересадка. Теперь мы сели в большой аэроплан и в какой-нибудь час были уже на аэродроме в Копенгагене, и автобус доставил нас в центр города. Была уже ночь — все заперто, а у меня только чековая книжка. Но заведующий автобусной станцией оказался любезным человеком, разменял мой чек,

порекомендовал хороший отель, вызвал такси, и скоро я был устроен и мог спокойно заснуть после трудного дня.

На утро я решил продолжать мое путешествие, теперь уже по железной дороге, и через Ганновер поехал в Вуперталь к дочери. Там пробыл неделю, отдохнул, — путешествие по России меня утомило. Уж очень много было новых впечатлений.

Из Германии направился в Швейцарию и там в тихом Кандерштеге записал все, что узнал об инженерном образовании в России. Позже эти воспоминания были напечатаны на английском языке отдельной книжкой, но книжка особого распространения не нашла, хотя и заключала в себе некоторые сведения о русских инженерных школах, малоизвестных американцам. Конечно, для большинства американцев было новостью узнать, что инженерные школы развились в России гораздо раньше, чем в Америке, и что роль русских инженеров в развитии инженерных наук весьма существенна.

Поездка в Россию оказалась, пожалуй, наиболее интересным для меня событием в моих последних странствиях.

Примерно через год после нее я получил уведомление об избрании меня иностранным членом Русской Академии Наук. О том, что я когда-то был выбран в Академию еще дореволюционным ее составом теперь не упоминалось. В связи с этим я был приглашен советским посольством в Вашингтоне явиться для получения соответствующего диплома. От этого посещения я уклонился и диплом мне был прислан по почте.

Н. М. Зернов

БИО-БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ БОГОСЛОВОВ, ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ, СОЦИОЛОГОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

В начале XX века произошел знаменательный сдвиг в мировоззрении передовых слоев русской интеллигенции. Преобладавшие до тех пор позитивизм и материализм перестали удовлетворять новое поколение. Пробудился интерес к православным истокам русской культуры. Духовное возрождение охватило преимущественно интеллектуальную среду обеих столиц, оно углубило русскую религиозно-философскую мысль и привело к расцвету искусства. Эта блестящая эпоха, теперь получившая имя Серебряного века, была резко оборвана установлением ленинской диктатуры. Глашатаи возрождения погибли в тюрьмах и ссылках или же принуждены были навсегда замолкнуть. Только те из них, кому пришлось покинуть свою родину, смогли продолжать свою творческую работу. Труды этих мыслителей и ученых обогатили западную науку. Они являются ценнейшим вкладом также в сокровищницу русской культуры, ныне насильственно отторгнутую от ее христианских корней принудительным государственным атеизмом.

Прилагаемая библиография имеет своей задачей дать краткий список тех книг, которые были изданы за последние 45 лет представителями русской православной мысли. За неимением места, только те писатели, которые занимали кафедры в университетах и являются авторами книг, включены в этот список†. Особое преимущество дано богословам,

† По соглашению с автором, в эту био-библиографию не включены сведения о Н. С. Тимашеве и участниках этого сборника. О Н. С. Тимашеве см. предисловие и первую часть сборника, об его участниках — биографические данные в конце книги. — *Ред.*

так как эта отрасль русской науки совершенно запрещена в Советской России. Несмотря на неполноту этого списка, он все же дает представление о той большой работе, которая была проделана русскими учеными в годы изгнания.*

Данная био-библиография извлечена из более подробного обзора научных и религиозно-философских писаний русской эмиграции, который дан в моей книге: "The Russian Religious Renaissance of the XX Century", London-New York, 1963, Library of Congress Catalog Card No. 64-10768.

В этом обзоре встречаются следующие сокращения:

П. — Париж	В. — Berlin
Пр. — Прага	L. — London
Б. — Берлин	M. — Muenchen
М. — Мюнхен	N.Y. — New York
Н.-Й. — Нью-Йорк	P. — Paris.

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (1879-1964)

Род. в Москве. Окончил Московский университет (1906). Проф. права Моск. универс. (1912-17). Проф. в Берлине и Праге (1922-31), в Париже (1931-40), в Белграде (1940-48), в Женеве (1948).

Основы философии права. Пр., 1924.
 На путях к будущей России. П., 1927.
 Собственность и социализм. П., 1928.
 Религия, право, нравственность. П., 1930.
 Теория государства. П., 1931.
 Пути и судьбы марксизма. П., 1931.
 Идея государства. Н.-Й., 1955.

АРСЕНЬЕВ Николай Сергеевич (1888-)

Род. в Стокгольме. Окончил Московский университет. Проф. в Саратове (1918-20), в Кенигсберге и Варшаве (до 1939), в Св. Владимирск. семинарии, Н.-Й. (с 1948).

Жажда подлинного бытия. Б., 1922.
 Mysticism and the Eastern Church. L., 1925. (Нем. перев. 1943).
 We Beheld His Glory. L., 1927.

* Я буду очень благодарен за все поправки и дополнения к этой библиографии (Dr. N. Zernov, Keble College, Oxford, England).

- О литургии и таинстве Евхаристии. П., 1927.
 The Holy Moscow. L., 1940. (Фр. перев. 1948).
 Русская культурная традиция. Франкфурт, 1959.
 Преображение мира и жизни. Н.-Й., 1959.
 La Piété Russe. P., 1963.
 Revelation of Life Eternal. N.Y., 1963.

АФАНАСЬЕВ Николай Николаевич, Протоиерей (1893-)
 Род. в Одессе. Окончил богословск. факультет в Бел-
 граде (1925). Преподавал в Скопье (1925-30). Проф.
 Сергиевской Академии в Париже.

- Авторитет государства и Вселенский Собор. Скопье, 1927.
 Трапеза Господня. П., 1952.
 Роль мирян в церкви. П., 1955.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874-1948)

Исключен из университета и сослан в Вологду (1898-
 1900). Литературная работа в Париже и Петербурге.
 Проф. философии Моск. универс. (1917). Выслан из
 России (1922). Препод. в Берлине, а потом в Париже.
 Редактор журнала «Путь» (1925-40).

- Миросозерцание Достоевского. Б., 1923. (Нем. пер. — 1925,
 фр. — 1932, англ. 1934, исп. — 1935, итал. — 1942, шведск.
 1948).
 Смысл истории. Б., 1923. (Нем. пер. — 1925 и 1950, сербск.
 — 1931, англ. — 1936, исп., Чили — 1936, фр. — 1949).
 Философия равенства. Б., 1923.
 Новое Средневековье. Б., 1923. (Фр. — 1927, нем. — 1927
 и 1950, исп. — 1932, сербск. — 1932, англ. — 1933, гол.
 — 1935, датск. — 1936, польск. — 1935, венг. — 1935).
 Константин Леонтьев. П., 1926. (Фр. — 1937, англ. — 1940).
 Философия свободного духа, I и II. П., 1927-28. (Нем. —
 1930, фр. — 1938, англ. — 1935, итал. — 1947, исп. —
 1954).
 Христианство и классовая борьба. П., 1931. (Анг. — 1933,
 фр. — 1933, исп. — 1935, польск. — 1935, итал. — 1936,
 сербск. — 1936, болг. — 1936).
 О назначении человека. П., 1931. (Анг. — 1935, нем. —
 1935, фр. — 1935, исп. — 1947, греч. — 1950).
 Я и мир объектов. П., 1934. (Фр. — 1936, англ. — 1938,
 итал. — 1948, исп., Мексико — 1948, нем. — 1951).
 Судьба человека в современном мире. П., 1934. (Анг. —
 1935, нем. — 1935, фр. — 1936, гол. — 1936, датск. —
 1944, японск. — 1946, итал. — 1947).

- Дух и реальность. П., 1937. (Анг. — 1937, фр. — 1943, нем. — 1949).
- The Origin of Russian Communism. L., 1937. (Нем. — 1937, фр. — 1938, исп., Чили — 1938, исп., Аргентина — 1939, гол. — 1939 и 1948, итал. — 1944).
- О рабстве и свободе человека. П., 1939. (Анг. — 1939, фр. — 1946, гол. — 1947, итал. — 1952, нем. — 1957, исп. — 1955, японск. — 1954).
- Русская идея. П., 1946. (Анг. — 1947, гол. — 1947, фр. — 1954, нем. — 1954).
- Опыт эсхатологической метафизики. П., 1947. (Фр. — 1946, анг. — 1952, нем. — 1954).
- Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. П., 1952. (Фр. — 1947, анг. — 1949, нем. — 1952).
- Царство Духа и царство Кесаря. П., 1949. (Фр. — 1951, анг. — 1952, нем. — 1952, исп. — 1953, итал. — 1954, японск. — 1955).
- Truth and Reveation. L., 1954. (Фр. — 1951, яп. — 1955).
- Истоки и смысл русского коммунизма. П., 1953. (Фр. — 1954).
- The Meaning of the Creative Act. L., 1955. (Фр. — 1955).

БИЛИМОВИЧ Александр Дмитриевич (1875-1963)

Род. в Житомире. Окончил Киевский унив. Проф. полит. экономии (Киев). Покинул Россию (1920). Проф. в Люблянах (1920-44). Проф. УНРРА унив. в Мюнхене (1944-47). С 1948 жил в Америке.

Марксизм. Белград, 1936.

Введение в экономику. Белград, 1937.

Кооперация в России. Мюнхен, 1955.

Экономическая структура освобожденной России. Мюнхен, 1960.

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич, Протоиерей (1871-1944)

Род. в Ливнах. Окончил Московский универс. (1894). Проф. полит. экономии Киевск. Политехникума (1906). Проф. в Москве (1918). Рукоположен (1918). Выслан из России (1923). Проф. в Праге (1923-25). Проф. догматики в Сергиевск. Академии (1925-44).

На пиру богов. София, 1921.

Св. Петр и Иоанн. П., 1926.

Купина Неопалимая. П., 1927.

Die Tragödie der Philosophie. Darmstadt, 1927.

- Друг Жениха. П., 1927.
 Лестница Иакова. П., 1929.
 Икона и иконопочитание. П., 1931.
 О чудесах Евангельских. П., 1932.
 Агнец Божий. П., 1933. (Фр. — 1943).
 The Orthodox Church. L., 1935.
 Утешитель. П., 1936. (Фр. — 1947).
 The Wisdom of God. L., 1937.
 Радость церковная. П., 1938.
 Невеста Агнца. П., 1945.
 Автобиографические заметки. П., 1946.
 Апокалипсис Иоанна. П., 1948.
 Философия имени. П., 1953.
 Жизнь за гробом. П., 1955.
 The Vatican Dogma. South Canaan, Pa., 1959.
 Dialogue zwischen Gott und Mensch. Marburg, 1961.

ВЕЙДЛЕ Владимир Васильевич (1895-)

Род. в Петербурге. Окончил Пет. университет (1916).
 Проф. Пермского унив. (1918-20). Покинул Россию
 (1924). Проф. Сергиевской Академии (1932-52).

- Les Abeilles d'Aristée. P., 1936. (Рус. — 1937, нем. —
 1937, исп. — 1943, англ. — 1948).
 Les icones Byzantines et Russes. Florence, 1940.
 The Baptism of Art. L., 1950.
 La Russie absente et presente. P., 1949. (Англ. — 1952,
 исп. — 1950).
 Вечерний день. Н.-Я., 1953.
 Задача России. Н.-Я., 1954.

ВЕРХОВСКОЙ Сергей Сергеевич (1907-)

Род. в Костроме. Покинул Россию (1921). Учился в Бра-
 тиславе и Париже. Проф. Сергиевской Академии (1944-
 52), Св. Владимирской Семинарии (с 1952).

- Православие в жизни. Н.-Я., 1953.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Борис Петрович (1877-1954)

Род. в Москве. Окончил Московский университет (1899).
 Проф. Московск. универс. (1914-22). Выслан из России
 (1922). Проф. Сергиевской Академии (до 1940).

- Этика преображенного эроса. П., 1931.
 Кризис индустриальной культуры. Н.-Я., 1952.

Философская нищета марксизма. Франкфурт, 1952. (Псевдоним: В. Петров).

Вечное в русской философии. Н.-П., 1953.

ГАКЕЛЬ Алексей Альфредович (1892-1951)

Род. в Петербурге. Окончил Петербургский университет. Покинул Россию (1922). Преподавал в Германии и Париже. Проф. в Лейдене (1950-51).

Die Trinität in der Kunst. В., 1931.

Die altrussische Heiligenbild die Ikone. Nijmegen, 1936.

Ikon — Zeugen ostkirchlichen Kunst. Freiburg, 1943.

(Исп., фр., англ., рус.).

Dostojewskij. Amsterdam, 1950.

Sergij von Radonesch. Muenster, 1956.

ГЕССЕН Сергей Иосифович (1887-1950)

Проф. Томского универс. Проф. в Берлине, Праге, Варшаве.

Основы педагогики. Б., 1923.

Fuenfzehn Jahre Sowjetschulwesen. Langensalz, 1933.

Pedagogika w Rossiji. Warszawa, 1935.

ГЛУБОКОВСКИЙ Николай Никанорович (1863-1937)

Проф. Петерб. Духовной Академии. Проф. в Белграде и Софии.

Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928.

Св. Лука Апостол. София, 1932.

Евангелия и Апостольские установления. София, 1935.

ГОРОДЕЦКАЯ Надежда Даниловна (1903?-)

Род. в Москве. Препоуд. в Оксфордском универс. Проф. Ливерпульского универс. (с 1958).

The Humiliated Christ in Russian Literature. L., 1938.

Saint Tikhon of Zadonsk. L., 1951.

ЕВДОКИМОВ Павел Николаевич (1900-)

Род. в Петербурге. Окончил Сергиевскую Академию (1938). Проф. Сергиевской Академии (с 1953).

Dostoevski et le problème du Mal. Lyon, 1942.

Le Marriage, Sacrement et l'Amour. Lyon, 1944.

La Femme at le Salut du Monde. P., 1958.
 L'orthodoxie. P., 1959.
 Gogol et Dostoevskii. P., 1961.
 Sacrement de l'Amour. P., 1962.

ЗАНДЕР Лев Александрович (1893-1964)

Род. в Петербурге. Окончил Александровский Лицей (1913). Проф. Владивостокского универс. (1919-20). Проф. Сергиевской Академии (с 1925).

К. Леонтьев и прогресс. Пекин, 1921.
 Dostoevsky. L., 1948. (Нем., фр., рус.).
 Бог и мир. (Миросозерцание о. Сергия Булгакова), I и II. П., 1948.
 Vision and Action. L., 1952.
 Тайна добра. (Проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт, 1960.

ЗЕНЬКОВСКИЙ Василий Васильевич, Протопресвитер (1881-1962)

Род. в Проскурове. Окончил Киевск. универс. Проф. в Киеве (1915-18). Покинул Россию (1919). Проф. в Белграде (1920-23), в Праге (1922-26), в Сергиевской Академии (1926-62). Предс. Русского Студенчesk. Христианского Движения (1923-62).

Психология детства. Б., 1923. (Сербск., польск.).
 Русские мыслители и Европа. П., 1926. (Анг. — 1953).
 О вопросах пола. П., 1929.
 На пороге зрелости. П., 1929.
 Проблема воспитания в свете христианской антропологии. П., 1939.
 История русской философии, I и II. П., 1948-50. (Анг. — 1953, фр. — 1953-55).
 Das Bild des Menschen in der östlichen Kirche. Stuttgart, 1951.
 Aus der Geschichte der aestetischen Ideen in Russland. S. Gravenhage, 1952.
 Наша эпоха. П., 1955.
 Апологетика. П., 1957.
 Русская педагогика XX века. П., 1960.
 Н. В. Гоголь. П., 1961.
 Основы христианской философии. I, Франкфурт, 1961; II, Париж, 1964.

ИЛЬИН Владимир Николаевич (1891-)

Род. около Киева. Окончил Киевский университет (1913). Покинул Россию (1919). Преподавал в Берлине и Париже.

Св. Серафим Саровский. П., 1925.

Запечатанный гроб. П., 1926.

Всенощное бдение. П., 1927.

Загадка жизни. П., 1929.

Шесть дней Творения. П., 1930.

ИЛЬИН Иван Александрович (1883-1954)

Проф. Московского универс. Выслан из России (1922). Преподавал в Берлине. Редактор журнала «Русский колокол» (1927-30).

Проблема современного правосознания. Б., 1923.

Религиозный смысл философии. П., 1924.

О сопротивлении злу силою. Б., 1925.

Путь духовного обновления. Белград, 1935. (2-е изд. — Мюнхен, 1962).

Основы христианской культуры. Женева, 1937.

Основы искусства. Рига, 1937.

Ich schaue ins Leben. В., 1938, 1939.

Die ewigen Grundlagen des Lebens. Zürich, 1939.

Wesen und Eigenart der russischen Kultur. Zürich, 1942.

Blick in die Ferne. Zürich, 1945.

Die Philosophie Hegels. Bern, 1946.

Аксиомы религиозного опыта. I и II. П., 1953.

О сущности правосознания. М., 1956.

Путь к очевидности. М., 1957.

Поющее сердце. М., 1958.

О тьме и просветлении. М., 1959.

КАРСАВИН Лев Платонович (1882-1952)

Род. в Петербурге. Проф. Петерб. универс. Выслан из России (1922). Проф. в Ковно (1928-39). Умер в концентрационном лагере в Советской России.

Noctes Petropolitanae. В., 1922.

Джордано Бруно. Б., 1923.

Философия истории. Б., 1923.

Диалоги. Б., 1923.

О сомнениях в науке и вере. П., 1925.

Св. отцы и учителя церкви. П., 1925.

Церковь, личность, государство. П., 1927.

Первые принципы. Б., 1925.

Личность. Каунас, 1929.

Поэма о смерти. Каунас, 1932.

КАРТАШЕВ Антон Владимирович (1875-1960)

Род. в Киштьме. Окончил Петерб. духовн. Академию (1899). Преподавал в Академии (1900-05). Проф. на Высших Женских Курсах. Министр исповед. Врем. Правит. (1917). Покинул Россию (1919). Проф. Сергиевской Академии в Париже (1925-1960).

Реформа и реформация. Б., 1922.

На путях к Вселенскому Собору. П., 1932.

Ветхозаветная библейская критика. П., 1947.

Воссоздание Святой Руси. П., 1956.

Жизненный путь митрополита Владимира. П., 1957.

История Русской Церкви. I и II. П., 1959.

Вселенские Соборы. П., 1963.

КАССИАН, Епископ (Сергей Сергеевич Безобразов) (1892-1965)

Род. в Петербурге. Окончил Петерб. универс. (1914). Лектор в Петерб. универс. и в Богословском институте (1921-22). Проф. Сергиевск. академии в Париже (с 1925). Епископ (1947).

Евангелия от Матфея и Марка. П., 1931.

Евангелие от Луки. П., 1932.

Евангелие от Иоанна. П., 1932.

La Pentecôte Jôhanique. Valence, 1939.

Христос и первохристианское поколение. П., 1950.

Царство Кесаря перед судом Нового Завета. П., 1949.

КИПРИАН, Архимандрит (Константин Эдуардович Керн) (1899-1960)

Род. в Туле. Окончил Белградский универс. (1925). Препо-д. богослов. в Битоле (1925-28). Начальник русской миссии в Иерусалиме. Проф. Серг. Академии в Париже (1936-60).

Крины молитвенные. Белград, 1928.

о. Антонин Капустин. Белград, 1934.

Евхаристия. П., 1947.

Антропология Св. Григория Паламы. П., 1950.

Православное пастырское богословие. П., 1957.

КОВАЛЕВСКИЙ Евграф Евграфович (Епископ Иоан)
(1905-)

Род. в Петербурге. Окончил Сорбонну и Серг. Акад.
Ректор Богословск. института Св. Дионисия. Епископ
(1964).

Le pouvoir souverain dans l'Eglise. P., 1948.

La sainte messe selon l'Ancien Rite de Gaules. P., 1950.

КОВАЛЕВСКИЙ Петр Евграфович (1901-)

Род. в Петербурге. Окончил Сорбонну (1922). Лектор
в Серг. Акад. (1925-56).

N. Leskov. P., 1926.

Manuel de l'histoire Russe. P., 1948.

Исторический путь России. П., 1949.

La dispersion Russe et son rôle culturel. Ch., 1951.

St. Serge et la spiritualité Russe. P., 1958.

Наши достижения. М., 1961.

*L'Atlas culturel et historique de la Russie et du monde
Slave.* P., 1961.

КОНСТАНТИН, Архимандрит (1886-) (Кирилл Иоаннович
Зайцев)

Проф. экономики и права в Праге. Преподаватель Пе-
дагогич. Института в Харбине (1936-38). Рукоположен
в свящ. и переселился в Америку.

Das Recht Soviet Russlands. Tübingen, 1925.

Профессор Крестоносец. Харбин, 1936.

Этика. I и II. Харбин, 1937.

Св. Серафим Саровский и пути России. Ладомирво, 1939.

Материалы к изучению Святой Руси. Ладомирво, 1940.

Православная церковь в Советской России. Шанхай, 1948.

К познанию Православия. Шанхай, 1948.

Тайна последнего царя. Шанхай, 1948.

Памяти последнего Патриарха. Джорданвиль, 1949.

Православный человек. М., 1950.

ЛОССКИЙ Владимир Николаевич (1903-1958)

Род. в Гессингене. Учился в Петр. универс. Изгнан из
России с отцом (1922). Окончил Сорбонну (1927).
Проф. богословия в Инстит. Св. Дионисия.

Essai sur la théologie mystique de l'Eglise de l'Orient. P.,
1944. (Англ. — 1957).

Theologie negative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart. P., 1960.

La vision de Dieu. Neuchatel, 1961. (Англ. — 1964).

МЕЙЕНДОРФ Иван Феофилович, Протоиерей (1926-)

Род. около Парижа. Окончил Сорбонну и Серг. академию (1949). Доктор Сорбонны (1958). Рукоположен (1961). Проф. Владим. семинарии в Нью-Йорке.

Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. P., 1959.
(Англ. — 1964).

St. Gregoire Palamas et la mystique Orthodoxe. P., 1959.
L'Eglise Orthodoxe hier et aujourd'hui. P., 1960. (Англ. — 1964).

МОЧУЛЬСКИЙ Константин Васильевич (1892-1948)

Род. в Одессе. Окончил Петерб. универс. (1914). Покинул Россию (1920). Проф. в Софии (1920-22), в Сорбонне (1924-41), в Сергиевской Академии (1934-47).

Духовный путь Гоголя. П., 1934.

Владимир Соловьев. П., 1936.

Великие русские писатели XIX века. П., 1939.

Федор Достоевский. П., 1942. (Фр. — 1963).

Александр Блок. П., 1948.

Андрей Белый. П., 1955.

Валерий Брюсов. П., 1962.

МОШИН Владимир Алексеевич (1894-)

Род. в Петербурге. Покинул Россию (1920). Доктор Загребского университета (1928). Проф. в различных югославянск. университетах (1931-42). Рукоположен (1942). Директор архива Загребской Академии Наук (1947-59).

Средневековые игумены Хилендарского монастыря. Скопье, 1940.

Supplimenta ad Acta Chilendarii. Ljublijana, 1949.

Кириллические рукописи Югославянск. Академии. Загреб, II — 1952, I — 1955.

Филигранны XII и XIII веков. Загреб, 1957.

(Книги изданы по-хорватски).

ОБОЛЕНСКИЙ Дмитрий Дмитриевич, Князь (1918-)
Род. в Петрограде. Увезен из России (1919). Окончил
Кембриджский универс. (1940). Доктор Кембриджского
универс. (1944). Проф. русской и балканской истории в
Оксфорде (с 1958).

The Bogomils. Camb., 1948.

The Penguin Book of Russian Verse. L., 1962.

ПУШКАРЕВ Сергей Германович (1886-)
Окончил Харьковский универс. (1917). Преподавал в
Праге (1921-45) и в США (с 1949).

История крестьянского самоуправления. Прага, 1924.

Россия в XIX веке. Н.-П., 1956.

РЯЗАНОВСКИЙ Валентин Александрович (1884-)
Окончил Московский универс. (1908). Проф. Томского,
Иркутского и Дальне-Восточного универс. (1918-21).
Проф. в Харбине (1922-34). Переехал в Америку (1938).

Customary Law of the Mongol Tribes. 1929.

Fundamental Principles of Mongol Law. 1937.

Обзор русской культуры. I и II, Н.-П., 1947-48.

Развитие русской научной мысли. 1949.

Customary Law of the Nomad Tribes of Siberia. 1938.

РЯЗАНОВСКИЙ Николай Валентинович (1923-)
Род. в Харбине. Окончил Харвардский универс. (1943).
Доктор Оксфордск. универс. (1949). Проф. в Калифор-
нии.

*Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles.
Harvard, 1952.*

Nicholas I and Official Nationalism in Russia. 1959.

A History of Russia. N.Y., 1963.

САВИЦКИЙ Петр Николаевич (1895-)
Род. в Чернигове. Оконч. Петерб. Политехникум (1917).
Проф. в Праге (1922-41). Провел 11 лет в concentra-
ционном лагере в Советской России (1945-56). Получил
разрешение вернуться в Чехию.

Географические особенности России. Прага, 1924.

Россия — особый географический мир. Прага, 1927.

О задачах кочевноведения. 1928.

В борьбе за Евразийство. Прага, 1931.

СМОЛИЧ Игорь Корнилович (1898-)

Покинул Россию (1920). Доктор Берлинск. универс. (1931).

Leben und Lehre der Starzen. Wien, 1936.

Das Alt-Russische Moenchtum. Wuerzburg, 1940.

Russische Moenchtum. Wuerzburg, 1953.

Die Russische Kirchen Mission in Jerusalem. 1956.

Geschichte der Russischen Kirche. 1964.

СПАССКИЙ Феодосий Георгиевич (1897-)

Учился в Нежине. Окончил Сер. Акад. (1928). Проф. литургики в Сер. Акад.

Русское литургическое творчество. П., 1951.

СПЕКТОРСКИЙ Евгений Васильевич (1875-1951)

Окончил Варшавск. универс. Проф. права в Варшавск. универс. Ректор Киевск. универс. (1918). Проф. Белградск. универс. (1920-30), Люблянского универс. (1930-45). Проф. Владимирск. Семинарии в Нью-Йорке.

Христианство и культура. Прага, 1925.

История социальной философии. Любляна, I — 1932, II — 1938.

Принципы русской внешней политики в XIX веке. Нарва, 1937.

Russische Rechtsphilosophie.

Либерализм. Введение в изучение социологии. Франкфурт.

СТРУВЕ Никита Алексеевич (1931-)

Род. в Париже. Окончил Сорбонну. Препод. русский язык в школе Восточных языков в Париже. Редактор «Вестника» Русского Студенческого Христианского Движения.

Les Chrétiens en U.R.S.S. P., 1963.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870-1944)

Род. в Перми. Окончил Петер. универс. Эмигрировал в Германию (1900-05). Редактор журнала «Освобождение» (Штуттгарт и Париж, 1902-05). Вернулся в Россию (1905). Проф. полит. экономии в Петерб. Политехническом Институте. Член Академии Наук. Покинул Рос-

сию (1919). Редактор «Русской мысли» (Москва-Петербург, 1907-1918; София, 1921; Прага, 1922-23; Париж, 1927), «Русской свободы» (Петроград, 1917), «Возрождения» (Париж, 1925-27), «России» (П., 1927-28) и «России и Славянства» (П., 1928-33). Жил в Чехии, Югославии и Франции. Умер в Париже.

Социальная и экономическая история России. П., 1952.

ТРОИЦКИЙ Сергей Викторович (1878-)

Род. в Томске. Окончил Петерб. духовную академию (1901). Проф. Новороссийского универс. Покинул Россию (1920). Проф. Белградск. и Суботицкого универс. (1920-45).

Что есть живая Церковь. Варшава, 1927.

Religion in Soviet Russia. L., 1929.

Как закрываются церкви в Советской России. Белград, 1931.

Отделение или раскол. П., 1932.

Христианская философия брака. П., 1933.

О неправде Карловацкого раскола. П., 1960.

ТРУБЕЦКОЙ Николай Сергеевич, Князь (1890-1938)

Проф. в Московском, Ростовском, Софийском и Венском университетах.

Европа и человечество. София, 1920.

Наследие Чингисхана. Б., 1926.

К проблеме русского самопознания. Б., 1927.

Dostoevskij als Künstler. 1964.

ФЕДОТОВ Георгий Петрович (1886-1951)

Род. в Саратове. Проф. Петрогр. и Саратовского университетов (1914-22). Покинул Россию (1925). Проф. Серг. Акад. (1926-1941). Проф. Влад. Семинарии (1943-51). Редактор «Нового Града» (1931-39).

The Russian Church Since the Revolution. L., 1928.

Св. Филипп Митрополит Московский. П., 1928.

Святые Древней Руси. П., 1931.

И есть и будет. (Размышления о России и революции). П., 1932.

Социальное значение христианства. П., 1933.

Стихи духовные. П., 1935.
 The Russian Religious Mind. Cambr. (Mass.), 1946.
 The Treasury of Russian Spirituality. N.Y., 1948.
 Новый Град. Н.-Я., 1953.
 Христианство и революция. П., 1957.

ФЛОРОВСКИЙ Георгий Васильевич, Протоиерей (1893-)
 Род. в Одессе. Окончил Новороссийский универс.
 (1916). Проф. Сергиевск. Акад. (1926-39). Ректор Влад.
 Семинарии (1950-55). Проф. в Харварде (с 1955).

Достоевский и Европа. София, 1922.
 Восточные отцы Церкви IV века. П., 1931.
 Византийские отцы Церкви (V-VIII веков). П., 1933.
 Пути русского богословия. П., 1937.

ФРАНК Семен Людвигович (1877-1950)
 Род. в Москве. Окончил Казанский универс. (1901).
 Проф. Петерб. универс. (1912-17), Саратовск. универс.
 (1917). Выехал из России (1922). Препад. в Берлине
 (1922-37). Жил во Франции (1937-45). Умер в Лондоне.

Религия и наука. Б., 1924.
 Крушение кумиров. Б., 1924.
 Смысл жизни. П., 1926.
 Основы марксизма. П., 1926.
 Духовные основы общества. П., 1930.
 La Connaissance et l'Être. P., 1937.
 Непостижимое. П., 1939.
 God With Us. L., 1946.
 Свет во тьме. П., 1949.
 V. Soloviev: An Anthology. L., 1950.
 Реальность и человек. П., 1956.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Питирим Сорокин

ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА — В НАСТОЯЩЕМ И В БУДУЩЕМ

1. Постепенное сближение Запада и Востока.

Деление народонаселения, культурных систем, наций и народов на западные и восточные — в основном искусственно и фиктивно. Навряд ли когда-нибудь с 1492 г. народы Азии и Африки были полностью изолированы от Европы и обеих Америк, и их исторические судьбы едва ли сложились независимо друг от друга. Можно сделать единственную оговорку — что связь и взаимодействие народов и культур Европы и европеизированных Америк с одной стороны, и Азии и Африки с другой, были менее интенсивны и продолжительны, чем аналогичные явления на каждом континенте в отдельности. Даже условное деление народов и культур на западные и восточные непрерывно продолжает сглаживаться на протяжении вот уж пяти столетий. Этот процесс особенно усилился со времени проникновения «белого человека» — европейцев и американцев — на афроазиатские континенты, что стало возможно в результате улучшения путей сообщения и иных средств связи.

В настоящее время эта взаимная изоляция значительно ослаблена и, если не произойдет апокалиптической мировой войны, это разделение будет и в дальнейшем сглаживаться. Современные средства передвижения и связи приведут к такому же сближению и взаимной зависимости Востока и Запада, какие уже существуют в каждом мире порознь.

Такой ход вещей вынуждает поставить ряд вопросов — в связи с будущими отношениями между американо-ев-

ропейскими и афро-азиатскими народами. Не подлежит сомнению, что влияния этих двух миров друг на друга будут сложны и разнообразны. В некоторых случаях духовные ценности и общественные формации Запада заменят «восточные»; в других же случаях, предпочтение будет оказано последним. На какой-то срок происходящее смешение культурных и общественно-политических особенностей Востока и Запада сохранит современные нам эклектические формы. Современем же, — если не произойдет мирового террора и самоистребления человеческого рода, — эта «разнородная смесь», возможно, перерастет в какую-то общую формацию культурного, общественного и духовного порядка, гармонически сочетающую в себе элементы обеих великих культур — Запада и Востока.

Поскольку в одной краткой главе немислимо охватить весь комплекс западно-восточных отношений, я предпочту рассмотреть здесь лишь некоторые основные тенденции в развитии этого явления. Эти тенденции отчетливо наметились уже в наше время и, несомненно, усилятся в будущем. Одну из них можно охарактеризовать как дальнейшее падение исключительного творческого водительства американо-европейских народов и одновременно возрастающее участие в этом водительстве афро-азиатских народов.

Другой вопрос, который придется затронуть, это вопрос о будущей интегральной культуре, общественных образованиях и жизненном укладе, которые возникнут в том случае, если современному конгломерату общественно-культурных элементов суждено будет перерасти в единую универсальную систему.

2. Сдвиг в творческом водительстве.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что еще с доисторических времен и до XIV века нашей эры народы Западной Европы и Америки значительно отставали — в области творческого водительства — от народов Азии и Африки:

а) Согласно господствующему (в основном, гипотетическому) учению, появление человека на Земле, т.е. откло-

нение от общей ветви человекоподобных, имело место скорее в Африке или Азии, а не в Европе;

б) затем, эволюционируя от Палеолитического века к Неолитическому и дальше к Меловому, Бронзовому и Железному векам, человек Западной Европы, по-видимому, отставал в своем развитии от своих африканских и азиатских сородичей — на многие столетия, даже, быть может, тысячелетия;

в) уже в исторические времена, когда народы Европы и Америки все еще вели примитивный образ жизни, в Африке и Азии возникали такие высокие культуры, как египетская, вавилонская, шумерийская, хиттитская, персидская, китайская, индусская, средиземноморская (греко-римская и арабская). Возникая, эти культуры в течение столетий и тысячелетий развивались и проходили через периоды своего расцвета и упадка.

Короче говоря, Европа и Америка, по сравнению с Азией и Африкой, были, на протяжении тысячелетий, странами «отсталых» народов. Эти народы последними заняли первенствующее положение в мире. Только приблизительно с XIII столетия они стали факелоносцами человеческого творчества, главным образом в областях науки, техники, искусства, философии, экономики и политики, где, в течение последних четырех-пяти веков, они блестяще выполнили свою миссию. Их беспрецедентные и неоспоримые заслуги в научно-технологической области сделали Европу и европеизированную Америку подлинным историческим центром на весь этот отрезок времени.

Установившееся таким образом временное превосходство западной цивилизации над афро-азиатской позволило белому человеку проникнуть в Африку и Азию и, утвердившись там, эксплуатировать народы этих континентов. Воздействие новой цивилизации на умы народов Африки и Азии было огромным. Оно пробудило в них могучее желание приобщиться к науке и технике Запада с тем, чтобы как-то улучшить свое жалкое существование, — ликвидировать бедность, неграмотность, голод и болезни и повысить жизненный стандарт, а со временем освободиться от ига своих эксплуататоров. «Это сам Запад вызвал к жизни силы со-

противления его господству, вооружив поработанные народы знаниями и государственным опытом, столь необходимыми в борьбе за освобождение. Господство Запада само посеяло семена своей будущей гибели», — так правильно охарактеризовал ход вещей С. Радхакришнан.¹

Не менее верно еще в 1928 году высказал аналогичную мысль на страницах “Whither Mankind” Чарльз Бирд, писавший, что «если когда-нибудь Восток разобьет Запад на поле сражения, он будет обязан своей победой технике, перенятой у Запада». Это пророчество в значительной мере уже сбылось. С помощью западных государств восточные народы построили у себя школы, университеты и научно-исследовательские институты; их ученые, техники, экономисты и государственные деятели получили и получают свое образование в западных странах. Развитие науки и техники в Японии и России почти что не уступает таковому на Западе. Да и другие страны Востока, хотя и не достигли еще в своем развитии уровня Японии и России, однако, неуклонно продолжают насаждать у себя западную науку и технику. И если тому не помешает новая мировая война, то в не слишком отдаленном будущем эти различия, вероятно, будут окончательно стерты.

Во всяком случае, т.н. «отсталые» народы овладели научно-технической культурой в такой мере, что оказались в состоянии вернуть себе независимость, покончить с колониальной системой и господством белого человека в таких странах, как Китай, Индия, Индонезия, Бирма, Египет и, практически, во всех бывших колониях Европы и Северной Америки.

Все это показывает, что творческому водительству Запада, монополизированному народами Европы и Америки в течение полутысячи лет, приходит конец.² Роль в этом водительстве афро-азиатских народов быстро возрастает, в результате чего творческий центр истории человечества, столетиями находившийся в Европе и Америке, уже не в состоянии уместиться в старых границах. Он становится обще-мировым и влияние его исходит в равной мере с Востока и с Запада.

Отныне история человечества будет все более и более

вершиться на единой афро-азиатско-европейско-американской сцене. И главными действующими лицами в этих исторических постановках будут не только Европа и Америка, но и Индия, Китай, Япония, Россия, арабский мир и иные народы и культуры. Этот эпохальный сдвиг уже наметился и с каждым днем обрисовывается все отчетливее. Он уже проявил себя в распадении великих европейских империй, в политическом освобождении большинства колониальных народов Африки и Азии, в росте их общественно-политического влияния на международную политику, в появлении на сцене таких великих государств Азии, как Индия, Китай, Япония и евразийская Россия; в упадке культурно-политического влияния Европы; в ускорении темпов научно-технического развития в Азии и Африке; в возрастающей роли азиатских ученых и техников в области важных научных открытий и технических изобретений (доказательством чему — участвовавшие случаи присуждения азиатским ученым Нобелевских премий); в падении престижа «белого человека» на афро-азиатских континентах; и, наконец, — в таком симптоматическом явлении, как расширение информации, программ, изданий, конференций, лекций и курсов, ведущихся в учебных заведениях на Западе и посвященных событиям, культурам и народам Востока. Если вспомнить, как мало внимания уделялось всем этим вопросам на Западе каких-нибудь шестьдесят лет тому назад, то становится ясной их значимость сегодня.

К этим признакам увеличивающейся роли афро-азиатских народов следует присовокупить распространение на Западе религиозно-философских, этических, культурных и художественных ценностей Востока. В этих областях Запад редко превосходил Восток. Как-никак, западное христианство — как религиозно-этическая, правовая и эстетическая основа европейской культуры — с V по XVIII, а в меньшей мере и по XX век было афро-азиатским творческим достижением. Рожденное в Малой Азии, оно вышло из афро-азиатских религиозно-философских и этических школ иудаизма, зороастризма, особенно же, из культов Митры и Мани, Сибелы, Исиды и Осириса, а также индуизма, буддизма, даосизма, нео-платонизма, нео-пифагоризма и других гно-

стических и мистических течений афро-азиатского происхождения.³ Влияние Востока на западную цивилизацию — через христианство, а позднее магометанство — ощущается на протяжении всей истории Запада.

В наше время религиозные и художественные ценности Китая, Индии, Японии и др. восточных народов стали проникать на Запад, охватывая при этом не только академические, интеллектуальные и правительственные круги, но и более широкие слои западного общества.

Во многих странах Запада возникли и продолжают рождаться сотни центров всевозможных восточных культов Веданты, Бехауллы, Магомета, Будды, Дзэн, Лао-цзы и др. В одной только Калифорнии насчитывается несколько сот подобных центров и культов. Учение йоги становится весьма распространенным среди представителей общественных и психологических школ, а также среди современных духовных лидеров и просто любителей.

Ценные труды Востока по вопросам религии, философии и психологии, а также беллетристические произведения все чаще переводятся на западные языки, изучаются, обсуждаются и делаются доступными даже рядовому читателю. Сравнительно недавние общественно-политические движения Востока, как например учение Ганди о мирном сопротивлении, вызывают широкое подражание в рядах подобных же движений на Западе. Относительно поздние восточные учения — как Свами Вивекананды, Рамакришны или Сри Авробиндо — быстро распространяются и находят себе последователей в Америке и Европе. Растет влияние на западное искусство художественных стилей китайской и японской живописи, восточной архитектуры, а в меньшей мере и литературы, скульптуры и музыки. То же влияние наблюдается в области современных мод.

Любопытно, что нескольким японским фильмам были присуждены на международных фильмовых фестивалях первые награды. Короче говоря, непрерывное влияние, которое Восток косвенно — через христианство — оказывал в прошлом на Запад, стало в наш век непосредственным и отчетливо видимым. Не подлежит сомнению, что с дальнейшим развитием средств связи и сообщения, взаимопроникнове-

ние и смешение восточных и западных культур, идей, учреждений, быта и нравов будет и далее усиливаться.

3. Возможность возникновения нового общего порядка на Западе и Востоке.

В связи с этой тенденцией возникает важный вопрос: к чему же приведет это смешение цивилизаций? Сохранит ли оно эклектические формы или же переродится в единый общественно-культурный порядок, объединенный общим мировоззрением? Никто из нас не в состоянии дать на этот вопрос исчерпывающий и правильный ответ. Можно лишь — с риском ошибиться — строить на этот счет кой-какие догадки. Именно в порядке догадок я и попытаюсь сформулировать мои собственные прогнозы по этому вопросу. Эти прогнозы основаны на моей теории общественно-культурных изменений, а также на моем диагнозе современного состояния западной (и частично восточной) культуры. Эта теория развита и обоснована в моем четырехтомном исследовании «Общественная и культурная динамика», а также в ряде других трудов.⁴ Размер и задача этой главы не позволяют мне отвести достаточно места для объяснения этой теории и того, что я подразумеваю под понятиями сенсативной, идеистической и интегральной общественно-культурных систем. Достаточно будет сказать, что любая из этих систем основана на постулате о природе истинного мира.

Сенсативное мироощущение исходит из предпосылки, что подлинная абсолютная реальность постижима только нашими чувствами и что за пределами ее не существует иной реальности и смысла. Идеистическая школа утверждает, что абсолютное это — сверхчувственное и непознаваемое Божество (Дао, Нирвана, Брахма, «Божественное Ничто» и др.) и его мироздание.

И, наконец, интегральная система рассматривает абсолютную реальность в многообразной бесконечности, в *mysterium tremendum et fascinans*, в подлинном *coincidentia oppositorum*, которое в своем беспредельном многообразии не может быть ни постигнуто, ни объяснено ограниченным человеческим разумом. Будучи, однако, частью этой реальности, мы в состоянии познавать три основных формы

ее существования: чувственную, т.е. воспринимаемую посредством наших чувств; рациональную, т.е. познаваемую логическим или математическим путем; а также сверх-чувственную и сверх-рациональную форму, постижимую только человеческим гением на вершинах его творческого прозрения и великих открытий. Обыкновенный же человек только в малой мере способен приобщиться к такому познанию.

На этом я вынужден закончить мои краткие объяснения. Итак, если предположить, что апокалиптическая ядерно-бактериологическая — или химическая — мировая война не разразится (а я думаю, что на это только 50 шансов из 100), то мои предвидения можно будет сформулировать в форме следующих гипотез:

А. Поскольку господствовавшая на Западе в течение пяти веков сенсативная общественно-культурная система находится сейчас в состоянии упадка, она, по всей вероятности, будет заменена новой, интегральной системой, — если, разумеется, народам Запады предстоит и далее выполнять свою историческую миссию. Первые «весенние побеги» этого порядка уже появились, и их медленный рост начался. Происходящая борьба двух систем — одно из самых глубоких и значительных явлений нашего времени и ближайших десятилетий. Все прочие противоречия — капитализм-коммунизм, демократия-тоталитаризм, религия-атеизм или агностицизм, материализм-идеализм, «свобода»-дирижизм и иные формы конфликта — это только отдельные проявления растущей мировой борьбы между отмирающей сенсативной и нарождающейся интегральной системами. Эта гигантская борьба охватывает все области общественной жизни Запады — культуры, науки, философии, религии, морали, права, искусства, политики и экономики. Действительным же полем битвы служат души, умы, плоть и поведение современного человечества.

Б. Традиционная, в основном идеистическая, система, долгое время господствовавшая в восточных странах — Индии, Китае, Тибете, Цейлоне, Бирме, Японии, Индонезии, араб-

ских и др. странах, теперь, под влиянием западной научно-технической цивилизации, тоже идет к своему концу.

В результате, перед народами Востока стоит неотложная задача — создания и насаждения нового общественно-культурного строя. И навряд ли этот новый строй будет разновидностью отмирающей идеистической системы или восточным вариантом сенсативного порядка. Грядущий строй, вероятнее всего, будет восточной формой интегрального порядка, сходной в основных чертах с его западной разновидностью, но отличной от него по многим другим особенностям.

Главные различия между этими двумя вариантами сейчас и в будущем можно определить следующим образом: приход западного интегрального порядка на смену сенсативного возможен при условии: а) отказа от материалистических представлений, господствующих в сенсативном мировоззрении, и б) замены этих понятий понятиями рационального и сверх-чувственного порядка, столь слабо выраженными в сенсативных культурах.

Создать интегральный порядок на обломках ранее господствующего, а ныне обреченного на смерть сенсативного, без этой внутренней перестройки — невозможно.

В отличие от существующего на Западе положения вещей, возникновение интегральной формации восточного образца из отмирающей идеистической системы возможно лишь путем уточнения идеистических представлений и ценностей и обогащения их более совершенными формами чувственных и рациональных понятий, игнорируемых в большой мере восточными идеистическими школами.

Жизненный уровень народов Востока все еще остается очень низким. Нищета и горестность их жизни настолько ужасающи, а удовлетворение насущных нужд настолько неадекватно, что установление там интегрального порядка немислимо без значительного улучшения материальных условий. На это последнее и будут направлены основные усилия восточных народов.

С другой стороны, народы Запада для успешного установления у себя интегрального порядка должны будут все более «одухотворять» и «идеализировать» свой мир —

а) путем отказа от «чувственной», т.е. чувствами познаваемой, псевдо-реальности, б) через облагораживание извечных и универсальных чувственных ценностей, в) посредством введения в свой духовный лексикон понятий рациональной, сверх-рациональной и сверх-чувственной реальности, г) объединяя все эти представления и ценности в единой интегральной системе.

В. Таким образом, мы видим, что, находясь на различных полюсах общественно-культурного порядка, Восток и Запад одинаково стоят перед проблемой замены рушащихся культурно-общественных устоев единой и общей интегральной системой. Это не значит, что эта система будет совершенно одинаковой в обоих случаях; соответственно, она будет построена по восточному или по западному образцу, неся в себе известное своеобразие и особенности — форм, окраски, технических и иных деталей.

Г. Если удастся избежать самоубийственной третьей мировой войны, то совокупность существующих социальных и культурных условий будет благоприятствовать скорее возникновению западно-восточных вариантов интегрального порядка, чем омоложению отмирающей сенсативной и окаменелой идеистической систем. Мало шансов и на длительное существование неорганичной смеси разнородных “odds and ends” на Западе, Востоке и во всем мире. Длительное сохранение культурного господства вырождающихся сенсативной и идеистической формаций мало вероятно по целому ряду причин. Повторяющаяся история заката господствующих общественно-культурных систем учит нас, что упадок их вызывается, главным образом, истощением того ограниченного запаса творческих сил, которым обладает каждая эмпирическая формация. Иначе она уподобилась бы божеству, неистощимому в своем беспредельном творчестве. Таким образом, каждый порядок когда-нибудь да должен исчерпать себя; он становится бесплодным, не в состоянии более отвечать нуждам общества и погибает, заключенный в окаменевшую форму. Ничто уж не может остановить этот начавшийся процесс до тех пор, пока отмирающая система окончательно не утратит своего господ-

ствующего положения и, покинув историческую сцену, не очутится в положении музейного экспоната.

Из всех известных примеров подобного рода дезинтеграции и «мумификации» едва ли можно указать хотя бы на один, где бы этот процесс распада системы был остановлен, а сама система и далее сохранила бы свое господство. Потому будет трудно предположить, что и нынешние умирающие системы Запада и Востока ждет иная, лучшая участь.

Не более вероятным можно считать и длительное пребывание культур Запада и Востока в состоянии разнородной смеси. Такая культурная «свалка» свидетельствовала бы не только о гибели обеих формаций, но и конце творческой миссии их носителей, т.е. народов, неспособных создать новый, единый общественно-культурный порядок.

Великие культуры, вырождающиеся под конец в перманентную мешанину, теряют свою индивидуальность и могут служить только как материал или удобрение для новых цивилизаций или культурных систем.

То же касается и иных общественных национальных и государственных образований. Не будучи способными создать на смену старым новые формы, народы и государства оканчивают свою историческую миссию и становятся простым этнографическим материалом, который будет затем использован другими, более творческими и жизнеспособными, народами и формациями.

Если в недалеком будущем на Западе и Востоке, или во всем мире, не будет установлен какой-то новый и всеобщий культурно-общественный порядок, то творческую миссию человека на нашей планете можно будет считать исчерпанной. Деградация и общий упадок доведут «исторические народы» до уровня бесплодных, безличных человеческих орд, обреченных на полное исчезновение.

Ведь созидательное творчество человека, как разумного существа, позволило ему выжить, подняться над всеми иными видами и овладеть всеми силами органической, неорганической и сверх-органической природы, столь важными для продолжения биологической и общественно-культурной его жизни.⁵

Если современному человеку удастся предотвратить надвигающуюся мировую катастрофу, то Западу, Востоку и всему роду человеческому удастся избежать упадка. Такие катаклизмы постигали отдельные общества и народы во все времена, но навряд ли они могут разразиться в масштабах целых континентов или, тем более, всего земного шара.

Еще нет признаков полного творческого оскудения человечества; наоборот, факты свидетельствуют о том, что в ряде областей — особенно в науке и технике — человек достиг высот, о которых ему и не снилось.

По этим причинам, перспектива оживления гниющей чувственной и идеистической систем, а с другой стороны, конечного разложения мировой культуры и превращения «исторических» народов в аморфные массы — совершенно невероятна. А если это так, то дальнейшее историческое развитие должно будет привести к созданию единого интегрального порядка, который охватит собой и Восток и Запад. Основа, на которой он зиждится, более полноценна и широка, чем постулаты сенсативной и идеистической систем. Интегральная мысль включает и примиряет основные предпосылки обеих систем в одном интегральном целом. Интегральный подход позволяет нам не только признавать наличие существования чувственных и сверхрационально-сверхчувственных явлений, как имеющих реальную ценность в истинном мире, но и познавать их три главные аспекта: чувственные явления — через посредство наших чувств, рациональные — с помощью нашего логико-математического мышления, и сверхчувственно-сверхрациональные — через интуицию гения⁶ и, в меньшей степени, обыкновенных людей.

Соединяя эти три пути к познанию, интегрализм приходит к одному творчески-познавательному пути трех измерений, охватывающему науку, религию, философию, этику, искусство, а также их специфические средства восприятия и представления (пока что обособленные) абсолютной реальности.

Широта и глубина интегрального мироощущения создают благоприятную почву для построения более возвышен-

ного общественно-культурного и духовного мирового порядка, чем сенсативный и идеистический.

Точно так же, как интегральный порядок Греции V века до Р.Х. и Европы XIII века после Р.Х. явился расцветом их культур, ныне возникающий интегральный порядок будет более величественным, мудрым, справедливым и красивым, чем его предшественники — отмирающие сенсативный, идеистический и эклектический порядки, пока еще господствующие на Востоке и Западе.

Наконец, и Восток и Запад обладают необходимым материалом и опытом для построения нового интегрального порядка. На Западе — чистое христианство, а также богатейшая западная мысль — с ее великими эмпирическими, рационалистическими (включая «критические» и скептические) и мистическими системами, с ее идеалистической и материалистической онтологией, с ее сокровищницей великих произведений искусства и литературы, с ее гетерогенными системами и утилитарными, гедонистическими, высоко альтруистическими и категорическими установками в области этики и права, и, в особенности, могучая наука и техника, — все это, вместе взятое, послужит богатым и превосходным материалом для создания западной интегральной системы.

На Востоке — богатства великих религий даосизма, конфуцианства, индуизма, буддизма, синтоизма, иудаизма и магометанства, поистине великие философские системы, начиная с упанишад, даосизма и «шести ортодоксальных» индийских философских систем и кончая новейшими «интегралистскими» теориями Сри Авробиндо и других восточных мыслителей. Дальше следуют великие этические системы Востока, неистощимый запас блестящих произведений искусства, непревзойденная техника йоги; глубинное прозрение собственного «я»;⁷ мудрость различения между истинным познанием истинного мира и поверхностным псевдо-знанием его феноменов.

Все это разнообразие мысли, оснащенное и обогащенное научными достижениями Запада, также являет собой прочную основу для построения интегрального порядка на Востоке.⁸ Таким образом, взаимная помощь друг другу по-

зволит этим двум мирам наладить у себя собственные разновидности одного общего порядка.

Д. Возникновение такого строя приведет не только к более глубокому познанию всех трех аспектов истинного смысла явлений и к дальнейшему овладению органическими, неорганическими и сверхорганическими силами и формами бытия, но также и к преодолению духовной, моральной и общественной анархии, к росту гармонии в области человеческих отношений — между отдельными индивидуумами и между группами их, к спадению общественных противоречий, кровавых войн, восстаний и преступлений. Интегральная система ценностей наилучшим образом удовлетворит духовные нужды современного человечества в его поисках смысла бытия и душевного умиротворения.

В этом смысле новый порядок, разрешив большинство наболевших вопросов, приведет человечество к новому апогею его творческой жизни-истории.

Е. Как уже было упомянуто выше, первые ростки нового строя уже появились и схватка его с отмирающими системами началась. И если новой мировой войны удастся избежать, то победа нового порядка будет обеспечена.

Ж. Со временем, интегральный порядок, в свою очередь, исчерпает свои творческие возможности и, подобно идеальному государству Платона, сойдет с исторической сцены.⁹

З. Таковы, с моими обычными оговорками, мои предвидения относительно будущих западно-восточных отношений и грядущего нового порядка.

Более чем 30 лет тому назад я выступил с рядом предсказаний касательно надвигающихся событий:¹⁰ грядущих опустошительных войн, кровавых революций, гигантских разрушений тоталитарных режимов и появления «человека-зверя». Несмотря на резкие возражения и критику этих прогнозов со стороны моих коллег-ученых, мои предвидения почти полностью сбылись. Надеюсь, что и нынешние мои предсказания будут настолько же «правильны и удачны», как и предыдущие.¹¹

Примечания

¹ "East and West." New York, Harpers, 1956, p. 108.

² О конце европейского водительства см.: E. Fisher. *Passing of the European Age.* Cambridge, Harvard University Press, 1942; P. A. Sorokin. *Social and Cultural Dynamics.* New York, Bedminster Press, 1962, IV, 234 ff.

³ Об источниках иудаизма и христианства см.: J. Breasted. *Dawn of Conscience.* New York, 1933; F. Cumont. *Les religions orientales dans le paganisme romain.* Paris, 1929; "The Mysteries of Mithra." Chicago, 1910; "After Life in Roman Paganism." New Haven, 1922; S. Radhakrishnan. *East and West.* New York, 1956; A. H. Gardner. *The Legacy of Egypt.* New York, 1947; S. Angus. *Mystery Religion and Christianity.* London, 1925; K. Lake. *The Beginnings of Christianity.* London, 1920-26 (3 vols); P. Gardner-Smith. *The Church of the Roman Empire.* Cambridge, 1932.

В качестве одного из главных источников христианства иудаизм вобрал в себя несколько восточных религиозных, философских и этических течений мысли.

⁴ Для подробного ознакомления с моими теориями см.: "Social and Cultural Dynamics" (4 vols.); "Society, Culture and Personality"; "Man and Society in Calamity"; "The Reconstruction of Humanity"; "Crisis of Our Age." Эти работы были переведены на несколько иностранных языков.

⁵ См. мою статью "The Factor of Creativity in Human History." "Sociologia Internationalis," 1963, Heft I, 55-66; "Main Currents in Modern Thought," May, June, 1962.

⁶ Анализ сверхчувственно-сверхрациональной интуиции как высшего источника творчества и познания и разбор целостной структуры человеческой души и личности читатель найдет в моей книге "The Ways and Power of Love." Boston, Beacon Press, 1954, chs. 5, 6, 7, 19.

⁷ Согласно счастливому выражению Кафки: «самое глубокое в человеке — это самое высшее в нем».

⁸ Ср. мою книгу "Ways and Power of Love," chs. 19, 20, 21; F. S. C. Northrop. *The Meeting of East and West.* New York, 1946; R. G. H. Siu. *The Tao of Science.* New York, 1957; T. Stcherbatsky. *Buddhist Logic,* 2 vols. Leningrad, 1932.

⁹ "The Works of Plato." Jowett translation. The Dial Press, New York, pp. 308 ff.

¹⁰ Читатель найдет эти предсказания в моей упомянутой выше книге "Dynamics," во всех четырех томах; см. в особенности Vol. III, Ch. 16 and Vol. IV, Ch. 17.

¹¹ Настоящая статья представляет собой вторую главу только что вышедшей моей книги "The Basic Trends of Our Times." New Haven, Conn., College & University Press, 1964.

Б. С. Ижболдин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ СПАРТЫ

Как и Афины, Спарта была великой державой на греческом материке Европы, организовавшей Пелопоннесский союз. Одно время в него входили Коринф и Мегара. В действительности, Спарта была лишь столицей Лаконии, население которой редко превышало 10,000 человек; однако, под этим именем была известна вся страна. Спарта была создана дорянами-греками, носившими железную броню и завоевавшими территорию, первоначально населенную древними ахейцами (главным образом критянами). Местная (главным образом дорянская) аристократия была поглощена завоевателями, тогда как местное крестьянство (среди которого находились греки-ахейцы) превратилось в государственных рабов, известных под именем илотов. Столь важное превращение крестьян в рабов государства совершилось еще в Фессалии и на острове Крите, где греки-доряне тоже установили свое господство.

Спарта была особым типом царства, поскольку она управлялась двумя царями (двоевластие), которые были военными вождями, наследственными главными жрецами и имели право налагать вето на решения друг друга. Цари Спарты только в мирное время находились под контролем выборных трибунов-эфоров. Два эфора сопровождали царей на войну, но в этом случае не могли оказывать влияния на царей. Все же, обыкновенно, цари должны были отправлять правосудие совместно с выборными эфорами. С другой стороны, цари должны были устанавливать законы совместно с советом старейшин (герусия). Совет состоял из 28 членов, которые принадлежали к привилегированным семьям (старинная землевладельческая аристократия) и

возраст которых превышал 60 лет. Кроме того, все полноправные граждане в возрасте свыше 30 лет принимали участие в законодательном собрании, где они выбирали эфоров и «провозглашали» членов герусии. Спартанцы, обладавшие инстинктом сегрегации и желавшие господствовать в Лаконии в качестве привилегированного класса, заботились о своей военной подготовленности и создали некий «железный занавес», дабы не заразиться от других народов. Их своеобразная конституция была учреждена в IX веке до Р. Х. Ликургом. Доряне-критяне во многом подражали этой конституции. Наследственные спартанские жрецы обоих полов (часто, в одной общине, ими были брат и сестра) имели большое значение.

Полноправные граждане мужского пола дорянского происхождения, в детстве пережившие «испытание здоровья», т.к. они не были оставлены на склонах гор по требованию герусии, воспитывались правительством в особом мужском учреждении. Ими руководили несколько молодых полноправных граждан, принадлежавших к привилегированным семьям. Им должно было быть, по крайней мере, 20 лет и они назывались «вождями бычков». Спартанский мальчик в семь лет фактически оставлял свою семью и становился слугой государства. Этот обычай спартанцев, хотя и в менее крайней форме, был усвоен современными тоталитарными государствами. В 20 лет каждый полноправный гражданин Спарты был обязан жить в доме для мужчин. Если же он принадлежал к привилегированной семье, то он имел право назвать нескольких других молодых людей, находящихся в этом доме, своими братьями и, таким образом, поднять их социальный уровень. Живущий в этом доме имел право жениться по достижении совершеннолетия, но мог посещать свою жену лишь от времени до времени. Как только молодой человек достигал 30-летнего возраста, он был обязан жениться. Если к этому времени он уже был женат, он входил в семью жены, хотя и был обязан обедать в «мужском клубе», где он поддерживал дружеские отношения с другими гражданами и обсуждал политические вопросы. У стола сидело, обыкновенно, 15 человек. Обязанности взрослого гражданина Спарты были разнообразны: он

должен был принимать участие в воспитании молодых полноправных граждан, присутствовать на религиозных церемониях, заниматься охотой и непрестанно тренироваться в военном деле. В то же время, ему не разрешалось путешествовать или жить за границей. Обычно, настоящий спартанец служил в армии 53 года. От каждого полноправного гражданина требовалось, чтобы он был сильным, бесстрашным и хитрым. Юноши аристократического происхождения рвали тростники голыми руками, чтобы на них спать, учились красть пищу, редко купались, занимались играми в обнаженном виде и ходили босиком. Огромное значение для них имела стойкость при испытании боли. Кроме того, от них требовалось, в виде упражнения, стрелять в ненадежных илотов.

В дополнение к этому, спартанский юноша, при встрече со взрослым мужчиной, обязан был спрятать руки в одежду, пройти молча и смотря в землю. Так как каждый спартанец должен был быть мало разговорчивым, то до сих пор сохранилось общеизвестное выражение: «лаконическая речь». Как правило, спартанцы верили в «дела, а не слова», — что в наше время пропагандировали, например, Джон Дьюи или Жорж Сорель. Дочерей полноправного гражданина учили, как и мальчиков, гимнастике и верховой езде; они принимали участие в охоте. Они должны были считать себя счастливыми в том случае, если их мужа или сына погубили в бою. Существовал особый «культ героя», основанный на идее о «сверхчеловеке». Этот, столь типичный для спартанца, образ мышления произвел на Платона, Ницше и многих современных фашистов и коммунистов сильное впечатление. Средняя спартанская семья была довольно неопределенной единицей, ввиду того что полноправный гражданин проводил большую часть жизни вне дома, поддерживал тесную дружбу с другими мужчинами и часто делил свою жену с братом или кузеном. Спартанское государство одобряло многожество, т.к. мужчина-одноженец легче попадал под влияние своей жены. Представление спартанцев о том, что мужчина, который больше держится компании других мужчин, становится более храбрым и мудрым, разделялось также дорянами острова Крита и японскими

самураями; эти последние даже поощряли страстные отношения между рыцарем и юношей. Знаменитый средневековый корпус турецких янычар, состоявший из молодых рабов (в большинстве случаев славян и греков), тоже разделял эту точку зрения и поэтому запрещал своим членам жениться.

Каждый полноправный гражданин Спарты получал от государства участок земли, размер и продуктивность которого приблизительно равнялись размеру и продуктивности всякого другого участка, предоставленного гражданину первого класса. Повидимому, сначала такое распределение земли, — которая была лишь временным владением, а не частной собственностью гражданина, — относилось к небольшому участку в 15-20 акров. Полноправный гражданин не мог сам обрабатывать землю, ввиду того что его имение являлось наградой за служение государству. Каждый такой участок обрабатывался илотами, которые были рабами государства и потому не могли быть ни казнены, ни подвергнуты пытке, ни проданы без разрешения правительства. Илоты должны были доставлять за каждый спартанский участок, который они обрабатывали, 165 бушелей зерна (пшеницы, овса) и меньшее количество жидких продуктов (растительного масла, вина). Каждый спартанец обязан был жертвовать продукты из своего дохода в «пищевой клуб», к которому он принадлежал. Если по какой-либо причине (в особенности по расточительности) он не мог этого сделать, он терял свой статус полноправного гражданина. Кроме того, полноправный гражданин не имел права работать в промышленности и заниматься торговлей, делать капиталовложения за границей, иметь драгоценности. Считалось, что принцип стяжания развращает человека, а богатство его изнеживает. Однако полноправному гражданину Спарты понемногу стало разрешаться иметь еще одно поместье, которое он имел право продать или оставить по завещанию детям. Но лишь сыновья полноправного гражданина имели право получить от государства участок земли. Такое частное поместье обыкновенно находилось недалеко от самого города Спарты; но обрабатывать его владельцы не имели права. Таким образом, оно обычно дове-

рялось гражданину второго класса (перизку, или «жителю окрестностей»). Таким мог быть и разжалованный сын землевладельца. Тенденция в Спарте ограничивать и уравнивать богатство полноправных граждан продолжалась по крайней мере до IV столетия до Р. Х. Плутарх, писавший в I веке до Р. Х., уже подчеркивал неодинаковость частных земельных владений в Лаконии. Все же, в то время уже не существовало настоящего государства Спарты в его традиционном аристократическом облике. Однако невозможно отрицать, что тенденция Лаконии постепенно превратиться в страну крупных частных землевладельцев наблюдалась уже в IV веке до Р. Х., когда Спарта достигла кульминационного пункта своей международной славы. Для такого развития было две причины. Во-первых, полноправные граждане, среди которых распределялась земля, понемногу вымирали из-за непрерывных войн, и, как это подтверждается Аристотелем, земля в Лаконии принадлежала, главным образом, наследницам-аристократам. В 380 г. до Р. Х., когда Спарта была ведущим греческим городом-государством, лишь 1500 мужчин имели звание полноправного гражданина. Приблизительно 50 лет спустя, их число упало до 700 человек. Во-вторых, ввиду того что число настоящих спартанцев уменьшалось, остававшимся в живых становилось легче получать большие участки земли от государства, сохранять свою покупательную способность и приобретать дополнительные земельные владения.

Как свидетельствуют многие историки, побежденные меньшие дорянские племена Лаконии были переведены на положение низших граждан, которые не имели политических прав, но подлежали военной службе в тяжелых пехотных войсках, и должны были регулярно платить дань государству, — что покрывало, в частности, расходы обоих царских дворов. Социальная неполноценность перизков особенно подчеркивается тем, что правительство могло их казнить без какой-либо судебной процедуры и что в случае войны они могли иметь лишь одного илота в качестве слуги, тогда как полноправный гражданин имел в своем распоряжении семь илотов. С другой стороны, все производство, горная промышленность и торговля были, по закону, монополией перизков, потому что занятие делами этого

рода считалось ниже достоинства полноправных граждан и выше достоинства илотов, состоявших в настоящем рабстве и привязанных к земле. Кроме того, ни одному иностранцу не разрешалось заниматься делами в Спарте, и потому не было иностранной конкуренции. Владение землей постепенно все более и более концентрировалось в руках граждан второго сорта. Все это привело к тому, что перизеки часто были богаче правителей страны, которые не занимались приобретательством, — кроме тех случаев, когда они участвовали в дележе военной добычи. Не приходится удивляться тому, что при таких условиях перизеки, довольно многочисленные и бывшие обычно городскими жителями, имели тенденцию потворствовать приниженным илотам. Это постепенно подрывало силу Спарты. Многие перизеки стали полноправными гражданами Спарты только под властью Рима. Настоящие спартанцы всегда жили в страхе, что в особенности многочисленные илоты могут устроить восстание; поэтому их сословие представляло собой вооруженный лагерь. По-видимому, иногда в Лаконии был лишь один полноправный гражданин на четырех перизеков и на двенадцать илотов. Некоторые мятежи государственных рабов были очень серьезными, как, например, мятеж в 464 г. до Р. Х. После него спартанцы освободили некоторых илотов, но они были под наследственным обязательством служить в качестве гарнизонных солдат на земле, которая была им предоставлена. В 221 г. до Р. Х. царь Клеомен освободил 6.000 илотов и роздал им кое-какие общественные земли. При римском владычестве все государственные рабы Спарты были полностью освобождены.

Так как правительство Спарты было против накопления материального богатства в виде денег, оно ввело довольно дешевые железные слитки весом в $1\frac{1}{4}$ фунтов. Плутарх рассказывает, что даже для сравнительно небольших платежей надо было везти слитки на телеге, которую тянули два быка, потому что при размене железа на серебро в Спарте соотношение было 1200 к 1. В действительности, в стране преобладал товарообмен; слитки железа употреблялись лишь как единица счета. Однако мы знаем случаи, когда слитки железа хранились на складах и право на них передавалось от лица к лицу просто путем каких-то знаков. Не

приходится удивляться тому, что Спарта употребляла железо в качестве валютного металла, т.к. в ее владении находились самые крупные железные рудники в Греции. Это было главной экономической причиной ее валютной политики. В Спарте производилось, в значительном количестве, сварочное железо, вывозившееся даже в Афины, железные засовы, замки и ключи. Однако два последних изделия были в столь широком употреблении в Спарте, что они весьма редко продавались иностранцам. В Спарте добывались также свинец и зеленый порфир, которые хорошо продавались за границей. Нельзя отрицать, что в Лаконии выделялись в большом количестве шерстяные ткани хорошего качества и даже глиняные изделия (главным образом, вазы), которые экспортировались, в большинстве случаев, в Этрурию и Карфаген. Даже каменная и деревянная скульптура Спарты пользовалась хорошей репутацией. Все это означает, что Спарта являлась частично индустриальным государством, которое в некоторой мере интересовалось внешней торговлей, — хотя в этом отношении, как и в отношении мореплавания, Спарта далеко отставала от Афин и Коринфа. Было бы тоже несправедливо утверждать, что Спарта никогда не питала интереса к культуре Эллады. Может быть, некоторые историки-экономисты заходят слишком далеко, утверждая (как, например, проф. Мичелль), что искусство Лаконии было равным искусству любых других частей Греции. Однако нет сомнения в том, что спартанцы были хорошими скульпторами, музыкантами и танцорами. В особенности ценились другими греческими народами их танцы с хоровым пением. Женщины Спарты не только принимали участие в атлетических упражнениях, но занимались также музыкой и изучали генеалогию. Интересно тоже отметить, что каждый настоящий спартанец обязан был брить себе усы, причиной чему было сравнительно одинаковое положение мужчины и женщины, равно как и тесная дружба среди мужчин. В более поздние времена, спартанский обычай тщательно бриться был открыто поддержан Александром Великим и еще более Сципионом Младшим, который жил во II в. до Р. X. и которым восхищались все молодые римляне — его современники.

Г. К. Гинс

ПРАВО КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Любой человек, с изумлением наблюдающий полет искусственного спутника или читающий о запуске ракет на луну и о сообщении с ракеты снимков, сочтет это чудом культуры. Но редко кто задумается над тем, не чудо ли, что многие десятки и даже сотни миллионов людей могут жить под покровительством одного и того же закона в грандиозном объединении, которое представляет собой современное государство.

Технический прогресс и техническая культура наиболее наглядно и хорошо представлены в музеях Мюнхена и Лондона. Завоевания духовной культуры, произведения искусства, литературы и музыки не всем понятны и не всеми справедливо оцениваются, но и они находят материальное выражение или применение и становятся достояниями многих поколений. Менее всего знакомы массам людей те достижения, которые характеризуют социальную культуру и выражаются в нормах поведения, носящих название права. А между тем, при отсутствии права, не было бы и государства, а существование благоденствующего государства обеспечивает развитие всех видов культуры.¹

Существование даже такой небольшой группы людей, какую представляет собою семья, требует наличия некоторых правил поведения, которыми поддерживались бы дисциплина и сотрудничество членов семьи и их положение в составе более крупной организации, родовой или общественной. Историки человеческого общества не могут установить времени, когда впервые появилось право, как основа общежития, а что касается его развития, то в этом отношении приходится признать, что оно происходит скачками и начинается незаметно, принимая форму обычаев.

Римские юристы полагали, что некоторые нормы поведения возникали естественно, у всех народов одинаково. Они полагали даже, что и у животных существуют сходные нормы, которые они называли «естественным правом» (*quod natura omnia animalia docuit*). Они имели, очевидно, в виду то, что мы называем инстинктом присвоения, а также — родительскую власть и возникновение власти вообще. В этом, однако, только небольшая доля правды. Сами по себе инстинкты еще не нормы, так как они не сопровождаются сознанием права и обязанности. Для инстинктивной защиты добычи или собранных запасов, или гнезда или логова не требуется сознания собственности. Зверь, только что охранявший свою добычу, без всяких стеснений и, тем более, угрызений совести, стащит добычу другого, если ее временный обладатель временно оставит ее без призора. Таким же будет поведение детей, развитие правосознания которых воспроизводит то, что проходил длинный ряд предыдущих поколений...

У людей, как можно судить на основании известных нам данных о развитии права у некоторых народов, сознание собственности оформлялось в течение продолжительного времени. От запретительной формы «не укради» оно не сразу перешло к пониманию абсолютного права собственности с его элементами владения, пользования и распоряжения. В поступках животных и детей нельзя видеть ничего другого, кроме проявления инстинктов питания и самосохранения. Эти инстинкты (безусловные рефлексy) побуждают собирать, хранить и защищать свое. Каждая пара птиц вьет *свое* гнездо, медведь выбирает *свою* берлогу, а крот роет *свою* нору. Не наблюдается захватов чужого гнезда, берлоги или норы. Если бы происходили такие захваты, то началось бы взаимное истребление и поставлено было бы под угрозу существование всей породы.

По всей вероятности первобытный человек, в отличие от животных, охранял пещеру, добычу и приспособленную им утварь не только инстинктивно, но уже и с сознанием того, что им приложен труд или пережит известный риск для обеспечения необходимых для существования условий жизни. Впоследствии, при переходе к оседлой жизни, появи-

лось отчетливое сознание о распределении земель (пастбищ) «нашего рода» и «чужого рода». Тогда появляется представление о коллективной собственности, подобно тому как у детей — представление о собственности «нашей» семьи, о «нашем» доме и собственности «чужой» семьи, о «чужом» доме. Именно в этих случаях могло создаться отчетливое представление об *обязанности* считаться с чужой собственностью, благодаря возникновению *коллективной* защиты «своих» земель от покушений на них членов чужого рода. Наиболее вероятно, что первоначально возникло сопротивление покушению на «свое», кратко выражаемое словом «нельзя» («не укради»). Сознание же обязательности этой нормы для других могло развиваться после возникновения такой общественной среды, которая охраняла свое благополучие и не допускала ни покушений на них извне, ни нарушения мира внутри. Сознание *права* на свою собственность и *обязанности* уважать чужую могло развиваться, благодаря коллективному взаимодействию членов организованного общества.

Также возникло, вероятно, и сознание власти и обязанности подчинения. У животных такого сознания не может быть. Перелетающая стая птиц следует за одной из них, которая летит во главе стаи. Если эта птица падает жертвой выстрела или стужи, ее сменяет другая, и стая продолжает лететь. Здесь не существует установленной иерархии и сменны начальства в порядке старшинства. Здесь только естественное преемство, основанное на инстинктивной потребности лететь вместе и следовать за тем водителем, который уже совершал полет и знает курс полета. Рассказывают, что в Индии слоны выделяют из своей среды одного предводителя, которому оказывают знаки своего почитания. Когда же слон-предводитель стареет, то его выгоняют и заменяют более молодым. Прежний предводитель дичает и становится страшным для людей. Можно ли вывести из этих рассказов заключение, что слоны, выбирая предводителя, как мы выбираем президента, ограничивают срок его полномочий «предельным возрастом»? Разумеется, это было бы фантазией, перенесением в мир животных привычных представлений о людях и их взаимоотношениях. Но факт признания

предводителя, вытекающий из необходимости иметь предводителя, как равно в улье иметь матку, остается бесспорным и дает основание полагать, что и у людей сложилась потребность в повиновении предводителю на почве опыта совместной жизни и защиты существования. На почве обмена мыслями и способности выражать их посредством членораздельной речи стали слагаться понятия и формулы, выражающие сознание прав и обязанностей, «*власти*» и «*подчинения*».

Наблюдая поведение собак, мы можем верить, что у сознательных животных, находящихся под наблюдением человека и им тренируемых, создается представление о том, что «можно» и чего «нельзя». Но у животных нет слов, а следовательно понятий; нет речи, и следовательно нет возможности обобщать опыт и передавать его от поколения поколению иначе как путем инстинкта. Правосознание же требует понимания права и обязанности, умения формулировать это понимание и делиться этим пониманием с другими. У людей такое правосознание может появиться в порядке естественного развития первоначальных инстинктивных побуждений и унаследованных предрасположений, диспозиций.

Учение древних философов о том, что существует «естественное» право, данное природою всем тварям, не так далеко от истины, поскольку философы хотели объяснить этим, что самые важные права и обязанности не выдуманы людьми, а выросли естественным порядком из предрасположений, созданных природою (то есть — «биологическими законами»). Однако это может относиться только к самым общим, основным началам правопорядка: собственности, власти, семейным отношениям, наказанию, к тому, что связано своим происхождением с естественными склонностями и правилами поведения, обеспечивающими возможность существования.

Мы приходим таким образом к заключению, что некоторые основные начала права выросли из инстинктивных побуждений на основе биологического отбора и приспособления. Но подлинное правосознание, то есть отчетливое представление о правах и обязанностях, создано человеческим

общежитием на основе социального приспособления надежных членораздельною речью людей.

В процессе развития правосознания оно стало подвергаться осложнениям и изменениям, которые создавали отклонения от первоначальных в лучшую и худшую сторону. Так например, в семейных отношениях можно отметить влияние представлений о гуманности, чувства привязанности и благодарности, а также сознания долга по отношению к родителям. Связи у животных и птиц, сходные с нашими семейными, большей частью непрочны. Они поддерживаются лишь настолько требуется, чтобы родить потомство и поднять детенышей на ноги. После того как щенки или котята перестают нуждаться в молоке матери, родственные связи с ней прекращаются. В семье человека материнская любовь к ребенку усиливается совместной жизнью и семейным сотрудничеством, приобретающим сознательный характер при необходимости постоянной взаимопомощи. Мать отдает своему ребенку то, что хотела бы съесть сама, она не в силах отказать ему. Когда она видит соседку, которая оставляет ребенка жалобно пищать, у нее является мысль, что это худо. Если такая мысль явилась однажды, то этого достаточно, чтоб далее появились другие мысли о том, что хорошо и что худо. Ребенок вырастает, но живет в доме с родными, в сотрудничающей семье; он уже сам работает и может помочь матери. Он платит ей тем же, что получал от нее, — любовью. У него нет инстинкта кормления, но у него есть каритативное предрасположение, ответное чувство привязанности. Так возникает нравственное сознание долга, благодарности, ответного чувства любви и помощи. Пример такого высокого чувства влияет побуждающим образом, и то, что делается многими, в силу *принудительной* обязанности, делается другими и щедрее, и теплее, в силу *свободного* морального побуждения. Происходит сублимация, и это влияет на право, смягчая и расширяя его.

История права в его усложненной, развитой форме начинается обычно с того периода, когда появляются отчетливо сформулированные нормы в письменной форме. К числу древнейших памятников этого рода принадлежат вавилон-

ский кодекс Хаммураби (за две тысячи лет до Р.Х.), индийский Ману (XV или XVI в. до Р.Х.), древнейший китайский (XI в. до Р.Х.), египетский (VIII до Р.Х.), Тора или Моисеевы законы (приблизительно VI или V в. до Р.Х.) и XII таблиц Рима (V в. до Р.Х.). Эти законодательные сборники устанавливают административный строй, уголовные взыскания, правила семейных отношений и иногда правила, относящиеся к земледелию, торговле, долговым отношениям. Но нам неизвестно, как регулировались эти отношения до издания законов. Несомненно был период, когда нарождался закрепленный потом порядок, основанный на жизненном опыте длинного ряда сменявшихся поколений. Законодательные сборники формулировали уже сложившееся правосознание, утверждая «правду», как называли в древней Руси первый законодательный сборник, а не создавали его целиком вновь. Но известно и то, что составители древних законодательных сборников включали в них существовавшие уже обычаи, а также прибегали к заимствованиям из обычного и писанного права других стран.²

В древних законодательных сборниках мы находим нередко нормы, которые с нашей точки зрения, гуманнее или разумнее чем то, что существовало много позже. Так например, законы Хаммураби за две тысячи лет до Р.Х. установили менее строгие, сравнительно с другими, меры в отношении неоплатных должников. Неоплатного должника лишали свободы, если этого требовал кредитор, но кредитор отвечал по суду, если должник умирал в кабале, вследствие дурного с ним обращения. Неоплатный должник мог отдать в кабалу свою жену и детей, но не больше чем на три года.³ Это много мягче, чем «правеж» в Московской Руси. А в Бухаре, небольшом государстве, находившемся в XIX веке под протекторатом России, должника садили в яму, где он умирал от истощения, если никто его не выкупал, или если сердобольные люди не бросали ему пищи.

Римское право было настолько совершенно, что в средние века его изучали, как некое откровение, и оно вошло в жизнь.⁴ В Германии оно оставалось в силе, с соответствующими изменениями конечно, вплоть до начала нашего века. С другой стороны, некоторые нормы древнего права ока-

зывались настолько жестокими, что трудно представить себе, как они могли совмещаться с другими, более гуманными. Так например, законы Хаммураби допускали варварское, не только с современной точки зрения, наказание за совершение прелюбодеяния с чужой женой — утопление обоих виновных. Жена могла подвергнуться утоплению и в случае оклеветания мужа, а неверный муж мог быть только принужден к разводу. Кстати отметим, что снисходительное отношение к неверности мужа сохранялось во Франции вплоть до начала нашего века.

Таким образом развитие права происходит неравномерно, в зависимости от степени культурности народа и развития его хозяйства. Древние законы Вавилона упоминают о торговых операциях, займах под проценты, залоге имущества. Самоуправство было запрещено. Государство уже настолько укрепило свой авторитет, что могло принять на себя разрешение конфликтов и установление наказаний, применительно к принципу возмездия — «око за око, зуб за зуб». Применялся этот принцип символически: непослушный раб лишался уха, дерзкий — языка, виновная в неудачном кормлении кормилица — груди, неопытный хирург — руки. Различие правовых норм разных народов сказывалось в разные эпохи не только в отношении строгости наказаний, но и содержания законов. Оно определялось не только экономическими отношениями, степенью развития хозяйства, но и составом населения. При смешанном составе, одна группа могла получить преобладание над другой: старожилы над новоселами, победители над побежденными или присоединенными иноплеменниками. Разделение населения древнего Рима вызвало неравенство в положении плебеев и патрициев, протест первых и необходимость создания общего для всех закона, изложенного в XII таблицах.

Изменение законов в худшую сторону происходит и в связи с расширением государства. Оно вызывает усиление власти, необходимость устранения подрывной работы со стороны побежденных, содержания сильной армии и большого количества чиновников и, вследствие этого, более тяжелого обложения. В таком государстве власть централизуется и возле главы государства создается привилегиро-

ванное окружение. Положение отдельных граждан становится более тяжелым, если государство вынуждено вести войны для самозащиты. Военное положение всегда связано с усилением ограничительных норм и усилением наказаний за их нарушение.

С другой стороны, изменения права происходят и в сторону смягчения взысканий и расширения индивидуальных прав. Происходит это всегда по мере укрепления нравственных начал, улучшения этики, ее гуманизации. Римские юристы понимали связь права с нравственностью и потому они охарактеризовали право, как «искусство добра и справедливости» (*Jus est ars aequi et boni*). Подобная характеристика права не вполне соответствует его содержанию. Мы видели уже примеры жестокости некоторых законов, вызывавшей требование пересмотра или отмены действующих норм поведения. Государство пользовалось и пользуется не только правом, но и силой, и не всегда власть свободна от упреков и обвинений в произволе. Но влияние понятий добра и справедливости на изменение права, на его усовершенствование — несомненный факт. Право местами разрешало убить врага. Принцип возмездия («око за око») поддерживал жестокость расправы. Но нравственное начало любви и милосердия вызывало смягчение наказаний и ограничение или упразднение самоуправства. Даже если закон разрешал убить, то чувство сострадания подсказывало прощение. Месть сменялась наказаниями, налагавшимися судьей, человеком незаинтересованным, способным выслушать обе стороны и вынести нелицеприятное решение.

Глава семьи пользовался в древнее время неограниченной властью. Жена и дети должны были беспрекословно ему подчиняться. Даже жизнь их была в его руках (*Jus vitae ac necis*). Но узаконенное варварство осуждается; нравы смягчаются под влиянием человеколюбия. Это вызывает ограничения власти главы семьи. Сначала это происходит в виде увещания или воздействия общественного мнения. Домострой — сборник правил, составленный советником Ивана Грозного, священником Сильвестром в XVI веке — рекомендовал главе семьи не злоупотреблять правом телесного наказания, пользоваться «плеточкой» без жестокости. Прош-

ло еще несколько веков, и современные кодексы гражданского права не только лишают главу семьи права прибегать к жестоким телесным наказаниям, не только ограничивают его власть, но и требуют от него исполнения его долга по отношению к детям, возлагая на родителей ответственность за их поведение и, в случае жестокого с ними обращения или неудовлетворительного воспитания, лишают их родительской власти.

Процесс развития права очень сложен. Войны и революции создают осложнения, связанные с огрубением нравов или суровостью закона, стремящегося к радикальной ломке существующего порядка и перевоспитанию граждан путем жестоких репрессий, сопровождающихся даже истреблением всех, кто может препятствовать намеченным преобразованиям. Само правотворчество принимает иной характер после создания и укрепления государства и власти. От коллективного приспособления и установления обычаев в порядке привычки к известному укладу, освященному незапамятностью его создания («чем старше, тем святее»), происходит переход к сознательному и не всегда оправданному изменению существующего правопорядка, внезапным сменам, иногда запоздавшим, иногда требующим постепенного введения в практику.

Переход от обычного права к законодательству, как главному источнику и виду правообразования, облегчает изучение права, но требует от историка права понимания им мотивов законодателя или условий, побудивших к изданию того или другого закона. Это не всегда ясно. Так например, при чтении Яссы Чингисхана, наталкиваешься на некоторые противоречия. Кажущиеся противоречия объясняются тем, что Чингисхан составлял свой кодекс в плане великих завоеваний. Он устанавливал различные нормы: одни — для внутреннего употребления и другие — для взаимоотношений с врагами или побежденными.⁵

В истории современных народов законодательство приобрело первое место в деле правообразования, почти целиком вытеснив обычное право. Но в более ранние времена, наряду с законодателями, пользовались влиянием на правообразование и некоторые выдающиеся праведы и мысли-

тели. Хорошо известно значение в истории римского права ряда выдающихся юристов. Мнениям пяти из них: Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая, придавалось значение, равное закону. В истории Израиля крупную роль сыграл Рабби Иегуда — создатель кодекса, получившего название Мишна. Он реставрировал и популяризировал законы Моисея. Впоследствии Мишна стала предметом изучения и комментирования в еврейских школах, и ученые раввины приспособляли ее к жизни, создав Талмуд. Есть указания, что в развитии индийского права принимали большое участие ученые юристы, мнения которых принимались практикой и впоследствии были включены в законы Ману. Мусульманское право обязано своим развитием деятельностью и авторитету ученых исследователей Ислама. Наиболее известны четыре из них: Абу Ханифат, Малек, Чафей и Хайбад. В Англии основным руководством в общественной деятельности служат комментарии знаменитого Вильяма Блэкстона.

Суммируя приведенные данные о развитии права, мы можем утверждать, что характер и содержание права определяются фактически сложившимся порядком, свойствами и взглядами людей, которые руководят общественной жизнью и обладают авторитетом и, наконец, сущностью идей и этических принципов, принимаемых за основу, при логических выводах и построениях, законодателями, судьями и учеными юристами. В еще более краткой формулировке, правотворчество опирается на три авторитета: авторитет факта, авторитет лица (или учреждения) и авторитет идей или принципа, особенно этического принципа.

Совместно живущие люди передают друг другу представления о добре и зле. В психике человека сознание права, нравственных начал и чести, человеческих и божеских законов неразделимы. Поэтому право, если оно отстает в своем развитии или даже противоречит новым представлениям о моральном долге или о достоинстве человека, не может не вызывать критики и настояний на внесении изменений в действующее право.

Соприкосновение права с нравственностью не распространяется на все правовые нормы. Законодательство современных государств включает много норм, регулирующих чисто формальные или деловые и экономические отношения, установление давностных сроков, налогов, процессуальных порядков. Но в основе права продолжают оставаться представления, определяемые нравственным сознанием, идеями долга и взглядами на обязанности человека по отношению к государству, обществу и ближнему. Римляне определяли эти функции права в следующих словах: *Juris praeccepta sunt haec: honeste vivere, alterum not laedere, suum cuique tribuere.* (Право требует от людей честно жить, не обижать друг друга и обеспечивать каждому его долю). Принципы современных законодательств сложнее, они больше, чем раньше подчеркивают социальные идеи: необходимость обеспечения права человека на достойное существование и социальные обязанности каждого гражданина. За сто лет, отделяющих Кодекс Наполеона от германского Гражданского Уложения и швейцарского Гражданского Кодекса, индивидуализм первого уступил много места социальным началам нового права. Этот процесс продолжается в наше время.

Право и Нравственность — продукты культурного сознания, возникающего в условиях человеческого общежития, на основе обмена опытом и представлений о правилах поведения, соблюдение которых может обеспечить мирное совместное существование.

Примечания

¹ Вопросу о связи права с общественной жизнью и психологией посвящен один из наиболее ценных трудов проф. Н. С. Тимашева: "An Introduction to the Sociology of Law". Cambridge, 1939. Автор этой статьи в свою очередь посвятил этой теме специальный труд, под заглавием: «Право и культура. (Процессы развития и формирования права)». Харбин, 1938. Некоторые вопросы, относящиеся к этой же теме, рассматривались им также в двухтомном труде: «Новые идеи в праве и основные вопросы современности». Харбин, 1931-32 (см.: § 7 — «Право как явление социальное», § 10 — «Право и сила», и гл. VI — «Идеалы права и законы социологии»). В настоящей статье кратко излагаются некоторые из выводов, к которым пришел автор статьи и которые могут служить дополнением к работам проф. Тимашева.

² **Maine. Ancient Law and Custom.** (Переведено и издано на русском языке под заглавием: «Древний закон и обычай»); **R. Dageste. Études d'histoire du droit.**

³ **Б. А. Тураев.** История Древнего Востока, т. I. Огиз, 1936, стр. 106-114.

⁴ **P. Vinogradov. Roman Law in Mediaeval Europe.** London, 1909.

⁵ **Г. К. Гинс.** Монгольское государство и право в их историческом развитии. Харбин, 1932 (оттиск из «Вестника китайского права», кн. III); **V. A. Riasanovsky. Fundamental Principles of Mongolian Law.**

СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Старый вопрос об отношении веры к знанию был в связи с Великой Французской революцией заново поднят основателем той формы исторической науки, что получила название социологии — графом Сен-Симоном. Поднял этот вопрос Сен-Симон мимоходом и как бы против своих собственных убеждений: никакого исповедничества он от созданной им науки не ждал; наоборот, считал необходимым, чтобы она приблизила свою работу к точным естественным наукам, почему и дал ей название «социальной физики».

Если бы кроме этого требования Сен-Симон не провозгласил бы второго, то ни о какой связи веры и знания в основанной им науке не могло быть и речи, но он потребовал от социологии, чтобы она не только анализировала и воспроизводила прошлое, но, чтобы она своей работой влияла бы и на будущее. Это второе требование гласило: “savoir pour prévoir, prévoir pour prévenir.”

С этой формулой вполне согласно и марксово определение знания: “Die Welt erkennen — heisst sie verändern.”

О явных трудностях, заключающихся в требовании научно-исследовательского воздействия на покоящуюся на своих собственных законах жизнь, я говорить не буду, так как это потребовало бы очень тщательных методологических размышлений, а перейду к основному вопросу моей статьи: не означает ли предъявленное Сен-Симоном к истории требование направлять своим предвидением ход исторических событий введение в социологию связанных с личными убеждениями и страстями исследователей элементов и не угрожает ли это превращением «социальной физики», как она была замыслена Сен-Симоном, в некое морально-политическое исповедничество.

Историческая наука старого типа прекрасно понимала эту опасность, почему и считала долгом ученого наивозможно полное отречение от своих личных чувств и убеждений, от своей донаучной интуиции. Термин «беспредпосылочной» науки является быть может лучшей формулой такого строго объективного познания. Для социолога такое понимание объективности явно неприемлемо: считая своей задачей преобразать мир, он не может требовать от себя отказа от своих личных убеждений и волевых устремлений, не может требовать превращения себя как ученого в некое чисто отвлеченное, как бы обескровленное, «вне»- или «сверх»-я, ибо такие отвлеченные гносеологические субъекты истории никогда не творили и никогда творить не будут.

Отсюда вырастает большая методологическая трудность (правда, только для той социологии, о которой идет речь; выродившаяся в современную социографию, чуждую всякого логоса, новейшая социология этих трудностей не знает). Выводя свою веру, свои чувства и страсти за скобку своей исследовательской работы, социолог отказывается от своей главной задачи, поставленной высшему знанию еще Платоном, от задачи, которая неизбежно придает ей субъективный характер. Выходом из этой дилеммы является допущение в свою работу своей личности, но не во всей полноте волнующихся в ней безответственностей и случайностей, а как бы в очищенном виде и под надзором обостренной критической совести.

Приступая к работе, социолог должен прежде всего детальнейшим образом ознакомиться со всем имеющимся налицо материалом и со всеми критическими исследованиями его. Нельзя, например, писать о большевистской революции, не выяснив, оставалось ли в помещичьих руках в 1914 году всего только 15 проц. пахотной земли, как утверждал социалист-революционер Руднев, или 45 проц., как, основываясь на большевистской статистике, считает швейцарский исследователь русской революции Гитерман. Невозможно также считать субъектом большевистской революции столичный пролетариат без тщательного определе-

ния этого понятия и исследования его применимости к русской жизни. Утверждая пролетариат, как основную силу большевистской революции, необходимо проверить это утверждение анализом русской литературы, особенно чуткой к социально-политическим фактам нашей действительности.

На почве такого беспристрастного анализа всех относящихся к теме вопросов, вырастает тот верхний слой объективности, который лучше всего именовать правильностью.

Как ни важна эта теоретическая правильность, ее одной мало, и прежде всего потому, что социологическое историследование по существу устремлено к практическим результатам. С этой его особенностью связана опасность затемнения всех теоретических правильностей субъективными пристрастиями и предвзятостями. Против этой опасности эмоционального самоуправства необходима сознательная борьба, необходимо воспитание в своей душе как бы пропускной способности, умения впустить в нее и бережно провести сквозь нее образы чуждых и даже враждебных тебе людей, их чувств и переживаний.

В одной из своих статей Иван Киреевский очень правильно замечает, что всякое философское, а потому, конечно, и историсофское исследование предполагает озабоченность исследователя правильным состоянием своей души, уходящей своими корнями в сверхнаучную тайну его личности.

Завершением научной работы является книга. Процесс ее создания имеет громадное значение для проверки правильности пройденного пути. Многое из того, что в процессе предварительной работы казалось органически связанным друг с другом, начинает сопротивляться совместному введению в задуманную автором концепцию. Приходится все снова проверять: исчерпанность материала, правильность построения и свою логическую совесть. Лишь добившись в этой проверке полной гармонии, можно считать свою научную задачу разрешенной.

Если определять эстетику, как то делает Бенедетто Кроче, не только как науку о формах художественного творчества, а шире, как науку об оформляющем акте вообще,

то можно будет сказать, что в структуру научной объективности входит, кроме объективности теоретической, а также и этической, еще и объективность эстетическая.

Допустим теперь, что некий особенно остро заинтересованный в методологических вопросах и особенно горячо стремящийся к максимальной научной объективности историк-социолог сумел настолько полно подавить в себе все безответственно субъективные чувства, что ему удалось создать труд, лишенный даже и тени ощутимой тенденциозности. Значит ли это, что все его утверждения и выводы могут претендовать на общеобязательность? Ответ ясен — нет. И нет потому, что достигнутая им триединая — теоретическая, этическая и эстетическая — объективность относится лишь к его научному суду «предметной» интуиции, которую надо отличать от накипи тех субъективных чувств, о которых речь шла выше.

Отсюда следует, что общеобязательные результаты возможны в социологии лишь при разрешении проблемы распространения категории объективности на сферу донаучного интуитивного опыта ученого.

Но возможно ли такое распространение?

Одна из первых попыток ответить на этот вопрос была сделана немецким социологом Зиммелем. Формула Зиммеля гласит: «Истина только потому не относительна, что она есть соотносительность» (“Die Wahrheit ist nur darum nicht relativ, weil sie Relation ist”). В богословской интерпретации проф. Тиллиха это значит, что связь всякой научной работы с донаучными верованиями и чувствами ее исследователя отнюдь не должна вести ни к скептическому релятивизму: никакой-де истины нет; ни к заносчивому утверждению: только мое мнение подлинно верно. Выход из скептического релятивизма, по мнению Тиллиха, надо искать в стремлении дополнить свое мнение мнениями других и даже враждебных тебе исследователей. Лишь на почве такого соотношения относительных мнений возможен выход в объективную научную истину.

Исходя из латинского слова “Religio” — означающего, как известно, «связь», но таящего в себе в качестве допол-

нительных мотивов и требование некой богобоязненности и совестливого отношения к инакомыслящим, Тиллих придает соотношению относительных истин некое религиозное значение.

Не оспаривая, что живая связь всех относительностей является шагом на пути к объективной истине, нельзя все же не видеть, что за самую истину она принята быть не может, так как она не только не разрешает, но даже и не ставит вопроса, какие относительные положения могут быть объединены в целостную истину и какие должны быть из нее исключены. Всякая религия требует, конечно, встречи между людьми, внимательного отношения к инакомыслящим и инакочувствующим, готовности критически отнестись к себе — одним словом, любви к ближнему, но из этого никак не следует, что всякая связь любых противоположений есть уже некое “Religio” в смысле религии, т.е. объединение в истине. Чтобы объединение противоположных мнений было истиной, оно должно быть объединением в истине. И чтобы объединение “Religio” было бы религией, оно должно быть объединением в Боге.

Всякая апелляция к Богу и к истине, как к началу объективности, для современной науки не убедительна. Из чего следует, что на научных путях проблема всеохватывающей объективности неразрешима.

Вопрос о ее разрешимости на других путях очень сложный вопрос. Но вряд ли подлежит сомнению, что, если она все же разрешима, то лишь на путях, выводящих человека, как любил выражаться Достоевский, за пределы Евклидовой геометрии, т.е. на путях, возносящих его из временно пространственного мира в сферу трансприродного и метаисторического бытия, ибо в самозамкнутом природно-историческом мире покоя веков действует некая супостатская сила, с жестокою страстностью разбрасывающая людей по всевозможным враждующим между собой станам. Надеяться, что в этом мире могут появиться и развиваться мирозозидающие, очищенные от субъективных вожделений, беспредметных домогательств и слепых страстей, силы, дело явно безнадежное. Их можно ждать только в порядке нисхождения нездешнего света в наш темный поюсторонний

мир. Таким нисхождением было явление Христа в образе Иисуса.

Этого выхода современная наука принять уже потому не может, что, не делая для христианства никакого исключения, она рассматривает его, как одно из многих мирозерцательных построений и социально-политических движений земной человеческой истории. Если бы такое мнение было мнением исключительно позитивистов-историков, это было бы не опасно, но, к сожалению, оно разделяется широким слоем образованного общества и, что еще важнее, многими протестантскими богословами, к которым начинают прислушиваться и католики левого толка как в политическом, так и в богословском смысле. Некоторым доказательством такого положения вещей служит засвидетельствованный духовенством факт, что «практикующих католиков», т.е. исповедующихся и причащающихся, насчитывается всего только от 8 до 12 процентов. Факт такого воздержания от таинственной жизни означает, очевидно, что большинство нынешних христиан Христа в христианстве не ищет, а довольствуется одним Иисусом: его жизненным подвигом, его учением, живущими в церковных обрядах, исполненных изумительной красоты. В протестантстве такого понимания христианства придерживаются не только рядовые прихожане, но и ряд выдающихся богословов. Нельзя отрицать, что в этом низведении сверхисторического Христа в посюстороннюю действительность, в этом превращении его в иудейского пророка и праведника, духовно родственного Сократу, хотя во много раз превышающего его, есть и своя научно-исследовательская глубина и своя нравственная честность: — боязнь выдать за свою веру то, во что в сущности не веришь. Но все это не изменяет того факта, что такое сниженное христианство не способно вывести человечество из релятивистического хаоса враждующих друг с другом мнений, чувств и вожелений.

Остается таким образом или раз навсегда отказаться от надежды, что придет время успокоения мира в согласии и любви, или понять, причем не только сердцем, но и сознанием, что этот мир может быть осуществлен только на почве богооткровенной истины, явленной человечеству в

образе Иисуса Христа. Эта формула представляется мне исключительно важной, так как истина христианства лишь до тех пор остается недостижимой для научной критики и рационалистического снижения, пока местом ее пребывания является образ Христа, Сына Божьего. При отрыве же ее от образа Христа и превращении ее в самодовлеющее учение, она неизбежно подпадает под удары атеистической науки, с легкостью устанавливающей связь христианского учения с учениями других вер и даже связь христианского культа с культурами других языческих народов. Я, конечно, не утверждаю, что Христос ничему не учил, но лишь то, что все Его учение и наставления таинственно связаны с Ним самим, с Богом и человеком, и что в отрыве от Него они теряют свой подлинный смысл, распадаясь на не для кого необязательные мифы и на общеобязательную мораль. Думаю, что это взаимоотношение учения и опытной веры имел в виду Хомяков, утверждая, что христианство не учение, а в духовном опыте обретаемое единство веры, любви и свободы.

Быть может преимущество православия перед западноевропейскими вероисповеданиями заключается прежде всего в том, что глубже живя образом Христа, оно не отрывает Его учения от Его образа, чем, как мне кажется, объясняется и то, что православная догматика с такою полнотою вырастает из литургики.

Это дает надежду, что, если когда-нибудь осуществится расцвет мироустроительной, чуждой релятивистического рационализма объективной культуры, то это совершится в православной России.

Но где эта православная Россия? Есть ли она еще, будет ли когда-нибудь? Этого никто не знает. Но и не зная этого, на это все же позволительно надеяться. Гете утверждает, что надежда есть доброе дело. Творить же добрые дела — никому не возбраняется.

Н. Лосский

ИДЕАЛ АБСОЛЮТНОГО ДОБРА КАК ОСНОВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Есть два метода разработки мировоззрения: снизу вверх и сверху вниз. В первом случае мыслитель начинает с наблюдения простейших, низших ступеней природы и от них постепенно восходит вверх к высшим, сложнейшим и более ценным царствам бытия. Это метод, которым пользуются, в особенности, материалисты, позитивисты, вообще — сторонники натуралистического миропонимания.

Противоположный метод — сверху вниз; мыслитель исходит из высших, наиболее совершенных, наиболее ценных сторон мира или, еще лучше, начинает со сверхмирового бытия, с учения о Боге — и отсюда спускается к миру и к низам природы.

Какой из этих двух методов более совершен, более систематичен и логически последователен?

Низшие по своему бытию и ценности элементы мира, взятые сами по себе, без их связи с высшими началами не способны творить высшее. Из бедного, скудного, малоценного содержания никак нельзя получить богатого, высоко ценного бытия. Поэтому, разработка загадок бытия снизу вверх роковым образом дает картину мира не систематическую: высшее, более ценное присоединяется в этом мировоззрении к низшему под влиянием неотразимых данных опыта — без логического последовательного вывода; поэтому, в натурализме нет систематичности, нет логической последовательности и полноты. Хуже всего то, что сторонники этого метода, обыкновенно, вовсе не доходят до высочайшего, именно до Бога.

Противоположными свойствами обладает метод разработки проблем сверху вниз, от Бога и тесно связанного

с ним Царства Божия к нашему царству бытия, полному несовершенств. На этом пути мы начинаем с абсолютной полноты бытия и переходим к бытию, более бедному содержанием. Это способ решения проблем надежный и естественный. В самом деле, нетрудно получить из богатого содержания, путем ограничений его, содержание более бедное.

Начиная с абсолютной полноты бытия и абсолютного совершенства и переходя к нашему обедненному бытию, можно систематически, во всей полноте обозреть различные ступени упрощения бытия в нашей природе. Превосходно поясняет эту мысль профессор В. Веркмейстер в своей книге "A Philosophy of Science". Он говорит: сравнительно простые уравнения Галилея могут быть получены из уравнений Лоренца просто путем сведения к нулю некоторых факторов более сложных уравнений. Таким же способом закон тяготения Ньютона может быть выведен из закона Эйнштейна.

Сторонники натурализма, исследующие мир снизу вверх, могут сказать, что их метод дает надежное знание, основанное на опыте; свое миропонимание они считают научным, а миропонимание супранатуралистическое, исходящее из учения о Боге, они считают не основанным на опыте и потому ненаучным.

На это я отвечу: Бог тоже дан в опыте. Почти всякий человек хоть раз в жизни переживал то, что русские философы называют «встречей» с Богом. При созерцании красоты природы, при посещении величественных храмов, слушая великие музыкальные произведения, наконец, находясь в смертельной опасности или переживая тяжелую болезнь, человек иногда внезапно чувствует, что он встретил нечто, возносящее его бесконечно выше всего земного, бесконечно совершенное. Это великое переживание есть мистический религиозный опыт, мистическая интуиция. К сожалению, есть люди, не доверяющие этому опыту: под влиянием мнимо научных убеждений или чаще всего под влиянием страстей, отвлекающих от Бога и побуждающих отрицать Его бытие, они стараются истолковать религиозный опыт, как чисто субъективное переживание, не свидетельствующее о действительном бытии Бога. Но люди, подлинно свободно

мыслящие, не связанные предрассудками и страстями, отвлекающими от Бога, доверяют этому опыту и с радостью находят подтверждение его в великих образцах такой встречи с Богом, в рассказах об этом опыте святых и великих мистиков, например Плотина, Паскаля. В русской философии мы имеем прекрасные описания мистической интуиции у Вл. Соловьева, о. Сергия Булгакова, кн. Е. Трубецкого.

Замечательное систематическое описание мистической интуиции на основании опыта многих народов и во все времена истории дал немецкий мыслитель Рудольф Отто в книге "Das Heilige". Между прочим, он говорит, что Бог в религиозном опыте является, как "das ganz Andere" в сравнении с миром, т.е. как нечто совершенно иное, чем мир, несоизмеримое с миром; далее, Бог является, как *tremendum* — благоговеиный трепет, как *fascinans* — обвораживающий нас, восхищающий и увлекающий Своим совершенством; хотя бы и отдаленное созерцание Его наполняет душу нормального человека блаженством, «радостью о Господе»; это — бескорыстная радость сознания, что столь совершенное, столь прекрасное — есть.

Люди, способные к умозрению, т.е. к интеллектуальной интуиции, мысля о мире, как системе множества элементов, соотнесенных друг с другом различными отношениями, с очевидностью усматривают, что такая система не может быть чем-то первоначальным; свои основные отношения она не могла установить сама собою; необходимо признать, что система мировой множественности обоснована Сверхмировым началом, которое Сверхсистемно и, потому, глубоко отлично от мира, несоизмеримо с миром, как это подтверждается и религиозным опытом. Отсюда следует, что обоснование мира Богом есть не эманация, не изведение мира из Себя, как думают пантеисты, а творение мира Богом. Это есть творение мира из ничего; не в том смысле, будто Бог взял какое-то ничто, как материал, и из этого ничто сотворил мир. Нет, слова «творение мира из ничего» представляют собою плохое грамматическое выражение очень простой мысли: творя мир, Бог не нуждается ни в каком материале; Он ничего не берет ни извне Себя, ни из Себя; Он творит и основное содержание мира и соотношения в нем, как нечто совершенно новое, небывалое, иное, чем Он. Это абсолют-

ная мощь творчества. Мы в наших актах творчества всегда нуждаемся в каком-либо материале, данном извне или взятом нами из нашей душевной жизни; наше творчество — не абсолютное, а относительное.

Находя в религиозном опыте Бога, как абсолютное совершенство, и придя путем умозрения к мысли, что Он — Творец мира, необходимо признать, что никакие ограничения Его совершенства невозможны: Бог есть существо Всемогущее, Всеведущее, Всеблагое, Бог есть Любовь.

Если мир сотворен Богом, то основные свойства тварного бытия и строения мира должны быть установлены и поняты не иначе, как в связи с учением о Боге и Его основных свойствах. Таким образом, философия должна быть религиозною; она должна исходить из религиозного опыта. Но высшая форма религии, обладающая наиболее полным религиозным опытом, есть христианство. Следовательно, наиболее обоснованная философия есть христианское миропонимание.

Бог, как абсолютно совершенное существо, как абсолютная полнота бытия и жизни, не нуждается в существовании мира. Творение Им мира не вынуждено никакою необходимостью; оно есть свободный акт Бога, предпринятый Им не для Себя, а для мира. Носитель всякого добра стремится к тому, чтобы добро существовало не только в Нем и для Него, но было как возможно более распространено. Он творит мир, составленный из существ, наделенных такими свойствами, что они способны вместить в себе как возможно более добра и полноты жизни; Он творит существа, способные принять участие в Его совершенной жизни. Какие же это существа? Конечно, это личности, — уже потому, что только личности способны созерцать Бога и переживать «радость о Господе». Чтобы создавать добро, тварные личности наделены творческою силою, конечно, не абсолютною, а относительною.

Далее, творить добро возможно только на основе бескорыстной любви: к абсолютным ценностям, т.е. к Богу, к сотворенным им личностям; к истине, нравственному добру, красоте. Но любовь может быть только свободным проявлением личности. Следовательно, тварные личности обладают свободою воли. *Свобода есть необходимое условие тво-*

рения абсолютного добра; но свобода при злоупотреблении ею может оказаться источником зла. Существа, изначально вступающие на правильный путь, именно — любящие только абсолютные ценности и притом соответственно рангу этих ценностей, образуют Царство Божие. Это же — существа, которые в совершенстве исполняют две основные заповеди правильного поведения, именно — любят Бога больше себя и ближнего, как себя. Свойства этого Царства можно узнать: 1) используя видения святых и мистиков, а, кроме того, 2) путем умозаключений о строении его, обусловленном любовью к Богу и ближним.

Члены Царства Божия, находясь в тесном общении с Господом Богом и совершая свои творческие акты в совершенном единодушии друг с другом, достигают абсолютной полноты жизни. Но есть и такие существа, которые, стремясь к абсолютной полноте жизни, хотят этой полноты для себя и равнодушны к громадному большинству ближних. Такое поведение есть бóльшая или мёньшая степень эгоизма, более или менее значительная степень греха. Такие существа образуют наше царство бытия. Оно пребывает в относительном отпадении от Бога. В своей деятельности себя-любивые существа не только не единодушны друг с другом, но зачастую даже вступают в отношение противоборства. Поэтому, вместо полноты жизни, у нас получается жизнь обедненная. Не гармония, а, наоборот, разрывы и распады; различные виды несовершенства, как следствия недостатка любви, характерны для нашего царства бытия.

Опираясь на опыт и умозаключения о необходимых следствиях недостатка любви, можно выработать учение о различных ступенях обеднения жизни у нас, о различных областях природы в нашем царстве бытия. Таким образом, идя сверху вниз, можно выработать основные философские науки — метафизику, аксиологию, этику, эстетику и даже гносеологию. Далее, эти философские науки можно использовать, как основание с одной стороны, и завершение с другой стороны, всех специальных наук — гуманитарных и естественно-научных. На этом пути получается синтез религии, философии и науки, т.е. целостное знание, удовлетворяющее наш ум, чувство и волю.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

АЛЕКСЕЕВ, Василий Иванович — род. в 1906 г. во Владимире. Окончил Московский Государственный Университет в 1930 г. С 1955 г. по настоящее время преподает русский язык и литературу в Университете Миннесоты; летом 1964 г. был «визитинг профессор» в Институте Советоведения в Миддльбери (Вермонт). Книги: «Невидимая Россия» (Нью-Йорк, 1952), «Россия солдатская» (Нью-Йорк, 1954), “Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953” (New York, 1954), “The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, 1939–1953” (New York, 1955), “The Two Russian Revolutions of 1917” (Minneapolis, 1962).

БОБРИНСКАЯ, Татьяна Николаевна — род. в 1923 г. в Берлине. Лицензиат Сорбонны (1941). Преподавала в Сэйнт Питерс Колледж в Джерси Сити (1959–1963); с 1959 г. преподает русский язык и литературу в Мэримаунт Колледж в Манхэттене. Соавтор изданий: “Pronounce Russian Correctly” (New York, 1961), “Golden Age of Russian Literature” (New York, 1962).

БОГОЛЕПОВ, Александр Александрович — род. в 1886 г. Окончил юридический факультет С.-Петербургского Университета и прослушал курс историко-филологического факультета по словесному отделению. В 1915 г. приват-доцент и в 1921 г. профессор административного права того же университета. В 1921 г. был избран на должность Проректора университета по учебной части. В 1923 г. вошел в состав Русского Научного Института в Берлине и состоял его Ученым Секретарем до закрытия в 1934 г. С 1924 г. по 1929 г. ездил ежемесячно в Прагу для чтения лекций на Русском Юридическом Факультете. С 1951 г. профессор канонического права в Св. Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. В 1963 г. получил степень доктора богословия от Православного Богословского Института в Париже. К числу главных трудов принадлежат: “Die Rechtsstellung der Ausländer in Soviet-Russland” (Berlin, 1927), «Православные песнопения Рождества, Страстной и Пасхи» (Таллин, 1934; пересм. англ. изд. — Нью-Йорк, 1965), «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк, 1952), «Церковь под властью коммунизма» (Мюнхен, 1958), “Toward an American Orthodox Church” (New York, 1963).

БЭРВАЛЬД, Фридрих (Friedrich Waerwald) — род. в 1900 г. во Франкфурте. Там же окончил в 1922 г. университет и в 1923 г. получил докторскую степень; в 1926 г. получил от Министерства юстиции в Бер-

лине диплом высшей гражданской и правовой службы. Преподавал в Колледже Сэйнт-Фрэнсис, в Мюнстерском и Фордэмском университетах; с 1954 г. — ординарный профессор Фордэмского Университета. Опубликованы: "Fundamentals of Labor Economics" (Fordham, 2nd ed. 1953), "Economic Systems Analysis" (Fordham, 1960), "Natural Law, Social Theory and Social Research" (Muenster, 1963).

ВЕРНАДСКИЙ, Георгий Владимирович — род. в 1887 г. в С.-Петербурге. Высшее образование получил в Московском Университете (1905–1910); магистр русской истории Петроградского Университета (1917); Н. Н. D. honoris causa Колумбийского Университета. Приват-доцент Петроградского Университета (1914–1917); проф. Пермского Университета (1917–1918); проф. Таврического Университета (Симферополь, 1918–1920); проф. Русского Юридического Факультета в Праге (1922–1927); в 1927–1946 гг. занимался научно-исследовательской работой в Ейльском Университете, в 1946–1956 гг. состоял в нем профессором русской истории; преподавал также в ряде других американских высших учебных заведений. Среди его книг: "Ancient Russia" (1943), "Kievan Russia" (1948), "The Mongols and Russia" (1953), "Russia at the Dawn of the Modern Age" (1959), "A History of Russia" (5th revised ed. 1961).

ГИНС, Георгий Константинович — род. в 1887 г. в крепости Ново-георгиевск. Окончил С.-Петербургский Университет в 1909 г.; магистерский экзамен сдал в 1916 г.; степень магистра гражданского права получил в Академической Группе в Париже в 1926 г. Приват-доцент Петроградского Университета и Психо-Неврологического Института (1916); проф. гражданского права Политехнического Института в Омске (1918) и Юридического Факультета в Харбине (1920); Декан Юридического Отделения (1926–1929) и Председатель Испытательной Комиссии (1935–1937) в Харбине. В числе его трудов: «Водное право и Предметы Общего Пользованья» (Харбин, 1928), «Новые идеи в праве и основные проблемы современности» (Харбин; вып. 1, 1931; вып. 2, 1932), «Социальная психология» (Харбин, 1936), «Право и культура» (Харбин, 1938), "Soviet Law and Soviet Society" (The Hague, 1954).

ДЕРЮГИН, Георгий Георгиевич — род. в 1915 г. в Пскове. Окончил Берлинский Университет по факультету юридических и экономических наук в 1939 г.; в 1942 г. получил в нем звание доктора экономических наук. Преподавал в Берлинском Университете и в Университете УНРРА в Мюнхене; с 1955 г. преподает в Южно-Калифорнийском Университете, с лета 1964 г. — в Институте Советоведения в Миддльбери (в 1965 г. — «визитинг профессор»). Писал по вопросам районирования, внутренней торговли и денежной системы СССР и др.

ЗЕНЬКОВСКИЙ, Сергей Александрович — род. в 1907 г. в Киеве. Лицензиат Парижского Университета (Сорбонна, 1930) и доктор Кар-

лова Университета в Праге (1942). В США преподавал в университетах: Индиана (1950–1954), Харвард (1954–1958), Стэтсон (1958–1960) и Колорадо (1960–1962); в 1962 г. вернулся в Стэтсон и является там профессором истории и Директором Русской Программы. К главным его работам относятся: “The Old Believer Avvakum” (Bloomington, 1954), “Pan-Turkism and Islam in Russia” (Cambridge, Mass., 1960), “Conversational Russian for American Students” (Englewood Cliffs, N. J., 1961), “Medieval Russia’s Chronicles, Epics, and Tales” (New York, 2nd print. 1964), “Die Literatur des mittelalterlichen Russlands” (Carl Hanser, 1965).

ЗЕРНОВ, Николай Михайлович — род. в 1898 г. в Москве. Окончил богословский факультет Белградского Университета в 1925 г.; доктор философии Оксфордского Университета (1932). Преподавал в Св. Сергиевской Академии в Париже, в Школе Славянских Языков в Лондоне, в Оксфордском Университете и Католикат Колледже в Индии, в Университете Дрю и в Айова Стэйт Юниверсити в США. Среди его книг: “Moscow the Third Rome” (London, 1927), “Three Russian Prophets (Khomiatkov, Dostoevsky, Soloviev)” (London, 1945), «Вселенская Церковь и Русское Православие» (Париж, 1952), “Eastern Christendom” (London, 1961), “The Russian Religious Renaissance of the XX Century” (London, 1963).

ИЖБОЛДИН, Борис Сергеевич — род. в 1899 г. в Москве. В 1925 г. получил степень кандидата коммерческих наук и в 1926 г. — кандидата экономических наук в Высшем Коммерческом Институте в Берлине; в 1928 г. — степень доктора государственных наук в Кёльнском Университете; в 1937 г., после защиты диссертации в качестве приват-доцента, получил степень магистра политической экономии и статистики от Русского Института Прав и Экономики при Парижском Университете. Был членом экономического отдела этого Института в 1928–1930 и 1932–1939 гг.; в 1930–1932 гг. работал в Русском Научном Институте при Белградском Университете; с 1945 г. преподает на экономическом отделении Университета Сэйнт-Луи, в настоящее время — в ранге ординарного профессора экономических наук. Главные печатные труды: “Die russische Handelspolitik der Gegenwart” (Jena, 1930), “Die Lehre von der ‘beseelten’ Betriebswirtschaft” (Belgrad, 1931), “Economic Synthesis” (New Delhi, 2nd enl. impr. 1964), “Critique of Econometrics” (New Delhi, 1959), “Essays on Tatar History” (New Delhi, 1963).

ЛЕВИЦКИЙ, Сергей Александрович — род. в 1910 г. в Либаве. Доктор философии Карлова Университета в Праге (1941). Приват-доцент (1950–1956), впоследствии — лектор (до 1958 г.) и лектор-профессор (1964–65) в Джорджтаунском Университете. Автор приблизительно ста статей и двух книг — «Основы органического мировоззрения» (Франкфурт, 1948) и «Трагедия свободы» (Франкфурт, 1958).

ЛОССКИЙ, Николай Онуфриевич — род. в 1870 г. близ Витебска, умер в 1965 г. близ Парижа. Окончил С.-Петербургский Университет по естественному и историко-филологическому факультетам. Магистр (1903) и доктор (1907) философии. Сперва доцент, потом экстраординарный профессор С.-Петербургского Университета; лектор по истории русской философии в Карловом Университете в Праге (с 1930 г.); профессор философии в Братиславе (1942–1945) и в Св. Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке (1950–1953). В числе многих опубликованных им книг — «Мир как органическое целое» (Москва, 1917), «Ценность и бытие» (Париж, 1931), «Типы мировоззрений» (Париж, 1931), «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» (Париж, 1938), «History of Russian Philosophy» (New York, 1951).

МЕЛЬГУНОВ, Сергей Петрович — род. в 1880 г. в Москве, умер в 1956 г. близ Парижа. Окончил историко-филологический факультет Московского Университета (1903). Десять лет был ближайшим сотрудником «Русских ведомостей». Редактировал журналы «Голос Минувшего» (выходил в Москве 10 лет), «На чужой стороне» (Берлин), «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж), «Возрождение» (Париж) и др. Был также редактором многотомных юбилейных изданий: «Великая реформа», «Отечественная война», «Масонство в его прошлом и настоящем» и др. За свои исторические труды был перед первой мировой войной избран членом в Императорскую Академию Наук. К числу двух десятков его книг принадлежат, в частности (из вышедших в Париже), «Красный Террор» (1924; вышла на шести других языках), «Трагедия адмирала Колчака» (в 4-х книгах, 1930–1931), «Как большевики захватили власть» (1953), «Легенда о сепаратном мире» (1957), «Мартовские дни 1917 года» (1961).

НОВИЦКИЙ, Георгий Исакиевич — род. в 1889 г. в Ростове-Великом. Окончил Электротехнический Институт в Петербурге. Помимо своей технической работы, начатой в России и продолженной в США, со второй половины 1920-х годов стал активно заниматься также культурно-просветительной и благотворительной деятельностью в Нью-Йорке. Один из основателей (и Председатель) Общества Друзей Св. Сергиевской Русской Православной Богословской Академии в Париже и Русского Православного Богословского Фонда (сперва Вице-Председатель, в последние годы — Почетный Вице-Председатель). Председатель (в течение 17 лет) Общества Друзей Русской Культуры и (в течение 15 лет) Общества Помощи Русским Детям Зарубежом. Один из учредителей и пожизненный член Правления Медицинского Общества имени проф. Н. И. Пирогова. В 1952 г. Советом Православной Св. Сергиевской Духовной Академии в Париже был избран Почетным Членом этой Академии.

ОДИНЦОВ, Борис Николаевич — род. в 1882 г. в Московской губ. Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского Университета в 1909 г. Сдал экзамен на степень магистра в 1915 г.; диссер-

тация на степень магистра была одобрена физико-математическим факультетом Петроградского Университета в 1920 г. Профессор и Проректор Петроградской Сельско-Хозяйственной Академии; штатный доцент и Проректор Петроградского Университета; проф. Русского Народного Университета и Русского Института Кооперации в Праге. Член правления Ученых учреждений и Высших учебных заведений города Петрограда; Председатель Русской Академической Группы в Брно и товарищ Председателя Русской Академической Группы в США. В «Материалах по изучению русских почв» в 1910–1913 гг. были опубликованы: «Влияние некоторых составных частей почвы на процесс поглощения», «К вопросу о разложении растворимых в воде растительных остатков» и «Химическое выветривание минералов»; в «Трудах Русского Народного Университета» — «Продукты разложения растительных остатков» (Прага, 1929).

ПЕРВУШИН, Николай Всеволодович — профессор МэКГилльского Университета в Монреале. С 1947 по 1954 г. преподавал на курсах языков при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. С 1960 г. состоит также профессором Института Критических Языков при Виндхэмском Колледже в Путни (Вермонт). Быв. Председатель отделения Американской Ассоциации Преподавателей Славянских и Восточно-Европейских Языков в Нью-Йорке и тов. Председателя этой Ассоциации в нью-йоркском штате. Опубликовал книги и статьи по разным вопросам, в том числе — статьи о Тургеневе, Лермонтове, Солженицыне и др.

ПОЛТОРАЦКИЙ, Николай Петрович — род. в 1921 г. в Истанбуле (Константинополь). Учился в Болгарии, Германии и Франции. Доктор Парижского Университета (Сорбонна, 1954). В 1956–1958 гг. занимался научно-исследовательской работой при Бруклинском Колледже. С лета 1958 г. преподает в Институте Советоведения в Миддлбери (Вермонт), где состоит также пом. Директора Института. С осени 1958 г. преподает в Мичиганском Штатном Университете; в 1962–1964 гг. — Директор Русской Программы; с лета 1964 г. — ординарный профессор по кафедре русской литературы и культуры. Председатель Мичиганского отдела Американской Ассоциации Преподавателей Славянских и Восточно-Европейских Языков (с 1959 г.). Редактор ряда русских зарубежных периодических изданий и сборников «Вторая мировая война (1939–1945)» и «На темы русские и общие». Автор работ по истории русской мысли XX века, советоведению и иностранной политике. Готовит к печати книгу «Николай Бердяев и Россия».

САТИНА, Софья Александровна — род. в Ивановке, Тамбовской губ. Окончила «Коллективные Уроки» (1900) и Высшие Женские Курсы (1904) в Москве; Doctor of Science honoris causa Смит-Колледжа. Была ассистенткой при кафедре ботаники медицинского факультета (1907–1911) и ассистенткой и заведующей ботанической лабораторией физико-математического факультета (1912–1921) Московских Высших Женских

Курсов. Научная сотрудница Института имени Карнеги (1922–1942) и «визитинг профессор» Смит-Колледжа (1942–1955); научная сотрудница и заведующая Генетической Экспериментальной Лабораторией. Автор свыше сорока научных статей по микологии, ботанике и генетике в журналах России, Франции, Германии и США и соавтор книги “H. F. Blakeslee—The Genus *Datura*” (New York, 1959).

СОРОКИН, Питирим Александрович — род. в д. Турья, Коми область. Окончил Психо-Неврологический Институт и Петроградский Университет; магистрант уголовного права и доктор социологии; доктор *honoris causa* ряда американских и европейских университетов. Преподавал в Петроградском Университете, Университете Миннесоты и Харвардском Университете. Основатель и глава Отдела социологии Харвардского Университета (1930–1959). Почетный член Американской Академии Искусств и Наук, Бельгийской и Румынской королевских академий искусств и наук и др. Президент Международного Конгресса Социологии, Американского Социологического Общества и пр. Опубликовал свыше 30 томов, переведенных на главные языки человечества. Его автобиография дана в его книге “*A Long Journey*” (New Haven, 1963). Литература о его теориях насчитывает 10 книг, сотни научных и тысячи популярных статей на разных языках мира. Почетный редактор настоящего сборника.

СТЕПУН, Федор Августович — род. в 1884 г. в Москве, умер в 1965 г. в Мюнхене. Доктор философии Гейдельбергского Университета. Профессор в культурно-философском отделении Дрезденского Политехникума и Мюнхенского Университета. Один из основателей и редакторов журнала «Новый град». Автор книг «Письма прапорщика-артиллера» (Москва, 1918; Прага, 1926), «Жизнь и творчество» (Берлин, 1923), «Основные проблемы театра» (Берлин, 1923), «Бывшее и несбывшееся» (в 2 тт., Нью-Йорк, 1956) и «Встречи» (Мюнхен, 1962). На немецком языке вышло десять его работ по религиозно-философским вопросам; две работы переведены на испанский язык, одна на английский.

ТИМОШЕНКО, Степан Прокофьевич — род. в 1876 г. в Штоповке, Черниговской губ. Окончил Институт Инженеров Путей Сообщения в С.-Петербурге в 1901 г. Член ряда Академий Наук: Украинской, Российской, Польской, Французской, Американской (Вашингтон), Итальянской, и Американского Философского Общества в Нью-Йорке и Королевского Общества в Лондоне. Доктор *honoris causa* университетов: Лехайского, Мичиганского, Гласковского, Болоньского, и политехнических институтов: Цюрихского, Загребского и Туринского. Имеет ряд медалей, включая медаль и премию имени Жуковского (1911). Лаборант СПб. Политехнического Института (1903–1909); декан инженерно-строительного отделения Киевского Политехнического Института (1909–1911); консультант Морского Министерства по судостроению (1912); профессор Института Путей Сообщения и Электротехнического Института (1913); проф. Киевского Политехнического Института (1918); проф. Загребского Поли-

техникума (1919–1922); проф. Мичиганского (1927–1936) и Станфордского (1936–1963) Университетов. В числе его главных трудов — «Курс сопротивления материалов» (12 изданий в России), «Сборник задач по сопротивлению материалов» (6 изданий), «Курс статики сооружений» (5 изданий), «Теория пластинок и оболочек», «Инженерная механика».

УЛЬЯНОВ, Николай Иванович — род. в 1904 г. в С.-Петербурге. Окончил Ленинградский Государственный Университет в 1927 г.; аспирант Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук (РАНИОН) в 1927–1930 гг.; в 1935 г. Академией Наук СССР ему была присуждена степень кандидата исторических наук. До 1935 г. был доцентом Ленинградского Государственного Университета (ЛИФЛИ), с 1935 г. — профессором; лектор Ейльского Университета с 1956 г. В числе его работ: «Разинщина» (Харьков, 1931), «Очерки истории народа Коми-Зырян» (Ленинград, 1932), «Колонизация Мурмана в XVII в.» («Исторический Сборник» Академии Наук, 1934), статьи в «Новом журнале», «Возрождении», «Воздушных путях» и др. изданиях.

УНБЕГАУН, Борис Генрихович — род. в 1898 г. в Москве. Лицензиат (1926) и доктор литературных наук (1935) Парижского Университета (Сорбонна); магистр (Охп., 1953). Профессор Брюссельского Свободного Университета (1936–1953), Страсбургского (1937–1953) и Оксфордского (с 1953 г.) университетов; «визитинг профессор» Колумбийского (1939, 1959–60), Нью-Йоркского (1964–65) и Ейльского (1964–65) университетов. Главные труды: “La langue russe au XVIe siècle” (Paris, 1935), “Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes” (Paris, 1935), “A Bibliographical Guide to the Russian Language” (Oxford, 1953), “Russian Versification” (Oxford, 2nd ed. 1963), “Russian Grammar” (Oxford, 2nd ed. 1960).

ФЭЙСИ, о. Павел (Paul Facey, S. J.) — род. в 1909 г. в Кэмбридже (Массачузеттс). Степени бакалавра (1931) и магистра (1932) получил в Бостонском Колледже, докторскую степень (1945) — в Фордэмском Университете. С 1942 г. — профессор Колледжа Св. Креста в Ворчестере (Масс.); в 1953–1963 гг. возглавлял в этом колледже Отдел социологии. Председатель Американского Католического Общества (1963–64). Соавтор “Sociology” (Milwaukee, 1949), “General Sociology” (Milwaukee, 1959).

ШМЕМАН, прот. Александр — бакалавр философии; кандидат богословия и доктор церковных наук Св. Сергиевской Академии в Париже. Лектор по церковной истории Св. Сергиевской Академии (1945–1951); профессор (с 1951 г.) и декан (с 1962 г.) Св. Владимирской Академии в Нью-Йорке; адъюнкт-профессор Колумбийского Университета и лектор Юнион Теологикал Семинари в Нью-Йорке. Автор книг «Исторический путь Православия» (Нью-Йорк, 1954; англ. изд. 1963), «Введение в литургическое богословие» (Париж, 1962), “For the Life of the World”

(New York, 1963), "Ultimate Questions. An Anthology of Russian Religious Thought" (New York, 1963).

ШОҒЕР, Джозеф Ф. (Joseph F. Scheuer) — род. в 1918 г. Степень бакалавра (1947) получил в Сэйнт Джозеф Колледж в Индиане, магистра (1949) и доктора (1955) — в Фордэмском Университете. Преподавал в Сэйнт Джозеф Колледж (1949–1952, 1955–1959), в Фордэмском Университете (1952–1955; с 1959 — приват-доцент Университета) и в Мэримаунт Манхэттен Колледж (1962–63). Вице-председатель Американского Католического Социологического Общества (1961–62); Директор исследовательских программ этого общества и ЛеПлэй Рисёрч в Нью-Йорке. Соавтор книг: "Parishes in the Human Community" (Highland, Ind., 1960), "A Manual of Laboratory Exercises for Undergraduate Research in Sociology" (New York, 1961).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Профессор Н. С. Тимашев (портрет)	
Н. П. Полторацкий. Предисловие	3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

П. А. Сорокин. Николаю Сергеевичу Тимашеву. (Вместо предисловия)	13
Г. И. Новицкий. Жизненный и академический путь проф. Н. С. Тимашева	15
Дж. Ф. Шойер. Социология Н. С. Тимашева . . .	25
о. П. Фэйси. Н. С. Тимашев как учитель	34
Ф. Бэрвальд. Н. С. Тимашев как коллега	40
Дж. Ф. Шойер. Н. С. Тимашев о будущем России	44
Т. Н. Бобринская. Печатные труды проф. Н. С. Тимашева	55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прот. А. Шмеман. Конец и начало	73
Г. В. Вернадский. Церковь и Государство в си- стеме Соборного Уложения 1649 года	79
А. А. Боголепов. От Святейшего Синода к Свя- щенному Собору Православной Российской Церкви	95
В. И. Алексеев. Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви на оккупированной немцами территории СССР в 1941–1944 гг. . . .	158
Б. Г. Унбегаун. Язык русского права	178

	<i>Стр.</i>
С. А. Сатина. Очерк о высшем женском образовании в России	185
Н. В. Первушин. Проблемы творчества Достоевского и современная советская литературная критика	198
Н. П. Полторацкий. Лев Толстой и «Вехи»	218
С. А. Левицкий. Лев Шестов	248
С. А. Зеньковский. Русско-китайский конфликт 1880 года	256
Б. Н. Одинцов. Столетие земства	280
Н. И. Ульянов. Об одном проекте разрешения национального вопроса в России	297
С. П. Мельгунов. Два отрывка	305
Г. Г. Дерюгин. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ)	314
С. П. Тимошенко. Поездка в Россию	332
Н. М. Зернов. Био-библиография русских зарубежных богословов, церковных историков, социологов и литературоведов	357

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

П. А. Сорокин. Отношения Запада и Востока — в настоящем и в будущем	375
Б. С. Ижболдин. Социально-экономический строй Спарты	390
Г. К. Гинс. Право как явление культуры	397
Ф. А. Степун. Структура социологической объективности	409
Н. О. Лосский. Идеал абсолютного добра как основа мировоззрения	416
Краткие сведения об авторах сборника	421

Цена: \$4.75